

51-09

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Р.Т. Зяблюк

ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ
И ПОЛЕЗНОСТЬ

МОСКВА
ТЕИС
2001

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Р.Т. Зяблюк

**ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ
И ПОЛЕЗНОСТЬ**

МОСКВА
ТЕИС
2001

33

3304113

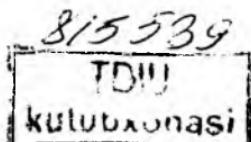
ББК 65

3-991

Рекомендовано к печати
Редакционно-издательским советом
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Зяблук Р.Т. Трудовая теория стоимости и полезность. — М.:
Экономический факультет, ТЕИС, 2001. — 448 с.

ISBN 5-7218-0403-3

СБС

© Экономический факультет, 2001
© ТЕИС, 2001

Лицензия ИД № 04386 от 26.03.2001 г.
Подписано в печать 13.03.2002 г. Формат 60x88/16
Печать офсетная. Печ. л. 28,0. Тираж 350 экз. Зак. 6562
ООО «ТЕИС»
115407, Москва, Судостроительная ул., 59
Отпечатано с оригинал-макета в филиале
Государственного ордена Октябрьской Революции,
Ордена Трудового Красного Знамени Московского
предприятия «Первая Образцовая типография»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
теле-радиовещания и средств массовых коммуникаций
113114, Москва, Шлюзовая наб., 10

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная экономическая наука — частое и модное словоупотребление. В литературном смысле оно ласкает слух. Однако если обратиться к сути дела, то за ним стоит трагедия, переживаемая наукой. Истоки этой трагедии уходят в далёкие 1830-е гг. Тогда наука стала развиваться по двум независимым и даже противоборствующим направлениям. К концу прошлого века они определились как трудовая политическая экономия (марксизм) и экономикс. А. Маршалл обобщил результаты второго направления науки, полученные в XIX в. Это обобщение получило название неоклассической концепции. Он же предложил изменить название «политическая экономия» на «экономикс».

Оба направления имеют единый источник в классической политической экономии. В обоих направлениях почитаются Адам Смит и Давид Рикардо как великие отцы-основатели. Примерно одинаково воспринимается теоретическое наследие меркантилистов и физиократов.

Теория Д.М. Кейнса относится критически к неоклассической концепции. Из двух основных постулатов последней второй постулат, определяющий предложение труда, ею опровергается как ложный. Первый же постулат, выражющий спрос на труд в теории Кейнса, как и в неоклассической концепции, является базовым. Несмотря на диаметральные различия в некоторых важнейших выводах и оценках, методологические, мировоззренческие и основные теоретические позиции у них совпадают. Это позволило так называемому неоклассическому синтезу совместить теорию Кейнса с неоклассической концепцией. Господствующее течение («мэнстриум») современной экономической мысли вбирает в себя новые гипотезы и доктрины — монетаризм, теорию рациональных ожиданий, школу «экономики предложения», имеющие в принципиальной основе общность с концепцией неоклассического синтеза. Это течение сохраняет общий фундамент и инструментарий неоклассической концепции и потому часто называется экономикс. Этот термин будет применяться в данной книге. «Мэнстриум» формируется, не соприкасаясь с трудовым направлением экономической науки. На современном этапе экономическая наука продолжает пребывать в положении, начало которому положило разложение рикардианской школы. Концептуально современная экономическая наука по-прежнему состоит из названных двух основных направлений.

Существуют школы и отдельные работы, заявляющие о независимости, оригинальности своих научных парадигм или поисках новых парадигм. Действительно, в некоторых случаях не сразу можно какие-то подходы отнести к этим двум направлениям. Институционализм, например, воспринимается как самостоятельное течение. Критика капитализма, рыночного механизма и неоклассической концепции институционализмом представляет сильную сторону этой школы. Однако позитивная сторона ее, на наш взгляд, гораздо слабее. Это направление скорее обнаруживает нерешенные неоклассической концепцией проблемы, чем решает их. Попытки же решения экономических проблем обнаруживают тенденцию сближения институционализма с неоклассической концепцией, характерную для неоинституционализма.

Два основных течения экономической науки в основных, фундаментальных для каждой из них принципах противоположны. Это не исключает сходства в некоторых частных вопросах при анализе ими одного и того же объекта — рыночной экономики.

Теоретическая и методологическая неоднородность экономической науки естественно выдвигает проблему синтеза научных результатов. Это сейчас будоражит умы многих экономистов в нашем Отечестве. Теоретический (не онтологический!) синтез — это объединение конкурирующих доктрин, парадигм, гипотез. Возможность синтеза или отсутствие таковой является предметом дискуссий и исследований во многих работах российских экономистов.

Развитие общественных наук, в том числе и экономической, представляет собой непрерывный синтез идей, гипотез, научных результатов. Это процесс в некотором отношении непрерывный. Заслуживающая внимания и доверия ученых идея с помощью принятого в данной школе научного аппарата проверяется, а затем либо отвергается, либо включается в систему знаний. К сожалению, почти никогда этот процесс не является беспристрастным. Поражает тот факт, что, как показывает знакомство с работами экономистов разных школ, беспристрастность, объективность практически никому не удается. И это несмотря на то, что любой солидный и даже просто профессиональный экономист как будто бы стремится к объективности. Проверка научных идей — увы! — в сильной степени зависит от идеологических пристрастий автора, его убеждений и представлений о добре и зле, возможностей достижения справедливости, либо в привязанности к привычному ходу событий и желанию сохранить статус-кво.

Вероятно, в значительной степени по причине мировоззренческих пристрастий современная экономическая наука, расколовшись на два резко различающихся направления, до сих пор пребывает в таком состоянии. Можно предполагать, что вряд ли он произойдет скоро. Идеологические представления и их влияние на научные позиции ученых отнюдь не просто проявление нравственных ориентиров, добросовестности или степени компетентности. Их причина в социальной неоднородности обществ, существующих на Земле.

Несмотря на непрерывность процесса научного синтеза, в истории экономической науки это удалось достичь, на наш взгляд, лишь однажды. Речь идет о марксистском этапе развития трудовой теории стоимости. Синтез заключался не просто в отборе более или менее не противоречащих друг другу экономических идей, хотя такая оценка и отбор производились, если судить по ссылкам, цитатам и специальным работам (например, «Теориям прибавочной стоимости» К.Маркса и др.). Синтез научных знаний происходит лишь в том случае, если все стороны изучаемого объекта, которые отражены в объединяемых теориях, гипотезах, оказываются органически связаны. Они объединяются единым законом развития. В этом случае, исходя из единства их происхождения, возможно определить причинно-следственные связи, и на их основе — функциональные, количественные, корреляционные и т.п. Последние не являются случайными, и поэтому могут быть раскрыты полностью и точно. Вне связи с органической целостностью объекта они могут быть отражены лишь в виде гипотез, так как всегда существует допущение об их случайном, а не закономерном характере.

Достигнуть теоретический синтез такого рода непросто. Для этого потребовалось не только интегрировать все логически не-противоречивое, что было известно об экономике, но и привлечь самые прогрессивные достижения в области метода и мировоззренческой социологии. Диалектическая логика представляла собой наиболее точный слепок с реального мира, наиболее глубокое знание об этом мире, полученное человечеством за всю историю его существования и по сей день. Социалистические идеи фиксируют движение человека к своему понятию, к равенству людей друг с другом, на основе чего только и возможно реализовать личностное разнообразие и личностную свободу. Потому-то они

содержат истинные черты реального мира, как и диалектика. Трудовая теория стоимости в своем развитии вобрала в себя фундаментальные идеи общественного устройства, соответствующих реальной действительности. Синтез научных знаний оказался органическим, позволившим дать целостную и логически непротиворечивую, а потому истинную картину капиталистической рыночной экономики. Тезис о неоклассическом синтезе представляет собой, как будет показано ниже, сильное преувеличение. Это не синтез теорий, а, как часто выражаются, «неоклассическое обволакивание» доктрин, имеющих единый мировоззренческий стержень, а именно идей, пропагандирующих частную собственность, капитализм и рыночный механизм. Все остальное отбрасывается и высокомерно не замечается, как якобы не существующее.

Современная экономическая теория по причине разнородности своего содержания нуждается в сопоставлении и проверке полученных результатов, прежде всего о рыночной экономике, поскольку российская экономика на данном этапе функционирует в рыночном режиме.

Многие российские экономисты активно включились в поиск такого рода. Возможность у нас имеется, пожалуй, больше, чем у западных экономистов, по крайней мере, до тех пор, пока не исчезнет в экономической научной среде знание марксистской политэкономии. Необходимость же такого синтеза обостряется наличием разрушительных тенденций в экономике страны, выразившихся в устойчивом и длительном падении ВВП с момента внедрения рыночного механизма до недавнего времени, и ухудшением ее структуры, что еще более опасно, поскольку будущее экономики заложено в ее структуре.

Вместе с тем происходит механический перенос «мэйнстрима» в российскую научную сферу без критического его осмысливания. При этом активно распространяется мысль об ошибочности трудовой теории стоимости, об «устарелости» марксизма, хотя экономикс во временном измерении старше марксизма по меньшей мере на несколько посткриардианских десятилетий, а маржинальный его этап ровесник марксизму. На этом основании внедряется представление о тождественности современной экономической науки исключительно с экономикс. Другое же направление отодвинуто в тень, в архив, без особой аргументации. Это весьма тревожная тенденция. Если она не окажется скоро-

течной, наука будет отброшенной на два столетия. Во всяком случае, ущерб будет весьма серьезным.

Опасения такого рода побудили автора написать книгу, посвященную осмыслинию и обобщению трудовой теории стоимости с позиций современных проблем. Целью исследования в ней является выявление познавательного потенциала трудовой теории стоимости и решение на ее основе некоторых проблем современной экономики, помимо всего прочего, иллюстрирующих огромные возможности этой теории. Книга состоит из трех частей. В первой части анализируются познавательные возможности обеих научных парадигм. Они в решающей степени зависят от определения предмета науки, его содержания, структуры и границ, а также от применяемого метода исследования. На этом этапе выясняются сильные позиции и уязвимые стороны основных научных парадигм. Во второй главе сопоставляются основные научные результаты, полученные экономикс и трудовой теорией стоимости в высших пунктах их развития (неоклассический синтез, включающий монетаризм, теорию рациональных ожиданий; марксизм, включая советскую экономическую школу).

Марксистскую теорию стоимости в прошлом и сейчас часто критикуют за «недооценку» роли потребительной стоимости или полезности. Полезность же в ранних школах понималась как объективная способность вещи удовлетворять потребности людей, но это приводило к неразрешимой проблеме цены «воды и бриллианта». В экономикс полезность является объединяющим и универсальным принципом, однако она понимается как «желаемость», т.е. как психологическая субъективная оценка. Это разрешило указанную проблему, но воззвигло новые тупики для теории. Вопреки многочисленным представлениям, в том числе даже марксистов, проблема полезности может быть разрешена только с позиций трудовой теории стоимости. Ее содержание, взаимосвязь со стоимостью, функциональная роль в рыночном механизме исследуется во второй части книги. Этой проблеме была посвящена моя монография, вышедшая в 1989 г. На нее нередко ссылаются, т.е. она была замечена и, вероятно, прочитана. Однако проблема полезности продолжает оставаться острой и приковывает к себе внимание. Более точно, сейчас она еще более обострилась в связи с переориентацией российского научного истеблишмента и переосмысливанием прежних научных позиций. Это заставило вновь

обратиться к ней, усиливая сопоставления конкурирующих подходов, но главным образом высвечивая и развивая позицию трудовой теории стоимости как наиболее продуктивную в данном случае.

Третья часть работы посвящена опыту применения трудовой теории стоимости к исследованию современных проблем. Здесь выделены три аспекта. Прежде всего, это — актуальные современные проблемы экономики России, такие, как ее характер, зависимость эффективности от форм собственности, проблема монополий. Другой аспект связан с эволюционным возникновением переходных форм в современной «смешанной» экономике и их характеристики с позиций трудовой теории стоимости, а точнее, проблемой их определения и природой эволюции в условиях исчезновения стоимости. Наконец, предпринимается попытка теоретического обобщения трудовой теории стоимости путем сведения ее к частному случаю и на этой основе выведение содержательных признаков экономики как таковой, или, как раньше говорили, некоторых контуров политической экономии «в широком смысле слова». Последнее имеет целью расширить теоретические основания, облегчающие исследования постиндустриальных, постстроительных экономических форм, происходящего довольно здраво становления новой экономической системы.

Маркс «представил себе то, что до сих пор все еще остается экономической теорией будущего, для которой мы медленно и упорно копим строительный материал, статистические факты и функциональные уравнения».

Й. Шумпетер

ЧАСТЬ I. ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Истинность результатов, полученных тем или иным направлением экономической науки, зависит в первую очередь от понимания предмета науки. Действительно, толкование предмета науки тождественно пониманию экономики, ее содержания и границ, в которых она существует. Оно менялось, уточнялось в процессе становления и развития науки, что нашло отражение в историографических работах. Здесь же выясняется современное состояние проблемы. С этой целью необходимо проанализировать трактовки предмета экономической теории, воспроизведимые в современной литературе. Содержательное наполнение предмета в существенной степени зависит от применяемого метода исследования, если, конечно, не ограничивать последний частными приемами решения частных же задач. Существует даже тезис о том, что при абсолютной или высокой точности отражения изучаемого объекта предмет и метод исследования оказываются тождественными. Для того чтобы выяснить наиболее глубокое и продвинутое понимание проблемы, сравним решение фундаментальных методологических принципов в экономике («майнстриме») и трудовой теории стоимости.

§ 1. Предмет экономической науки

В отечественной литературе достаточно подробно и обстоятельно изучено содержание предмета политической экономии и развитие его определений в работах основоположников трудовой теории стоимости. Однако все же здесь имеются вопросы, по ко-

торым велась дискуссия, а также аспекты, требующие уточнения. Именно в таком объеме проблема будет рассмотрена ниже.

Более подробного анализа требует выяснение позиций в трактовке предмета экономической науки в координатах экономикс. Характеристики предмета этой ветви науки были известны российским экономистам и ранее. Они рассматривались и анализировались в литературе советского периода. Широкий доступ к современной западной литературе в последние годы позволяет получить более детальную информацию, облегчающую сопоставление конкурирующих решений рассматриваемой проблемы.

В конце прошлого века А.Маршалл предложил изменить название науки с политической экономии, которое она имела с XVI в., на экономикс. Тем самым делался акцент на иные цели и приоритеты в научных исследованиях, чем прежде, и, следовательно, на иную интерпретацию предмета науки. А.Маршалл дал весьма обширную и подробную характеристику предмета науки и ее метода.

Приведем несколько формулировок предмета экономической науки из работ А.Маршалла, в которых обобщенно выражается достигнутое на этом направлении науки понимание проблемы. «Политическая экономия или экономическая наука (Экономикс) ... изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния», — пишет автор¹. Здесь предмет науки определяется лишь косвенно. Но в нем проглядывается связь с подходом классиков, определявших его как науку о богатстве страны. Определения в прямом, явном виде отличаются от только что приведенного. Наиболее соответствует реальному содержанию его экономических работ следующее определение: «предметом ее (экономической науки. — Р.З.) исследований являются главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни»². К этому и схожим с ним определениям предмета науки А.Маршалл дает довольно подробную детализацию. Взятые вместе и, кроме того, спроектированные на реальное содержание его экономических трудов, они позволяют резюмировать достигнутое экономикс к концу прошлого века понимание предмета науки как теории рационального выбора (максимизирующего выгоду) субъектами из множества альтернативных возможностей.

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1993. Т. 1. С. 56.

² Там же. С. 69.

Приведем более поздние определения предмета экономической науки в майнстриме. Так, П.Самуэльсон наиболее распространеными в западной экономической литературе считает следующие: «1. Экономическая теория есть наука о видах деятельности, связанных с обменом и денежными сделками между людьми... 2. Экономическая теория есть наука о повседневной деловой жизнедеятельности людей, извлечении ими средств к существованию и использовании этих средств. 3. Экономическая теория есть наука о том, как человечество справляется со своими задачами в области потребления и производства. 4. Экономическая теория есть наука о богатстве»¹.

Как видим, в современной литературе встречаются и самые ранние определения предмета времен меркантилизма, когда его понимали как науку о законах обмена. Распространены определения классической эпохи как науке о богатстве, включающей и производство и обмен, достигнутые А.Смитом, а также распределение, на чем сделал акцент Д.Рикардо. Продвижение вперед в приведенных формулировках заключается на первый взгляд в направленности науки на повседневную практику.

Тот факт, что в современных работах западных экономистов используются определения предмета экономической науки А.Смита и Д.Рикардо, не означает, что их подход сохранился в экономикс. Сохранилось лишь обозначение границ предмета, а именно как науке о производстве, обмене, распределении и потреблении. Для классиков характерно было не только очертание границ предмета, но и внутренняя причинно-следственная связь между названными сегментами экономики. Экономикс удержало только обозначение границ, придерживаясь взглядов Ж.Б. Сэя о независимости и самостоятельности сфер экономики. Тем самым направленность исследований на выявление причинно-следственных связей между экономическими явлениями существенно ослаблена. Хотя приоритет связей такого рода перед функциональными, корреляционными зависимостями подчеркивал А.Маршалл, однако в его работах реально доминирует интерес к функциональным зависимостям. П.Самуэльсон попытался обобщить современные тенденции в отношении к предмету науки. Он пишет: «Экономическая теория есть наука о том, какие из редких производительных ресурсов люди и общество с течением време-

¹ Самуэльсон П. Экономика. М., 1964. С. 25.

ни, с помощью денег или без их участия, избирают для производства различных товаров и распределения их в целях потребления в настоящем и будущем между различными людьми и группами общества»¹. Эта формулировка отражает акцент экономикс на рациональном использовании ресурсов. Автор замечает к этому, что «никакое определение предмета экономической теории не может быть точным, да в этом, по сути, нет необходимости»². Действительно, точности выражения предмета в одной формулировке достаточно чрезвычайно трудно из-за сложности и обширности его содержания. Всю полноту содержания просто невозможно раскрыть кратким тезисом. Однако нельзя согласиться с мнением о том, что в этом нет необходимости. В определениях предмета науки в концентрированном виде выражается сама суть экономики. В такой форме легче увидеть правильность или, напротив, ошибочность научных поисков. Она позволяет обнаружить либо познавательную силу той или иной парадигмы, либо истоки заблуждений.

Приведем еще более поздние суждения относительно понимания предмета науки. «Экономикс. Наука о том, как общество с ограниченными ресурсами решает что, как и для кого производить. Позитивная экономическая теория вырабатывает объективные научные объяснения процесса функционирования экономики. Ее предмет — это то, что есть, или то, что могло бы быть. Нормативная экономическая теория предлагает способы действий, основанные на оценочных суждениях. Она имеет дело с субъективными взглядами на то, что должно быть»³. В такой трактовке экономику рассматривают как систему, рационализирующую использование ограниченных материальных и личных ресурсов для удовлетворения безграничных потребностей людей. Познание этой системы основано на изучении поведения экономических субъектов. Предполагается, что потребители принимают рациональные (максимизирующие полезность) решения относительно формирования спроса на потребительские блага. Аналогично этому производители принимают решения об использовании принадлежащих им ресурсов таким образом, чтобы максимизировать прибыль, определяя тем самым предложение товаров и услуг, удовлетворяющих платежеспособный спрос. Взаимодействие спроса и предложения или

¹ Самуэльсон П. Экономика. М., 1964. С. 25.

² Там же.

³ Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М., 1993. С. 781.

конкуренция продавцов и покупателей устанавливает цены, имеющие тенденцию к равновесному уровню. В результате процесс рационального использования ресурсов экономикой сводится к поиску равновесных управленческих решений или принципов оптимального выбора потребителями и производителями из множества альтернативных возможностей. Наиболее кратко предмет экономической науки в экономике резюмируется как теория выбора. При этом обычно аккуратно подчеркивается, что вопрос о том, почему субъекты делают такой выбор, не имеет значения; задача в том, чтобы понять, как это делается. Если выяснены правила принятия рациональных решений, то тем самым, согласно этим представлениям, раскрывается механизм регулирующих хозяйственную практику экономических сил.

Легко заметить, что предмет экономической науки как принципы рационального использования ресурсов определяется в его всеобщем существовании, т.е. применительно ко всем экономическим системам. Реальное же содержание теории выбора относится к рыночной системе. В ней же субъекты экономики характеризуются либо как продавцы и покупатели, потребители и производители, либо как владельцы ресурсов, когда выясняется сфера отношений труда и капитала, а также принципы распределения доходов.

Нельзя сказать, что по методологическим вопросам в майнстриме существует единомыслие. Дискуссии велись и ведутся до сих пор, в том числе и в отношении понимания предмета науки. В известной мне литературе, например, довольно часто обсуждается проблема позитивной и нормативной науки, которую поставил Джон Невилл Кейнс еще в 1899 г. С другой стороны, методологические проблемы считаются не очень привлекательными. «Методология не очень почитается современными экономистами, которые, по выражению Фрица Махлупа, страдают «методофобией». Печальным следствием этой распространенной «методофобии» стали посредственные методологические навыки большинства экономистов»¹, — пишет М.Блауг.

Этот своеобразный методологический нигилизм, по-видимому, объясняется стремлением приблизиться к решению практических задач. Однако именно это как раз, на наш взгляд, и удаляет науку от нее. Сошлемся на авторитетные оценки состояния современной экономической науки известными западными уче-

¹ Блауг М. Несложный урок экономической методологии // TESIS: Научный метод. СПб., 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 53.

ными. «... с 1970 г. состояние экономической теории оплакивалось в ряде ежегодных президентских обращений к Американской экономической ассоциации. В обращении Леонтьева (1971 г.) выражена явная озабоченность неспособностью экономической теории приблизиться вплотную к экономической действительности. В обращениях Тобина, Солоу, Хана, Брауна, Уорсвика — схожие мотивы. Ощущение недомогания отражено в ряде обзорных статей...»¹.

Довольно своеобразно понимает содержание экономической науки известный монетарист М.Фридмен. Его представления об этом приведем в резюмирующем изложении М.Блауга: «Фридмен высказывает в пользу инструменталистской методологии, в соответствии с которой научные теории являются лишь инструментами для прогнозирования природных и общественных явлений и все попытки считать теории чем-то большим — к примеру, сколько-нибудь достоверным объяснением причинно-следственных связей, — могут быть отвергнуты как наивные. Его точка зрения заключается в отрицании необходимости основывать экономические построения на так называемых «реалистических» построениях; он доказывает, что предположения типа «как будто» (as if) достаточны для достижения всех наших целей...»². Столь облегченное и произвольное отношение к предмету науки, ее возможностям и целям разрушает весь накопленный в течение столетия наукой объем знаний об экономике и, следовательно, о ее предмете. Не в этом ли состоят фундаментальные истоки того, что практическое применение ортодоксальной монетаристской модели принесло те же результаты, что и в методологии? Теория, понятая по Фридмену, приспособлена существенным образом выполнять функции идеологического оформления идей крайне правого толка. Не случайно западные экономисты метко окрестили монетаризм «теорией-идеологией», «новой теорией в старой одежде», которая «помогла уберечь частную собственность»³.

Различия во взглядах на предмет науки и ее задачи или пренебрежение этим среди современных экономистов мэйнстрима отнюдь не означают, что методологические принципы здесь эластичны и неопределенны. Скорее, наоборот. В конечном счете они выдерживаются довольно жестко и определенно. Достаточно вслед за авст-

¹ Ричард Р. Нельсон, Сидней Дж. Унтер. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2000. С. 20—21.

² Блауг М. Указ. работа. С. 53—54.

³ Браунинг П. Современные экономические теории — буржуазные концепции. М., 1986. С. 80.

рийским экономистом Ф.Махлупом сказать: «Взгляните на учебники, и вы увидите».

И все же недостаточность выражения предмета науки, обнаруживаемая в дискуссиях, приводит ко все большему количеству определений, включающих какую-то сторону экономики, которая ранее не акцентировалась. Так, в последнем издании учебника Самуэльсона приводится значительно расширенный, в сравнении с предыдущими изданиями, перечень распространенных определений предмета науки. Однако эволюция такого рода пока не вывела проблему на качественно иной уровень. Качественного возвышения в понимании предмета, а следовательно, в отражении экономики не произошло. Все приводимые определения логически сводятся к маршаллианскому, лишь детализируя его. Кроме того, реальное содержание базовых моделей, составляющих майнстрим, соответствует гипотезе о выборе субъектно-оптимальных вариантов. Универсальным и преобладающим в майнстриме по-прежнему, по нашему мнению, остается представление о предмете экономической науки как теории максимизирующего выбора.

Обратимся к пониманию предмета науки в другом ее направлении — марксистской политической экономии. Домарксистский период трудовой теории стоимости (буржуазную классическую политическую экономию) в данном случае рассматривать нет необходимости, так как в ней заложены истоки обоих направлений науки. Следовательно, в каждом из них так или иначе обнаруживаются позиции классиков (А.Смита, Д.Рикардо). Определение предмета науки марксистским направлением целесообразно рассматривать, обращаясь к наиболее позднему этапу его развития — советскому.

Выяснению методологических основ политической экономии отечественные экономисты советского периода всегда придавали весьма серьезное значение. О предмете политической экономии существует весьма обширная отечественная литература¹. Она по-

¹ См.: Цаголов Н.А. Актуальные вопросы методологии политической экономии. М., 1964; Он же. Вопросы методологии и системы политической экономии. Избр. Произв. М., 1982; Черковец В.Н. Методологические принципы политической экономии как научной системы. М., 1965; Румянцев А.М. О категориях и законах политической экономии коммунистической формации. М., 1966; Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. М., 1966; Кузьминов И.И. Очерки политической экономии социализма. (Вопросы методологии). М., 1971; Покрытан А.К. Производственные отношения и экономические законы социализма (Очерки метода анализа и теории). М., 1971; Он же. Историческое и логическое в экономической теории социализма. М., 1978; О системе категорий и законов политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. М., 1973 (см. продолжение сноски на с. 16).

зволяет судить, что в трактовке предмета науки имеются решения, по которым никогда не возникало разногласий. К этому относится определение предмета как системы производственных отношений между людьми по поводу производства, обмена, распределения и потребления материальных благ. «Политическая экономия есть наука о производственных отношениях»¹.

Содержание производственных отношений советскими экономистами раскрывалось как изменяющаяся с течением времени система. Эти изменения отражались посредством сменяющих друг друга способов производства, или, в более широком плане, — экономических формаций. «Политическая экономия как наука должна быть создана как совокупность систем отдельных способов производства, а не как общая политическая экономия для всех способов производства, в которой исчезают грани между системами категорий и законов отдельных способов производства и существуют только общие экономические законы. Политическая экономия всегда остается исторической наукой в том смысле, что ее предметом является изучение конкретно-исторических способов производства», — писал Н.А. Цаголов². В этом не было расхождений среди экономистов. Их содержание связывалось с отношениями собственности на средства производства. Однако возникали разногласия по поводу конкретизации этой связи.

В отечественной литературе советского периода существовало представление о пофазовом членении производственных отношений на отношения (или фазы) производства, обмена, распределения и потребления. Близкое к этому на первый взгляд представление имеется и в современной западной литературе, что можно видеть из приведенных выше цитат. Однако резкое различие между ними заключается в акценте марксистской политической

(Продолжение сноски со с. 15.); Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К.Маркса. М., 1973; Колесов Н.Д. Закон соответствия производственных сил и производственных отношений. Л., 1973; Кузьмин В.П. Принципы системности в теории и методологии К.Маркса. М., 1976; Медведев В.А. Социалистическое производство. М., 1976; Пахомов Ю.Н. Производственные отношения развитого социализма. Киев, 1976; Сергеев А.А. Структура производственных отношений социализма. М., 1979; Метод политической экономии социализма / Под ред. В.Н. Черковца, А.А. Сергеева. М., 1980; Абалкин Л.И. Диалектика социалистической экономии. М., 1981; Юткин А.И. Метод исследования системы производственных отношений в «Капитале» К.Маркса. Изд. МГУ. 1985.

¹ Курс политической экономии. М., 1973. Т. 1. С. 45.

² О системе категорий и законов политической экономии. М.. 1973. С. 19.

экономии на их постоянных изменениях и смене типов этих отношений. Кроме того, в советской литературе существовала критика пофазного подхода к системе производственных отношений, доказывающая его ошибочность и сходство не с позицией К.Маркса, а с позицией Дж.С. Милля¹. По сути дела, было достигнуто понимание того, что четыре последовательных момента экономических отношений представляют довольно поверхностную, хотя и действительную связь. Связь такого рода не в состоянии раскрыть всего содержания производственных отношений и описать экономические законы. Наиболее развитыми оказались два подхода к трактовке производственных (экономических) отношений. Одна трактовка отождествляла производственные отношения с отношениями собственности на средства производства. Другая считала форму собственности на средства производства отдельным, определяющим (исходным, либо основным) отношением во взаимосвязанном ряду производственных отношений. Имелись промежуточные между этими позиции. Первый подход, на наш взгляд, развернул более убедительную аргументацию и достиг большей определенности и глубины. Здесь вся совокупность производственных отношений характеризовала форму собственности, а системообразующей являлась форма соединения непосредственных производителей со средствами производства.

Помимо акцента на развитии и сменяемости типов производственных отношений, советских экономистов объединяло понимание первопричины этого развития, которой являлся уровень достигнутого человеком взаимодействия с природой, что точно выражалось понятием производительных сил.

Таким образом, активное исследование методологических основ политической экономии марксистского (трудового) направления достигло некоторых важных результатов, которые можно считать здесь общепринятыми. Хотя проблема не была исчерпана, о чём свидетельствуют дискуссии среди учёных.

Обобщая определения предмета политической экономии классиками трудового направления, а также исследования советского периода, можно утверждать, что это направление достигло всеобъемлющего определения предмета, полно и исчерпывающе отражающего изучаемый объект. Это значительный научный результат, поскольку тем самым дается целостная характеристика экономики.

¹ О системе категорий и законов политической экономии. М., 1973. С. 59—62.

Приведенное выше определение предмета требует некоторого уточнения. Часто в экономических работах акцент делается на производственных отношениях. В то же время любое более или менее системное изложение политической экономии в качестве исходного пункта содержало закон соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил. Это — великий закон. Вне его трудно понять любую экономическую систему. Однако утверждалось, что взаимодействие производительных сил и производственных отношений относится к историческому материализму. Экономическая же наука специализируется только на производственных отношениях, не включая производительные силы в свой предмет. Общество, частью которого является экономика, состоит также из ряда других отношений — нравственных, семейных, религиозных, политических и др. Целостное единство и взаимообусловленность разных сторон общества (общественно-экономическая формация) не исключает относительную автономность его сторон, а потому возможно самостоятельное их изучение в рамках той или иной науки (этики, теологии, политологии, социологии и др.). В тех случаях, когда «пропадает» какой-то аспект реальной жизни общества, который относится ко взаимосвязям автономной стороны с другими сторонами или с целостностью, возникают изучающие его междисциплинарные дисциплины. Именно на аргументе такого рода основан вывод о том, что политическая экономия — это наука о производственных отношениях, не включающая производительные силы.

Раскрыть систему производственных отношений, лишь отталкиваясь от полученного истматом определения соответствующего этой системе уровня производительных сил, весьма трудно. Невозможно найти, обосновать и последовательно развернуть ни форму взаимосвязи субъектов системы или форму движения экономики (исходное производственное отношение), ни способ соединения производителей со средствами производства. Ведь способ соединения определяется именно уровнем производительных сил как своей причиной. Экономика в качестве только системы производственных отношений лишается значительного объема своего действительного содержания. С самого начала она теряет свое двойственное строение, о котором догадывались А.Смит и Д.Рикардо, и которое доказал и применительно к капитализму раскрыл К.Маркс. Связи между производственными отношениями становятся одноплоскостными, как и в экономике (мэнстри-

ме). В диалектике же взаимодействие двух сторон единого целого делает их объемными. Производственные отношения являются формой развития производительных сил. Без последних производственные отношения становятся бессодержательными.

Относительная легкость допущения абстракции производственных отношений от производительных сил объясняется неявной подменой последних материально-технической базой, техническим основанием, техникой, технологией. Поскольку понятие «производительных сил» относится к высоко разработанному, в советской литературе не встречается его прямых искажений. Поэтому предположительно неявная форма использования вместо него понятий «техника» или даже «ресурсы» позволяет вычленить производственные отношения в чистом виде. Между тем производительные силы — это не «техника», а отношение, отношение человека к природе, в котором заложены все отношения между людьми. В единичном нет ничего такого, чего бы не было уже во всеобщем, как показал Гегель. Между производительными силами и производственными отношениями нет непроходимой грани, так как в качестве «отношения» они однокачественны в отличие от «техники», «ресурсов». Этим диалектическая трудовая теория стоимости отличается и от исторической школы, и от институционализма, и от экономикс.

Производительные силы представляют собой систему, образуемую взаимодействием труда и средств производства. Они выражают качественный уровень человеческой деятельности, от чего в конечном счете зависит социальное устройство общества. По этой причине производительные силы являются производственными отношениями «в себе», или «свернутыми» производственными отношениями. Без них раскрытие производственных отношений становится проблематичным, так как лишается своего основания. Действительное содержание классических трудов, работ советского периода таково, что в них рассматриваются производственные отношения на основе развития производительных сил. К тому же применяемый здесь диалектический метод обязывает к такому миропониманию. Среди советских экономистов существовало понимание предмета политической экономии как науки о способе производства, т.е. как науки о взаимодействии производительных сил и производственных отношений. Выше приводилось высказывание Н.А. Цаголова о предмете политической экономии в широком смысле слова. В нем речь идет о способе про-

изводства, а не только о производственных отношениях. Наиболее развернутая аргументация о способе производства как предмете науки разработана в работе А.И. Юткина¹.

Было бы ошибочным представлять производительные силы только как исходный и заключительный пункт экономической системы. Если проанализировать под этим углом зрения «Капитал» К.Маркса, то их присутствие обнаруживается едва ли не в каждом явлении и форме. В качестве иллюстрации напомним категорию органического строения капитала, основополагающую в теории накопления. Подзаголовок «способы производства» содержится в «Курсе политической экономии» под ред. Н.А. Цаголова², хотя в краткой формулировке предмета науки, приведенной выше, акцент сделан на производственных отношениях. Акцент на эту сторону способа производства, на производственные отношения понятен и соответствует реальности. Производительные силы являются причиной, но производственные отношения не просто пассивное следствие и не просто форма, а главный результат, который достигается людьми. Выделение производственных отношений в качестве сущностного признака экономики и общества в целом представляет собой выдающийся результат политической экономии. Увидеть в сфере производства не только технологию или материально-вещественную базу, как это делается и поныне в некоторых школах, но и социальную суть общества удалось лишь с позиций диалектики. Но она же обязывает видеть результат вместе с производящим его процессом и удерживать в результате его первопричину. Следовательно, наиболее точно и исчерпывающе предмет политической экономии определяется, на наш взгляд, как диалектика производительных сил и производственных отношений.

Предмет науки, понятый как диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений, является наиболее развитым определением сути экономики из всего, что получено всеми направлениями, школами и отдельными течениями. Этот краткий тезис содержит в себе, по сути дела, безграничную мощь. В нем присутствует возможность понять и отобразить всю структуру и законы каждой экономической системы,

¹ Юткин А.И. Метод исследования системы производственных отношений в «Капитале» К.Маркса. Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 24— 36.

² Курс политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. М., 1973.

отличить одну систему от другой и проследить процесс превращения одной системы в другую. Он вобрал в себя всю экономику. Познавательная сила тезиса обеспечивается тем, что он содержательно выразил целостную структуру экономики без каких-либо потерь. Целостность включает в себя не просто весь объем содержания экономики, все взаимосвязи, регуляторы, но также основной принцип ее развития.

Сравнив понимание предмета экономической науки двумя основными ее течениями, обнаруживаем, что экономикс ведет исследования не на всей территории экономического пространства, а лишь на отдельной его части. Эту часть в обобщенном виде можно выразить как оперирование готовыми результатами экономики. Они наиболее доступны наблюдению в сфере обращения и отчасти — в сфере производства. Анализ процесса появления этих результатов при таком определении предмета науки может попасть в сферу внимания аналитиков лишь случайно. Опасность теоретических ошибок здесь велика, причем отнюдь не только субъективного свойства, от чего никто не застрахован. Если готовый, застывший результат какого-то экономического процесса анализируется при полном абстрагировании от самого этого процесса, то исследователь не может видеть весь объем его содержания. Поскольку результат это процесс, сжатый до «точки», то в нем разуму невозможно отличить истинное от видимого. И несмотря на pragматическую привлекательность его относительной доступности, ошибки при таком подходе запрограммированы в нем самом, независимо от намерений или способностей исследователя.

Ту часть сферы экономики, которая исследуется экономикс, можно выразить иным способом. Экономика здесь представляет собой совокупность отношений потребителей и производителей, а содержание этих отношений — сотрудничество и конкуренция. Все остальные различия между экономическими субъектами (инвесторы, кредиторы, рабочие, предприниматели и т.п.) лишь детализация в пределах данного качества. Ясно, что это отношения равных людей и равных возможностей в свободно организованной экономике. Откуда же возникает всегда и неизбежно неравенство в распределении доходов? Причем этот конечный результат не зависит от уровня жизни населения или от эффективности экономики. Даже в популярных американских учебниках признается резкое неравенство в доходах как негативный результат рыночной экономики. Например, в США всего 0,05% американцев

владеют 35% личного имущества¹. Вряд ли кто-нибудь в наше время станет утверждать, что неравенство в доходах определяется неравенством способностей. Элитарный слой мало меняется персонально. Независимо от способностей принадлежность к нему всегда гарантирует сверхдоходы. Вывод, проистекающий отсюда, в том, что значительная часть экономики не попадает в сферу предмета экономикс, а следовательно, содержание реальной действительности при таком рассмотрении неизбежно искажается.

Определение предмета науки как диалектики производительных сил и производственных отношений включает ту часть экономики, которой оперирует экономикс, но в качестве органического момента более сложного целого. Здесь готовые результаты рассматриваются вместе с производящим их процессом. Они выступают как исходный и конечный пункт некоторого процесса. Тем самым достигается целостное и полное выражение предмета. Та часть экономики, которая оказывается единственной в экономикс, в политической экономии выводится в качестве производной, определяемой. Помимо сферы «хозяйственной» жизни экономика заключает в себе определенную социальную структуру, социальное содержание, где субъекты имеют характеристики иные, чем простые потребители и производители. Отношения между потребителями и производителями, продавцами и покупателями являются действительным и непременным моментом понятия производственных отношений, но не исчерпывают его. Эти отношения производны от определяющего их отношения, которым является отношения производителей к средствам производства. Именно здесь возникают доминантные признаки субъектов и экономики в целом. Этот сильный познавательный принцип, открытый трудовым направлением экономической теории, утерян в экономикс. Отсюда неполная картина экономических процессов в изображении современным «мэйнстримом».

Политическая экономия включает в предмет науки практическую сферу экономики, а также поведение субъектов в хозяйственной жизни, но как обусловленные социальным основанием каждой данной экономической системы. Применительно к рыночной экономике это означает, что она решает все вопросы, которые изучает и экономикс, но вместе с их основанием. Проблема рационального использования ресурсов здесь присутствует как

¹ Фишер С., Шмалензи Р., Дорнбуш Р. Экономика. М., 1993. С. 358.

неизбежный момент функционирования экономики. Однако критерии рациональности меняются, они не вечны и различны в разных экономических системах. Да и в пределах одной и той же системы они подвержены определенным изменениям. Например, индустриальное развитие привело к тому, что все настойчивей в качестве критерия рациональности выдвигается сохранение среды обитания людей. При достижении благополучного уровня страны возникает цель сглаживания неравенства людей, о чём ранее в этой же стране и при той же самой экономической системе не могло быть и речи.

Поведение субъектов также является моментом производственных отношений. В отличие от экономикс он изучается вместе с вопросом «почему», т.е. с социально обусловленным основанием выбора. Поведение субъектов, все экономические параметры, с которыми имеют они дело в сфере практики (цена, прибыль, издержки, процент, дивиденд, оборот, конкуренция и т.п.), политическая экономия изучает как органически связанные элементы системы в целом, которые выводятся из отношения наемного труда и капитала и являются производными от него. Следовательно, потенциал раскрытия содержания этих параметров хозяйственной практики и их функционального взаимодействия друг с другом в политической экономии выше, чем в экономикс.

Выпадение огромного структурного блока экономики, содержание которого является причиной или субстанцией всех экономических явлений и форм хозяйственной практики, не могло не отразиться на теоретических результатах, полученных в рамках экономикс. Несмотря на полуторавековые исследования функциональных зависимостей, близко примыкающих к практической сфере экономики, полученные результаты весьма далеки от реальной практики. Приложения в бизнесе они почти не имеют. Достаточно сказать, что западные экономисты часто подчеркивают, что ни одно положение микроэкономики не применяется на практике. Этим даже бравируют, подчеркивая одновременно прагматизм западной науки в целом. Но это не может не настораживать. При том что наука не может быть простой служанкой практики, абсолютное их расхождение говорит либо о неверности теории, либо о незавершенности ее выводов.

Макроэкономика, как часть экономикс, возникла в 30-е гг. двадцатого столетия в качестве непосредственной реакции на потребности практики. Надо было спасать от гибели капиталистиче-

скую систему, что было сделано посредством государственного регулирования. Практика регулирования развивалась волнообразно, то расширяясь, то сужая свою сферу, но в целом поступательно. Однако теория макроэкономики не смогла описать адекватно этот феномен современной экономики западных стран. Действительно, существуют споры по всем аспектам государственного регулирования. Современная экономика конкурентна или неконкурентна; эффективно вмешательство государства в экономику или нет; кредитно-денежная или налоговая политика является более действенным средством стабилизации; какова функциональная зависимость спроса на деньги и спроса на инвестиции с уровнем цен и объемами производства; предпочтительнее регулировать процентные ставки или денежную массу — на каждый из этих важнейших для экономической политики вопросов имеется несколько вариантов ответов. Это говорит о том, что, вопреки существующему мнению, государственное регулирование, как и бизнес-практика, функционирует эмпирически, методом проб и ошибок, на основе опыта тех, кто принимает решения, но не на основе теоретических результатов макроэкономики из-за их многообразия, выражаяющих незавершенность теорий, а также их во многом явного несоответствия реальной жизни.

Уменьшение содержательного объема экономики в трактовке экономикс касается не только отношений между экономическими субъектами, но и другой составной части предмета науки, а именно факторов производства. Аналогичные потери обнаруживаются при сравнении понятий «производительные силы» в политической экономии и «ресурсы» в экономикс. И то и другое состоит из одних и тех же элементов: материально-вещественных и личностных факторов производства. Тем не менее это не тождественные понятия. Понятие производительные силы включает в свое содержание все, что определяется термином ресурсы, но не ограничивается этим. Ресурсы здесь представлены не как простая совокупность всех их видов, а как строго организованная система, где элементы взаимодействуют друг с другом и благодаря этому непрерывно развиваются. Это не простая предметная затрата веществ для изготовления товара или производства услуги. Благодаря процессу взаимодействия составных элементов понятие «производительные силы» оказывается богаче понятия «ресурсы». Оно включает в себя качественный уровень ресурсов. Именно это позволяет отличить одну экономическую систему от другой и по-

направление и характер их эволюции. Элементы, виды, классы, группы и подгруппы ресурсов, которыми любит оперировать экономикс, при этом остаются неизменными во всех экономических системах. Взаимодействие факторов производства является причиной того, что экономическое и, следовательно, в целом социальное развитие выражается в смене типов систем, ни одна из которых не может застыть и стать вечной.

Отказ от обобщающего инструмента развития и измерения уровня технической основы экономики лишил экономикс объективного критерия распознавания экономических систем и объективной основы функционирования каждой данной системы. Единственное, что осталось для проникновения в механизм функционирования рынка, — наблюдение за поведением людей. Однако за видимой простотой такого же решения сразу же возникают весьма серьезные трудности. Какие люди имеются в виду? Если реальные, конкретные люди, то их поведение столь разнообразно при решении одних и тех же вопросов, а выбор каждого столь индивидуален и субъективен, что наблюдение становится невозможным. Если же конструировать «рациональное поведение», то перед нами уже не реальный человек, а изобретенные в голове исследователя представления о нормативных поступках, т.е. «виртуальная реальность». Гипотеза о рациональном человеке, максимизирующем свой выбор, лежит в основе важных составных частей экономикс — теорий предельной полезности и предельной производительности, но в ней столько много подводных камней, что она подвергается интенсивной критике сторонниками этого же направления. В интересующем нас аспекте подчеркнем, что потеря объективной основы экономики, ее производственных сил в качестве следствия ведет к изобретению иллюзорного мира и искажению реальной действительности.

Производительные силы выражают взаимодействие человека со средствами производства. Техническая основа экономики входит в предмет экономической науки не в своем непосредственном, «инженерном» виде. Историческая школа пыталась ее удержать в предмете исследований. Эта попытка свелась к прямому описанию существующей техники, технологий. В результате экономическая наука превратилась в науку о «народном хозяйстве», которая понималась как совокупность отраслей. При всей важности такого знания оно недостаточно. Здесь можно выявить корреляционные связи, факторы, влияющие на конечные результаты

хозяйствования. Однако обнаружить законы, тенденции, вызывающие к жизни эти зависимости или отвергающие их же в других условиях, не удастся. Помимо «отраслевого» описания экономики, ее содержание требует понять общий знаменатель, который объединяет все отрасли или отличает данный уровень развития отраслей от другого его уровня. Обобщения такого рода и входят в задачу политической экономии, или, говоря современным языком, общей экономической теории, составляя часть ее предмета.

Предмет политической экономии и экономикс отличаются не просто полнотой и точностью отображения. Легко увидеть, что политической экономии удалось увидеть во взаимодействии производительных сил и производственных отношений основной источник развития экономики. Следовательно, теория получает возможность отобразить развитие экономики в пределах одной системы и превращение этой системы в другую. С этим экономикс (майнстрем) справляется слабо, а точнее говоря, старается от этих фундаментальных для экономики проблем уходить вовсе. Она фиксирует лишь два отличных друг от друга состояния — статику и динамику. А это не столько развитие, смысл которого в непрерывности и в качественных превращениях, а, скорее, некоторое количественное изменение параметров в пределах одного и того же качественного содержания, что улавливают динамические модели.

В наши дни довольно часто можно встретить утверждение о переживаемом экономической наукой кризисе, о том, что ни одна из действующих парадигм не может адекватно описать современный мир. В силу того, что самое глубинное понимание экономики на уровне определения предмета политической экономии позволяет проследить процесс развития экономики, то в этом отношении она в принципе не может попасть в состояние кризиса, если не учитывать субъективные моменты. Действительно, если развитие экономики запрограммировано в самой главной и глубинной ее идее, то она не только не может испытывать паники перед непрерывно меняющейся экономикой и ее практикой, а напротив, должна ждать этого. А так как источник развития экономики правильно понят, то наука способна отобразить процесс развития в любой форме и в любом временном интервале.

Однако о другом течении экономической науки этого сказать нельзя. Скорее, наоборот. Опасность кризисного состояния здесь всегда присутствует. Потеря содержательного объема экономики в

исходном пункте, на уровне понимания предмета своего изучения не могут быть бесследны. Она в принципе может быть не готовой к радикальным изменениям в экономике, отображая их лишь частично в форме динамических моделей. Более того, не располагая знанием об основном источнике развития экономики, теория может попросту «не узнать» принципиально новое явление и отображать его посредством старых парадигм, т.е. стать ложной. Приведем несколько примеров предварительно, так как о теории речь пойдет ниже, после того, как будут выяснены различия в принципиальных методологических основах двух направлений экономической науки.

Из анализа основной, по версии экономикс, проблемы — рационального использования ресурсов — ускользает материальная основа экономики. В этот угол зрения не попадает частично или даже полностью реальный сектор экономики. Экономикс располагается на его входах и выходах. Оптимальность определяется моделированием принятия решения производителем, который руководствуется принципом замещения. Благодаря последнему достигается предельное состояние экономики, где распределение ресурсов оказывается сбалансированным, а их использование наиболее рациональным. Все функционирование экономики здесь основано на действии закона убывающей отдачи.

По-видимому, наибольшие успехи, достигнутые экономикс, касаются функционирования экономики именно на основе закона убывающей отдачи. Здесь получены значимые научные результаты о взаимосвязи экономических параметров, которыми не располагает политическая экономия. Прежде всего, это относится к применяемому в экономикс маржинальному анализу. Он позволил фиксировать предельное состояние экономических параметров, где меняются либо их значения, либо характер протекаемого экономического процесса.

Тем не менее это можно отнести всего лишь к частным, хотя и важным, результатам или к детализации экономической жизни и методов ее познания. Дело в том, что функционирование экономики на основе возрастающей отдачи по сей день является слабым местом экономикс. Здесь исчезает понятие предела, а вместе с ним возможность определять рациональное состояние. Имеющиеся в арсенале экономикс динамические модели технического прогресса или экономического роста не меняют дела. Они носят характер гипотез, уязвимых для критики. В лучшем

случае они сводятся к моделированию ускорения экономического роста под влиянием технического прогресса, например увеличению выпуска по экспоненте того или иного вида. Происходящие при этом качественные изменения остаются недоступными для такого инструментария.

Между тем экономика в целом развивается именно на основе закона возрастающей отдачи (не от масштаба, а от капиталовложений). Это всеобщее основание любой экономики. В противном случае ее ждет застой и гибель. Если теория не в состоянии отобразить такое основание, значит, суть дела ею не достигнута. Политическая экономия рассматривает весь процесс жизнедеятельности рыночной экономики на основе технического прогресса. Это единственное не имеющее предела средство экономического роста и именно поэтому, в отличие от экономикс, оно является стержнем трудовой теории стоимости от ее исходного пункта до конечного. В этом центральном моменте экономикс не конкурентоспособна в сравнении с политической экономией.

Определение предмета экономической науки как диалектики производительных сил и производственных отношений предполагает не только постоянное изменение сущности экономики и ее функционального механизма, но и одновременно с этим изменение границ экономического пространства. Последнее достигается повышением уровня производительных сил. Определение предмета науки физиократами, а затем классиками не были простым исправлением теоретических ошибок. В данном случае теоретический синтез отражал развитие, качественные изменения самого объекта, т.е. онтологического синтеза экономики. Действительно, физиократы источником богатства считали сельское хозяйство. Крестьян и земледельцев они относили к производительному классу, а промышленных рабочих — к бесплодному. Адам Смит преодолел ограниченный подход физиократов к предмету, к экономике, к границам распространения производительного труда как единственного источника богатства, отнеся к нему и промышленность. Затем к производственным сферам стали относить всю «реальную экономику» — сельское хозяйство, промышленность, строительство, инфраструктуру (транспорт, связь, т.е. сосудистую систему производства). Следовательно, универсальная и однозначная трактовка предмета науки предполагает постоянные изменения экономических систем и их смену. При смене систем происходит возникновение новой сущности, нового функцио-

нального механизма и изменение границ пространства, в рамках которого производятся экономические блага.

Напоминание об истории вопроса здесь понадобилось затем, чтобы обратить внимание на то, что расширение границ предмета не является преодолением субъективных ошибок ранних школ более поздними. Нельзя исключать того, что физиократы вполне верно отображали предмет науки, а следовательно, понимали экономику в границах сельского хозяйства, а промышленность сюда не включали. На определенном этапе человеческой истории земля была единственной кормилицей людей и всякое отвлечение трудовой деятельности в другие сферы было допустимо в минимальных размерах, превышение которых угрожало существованию людей. Значительное сокращение людских ресурсов из сельскохозяйственного производства в сферу промышленности, науки, услуг приводило к недостатку необходимых жизненных средств. Промышленность (производство одежды, сельскохозяйственных орудий) была частью сельского хозяйства. Крестьяне сами производили чаще всего «промышленные» изделия. Это (в разных терминах) — доиндустриальный этап, «премодерн», эпоха аграрной экономики, рабовладение и феодализм. Таким образом, в докапиталистическую эпоху предмет экономической науки действительно ограничивался сельским хозяйством. Это одновременно были и границы экономики. Физиократы, вероятнее всего, не делали ошибки в определении предмета науки.

Изобретение машин, рост производительности труда привели к тому, что основой экономики стала крупная машинная промышленность. Сельскохозяйственное производство тоже превратилось в машинное производство без машин, т.е. без отделения промышленности от сельского хозяйства люди не смогли бы прокормить себя. Их существование стало зависеть теперь уже от машин. Промышленность стала производительной. Она стала производить основной объем валового продукта, т.е. средства существования людей. Экономика раздвинула свои границы: расширились производительные силы общества и производственные отношения качественно изменились, превратились в капиталистические.

В конце XIX в. стали заметными возникающие новые расширения предмета науки, адекватные изменению изучаемого объекта, самой экономики. Наука превращается в непосредственную производительную силу. Это выражается в появлении троичного, четвертичного сектора экономики, сектора информационных тех-

нологий. Информационное производство становится основой обеспечения жизнедеятельности людей.

В XX в. произошло еще одно изменение границ предмета экономической науки в сравнении с периодом классиков (А.Смит, Д.Рикардо, К.Маркс), когда сформировалось наиболее глубокое представление о нем. Это изменение вызвано активной ролью государства в экономике, его вмешательством в экономику. Государство превратилось в экономический субъект. Таковым оно является в рыночной регулируемой экономике и в плановой экономике. Исследования экономической жизни современных западных стран, а так же нашей страны социалистического периода включили новую сферу отношений, не встречавшуюся в работах экономистов прошлых веков. Эта сфера связана с экономической политикой государства. Сама по себе экономическая политика не входит в предмет экономической науки (ни политической экономики в широком смысле слова, ни в экономике). Она индивидуальна для каждой страны, в каждой стране она меняется довольно часто со сменой правительства, а еще заметней — по мере решения практических задач. Практическая экономическая политика государства не является предметом науки точно так же, как практический бизнес. В предмет экономической науки входят общие основания экономической политики, которые сохраняются в пределах данной экономической системы (рыночной, плановой), не исчезая с различием практических задач в каждой из стран и со сменой этих задач. Применительно к современной рыночной экономике это хорошо просматривается со времени выхода знаменитой работы Д.М. Кейнса. Исследования в рамках неоклассического синтеза довольно четко определили круг проблем, являющихся основами государственной экономической политики, выяснив инструменты бюджетной, налоговой и кредитно-денежной политики. И хотя ни по одному из конкретных инструментов не достигнуто единое и устоявшееся решение, все же само по себе очерчивание круга изучаемых вопросов дает основание сделать обобщающее уточнение границ предмета экономической науки на данном этапе. Ее предмет теперь расширен включением государства как субъекта экономических отношений и общих основ экономической политики.

Подчеркнем еще раз, что термин «политика» не должен вводить в заблуждение. Кстати, одним из аргументов Маршалла для переименования науки было желание избавиться от слова «поли-

тическая» (экономия) на том основании, что политика не входит в предмет науки. Действительный смысл макроэкономической политики, выявленный кейнсианцами, заключается отнюдь не в политике, а в новом экономическом механизме координации.

Расширение границ экономики и пространства существования предмета науки иногда получает гипертрофированное и даже иррациональное отображение в некоторых работах. С одной стороны, предмет науки искусственно дополняется социологическими явлениями, что размывает экономические понятия, увеличивает их неопределенность. С другой стороны, в гипотезах о «постэкономическом» обществе экономика вовсе уничтожается, будучи вытеснена социологией. И то и другое приводит к искажению реальной действительности и затрудняет ее исследование.

Таким образом, диалектика производительных сил и производственных отношений предполагает непрерывное изменение границ экономики. Их нельзя зафиксировать на вечные времена. Они качественно преобразуются с развитием производительных сил общества. При этом суть предмета экономической науки как диалектики производительных сил и производственных отношений выражена точно и всеобъемлюще. Это нельзя ни уменьшить, ни расширить. Внутри же этой жизнедеятельности происходят постоянные и непрерывные изменения.

Теперь обратимся к другому кардинальному вопросу, от которого зависит испытание теории на истинность. Речь пойдет о методе науки, поскольку выводы в большой степени зависят от применяемого метода.

§ 2. Метод экономической науки

В трудах основоположников экономикс и в современных работах экономистов этого направления обычно в качестве методов научного исследования называются дедукция, индукция, используемые в сочетании друг с другом, математический инструментарий, прежде всего моделирование, а также эксперимент. Последние полтораста лет основной упор делался на разработке математических методов анализа доступного непосредственному наблюдению материала или на придании точности и строгости позитивистского и неопозитивистского подходов. Все эти приемы позволяли не вовлекать в анализ причинные и сущностные зависимости, концентрируясь на структурно-функциональных связях.

Конечно, последние обладают определенным потенциалом знания. Но граница возможностей здесь довольно близка. Ее очертила та эволюция, которую претерпело общеметодологическое направление, лежащее в основании экономикс. Неопозитивизм как форма позитивизма, берущая начало в экономической науке от Д.С. Милля, позволил обогатить язык науки математической символикой и добиться большей строгости. Однако он довольно быстро исчерпал себя, эволюционируя в наше время к постмодернизму. Трудно сказать, принесло ли это хоть какую-нибудь позитивный результат. Но сейчас стало ясно, что в последние годы постмодернизм, в свою очередь, оказался в кризисе, перерастая в мистику, иррациональное богоискательство. Отголоски этого кризиса, непривычные для отечественной экономической школы, стали доноситься сюда. В частности, в тезисах о непознаваемости стоимости, о ее трансцендентной природе, о том, что она представляет собой непознаваемую тайну. В то время как эта «тайна» известна политической экономии уже более 150 лет.

Названные методы исследования довольно обстоятельно охарактеризованы А.Маршаллом. В «Принципах экономической науки» методологии посвящена книга I и приложения. В современных учебниках изложение метода, как правило, ограничивается этим же набором. Это, конечно, не означает, что проблема научного метода не привлекает современных исследователей. В статьях и монографиях западных экономистов существуют довольно разнообразные позиции по ряду аспектов метода, иногда противоположного свойства.

Некоторые авторы считают, что экономическая теория располагает определенным набором истинных утверждений о реальности, априорное знание которых позволяет дедуктивным путем построить логически не противоречивую теорию для объяснения экономических явлений, не обращаясь к фактам. Позицию априоризма Мизеса и других, отрицающую методологию логического позитивизма, критикуют на том основании, что она превращает теорию в «искусство для искусства», что лишает ее практического значения. Кроме того, модернизм, лозунг которого «истин столько же, сколько мнений, экзистенциальных переживаний», поколебал веру в устойчивые истины.

Большее применение в современных работах имеет метод логического позитивизма, основным требованием которого является условие принципиальной проверяемости научного знания либо

методом фальсифицируемости (опровержения), либо верифицируемости (подтверждения) посредством эмпирических данных. Популярен, в частности, фальсификационизм Поппера, предъявляющий более строгие требования к эмпирическим тестам (необходима не единичная проверка, а целая серия) и допускающий, кроме этого, сопоставление альтернативных теорий (лишь альтернативная теория в состоянии опровергнуть проверяемую теорию). Отметим, что эта методология разделяется не всеми западными экономистами. Она встречает довольно справедливую критику. В частности, отмечается, что эмпирическая проверка может подтверждать не истинность или ложность предложенных идей, выводов, а случайные, частные зависимости либо применимость этих идей и выводов в определенных обстоятельствах.

По словам М.Блауга, «в послевоенной методологии не рассматривается ничего похожего на всеобщий консенсус». Тем не менее, по его оценке, в экономической методологии прочно укоренился тезис, который гласит, что «экономические исследования должны быть ограничены эмпирически проверяемыми положениями»¹.

При общей приемлемости отмеченных способов проверки научных положений они все же слишком недостаточны и имеют слишком облегченную форму проверки истинности знаний. К той критике, которая приводится западными экономистами, добавим, что методология логического позитивизма не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Она таит в себе, на наш взгляд, немалую опасность научному познанию. Это — опасность атомизации исследовательского процесса и полученных знаний. Ведь сложную теорию, имеющую разветвленную многоуровневую структуру, эмпирически проверить невозможно. Позитивистская методология не требует целостного системного отражения изучаемого объема. Атомизация знаний чревата принципиальной недоказуемостью. К тому же достоверность эмпирических тестов, даже многократно повторенных, вызывает сомнения. В течение сотен тысячелетий можно было бы, например, эмпирически подвергать фальсификационизму идею о вращении Земли. Но разве тем самым доказательство ее неподвижности соответствовало бы истине? Если бы эмпирические факты были сами по себе столь

¹ Блауг М. Несложный урок экономической методологии // THESIS. Научный метод. СПб., 1994. Т. II. Вып. 4. С. 56.

очевидны, то зачем вообще нужна была бы наука? В этом случае можно было бы обойтись статистикой. Многие, если не подавляющее большинство, умозаключения недоступны эмпирической верификации или фальсифицируемости. Чаще всего за самыми очевидными фактами скрывается невидимая жизнь, опровергающая эту «очевидность». Атомизированное знание, убедительное на первый взгляд, но чреватое ложными выводами о реальности, представляет собой грозное изобретение против разума.

Весьма близкий смысл к эмпирической проверяемости имеет идея операционализма, выдвинутая физиком Перси Бриджменом. В качестве универсального способа формирования теоретических понятий операционализм выдвигал требование физической измеримости (инструментальности) величин. Определение понятий в терминах других абстрактных понятий, согласно этой идее, бессмысленно, поскольку это неверифицируемо опытным путем. Поэтому значимо лишь то понятие, которое можно определить в терминах операций опыта. Автор идеи постепенно ослаблял это требование, в частности, применительно к вербальным операциям и к операциям с символами. Идея была подвергнута критике, доказавшей, что операционально возможно лишь обозначить условия применимости теории. Тем не менее в экономических работах операционализм теоретических понятий до сих пор выдвигается как требование к их научной достоверности. Его используют, в частности, в качестве критического аргумента против трудовой теории стоимости, отвергая стоимость как неоперациональное понятие. Эта критика встречает согласие некоторых сторонников теории. В частности, К.К. Вальтух развивает трудовую теорию стоимости на основе соединения ее с теорией информации. Он выполнил весьма привлекательное в интеллектуальном отношении исследование, стремясь превратить стоимость в операциональное понятие¹. Однако в идее операционализма, на наш взгляд, слишком упрощенно представляется жизнедеятельность экономики. Если физики абстрактным путем получили знания о неживом мире такого уровня, что они сами не всегда могут представить, «как это выглядит и как это измерить», то более сложную социальную материю, к которой относится экономика, как правило, невозможно измерять в физических единицах. Их внутренняя мера имеет социальную природу (альтернативная стоимость, общественно необходимые затраты труда).

¹ Вальтух К.К. Информационная теория стоимости. Новосибирск, 1996.

Отношения между людьми, в том числе экономические, могут выражаться лишь общественной мерой, а не физическими единицами. Это доказано в теории формы стоимости (меновой стоимости) применительно к понятию стоимости. Теоретическое доказательство имеет иллюстрацию в виде опыта организации «народных банков», где стоимость операционально измерялась в физических часах рабочего времени. всякая попытка выразить меру взаимосвязей между людьми внешним образом, т.е. посредством физических единиц, облегчает работу аналитика, но удаляет его от экономики в иллюзорное пространство. Фундаментальные понятия разных научных парадигм не операциональны (стоимость, полезность, рынок, конкуренция и др.) и не могут быть таковыми, поскольку они, выражая общественные взаимосвязи между людьми в процессе воспроизводства, могут иметь общественную меру, но не физическую.

Довольно активно обсуждается в работах послевоенного периода по методологии прогностическая функция теории. Нет сомнения в том, что теория, правильно отразившая реальную действительность, обладает способностью говорить о тенденциях, ведущих к будущему. Однако выдвигается точка зрения, согласно которой точность прогнозов является единственным критерием истинности теории¹. Если бы это было так, неоклассической теории уже не существовало бы, поскольку на ее основе накануне Великой депрессии прогнозировалось процветание. То же можно сказать и о монетаристах, которые в начале 90-х гг. предсказывали падение национального производства России всего лишь в течение нескольких месяцев, после чего должно было бы начаться процветание. Однако падение продолжалось десятилетие.

Прогнозы, обычно применяемые в экономической практике, определяют некоторую ситуацию или параметры (темперы роста, уровень цен, инфляции, безработицы и т.п.) для определенной страны и в определенное время. Экономическая теория отражает устойчивые повторяющиеся тенденции данной, например рыночной, системы. Конкретная ситуация, которая предопределялась в прогнозах, складывается под воздействием многих случайных и преходящих обстоятельств. Прогноз может оказаться верным или неверным. Но ни то, ни другое не может ни опровергнуть, ни

¹ Милтон Фридмен. Методология позитивной экономической науки // THESIS. Научный метод. СПб., 1994. Т. II. Вып. 4.

подтвердить экономическую теорию. Прогнозы, краткосрочные или долгосрочные, конечно, необходимы для бизнеса и государственной политики. Стремление к их точности совершенно естественно. Но они в своей параметральной форме не могут быть критерием достоверности либо ошибочности теории. Тем не менее истинная теория обладает определенными прогностическими возможностями, но другого рода. Применительно к трудовой теории стоимости это будет анализироваться ниже.

Несмотря на «методофобию» многих экономистов, в майнстриме, как видим, методологические аспекты все же обсуждаются. Зримые результаты здесь наблюдаются, на наш взгляд, в разработке математических методов анализа. Начало этому было положено Курно. Неоклассическая школа адаптировала к экономическим исследованиям метод дифференциальных и интегральных исчислений, из чего возник маржинализм. Маршалл, математик по образованию, считал, что математика, в частности графики, может быть использована только для иллюстрации или для более ясного и экономного изложения мысли. Не более того. В дальнейшем же утвердилось мнение, что математику можно использовать как средство познания экономических явлений. К экономическому анализу адаптировались теория вероятности, теория игр, математическое программирование и другие математические методы. Упор делался на развитие математического инструментария в большей мере, чем на другие методологические приемы. Такая гипертрофированная вера в познавательную силу математики стала приносить весьма неоднозначные результаты. Обеспокоенность этим высказывал Дж.М. Кейнс¹. Тревогу по этому поводу выражают и современные экономисты. «...Большая часть современной теоретической литературы постепенно перешла под контроль чистых математиков, более озабоченных математическими теориями, нежели анализом реальности. Мы являемся свидетелями становления нового схоластического тоталитаризма, основанного на абстрактных априорных концепциях, оторванных от какой бы то ни было реальности, своего рода «математического шарлатанства», против которого выступал еще Кейнс в своем «Трактате о вероятности»².

¹ Кейнс Дж.М. Альфред А. Маршалл // Принципы экономической науки. М.. 1993. Т. I. С. 29.

² Морис Алле. Современная экономическая наука и факты // THESIS. Научный метод.

Математика — инструмент обоюдоострый. Он может служить и истине, и лжи. Средством познания, а не только иллюстративным средством и методом изложения экономических явлений математика может служить, поскольку они имеют количественную определенность и внутреннюю меру. Однако эти определенность и мера обоснованы содержанием данного явления. Если математические операции выражают эту зависимость, они позволяют глубже и точнее понять количественные, корреляционные и функциональные зависимости, моделировать те или иные ситуации с целью проверки гипотез и др., увеличивая тем самым познавательные средства науки. Если же возникает противоречие между содержанием объекта и математическими средствами, последние превращаются в источник ложных выводов.

Законом познания является анализ качества, а затем количества изучаемого объекта. Между тем увлеченность математической формой и пренебрежение сущностью экономических процессов приводят к обратному ходу рассуждений. Точный математический аппарат превращается в мощное средство искажения реальной действительности. Вкупе с этим облегченные требования к достоверности теорий (фальсификационизм, эмпирическая проверяемость, операционализм, «точность» прогнозов) и образуют тот «бесовский альянс между неоклассической экономической наукой и логическим позитивизмом», о котором сказано в работе «Рациональный экономический человек» Мартина Холлиса и Эварда Нелла (1975 г.), упоминаемой в обзорной статье М.Блауга.

Идеализация математического аппарата, неаккуратное его использование в экономических работах, «математическое шарлатанство», конечно же не являются следствием наивности экономистов, использующих его, или математиков, бесцеремонно делающих выводы об экономике посредством оперирования символами. «Бесовский альянс» позволяет решить задачу весьма деликатного свойства, настолько деликатного, что лучше завуалировать ее сложными формулами.

Джоан Робинсон в работе «Экономическая философия» резко критикует бессодержательный математический формализм, прижившийся в современной экономической теории (мэйнстиме): «Непрестанно продолжают появляться модели, в которых фигурирует объем «Капитал», и не сказано ни слова о том, что понимается под объемом капитала. ... От вопроса о том, что такое объем капитала, заслоняются математикой: K — капитал, dK — инве-

стиции. А что такое К? Да капитал же! Какой-нибудь экономический смысл у К есть, так что давайте пойдем дальше и не будем обращать внимание на назойливых педантов, пристающих с вопросом, что такое К»¹. Этой цитатой весьма точно и остроумно выразила Джоан Робинсон маскирующую роль математики. И все же, несмотря на неоднозначное отношение и даже резкую критику многих западных экономистов, математический инструментарий считается ценным, превосходящим, может быть, все остальное, методом исследования, едва ли не критерием профессионального уровня экономиста. По словам Рэндалла Коллинза, методологическим идеалом является «индукция плюс математическая формализация».

Эволюция неопозитивизма к постмодернизму и затем к мистике весьма выразительно очертила границы применяемого экономикс метода и его возможности. К тому же она доказала его несамодостаточность. Отбрасывая основное содержание изучаемого предмета (причину, сущность, невидимое...), такой метод на определенном этапе сам превращается в границу познания и ведет науку в тупик.

Однако экономическая наука располагает другим, более универсальным методом, который был адаптирован применительно к своему предмету политической экономией к середине XIX в. Это диалектический метод. Метод, применяемый экономикс, способен анализировать только готовые, застывшие экономические формы. Диалектический же метод возник в свое время именно в связи с необходимостью познания непрерывно меняющейся действительности. Он способен отобразить текущее состояние экономики, т.е. процесс вместе с произведенным им результатом. Поэтому он универсален. Его познавательная мощь заключается в том, что он позволяет проследить процесс развития экономики. Функционирование экономики является лишь моментом развития. Метод, применяемый экономикс, до определенной степени способен раскрыть функционирование экономики, взаимосвязь определенного круга экономических параметров. Однако полностью раскрыть это в данном случае невозможно по причинам, уже охарактеризованным выше. Диалектический метод содержит в себе подходы и операциональный инструментарий, обладающий

¹ Robinson J. Economic Philjsophy. 1962. P. 70. Цитируется по: Современная экономическая мысль / Под ред. С.Вайнтрауба. М., 1981. С. 593.

возможностями отражения целостного процесса развития экономики, в том числе и ее функционирование. Часто повторяемое западными экономистами мнение о том, что якобы диалектика подтвердила свою непрактичность, выражает не суть дела, а лишь субъективные трудности работы с этим методом. Диалектическая логика слишком непривычна для обыденного сознания. Отчасти и поэтому целые научные направления предпочитают неопозитивизм и аргументацию к простому «здравому смыслу». Случилось так, что диалектический метод в системном виде, раскрытый великим Гегелем еще в конце XVIII — начале XIX в., опередил человеческое мышление на многие века.

Неоклассиков и их современных последователей мало интересовала проблема развития экономических систем, а их смена казалась им нетерпимой. Вместе с тем наиболее честные и интеллектуальные из них относились к диалектике весьма почтительно. Так, А.Маршалл отмечает, что содержание его главного труда сформировалось под влиянием трудов Г.Спенсера и «философии истории» Гегеля. «Эти два направления больше, чем какие-либо другие, повлияли на содержание идей, выдвинутых в настоящей книге, однако на форме их изложения сказалось прежде всего воздействие математических концепций непрерывности, сформулированных в работе Курно «Математические основы теории богатства»¹, — пишет он. Элементы диалектики в работе А.Маршалла содержатся в стремлении реализовать «принцип непрерывности». Он понимает его по аналогии с процессом развития в биологии и в истории, где в различных формах и периодах «заложена единая фундаментальная идея». В экономике, по мнению А.Маршалла, такой идеей является равновесие спроса и предложения. Смысл же «принципа непрерывности» в его интерпретации заключается в отсутствии четких границ между экономическими параметрами, короткими и долгими периодами, в общности материальных и человеческих факторов, что выражается в неразделимости «теории стоимости рабочей силы и теории стоимости вещей»². Наиболее точно элемент диалектики присутствует в понимании взаимозависимости рыночных стоимостей (цен) и нормальной стоимости. А.Маршалл отмечает, что «...эти две фор-

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1993. Т. I. С. 49.

² Там же. С. 49.

мы стоимостей не отделены друг от друга непреодолимой пропастью, они постоянно переходят одна в другую»¹.

Влияние диалектики, если анализировать содержание труда А.Маршалла, выразилось только лишь в виде попыток фиксации изменения экономических параметров в их взаимосвязи. Введение в анализ различия краткосрочного и долговременного периодов, конечно, дало возможность уточнить изменение экономических параметров во времени. Однако изменение процессов во времени удается увидеть весьма незначительно, практически фиксируя лишь два дискретных состояния экономического процесса — статику и динамику, что является лишь калькой с инженерной механики. Хотя А.Маршалл утверждал, что экономика имеет больше сходства с биологией, чем с механикой, но достичь органического отображения экономического процесса не удалось ни ему, ни современному «мэнстриму». Ведь для этого необходимо выявить прежде всего качественные преобразования, происходящие в непрерывном развитии изучаемого объекта. Общие установки на отображение принципа непрерывности в экономике, которые можно трактовать как элемент диалектики, не превратились в реальное содержание модели А.Маршалла. Это реализовано главным образом в форме прямых и обратных связей между экономическими параметрами, что крайне бедно отображает реальность. В результате экономика изображена похожей не на биологию, как хотелось автору, а на механику (равновесие, статика, динамика).

В теории Д.Кейнса элементы диалектики выразились в предложенной им идее мультипликатора. Внешний импульс определенной величины в виде государственных расходов, налогов, субсидий в равновесную систему приводит к перемещению центра равновесия на величину, превышающую первоначальное воздействие. Расхождение между ними вызвано непрерывностью потоков расходов и доходов; первоначальный импульс прямо связан с изменениями инвестиций, вызывающими последующие изменения в величинах потребления и сбережения; это возвращается к исходному пункту в виде изменения величины инвестиции, что вновь изменяет величины потребления и сбережения. Таким образом, первоначальный импульс генерирует цепную реакцию изменений, конечным результатом которой оказывается многократное изменение валового продукта.

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1993. Т. I. С. 48.

В эффекте мультипликатора непрерывность и взаимосвязанность экономических процессов выражены значительно глубже и тоньше, чем в дискретном делении его на краткосрочный и долгосрочный периоды. Однако и то и другое относится к количественным изменениям в пределах одного и того же качества. Следовательно, они отражают лишь один самый простой элемент развития системы — ее сохранение. Качественные превращения экономических явлений, происходящие в каждой системе и в каждом экономическом процессе, тем более качественное изменение их сущностей, остались недоступны даже Д. Кейнсу.

В современной западной литературе, во всяком случае в экономических работах, влияние диалектики практически не ощущается, за исключением работ Й. Шумпетера. В экономике до сих пор высшим достижением описания процесса развития служат динамические модели. В последние два десятилетия появились исследования в русле теории эволюционной экономики¹, близкой к социально-институциональному течению экономической мысли, которая пытается изобразить экономические процессы по аналогии с биологической эволюцией. Здесь предпринимается попытка выяснить общую основу самоорганизации экономики на макро- и микроуровне и тенденции ее поступательного движения. О результатах говорить пока рано, само появление исследований такого рода указывает на необходимость прослеживать качественные изменения в экономических процессах в связи с тем, что неоклассическому анализу это недоступно.

Об отношении к диалектике современных западных исследователей можно в какой-то степени составить представление по работе К. Поппера. Он так оценивает это: «... за пределами континентальной Европы, особенно в последние двадцать лет, интерес философов к Гегелю постепенно стал сходить на нет»². Обратим внимание, что речь идет, по-видимому, о философах США и Англии, но не Европы. И все же, несмотря на некоторое снижение в этих странах интереса к Гегелю, далее К. Поппер констатирует, что в общественных науках, за исключением экономики, «... влияние Гегеля остается и по сию пору чрезвычайно большим...»³

¹ Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2000; Эволюционный подход и проблемы переходной экономики / Под ред. П.И. Абалкина, В.Л. Макарова, Д.С. Львова, В.И. Маевского. М., 1995.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. II. С. 39.

³ Там же.

В связи с тем, что здесь выясняются познавательные возможности методов экономической науки, представляет интерес современная критика диалектического метода, поскольку он применяется в политэкономии, а в среде выдающихся представителей экономики благожелательное отношение к нему не редкость. Яростным критиком Гегеля является К.Поппер, «один из известнейших современных философов», как сказано в аннотации к его работе, изданной на русском языке фондом Сороса, большого почитателя этого философа. В ней автор посвящает Гегелю двенадцатую главу второго тома. Внимательное изучение этой главы с целью поиска аргументов современной критики диалектики не дало результатов. Во всей главе не содержится ни одного довода, опровергающего диалектический метод или принципы диалектики. Ее содержание составил набор ругательств и оскорбительных эпитетов в адрес Гегеля. Критика диалектики основана на полном отсутствии научной аргументации. «Напыщенный и мистифицирующий жargon Гегеля», «путаница и унижение разума», «клоун», «язык сумасшедшего и отсутствие мозгов», «танец с мыльными пузырями», «сумасшедший метод» — это примеры изящной словесности столпа «демократии», каковым считает себя К.Поппер. В нескольких абзацах К.Поппер анализирует гегелевскую диалектическую триаду, приходя к выводу, что она выражает лишь рациональный метод ведения дискуссии. Критика направлена против противоречий, которые якобы в науке недопустимы. Поразительно, что противоречие понимается исключительно как противоречие в суждениях. Такое понимание является полным искажением метода Гегеля. В «Науке логики» Гегеля в учении о понятии разработаны правила суждений и умозаключений, которые позволяют не допустить логических противоречий, т.е. не истинных выводов.

Главного же, в данном случае, К.Поппер даже не упоминает. В методе Гегеля противоречия представляют собой черту реального мира, а не искусство ведения споров. Противоречия пронизывают весь реальный мир. В политике — это противоречия разных социальных слоев, групп и стран, в социологии, психологии — это противоречия между индивидами и в самом индивиде, в экономике — это противоречия между производителем и потребителем, между производством и распределением, между ценами и издержками, между конкурирующими предприятиями и т.д. Их невозможно перечислить. Задача науки не в том, чтобы их не замечать, а в том, чтобы помочь их разрешать. Нетерпимость ослепила «демократического философа» так, что он не смог даже

прочитать Гегеля, не заметив «слона» его системы — противоречия как стороны объективной реальности.

Помимо принципа триадичности, К.Поппер критикует закон взаимодействия противоположностей. Однако здесь ему не удалось сформулировать никакой мысли, что вполне естественно, если не понят смысл противоречия как такового. Доводы опять же заменены ругательствами («бесстыдная игра словами», «фантазия, даже слабоумная фантазия», «шабаш ведьм, в своем безумии пытающихся запутать и обмануть наивного читателя», и т.д.). Анализ диалектического метода свелся к выводу о «патологии ума» Гегеля¹. Выразительные элементы из работы Поппера, «давно ставшей классической», как опять же сказано в аннотации, приведены здесь с тем, чтобы дать представление об уровне и характере анализа метода Гегеля «одним из известнейших современных философов».

Нетерпимость, лишающая свободы рассуждать, коренится, как обычно, в идеологии. К.Поппер пропагандирует идею открытого общества, основанного на индивидуализме, что, по его мнению, в условиях демократии, понимаемой как выборность правительства, обеспечивает свободу человека. Все остальное якобы лишает его свободы. Государство, в особенности национальное государство, патриотизм, с точки зрения Поппера, являются оковами для индивида. Философия Гегеля, как и философия Платона, Аристотеля, отображает интересы «племенного духа», ближе говоря, интересы немецкой нации. Отсюда очередной ярлык Гегелю навешивает «известнейший философ» — «лакей Фридриха Вильгельма III».

С точки зрения весьма спорных идеологических пристрастий диалектику (по Попперу якобы ведущую начало от «племенного духа») невозможно опровергнуть. Без образования централизованных государств, в частности в Германии и в России, индивиды не смогли бы продвигаться вперед в своем жизнеобеспечении, а подавляющее большинство наций не смогли бы выжить. Феодальный разбой приносил неисчислимые бедствия людям. Нередки случаи, когда свободные крестьяне добровольно просились в крепостничество к феодалу с тем, чтобы он защитил их от разбоя, мародерства и насилия. На заре формирования современных европейских государств это было частым явлением. Высо-

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. II. С. 51.

кая оценка Гегелем государства, монархического по форме, совершенно правильно отражала определенный этап в развитии человечества.

Европейские страны, не только Германия, в прошлом сохранились и смогли поступательно развиваться благодаря такой форме государства. Буржуазные революции разрушили монархии, но сохранили государство в другой политической форме. Современный мир пока не дал примера существования без государства. Меняются формы, функции, задачи, но институт государства необходим, а в наше время не просто в качестве «ночного сторожа». Без защитной функции государства космополитизм означает отнюдь не свободу индивидам, а угнетение одного «племенного духа» другим, т.е. превращается в национальное угнетение, глобализация — в колонизацию и сегментацию мировой экономики. «Открытое общество», как переименовал К.Поппер капитализм, если разрушить здоровье нации, национальную сопротивляемость, не столько способствует развитию других наций и государств, сколько их ресурсному ограблению. Взаимодействие стран, без чего немыслим современный мир, опирается на соблюдение национальных интересов каждой страны («племенной дух» на языке К.Поппера). Без последнего призыва к космополитизму, антипатриотизму, демократии и свободе оборачиваются свободой для небольшой группы стран и небольшого слоя людей, строго говоря, превращаются в человеконенавистничество. Возможно, в далеком будущем, когда исчезнут разделение людей по имущественному признаку, стран по уровню развития, лозунги о свободе и т.п. не будут требовать никаких условий, не позволяющих им превратиться в свою противоположность. Но пока война с патриотизмом реализует стремление сильных мира сего доминировать над всем миром.

Все это говорит о том, что идеологические аргументы К.Поппера против диалектики неубедительны. Они нарушают главный принцип диалектики — принцип развития, согласно которому исторические явления непрерывно меняются. Аргументы К.Поппера представляют историю как однокачественную от Платона до наших дней. К истории предъявляются вневременные требования. Таковыми, по представлению К.Поппера, является альтернатива «тоталитаризм или демократия». Именно поэтому аргументы против диалектики, как якобы основы антидемократии, в действительности обнаруживают недемократичность воз-

зрения «столпа демократии», а его модель демократии как самую отвратительную форму диктатуры, а именно диктатуры денег, что посильней, пожалуй, любой диктатуры личности.

Что же касается открытого общества, космополитизма, индивидуализма, то к свободе личности они приведут только в условиях действительного экономического равенства стран. В условиях, когда 358 человек на планете имеют доходы, равные доходам трех миллиардов человек, как было отмечено на Международном демографическом форуме 1997 г., условие простого равенства всех перед законом для достижения индивидуальной свободы является безнравственным фарсесейством. Конечно, любому из этих 358 человек ничего, кроме этого требования, и не нужно. Поэтому лозунги космополитизма, индивидуализма — это лозунги узкой кучки сверхбогатых и их, выражаясь словами К.Поппера, «услужливых лакеев».

Критика диалектического метода с идеологических позиций, как якобы угрожающей индивидуализму, носит весьма сомнительный и претенциозный характер. Прямых же аргументов, показывающих ошибочность, слабость или уязвимость диалектического метода, К.Попперу не удалось обнаружить, несмотря на активные усилия в этом направлении. Поразительно его обвинение Гегеля в «унижении разума». Это можно понять лишь как чисто субъективное ощущение разума, оказавшегося неспособным понять мысль. Об этой неспособности автор заявляет непрерывно. Но это критика в свой собственный адрес. Что же касается диалектики Гегеля, то трудно назвать более гуманистическую философию, хотя в духе времени она носит в каких-то частях теософическую форму. Оправдание агностицизма И.Канта, доказательство всемогущества человеческого разума являются вкладом в гуманизм неизмеримо более высокого уровня, чем тезис достаточности выборности и юридического равенства перед законом глубоко экономически неравных людей как смысл демократии и свободы. Абсолютной идеей в философии Гегеля является отнюдь не всемогущий бог, а человеческий разум. Страх К.Поппера перед диалектикой Гегеля — это страх перед свободой для всех людей, а не узкой элиты богатых. Разум человеку дает природа и его собственные усилия в направлении интеллектуального обогащения, а не размеры состояния. Философия Гегеля в целом — это гимн гуманизму и свободе для всего человечества, которое получило у К.Поппера ярлык «племенного духа». Не случайно К.Поппер за-

держивал издание своей книги из опасения, что она может оказать помощь фашизму, как об этом он пишет сам. Таким образом, из рассмотренной нами критики диалектики остается в силе давний упрек о «непрактичности» диалектики отчасти пока верный, хотя и небесспорный, о чем будет сказано ниже.

Безграничные возможности диалектического метода объясняются тем, что в нем верно понят основной принцип устройства всего материального мира — неживого, органического и социального, к которому относится и экономика. Метод только тогда оказывается результативным, когда в нем запечатлены черты и признаки исследуемого объекта. Это как бы слепок с реального мира. Если он выполнен верно, то с его помощью мысли легче проникнуть в объект и понять его индивидуальные отличия от всех остальных.

За все время существования человечества удалось получить, на наш взгляд, всего два таких «слепка» с реального мира. Первый получен в виде формальной логики. Второй — в виде диалектической логики. И хотя диалектическая логика включает в себя формальную в уточненном виде, до сих пор они применяются как относительно самостоятельные типы мышления. Формальная логика, появившись сначала как сформулированные Аристотелем правила дедуктивных умозаключений, через столетия была обогащена Ф.Бэконом, а затем Дж.С. Миллем способами индуктивных обобщений опытных данных. В последующем она развивалась, включая в свой арсенал возникающие новые виды математической логики. Несмотря на видимый процесс ее совершенствования, одно в ней осталось неизменным. Формальная логика основана на законе тождества. Он гласит: «*А*» есть «*А*» и не есть «*не А*».

Развитие объективного мира состоит из двух взаимосвязанных процессов. Первый состоит в сохранении качественно определенных объектов — природных, биологических, социальных. Каждый из них воспроизводится с сохранением своей сущности. Человек в процессе развития остается человеком, рыночная система воспроизводит саму себя в течение всего периода своего существования. Второй процесс в развитии объективного мира состоит в изменении прежних сущностей. Сохраняющаяся сущность достигает пункта своей абсолютной реализации. Постепенно накапливаются предпосылки, изменяющие сущность. На основе старой сущности рождается новая сущность. Синтез процесса сохранения и изменения объективного мира составляет суть разви-

тия. В развитии мира отчетливо различаются три фазы: 1) физико-химическая — от образования Вселенной, позднее нашей планеты до появления жизни; 2) биологическая — от появления первых органических веществ до появления человека; 3) социальная — от появления первых человеческих сообществ на Земле. Эти три фазы сохраняются в виде трех составных частей объективного мира, каждая часть которого возникла из предыдущей с ее сохранением.

Соответственно порядку возникновения различных видов материи и триадичному строению существующего объективного мира теория познания этого мира, или Логика развития, состоит из Логики сохранения и Логики изменения. Логика сохранения сущности отражается законом тождества. Сохранение сущности предполагает количественные изменения объекта, т.е. изменения в пределах его собственной сущности. Выход за эти пределы этот закон не способен отобразить. Невозможно на его основе допустить, что все три фазы и три составные части мира переходят друг в друга. Качественные изменения предмета, сначала в нем самом, а затем переход его в свое иное может выразить лишь диалектическая логика, которая и есть логика развития.

Диалектическая логика сохраняет логику тождества как логику сохранения предмета в определенном промежутке времени — пространства. Она включает формальную логику, существенно уточнив взаимосвязи ее категорий, таких, как анализ, синтез; индукция, дедукция; абстрактное, конкретное. К уточненной логике сохранения она добавляет логику изменения сущности, которая дает возможность увидеть границу жизни старой сущности и рождения новой. Тем самым познавательные средства разума становятся мощными. Ему становится доступным таинственный процесс развития мира, как в пределах каждой из трех составных частей, так и возникновение каждой части из предыдущей.

Диалектическая логика основана на законе единства и взаимодействия противоположностей. Его можно выразить таким образом: «*А*» есть «*А*» и есть «*не А*». Отсюда видно, что тождественность объекта самому себе дополняется процессом его развития, благодаря которому и возникают отличия от него самого. В результате единое целое раздваивается на противоположные стороны. Их взаимодействие друг с другом образует противоречие, разрешение которого создает форму движения данного объекта и в конечном счете является источником его развития. Выводы естественных наук подтверждали, что объективный мир устроен

именно таким образом. Например, это обнаруживается в строении атома, состоящего из отрицательно и положительно заряженных частиц. Современные представления физиков о самой элементарной частице микромира — кварке, который имеет и корпускулярное и волновое строение одновременно, подтверждают принцип организации реального мира. Эволюция Вселенной основана на взаимопревращениях энергии и энтропии. Существуют два полюса, где магнитное поле перпендикулярно поверхности Земли. Биологические виды размножаются, сохраняются и эволюционируют посредством разделения на противоположности. Мозг человека способен получать информацию об окружающем мире и обобщать ее, т.е. способен мыслить благодаря разделению на две функционально различные половины. Можно приводить бесконечные примеры такого рода. Не появилось весомых аргументов, которые бы заставили усомниться в том, что мир устроен по способу, отображеному в диалектическом методе.

Развитие диалектически понятого мира достигается посредством взаимодействия противоположных сторон, их взаимопроникновения друг в друга и взаимопревращениям, достигающим тождества. Бесконечность этого процесса обеспечивает полную самореализацию объекта, которая завершается возникновением качественно иного целого. Применительно ко всему реальному миру это означает, что из двухполюсного устройства мира возникает все его многомерное разнообразие. А диалектическое мышление имеет возможность полностью отобразить и исчерпывающе понять всю многомерность мира, в том числе его социосистем и культурологического многообразия, основываясь на законе единства и взаимодействия противоположностей.

Различие методов исследования политической экономии и экономикс привели к тому, что не только границы предмета, но и само устройство его оказались различными. Экономикс представляет экономику однополюсной. Каждый экономический параметр имеет однородную, не дифференциированную внутреннюю структуру. Друг с другом они связаны прямыми и обратными зависимостями. Конечно, их функциональные связи, количественные соотношения и корреляции, чем ограничивает свой анализ экономикс, в какой-то степени удается описать. Однако ограниченность метода, не позволяющего понять генерирующую эти зависимости основу, приводит к тому, что полное содержание их не выражается. Поэтому многие зафиксированные экономикс зако-

номерности в одном случае подтверждаются, в другом — не подтверждаются. Например, зависимость между уровнем цен и безработицей, между занятостью и заработной платой, между ставкой налогообложения и величиной денежных поступлений в бюджет и т.п. Чаще всего они отражают частный случай их соотношения, что и следовало ожидать при таком непонимании экономики. Однако дело даже не в этом.

Ограниченные возможности метода для многих центральных проблем теории в экономике оборачиваются тупиками. Так, согласно А.Маршаллу, общим результатом экономической деятельности является полезность, нечто внутри себя однородное. Любая попытка как-нибудь конкретизировать этот результат становится неразрешимой. Так, не удается непротиворечиво определить чистый продукт, создаваемый, согласно этим представлениям, факторами производства. Если определить его как «дополнительную стоимость, приданную продукту фактором производства», то это в лучшем случае верно при постоянной отдаче от факторов. Возрастающая отдача факторов, т.е. рост производительности труда, может приводить к снижению стоимости продукта. Но тогда результат становится отрицательным, в то время как в действительности он положителен. Двухполюсное устройство экономики все же так или иначе проникает в представления экономики, хотя скорее стихийным и случайным образом. Упомянем хотя бы дилемму номинальной и реальной экономики неоклассической концепции. Или подчеркиваемый А.Маршаллом принцип «непрерывности». Но это остается необъясненным, порождая споры по давно решенным другим течением экономической науки вопросам, как в случае с дилеммой. Либо нереализованным в попытках системного построения экономической теории, как в случае с принципом «непрерывности».

Диалектический метод способен решить все те задачи отображения реальностей современного мира, для решения которых появились структурно-функциональный анализ, математические методы, а в более широком методологическом аспекте — экзистенциализм. Диалектический метод как бы поглощает их своими возможностями. А те не дополняют его принципиально, не обогащают содержательно, а лишь актуализируют для современных потребностей ту или иную его черту. Это, конечно, не означает нигилистической оценки всех полученных экономикс результатов. Но некий предел возможностей, теперь уже проистекающий из

метода, здесь вновь обнаруживается. Диалектический метод к настоящему времени не обнаружил в себе такой границы или расхождений с современными знаниями о мире. Он продолжает оставаться «Всеобъемлющей схемой изменения любого естественно-природного и социально-исторического материала...»¹ — как удачно выразил его суть советский философ Э.В. Ильенков. Проблема заключается пока в том, что экономическая наука не освоила по тем или иным причинам его на содержательном и инструментальном уровне.

Таким образом, анализ состояния фундаментальных составляющих экономической науки — ее предмета и метода — показал, что с этих позиций она обладает значительным исследовательским потенциалом, позволяющим проникнуть в содержание возникающих в современном мире явлений, ответить на «вызовы времени», не выбрасывая за борт основное свое богатство — методологическое основание. Однако этот потенциал по-разному распределен среди основных ее течений. Экономикс как одно из них рано или поздно неизбежно столкнется с кризисом, что обострит проблему пересмотра прежних подходов к предмету и методу из-за частной формы их выражения. Политическая экономия же в этих проблемах имеет универсальное, полное, точное решение, а потому обладает познавательными возможностями, где не обнаружены пока какие-либо границы. Решения о предмете и методе здесь нет нужды корректировать. Они по сей день верны и эффективны с познавательной точки зрения.

В современной «смешанной» экономике в содержании цены и денег происходят изменения их сущностей в направлении не косвенного, стоимостного выражения общественной меры труда, а прямого ее измерения. «Электронные» деньги уже позволяют это обнаружить в явном виде. Тем не менее до тех пор, пока будет доминировать рыночная система, старые сущности цены и денег, раскрытые трудовой теорией стоимости, будут сохраняться. Отказ от золотого обращения денег не означает пока еще, что деньги перестали выражать через золото стоимость товаров. Об этом свидетельствует тот факт, что центральные банки крупных стран имеют золотые запасы, которые сконцентрированы в странах с твердой валютой, например в США. Через привязку многих национальных валют к доллару сохраняется косвенно золотое со-

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974. С. 5.

держание неразмениваемых на золото бумажных денег. Появление новой сущности денег и цен в виде прямого измерения общественного труда выражается не в фактах неразменности бумажных денег на золото, как часто думают, а в регулировании цен государством, а также в масштабах и направлениях макроэкономической политики.

Взаимосвязь стоимости, денег и цены, раскрытая трудовой теорией денег, позволяет уточнить выводы экономикс о макроэкономической нестабильности. Резкое изменение в результате бумажной эмиссии массы денег неизбежно вызывает изменение цен. Инфляция может вызываться монетарными и немонетарными факторами, что достаточно хорошо выяснено. Если ценовой всплеск вызван эмиссией денег, то стабилизировать цены можно мерами кредитно-денежной политики. Однако в чистом виде это случается редко. К эмиссии прибегают чаще всего из-за сбоев в реальном секторе экономики. Именно в этом суть немонетарных факторов инфляции, а косвенно и монетарных. Макроэкономическая нестабильность — это внутренняя неотъемлемая константа рыночной экономики. Ее коренная причина — в отсутствии согласования между производителями, которое достигается методом проб и ошибок. Кредитно-денежными мерами это устраниТЬ невозможно, можно лишь незначительно влиять, стимулируя медленный процесс отраслевой миграции капиталов. Дискретные меры бюджетно-налоговой политики могут достигнуть это быстрее, эффективнее и целенаправленно, в особенности через механизм госзаказов и прямых государственных инвестиций.

В случае с сильной депрессией, такой, как в России в последнее десятилетие, монетарная макроэкономическая политика может лишь продлевать это состояние, но никак не вывести из него. В этих условиях эффективно не косвенное воздействие на структуру реального сектора, а ее изменение путем прямой инвестиционной политики. Результаты макроэкономической политики могут быть незначительными и даже негативными, если государство ее осуществляет, имитируя рыночный механизм, т.е. методом проб и ошибок.

§ 3. Экономическая теория и экономическая практика

Достоверность или ошибочность экономической теории в конечном счете подтверждается практикой. Наука существует для того, чтобы облегчать людям, обществу решение практических проблем. Это — основная функция науки. Остановимся вкратце на отношении основных направлений науки к хозяйственной практике.

В соотношении экономической теории и экономической практики актуальны два аспекта. Первый относится к процессу теоретического отображения реальной хозяйственной жизни. Второй относится к определению теоретических результатов, полученных экономической теорией, которые использовались, используются или могут быть использованы в практике.

Первый аспект подразумевает обобщение наукой всей истории своего существования. Советский ученые исследовали эту проблему довольно глубоко, доведя ее до классификации отраслевых экономических дисциплин, их взаимосвязи с общей теорией (политической экономией). Значимыми здесь, на мой взгляд, являются следующие выводы. Практика является исходным уровнем теории. Непосредственные наблюдения в сфере практики, доступные чувственному восприятию, или эмпирический опыт, дают материал для теоретического отражения первого уровня — сферы бытия, которые выражаются в терминах «качество», «количества», «мера».

Недостаточность такого проникновения в объективную реальность выяснена и общественными, и естественными науками. Непосредственные практические формы на этом уровне отражения остаются случайными и неполными в содержательном отношении, поскольку неясным остается закон их развития и тенденции их эволюции. Отсюда возникает необходимость проникновения в их сущность, в их «генетические» основы. На втором этапе отражения реальной действительности обращение к эмпирическим данным необходимо для проверки системы предпосылок, с тем чтобы в этом процессе не произошло искажения изучаемого объекта. Но не только. При определении сущности предмета или явления дедуктивные умозаключения выполняют весьма значительную, быть может, определяющую функцию. Во-первых, вследствие того, что диалектическая логика зафиксировала общие

закономерности всего объективного мира, распространяющиеся и на специальную материю (например, принцип взаимодействия противоположностей). Во-вторых, если коренной принцип сущности удалось найти, дальнейшая ее деятельность, генерирующая основные контуры системы, также выражается правилами дедукции. Однако вывести экономическую (да и всякую иную) систему «из понятий» действительно невозможно. По непонятным причинам Гегеля критиковали за такую попытку. По-видимому, под впечатлением строгости и доказательности его логической системы. Между тем он во многих своих произведениях («Наука логики», «Философия истории», «Философия права») отмечал невозможность вывести «мир из понятия», основываясь на взаимосвязанности диалектических понятий. Причина, как отмечалось, в том, что индивидуальные особенности предмета, его особая материя, выделяющая его из всего остального мира, обуславливают необходимость, но не достаточность дедукции. Для того чтобы эту особенность уловить, необходимы индуктивные умозаключения, работающие с эмпирическим материалом. Однако дедукция формулирует условия его отбора с тем, чтобы в сферу исследования не попали случайные, преходящие ситуации.

На третьем уровне — в сфере понятия — происходит возвращение к наблюдаемым практическим формам на основе раскрытий их внутренней сущности. На уровне понятия хозяйствственные формы отражаются теорией всеобъемлющее. И только здесь можно полно и точно понять функциональные, структурные, количественные взаимосвязи между экономическими параметрами, раскрыть силы, регулирующие экономические процессы. Решение такой задачи на первом уровне теоретического отражения невозможно, поскольку чувственное наблюдение (например, за поведением экономических агентов) неизбежно таит опасность оставаться в плену иллюзий из-за ограниченности наблюдаемого пространства, его многообразия, хаотичности, разнонаправленности и др. Иллюзия, к примеру, неподвижности Земли, возникшая из непреложно наблюдаемого факта, хорошо иллюстрирует опасность такого рода и, кстати, ограниченные возможности эмпирических обобщений. Последнее присуще экономической жизни даже в большей степени из-за непрерывной изменчивости процессов. Наконец, к практике теория обращается как к конечному критерию истины. Таким образом, эмпирический материал, согласно диалектическому методу, необходим на всех уровнях теоретиче-

ского исследования. Однако методологический идеал «индукция плюс математическая формализация» (Р.Коллинз) является шагом назад даже по сравнению с Маршаллом, который писал о соединении дедукции и индукции в определенной последовательности, конечно, с позиций формальной логики.

Соотношение экономической теории и практики теснейшим образом связано с характером определения предпосылок теории. Как отмечалось, в современных исследованиях распространено мнение о несущественности реалистических предпосылок и неопределенности их смысловой интерпретации (по М.Фридмену). Таким путем в принципе можно построить какую угодно теорию, но невероятно трудно, быть может невозможно, добиться адекватности теории и практики.

Однако, несмотря на соприкосновение с практическим материалом на всех этапах создания теории, полного тождества между ними достигнуть невозможно. Суть дела удачно выразил А.Маршалл, подчеркнув относительную самостоятельность теории. Если теория будет следовать за практикой, она будет исследовать сиюминутные и случайные проблемы, а общие тенденции будут ускользать от внимания науки, и она окажется неспособной их понять.

Кардинальное расхождение между экономикс («мэйнстримом») и политической экономией трудового направления состоит в отношении к чувственно воспринимаемым фактам. Экономикс, основываясь на позитивистской методологии, считает их достоверными, а объем наблюдаемого исчерпывающим. Отсюда из поведения субъектов, их представлений, психологических реакций, «ожиданий» выводятся реальные экономические явления, такие, как цена, прибыль, процент. Политическая же экономия, отталкиваясь от наблюдаемых фактов как сферы бытия своего предмета, проникает в их внутреннюю жизнь, в их сущность, которая является законом, определяющим наблюдаемые факты и их восприятие обыденным сознанием экономических субъектов. На основе познанной внутренней жизни, сущности политическая экономия возвращается к чувственно воспринимаемым фактам, объясняет всю их палитру, включая содержащуюся в них видимость для экономических субъектов. Таким образом, определяются понятия, адекватные реальной действительности. Как видим, триадичное обращение теории к практике (бытие — сущность — понятие) обладает гораздо большей способностью истинного воспроизведения практики, чем ее моделирование на основе воспроизведения

непосредственного наблюдения, при произвольно принятых предпосылках с целью упрощения изучаемого объекта.

Одним из слабых мест экономикс является нестрогое, «художественное» отношение к принимаемым предпосылкам. Предпосылки здесь оказываются далеко не всегда, а точнее, как правило, не доказываются. В этом состоит опасность искажения отражаемого объекта. Выводы, полученные при принятых предпосылках, могут быть верны и даже редко бывают логически ошибочными, если получены компетентными учеными с развитым научным мышлением. Тем не менее научный результат может искажить изучаемый объект до неузнаваемости, если предпосылка оказалась ложной. Выразителен пример с так называемым «законом убывающего плодородия земли». Если бы люди в реальной жизни действовали так, как предполагает этот закон, т.е. не беспокоились о плодородии, то результаты были бы убывающими. Однако даже первобытные люди вели себя противоположным образом. В итоге содержание закона не соответствует действительности, являясь искусственным построением.

Нельзя сказать, что значимость предпосылок теории и опасность искажения изучаемых зависимостей не волнуют западных экономистов. Можно встретить работы, где обсуждается эта проблема. По-видимому, в 50-х гг. XX в. она оказалась в центре дискуссии. В те годы М.Фридмен выдвинул тезис о несущественности реалистических предпосылок. Он утверждал, что теория не может быть проверена через реализм ее предпосылок. Метод науки — формальная логика и математика — представляется М.Фридмену исключительно как система тавтологий, не имеющая отношения к реальному миру. Отмечая неоднозначную определимость предпосылок, он выделяет несколько их смысловых значений. Среди них нет ни одного, которое бы отождествляло предпосылку с реальной чертой, стороной реального же объекта. Если понимать предпосылки как искусственно моделируемую ситуацию, а метод не несет в себе никакой информации о реальности, в этом случае возникает возможность построить любую теорию как подскажут воображение или те, кого теоретик обслуживает. «Как правило, существует более чем один способ описать наблюдаемый мир с помощью моделей — более чем один набор «предпосылок», на языке которых может быть представлена теория. Выбор между такими альтернативными наборами предпосылок производится на основе критериев экономности, ясности и

точности при формировании гипотезы, способности привлекать данные, «позволяющие судить о ее обоснованности»¹, — высказывался автор. Критерии выбора предпосылок настолько субъективны и второстепенны, что вызывает лишь удивление, что это нашло сторонников. Среди критериев есть все, кроме условий, ограничивающих возможность искажения реальной действительности. «Привлечь данные» для подтверждения своих представлений в многообразной жизни не составляет труда.

Тезис о несущественности реалистических предпосылок встретил критику и неоднозначное отношение. И все же, к сожалению, этому сомнительному для познавательного процесса положению удалось утвердиться довольно прочно. Об этом можно судить по статьям и монографиям, где анализируются теоретические проблемы, по распространенным моделям, по моделям, получившим статус базовых, по научным статьям, наконец, по учебникам и читаемым курсам, относящимся к мэйнстриму.

Политическая экономия имеет традицию весьма аккуратного и тщательного обращения с предпосылками. Советские экономисты и философы изучению этого аспекта диалектического метода уделяли пристальное внимание и добились довольно глубокого понимания, несмотря на то что далеко не все здесь перестало быть дискуссионным. Проблема предпосылок составляет важнейшую и, быть может, основную часть метода восхождения от абстрактного к конкретному. Исключительную важность принимаемых предпосылок для теории подчеркивает тот факт, что названный метод был центром многих научных обсуждений и дискуссий. Иногда метод политической экономии даже назывался методом восхождения от абстрактного к конкретному. Хотя методом является диалектический материализм, а восхождение от абстрактного к конкретному представляет, на наш взгляд, одну из частных форм его выражения. Но именно в этой форме решается проблема предпосылок исследования.

В ходе восхождения от абстрактного к конкретному применяются правила выбора, доказательства и проверки предпосылок. Предпосылки не могут вводиться произвольно. Основное требование к научным абстракциям состоит в том, что при отсекании

¹ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. Научный метод. СПб.. 1994. Т. II. Вып. 4.

несущественных для каждого данного этапа познания реальной действительности каких-то ее сторон, признаков не должно произойти искажения изучаемого предмета. С этой целью каждая предпосылка тщательно аргументируется под данным углом зрения. В процессе восхождения она снимается в тот момент, когда ранее несущественные стороны, признаки реальной действительности становятся существенно значимыми. Результаты обоих этапов проверяются на логическую непротиворечивость. Центральным моментом проверки предпосылок является тот пункт развития теории, где предпосылки и результат меняются местами: то, что ранее выступало в качестве результата, рассматривается в качестве предпосылок, и наоборот. На этом этапе вновь проверяется адекватность теории реальному объекту. В конечном же счете теория оказывается истинной в том случае, если в реальной действительности не осталось ни одного постоянно воспроизводимого ею факта, который невозможно было бы объяснить с позиций данной теории.

Абстрагирование на каждом этапе исследования от каких-то сторон реальной действительности ее упрощает. Снятие предпосылок при восхождении к конкретному, последовательное включение всех сторон приближают теорию к тождеству с реальной действительностью, которая оказывается «многообразием абстрактных определений». Однако не всякое упрощение, при всей его неизбежности, может быть свидетельством успеха теории. Оценивая достижения мэйнстрима в XX столетии, Баумоль к их числу справедливо относит теорию макроэкономики, позволяющую облегчать государственную экономическую политику. Агрегирование, допускающее упрощение микроэкономики, является основой, по мнению автора, этого успеха¹. Конечно, переход экономикс на целостное отражение экономики позитивен. Вряд ли только эту целостность можно понять, моделируя поведение субъектов, а затем агрегирование параметров считать достаточным образом экономики. В этой картине отсутствует главное — взаимодействие субъектов, что и образует макроэкономику.

Мнение о практичесности экономикс (мэйнстрима) довольно распространено, в том числе среди молодого поколения россий-

¹ Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. № 2.

ских экономистов. Оно основано на том, что данная теория изучает функционирование экономики. Вообще говоря, только это и интересует хозяйственную практику. Если бы было возможно точно отобразить функционирование экономики без обращения к более глубокому, действительно существующему содержанию, последнее было бы ненужным. Но дело в том, что это невозможно. Очередным подтверждением этому служат описанные экономикс функциональные зависимости.

Центральной идеей микроэкономики является поиск правил принятия оптимальных решений экономическими субъектами. В их основе лежит принцип равенства предельного дохода предельным издержкам, модифицируясь на разных секторах рынка или разных видах рынка. Однако эта идея не обогащает практический инструментарий, поскольку она просто концентрирует внимание на динамике темпов роста общей функции (выпуска, издержек и т.п.). Но последнее доступно любому опытному практическому сознанию, т.е. любому практику без обращения к теории. Теория в данном случае оформляет повседневную практику в специальные термины, не достигшие понятия, т.е. не усугубляющие сферу наличного бытия сколько-нибудь заметным образом.

Макроэкономика исследует функциональные зависимости, дающие основы для выработки экономической политики. Это, конечно, является важнейшей задачей экономической науки в современном мире. Однако по сравнительной эффективности налогово-бюджетной и кредитно-денежной политики в макроэкономике существует разнообразие позиций и подходов. Следовательно, реальная экономическая политика определяется опытным путем, поскольку разнообразие позиций свидетельствует об отсутствии теоретического решения проблемы. Из этого следует, что мнение о практичности микро- и макроэкономики является сильным преувеличением. Функциональные зависимости, предмет гордости «мэйнстрима», оказываются, как метко выразился Р.Коуз, «упражнениями для классной доски».

Подход к предпосылкам как выражению конкретных черт реальной действительности можно осуществить только при системном и целостном отражении экономической системы. При фрагментарном восприятии системы это становится невозможным. Отсюда возникают чисто субъективные условия к их принятию, выраженные в точке зрения М.Фридмена.

О практичесности «мэйнстрима» можно встретить прямо противоположные оценки западных экономистов. В статье Баумоля это считается одним из крупных достижений. Автор перечисляет области, где теория используется практиками. Однако в итоге он смог привести всего лишь несколько примеров, таких, как фирма обращается за консультацией к экономисту с тем, чтобы ослабить ценовой контроль государства; или консультации в судопроизводстве; или случай, когда один из трех судей спрашивает, что такое «дilemma заключенного», а двое других затем цитируют это в репликах¹. Практическая применимость теории оказывается более чем скромной. Выше приводилась пессимистическая оценка многих экономистов (В.В. Леонтьев и др.) о способности теории решать практические задачи. Встречается и более радикальная оценка, согласно которой ни одно положение микроэкономики неприменимо на практике. То же можно сказать и о макроэкономике. Ведь она содержит несколько конкурирующих моделей о макроэкономической политике. Следовательно, практическое использование скорее относится к области чистой политики, чем к экономике.

О практической применимости трудовой теории стоимости часто можно встретить негативное суждение. Действительно, в плановой экономике утилитарное значение ее было невелико, так как рыночный механизм здесь был определяющим, но не системообразующим. По этой причине практическое значение трудовой теории стоимости не было осмысленно должным образом до сих пор. Теперь же это приобрело актуальное значение, поскольку другие направления экономической теории эту задачу пока решили лишь в малой степени.

Потенциал прикладного значения трудовой теории стоимости обширен. Во-первых, она помогает понимать системную эволюцию современного мира. Здесь имеются точные критерии качественных отличий материальной основы экономики, из которых формируется все содержание экономических систем. Во-вторых, практическая значимость, в узком утилитарном смысле, трудовой теории стоимости вытекает из богатства «факторной» информации. Она всеобъемлющим образом выявила факторы, влияющие на производительность труда, издержки производства, прибыль,

¹ Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. № 2.

накопление капитала, слагаемые «эффекты масштаба», цены, все виды дохода и многое другое. Влияние фактора времени, в частности продолжительности времени оборота и его структуры в процессе кругооборота и оборота капитала, доведено до точности, которая позволяет рассчитать пропорции между факторами производства, что в экономике выражено лишь в самой общей форме в виде производственной функции. Выводы об экономии торговым капиталом издержек производства производительного капитала, т.е. об основных его функциях по отношению к реальному сектору экономики; о природе акционерной формы, ценных бумаг, фиктивного капитала дают возможность предсказуемо управлять макропроцессами. В частности, они позволяют проследить точки возникновения спекулятивного оборота капитала и облегчают поиск методов его нейтрализации. Это жизненно важная задача не только для нашей страны, но и для мировой экономики в целом. Теория земельной ренты позволяет прогнозировать динамику цен на сельскохозяйственную продукцию в том случае, когда земля будет введена в рыночный оборот.

Богатство прикладного материала трудовой теории стоимости не случайно. Она раскрыла полностью рыночную систему, в том числе и ее функционирование, и основные контуры, и поведение рыночных субъектов в ней. Поэтому можно утверждать, что в трудовой теории стоимости нет ни одного положения, которое бы не имело практической значимости. Проблема в том, чтобы проанализировать трудовую теорию стоимости под таким углом зрения и практически освоить ее результаты.

Истинность трудовой теории стоимости подвергается сомнению на основе факта разрушения социализма на значительной части его пространственного распространения. На первый взгляд это служит опровержению теории. Однако социализм продолжает реально существовать. Если даже предположить, что он погиб во всех странах, то даже и в этом случае это не может быть неопровергнутым аргументом против трудовой теории стоимости. Как это на первый взгляд ни парадоксально, но факт гибели социализма скорее подтвердил это, чем опроверг теорию. Действительно, согласно закону взаимодействия производительных сил и производственных отношений каждая экономическая система проходит два этапа в своем развитии. Экономическая система на первом этапе — этапе становления — развивается преимущественно на основе производительных сил предшествующей систем-

мы. Ее существование здесь неустойчиво и в каждом отдельном случае (но не в целом!) случайно: при благоприятном стечении обстоятельств она может выжить, при неблагоприятном — погибнуть. Погибнув в одной стране, новая экономическая система через какое-то время может вновь возродиться здесь же или в другой стране.

Становление рыночной системы в Европе в течение XVI — XVIII вв., т.е. в мануфактурный период, когда после буржуазных революций происходили реставрации монархий и менялся экономический порядок, иллюстрирует достаточно ярко положение о том, что на первом этапе новая экономическая система не может сразу стать господствующей из-за слабости технической основы. Лишь на втором этапе, этапе развития системы на основе собственных, ею самой генерируемых предпосылок, она становится господствующей: новая техническая основа является причиной ее непревзойденной конкурентоспособности. Подтверждением истинности выводов трудовой теории стоимости об исторической эволюции рыночной системы служит, помимо прочего, признание смешанного характера экономики современных западных стран.

Тезис о практике как критерии истины разделяют, по-видимому, все или почти все ученые, независимо от концептуальной принадлежности. Однако эмпирическая проверка или серия проверок являются слабым средством, чтобы иметь статус критерия. Накоплено огромное число зависимостей, которые в одних условиях подтверждаются, в других — опровергаются. Или даже при одних и тех условиях, но в разные периоды времени проверка показывает разные результаты. Экономическая теория изучает законы существования, развития и функционирования экономической системы, но не экономику данной страны. Хотя большинство экономистов-теоретиков, конечно, решает и актуальные проблемы собственной страны. В данном случае мы говорим о предмете науки. Научный интерес отдельных исследователей чаще всего выходит за ее пределы, стремясь в прикладную область. Практика служит критерием истины не просто через многократное эмпирическое тестирование. Представим себе, что вывод о смене феодализма капитализмом был бы сделан во времена физиократов. Его подтверждения пришлось бы ждать приблизительно 200 лет. Целых два столетия факты то подтверждали бы наш гипотетический вывод, то опровергали. В данном случае,

когда речь идет о выводах, связанных с исторической эволюцией, долговременность критерия измеряется также исторической протяженностью (вековыми измерениями). Но основное, хотя и не окончательное с точки зрения исторических тенденций подтверждение теории на основе соответствия практике достигается в том случае, когда все повторяющиеся устойчивые, постоянно воспроизводимые факты, явления теория отобразила единообразным, а следовательно, непротиворечивым образом. Это не просто применение единого принципа (по аналогии с максимизирующим поведением). Это объяснение всех фактов как проистекающих из единого закона развития. На таком основании множество разнообразных фактов, явлений оказываются сторонами, образующими органическую целостность, каковой и является любая экономика.

Теперь остановимся на состоянии экономической теории обоих течений науки, чтобы определиться в том, насколько господствующие идеи адекватны современным реальностям или противоречат им.

Собственно, многое ясно из предыдущего. Если современная экономика сохраняет доминирующим рыночное качество, то вновь надо сравнить результаты обоих научных течений, поскольку и экономикс, и трудовая теория стоимости исследуют главным образом рыночную экономику. Из-за обширности проблемы невозможен здесь сколько-нибудь полный ее анализ, хотя это крайне актуально и многие отечественные экономисты с увлечением исследуют ее. Остановимся на отдельных, но достаточно принципиальных результатах.

ГЛАВА 2. ВАЖНЕЙШИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОНОМИКИ И ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Целостная оценка теоретических результатов, полученных экономикс (мэйнстрим), затруднена тем, что единой теории здесь не существует. В современном виде экономикс представляет конгломерат гипотез, набор моделей, посредством которых предпринимаются попытки решения многих достаточно важных проблем функционирования экономики. Нельзя считать их единой теорией, ибо набор гипотез не объединен в строгую логически взаимосвязанную и логически непротиворечивую систему. Так, по типологизации английского экономиста Питера Браунинга в мэйнстрим входит 6 школ (классики, Кейнс, кейнсианцы, монетаристы, обновленное кейнсианство, антимонетаристы). Критерии различия между ними относятся к области теоретических постулатов. Школу, согласно Браунингу, формируют позиции о соотношении цен, общего рыночного равновесия, свободы выбора и государственного регулирования; о финансовой политике; о кредитно-денежной политике; о ценах и инфляции; об отношении к объему производства и занятости; об обменном курсе; о политике в области доходов¹. По основным постулатам позиции школ полностью или частично совпадают. Представления же по более конкретным проблемам — экономической политике, инфляции и др. — различаются значительно.

Бессистемность экономикс легко обнаруживается в произвольной последовательности микро- и макроэкономики, а также в возможности описания рыночной системы при отсутствии любой последовательности такого рода. В рамках экономикс применяются достаточно разнообразные приемы и подходы для описания экономики. Это относится как к микроэкономике, так и к макроэкономике. Однородность же, позволяющая объединять различные школы и концепции в одно научное направление — мэйнстрим, заключается в их идеологической общности, позитивистской методологии, и в распространенных случаях — применении маржинальных методов или иной математической формализации анали-

¹ Браунинг П. Современные экономические теории — буржуазные концепции. М.: Экономика, 1986.

за. Существование экономикс в форме набора гипотез или моделей делает возможным сравнение лишь отдельных важнейших теоретических результатов с аналогичными в трудовой теории стоимости. Основной акцент в них ставится на функционировании рыночной системы. Эта сфера изучена и в трудовой теории стоимости. В связи с этим сравним теоретические выводы обоих научных направлений, главным образом относительно функционирования рыночной системы. При сравнительном анализе существуют два критерия. Во-первых, необходимо выяснить, какой из полученных наукой выводов адекватно отражает рыночную экономику. Во-вторых, соответствует ли истинный для рыночной экономики вывод современным реалиям, поскольку в развитых странах экономика воспринимается многими исследователями как смешанная, а не только рыночная. В данной главе главное внимание будет уделено первому аспекту. При всей его недостаточности он является исходным пунктом и основой ответа на второй, гораздо более животрепещущий вопрос.

§ 1. Проблема оптимальности

Из всего арсенала гипотез, моделей экономикс наиболее органичной в методологическом отношении, т.е. объединенной общностью подходов, применяемым инструментарием и категориально взаимосвязанной, является теория выбора. Она составляет основную часть микро- и макроэкономики. В ней сконцентрировано представление об основном принципе функционирования рыночного механизма — рыночном равновесии и силах, его перемещающих. Рыночное равновесие, согласно этим представлениям, является итогом поведения экономических субъектов, их естественного стремления к наибольшей выгоде и принятию ими на этом основании рациональных (оптимальных) решений, согласование которых обеспечивается рыночным механизмом.

Теория микроэкономики описывает поведение потребителя и производителя на основе принципа замещения, который выводит поиски оптимального выбора в предельную область, где существует критерий максимизации полезности, прибыли, дохода и т.п. В этой части проблем существует некоторый объединяющий модели принцип. Теория благосостояния, проблема экстерналий, общественного выбора, асимметричной информации не применяют упомянутый принцип и построены на иных гипотезах и ином аналитическом инструментарии.

Макроэкономическая теория представлена несколькими конкурирующими моделями — неоклассической, кейнсианской, monetаристской, в последние годы теорией рациональных ожиданий, теорией экономики предложения. Между ними имеются существенные разногласия по принципиальным вопросам. Например, об эффективности рыночной экономики в использовании ресурсов, о безработице и инфляции, о роли денег, об инвестиционной функции и функции потребления, об эффективности монополий и конкурентных предприятий, о необходимости и способах государственного вмешательства. Речь идет не просто о дискуссионных проблемах, без чего жизнь любой науки немыслима. Речь идет о моделях, по-разному отражающих реальную действительность. Имеются настойчивые попытки объединить модели, устранив противоречия между ними. Разноголосица моделей объясняется довольно часто как отражение различных экономических ситуаций, в которых может оказаться рыночная экономика, что заложено в базовую модель совокупного спроса и совокупного предложения. Но это суждение является слабым аргументом. Оно лишь подчеркивает отсутствие теории, коль выяснены не закономерности, а имеющие место частные случаи.

Предпринимаются усилия найти общую платформу микроэкономики и макроэкономики. Разрабатываются микроэкономические основы макроэкономики, цель которых — поиск общего принципа экономики. Однако попытки такого рода, сами по себе естественные и необходимые, если воспринимать экономику как органическую целостность, заключаются в распространении принципов микроэкономического равновесия на макроэкономику. В итоге последняя рассматривается с позиций общего равновесия агрегированных параметров. Здесь характерным является принцип замещения, позволяющий принять оптимальное решение. Маржинализм — не единственный инструментарий в экономике. Тем не менее он является стержнем анализа многих фундаментальных проблем микроэкономики, таких, как поведение потребителей, рынки факторов производства, издержки, производственные функции, частное и общее рыночное равновесие и др. Теория выбора построена на основе маржинализма. Маржиналистский метод является предметом гордости современной неоклассической концепции, поскольку позволяет получить необходимую точность анализа все большего количества проблем. Его стали применять другие, непосредственно не относящиеся к экономике

(майнстрим) школы, например институционализм (Р. Коуз). Но и критика в адрес этого метода в среде западных экономистов встречается нередко, вплоть до полного отказа и от маржинализма, и от анализа на основе спроса и предложения, и от концепции общего равновесия. Имеются прецеденты даже возвращения к инструментарию и взглядам классиков политической экономии (Пьеро Сраффа)¹. Тем не менее центральная идея неоклассической доктрины равновесия спроса и предложения является доминантой современного майнстрима. Маржинализм был и продолжает оставаться универсальным методом описания общего равновесия.

В первом приближении маржинализм выступает в качестве математического принципа максимизации выгоды в какой-либо форме по определенному показателю или критерию. Методом познания экономики здесь является описание поведения субъектов — производителей и потребителей и моделирование этого поведения. Для того чтобы это имело смысл, необходима предпосылка, что поведение рационально, т.е. максимизирует выгоду при различных видах распределения средств. Общим законом распределения становится правило, согласно которому оптимальный результат достигается при равенстве предельных значений результата (полезности, продукта, прибыли), получаемых от различного применения средств (денег, ресурсов, капитала), предельным издержкам. Такое равенство обусловлено действием принципа замещения менее выгодного способа применения какого-либо средства (ресурса) более выгодным. Замещение происходит до тех пор, пока не будет достигнуто равенство предельных результатов. Рынок конкурентным механизмом корректирует индивидуальные решения, согласно маржиналистским представлениям, до тех пор, пока спрос станет равным предложению. Это и есть состояние равновесия, оптимальное для рационального индивида или фирмы. Если все индивиды и фирмы распределяют ресурсы оптимально и получают максимальную выгоду, то и в экономике в целом достигается оптимум. В маржиналистских моделях это обычно оптимум по Парето. В результате изменяется смысл маржинализма. Если вначале он создает впечатление социально нейтрального математического инструмента нахождения оптимума, то условия рационального поведения и критерий оптимальности,

¹ Александро Ронкалия. Сраффинская революция // Современная экономическая мысль / Под ред. Сиднея Вайнтрауба. М.: Прогресс, 1981.

по Парето, превращают маржинализм в экономическую доктрину, социально строго ориентированную этими двумя (а также и другими) аспектами. Таким образом, необходимо различать маржинализм как математический инструментарий анализа экономических явлений и как экономическую доктрину.

Методология маржинализма как экономической доктрины определяется, во-первых, подходом к обществу не как к целостности, а как к совокупности индивидов; во-вторых, доминантой экономики является потребление, но не производство; в-третьих, исходным пунктом цены является субъективная полезность, в результате чего весь подход к экономике оказывается субъективно-психологическим. Эти признаки диаметральным образом отличают маржинализм от трудовой теории стоимости.

Действие принципа замещения, позволяющего достичь оптимального распределения средств, возможно только тогда, когда применение данного средства подчинено закону убывающей предельной полезности в потреблении, либо аналогичному закону убывающей предельной производительности в производстве. Эти законы обеспечивают само существование оптимума. Его достижение становится возможным при максимизирующем поведении субъектов. Правила принятия рациональных решений или оптимальный результат получается при равенстве нормы замещения продуктов, нормы технологического замещения ресурсов соотношению между ценами продуктов, ресурсов или соотношению между предельными полезностями этих продуктов, между предельными продуктами применяемых ресурсов. Индивид, потребитель, фирма стремятся осуществить равенство между предельными значениями результатов и затрат согласно этим представлениям.

Принцип равенства предельных величин затрат и результатов при управлении ресурсами в неоклассических моделях используется для определения оптимального их распределения. Нетрудно увидеть, что маржинализм решает задачу распределения наличных средств (реальных ресурсов, денег) для достижения данных целей (максимизации прибыли, полезности). Это бесспорно обнаруживается в теории предельной производительности и в теории предельной полезности. Но метод решения частной задачи, верный сам по себе применительно к отдельной фирме или потребителю, нередко используется для фундаментальных построений, таких, как выводы о предельной полезности в качестве исходного пункта ценообразования, предельной эффективности факторов произ-

водства как источнике доходов, о полном использовании ресурсов и потенциально возможном выпуске продукции в рыночной экономике. Именно здесь допускаются грубейшие искажения действительности.

Маржинализм как метод оптимизации распределения ресурсов возник не из самой экономической действительности. Он возник как адаптация математического метода дифференциальных и интегральных исчислений, разработанного в 1666 г. Ньютона (девять лет спустя независимо от него — Лейбницем) для количественного измерения бесконечно малых изменений физических процессов. Этот метод был создан для решения задачи определения минимальных значений функций, имеющих предел, и для вычисления скорости движения. Популярность метода и его адаптация к разным областям науки явились причиной «заплывого» открытия предельной полезности, предельного подхода вообще к экономическим процессам. О таинственности ситуации, когда несколько авторов одновременно и независимо друг от друга открыли принцип предельной полезности, любят писать в западной литературе. В действительности это довольно очевидное и даже несколько запоздалое событие. Метод дифференциальных исчислений, позволяющий наблюдать и измерять непрерывные изменения, проникал во все науки, в том числе и в экономическую науку. Это было хорошее обогащение экономического инструментария. К сожалению, оно сопровождалось неумеренной фетишизацией его возможностей, отголоски чего слышны до сих пор. Кроме того, к сожалению, математический аппарат используется не только для углубленного проникновения в реальную действительность, но и для ее искажения.

Применение метода предельного анализа имело для экономической науки неоднозначные последствия.

Вместо принципа экономического развития, характерного для классического этапа политической экономии, маржинализм в качестве основной выдвинул проблему экономического равновесия по аналогии с термодинамическим равновесием. В моделях частичного и общего рыночного равновесия изображается идеальная гармония рыночных сил и траектория динамического изменения центра равновесия. Дискуссия о соотношении сбалансированности и несбалансированности, ведущаяся в рамках экономикс, обнаруживает слабые места в трактовке функционирования рыночной экономики, управляемой тенденцией к частичному

и общему равновесию. Можно показать, что, заменив процесс развития на состояние равновесия, невозможно получить решение последнего. Неоклассическая концепция состояния равновесия выводила не столько из экономической реальности, сколько из соотношения бесконечно малых величин дифференцируемых функций, т.е. из математического аппарата. Поэтому математически строго доказанные модели равновесия больше похожи на компьютерные игры, чем на реальную жизнь. Это было доказано в 1929 г., когда неожиданно для экономистов разразилась Великая депрессия. Прогнозы же обещали процветание. С позиций теории общего равновесия всеобщий кризис был невозможен в принципе. О том, что они происходили регулярно с 1825 г., в западной литературе как-то не любят говорить. Великую депрессию запомнили, но, кажется, свели ее причину к частным ошибкам Федеральной Резервной Системы США. И все же модели равновесия на основе спроса и предложения не были отвергнуты. Возникла уточненная интерпретация рыночного равновесия по Кейнсу. В той или иной форме, или как набор моделей, идея общего равновесия является фундаментом современных теоретических представлений о механизме функционирования рыночной экономики.

Сведя все многообразие рыночных сил, обеспечивающих процесс развития экономики, к одному частному, хотя действительно му и важному моменту — состоянию равновесия, — само это состояние экономикс также отражает односторонне. Это хорошо видно, например, в модели «маршаллианского креста». Она показывает, что существует тенденция тяготения цен и объемов выпуска продукции к центру равновесия. Конкуренция продавцов и покупателей, или действие спроса и предложения, обеспечивает такую направленность. Всякое отклонение цен и объемов выпуска от точки равновесия включает механизм конкуренции, который уничтожает это отклонение и возвращает их снова в точку равновесия.

Если бы рыночная экономика соответствовала маршаллианской или аналогичной модели равновесия, то она не смогла бы существовать. Равновесие, смоделированное таким образом, означало бы гибель экономики. Ведь согласно этому выпускается всегда одно и то же количество товаров по одним и тем же равновесным ценам. Конечно, в экономикс существует рассмотрение этого процесса в динамике, т.е. показывается изменение равновесных цен и объемов выпуска. Причины этих изменений обычно

выражаются более чем в неясном виде. Ссылка на изменение спроса и предложения под влиянием экзогенных факторов считается вполне достаточной. Между тем это не ответ на вопрос, а лишь постановка вопроса.

Развитие экономики с выделением экономического равновесия в качестве основной проблемы приняло весьма обедненный вид. Его стали характеризовать в терминах механики: статика (пребывание тела в состоянии покоя) и динамика (пребывание тела в движении). Д.Б. Кларк и Дж.Ст. Милль распространяли принципы механики на экономику, которые затем были описаны А.Маршаллом. В современной экономической теории они применяются в таком же понимании. Развитие описывается всего лишь двумя состояниями. В статическом (или более жестком стационарном) состоянии происходит адаптация рыночных сил к центру равновесия. В динамике происходит нарушение равновесного состояния и осуществляется переход к новому центру равновесия. Переход носит внешний, экзогенный, «факторный» характер. Перемещение центра равновесия может вызывать рост капитала, населения, нововведения.

Несколько отличается от неоклассического понимания развития как перемещения центра равновесия позиция Й.Шумпетера. В работе «Теория экономического развития» предпринимается попытка определения принципа развития не извне, а из хозяйственного кругооборота, из его внутреннего движения. Принцип развития заключается, по мнению Й.Шумпетера, в изменении траектории хозяйственного кругооборота и в дискретном смещении центра равновесия. Форму и содержание развития автор отождествляет с «осуществлением новых комбинаций»¹, под которыми понимается технологический процесс производства, организации и реализации новых благ. Собственно только этим и отличается данная позиция от традиционной. Акцент на новой комбинации средств производства при изменении равновесных состояний полезен, но все же описание этих комбинаций затрагивает второстепенные моменты, не охватывая качественного преобразования технической основы производства, реального сектора экономики. Но, самое главное, Шумпетеру не удалось связать «новые комбинации» с экономическими явлениями, с изменением цены, выпуска, доходов и т.п. Поэтому попытка пре-

¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. С. 159.

одолеть недостатки статического и динамического подходов и уточнить принцип развития экономики оказалась чисто описательной. Статические и динамические модели все-таки оперируют экономическими понятиями. Внутренняя сущность экономических процессов, из которых происходит основная сила развития, превращающая развитие в неизбежность, а не случайность, оказалась недоступной ни традиционному неоклассическому взгляду, ни Й.Шумпетеру. Это было реализовано в трудовой теории стоимости на том ее этапе, когда она соединилась с диалектикой. Раздвоение единого на противоположности и их взаимодействие обеспечивают непрерывное развитие каждого экономического явления, любой рыночной силы, рыночной экономики в целом, так же как и каждой экономической системы. Развитие является результатом внутреннего устройства экономики, и поэтому оно закономерно.

Вернемся к моделям равновесия. В них отражена лишь часть механизма движения цен, заключающаяся в тенденции притяжения цен и объемов выпуска к равновесному состоянию. Однако центр равновесия — это не просто какое-то количественное соотношение параметров, при которых спрос оказывается равным предложению, как он представлен в моделях частичного и общего рыночного равновесия.

Имеется ли какое-либо содержание в этом загадочном центре? Или это всего лишь равнодействующая из различных уровней цен данного товара? Маршалл трактовал его содержательно, т.е. как некий закон тяготения текущих цен¹. Раскрыть его содержание означает ответить на вопрос о содержании цены. Маршалл различает текущие (рыночные) цены и нормальные цены. Нормальные цены являются равновесными. Однако, по Маршаллу, это не тождественные понятия. Нормальные — то, что считается законом, к которому притягиваются цены. Содержание нормальных цен автору не удалось раскрыть четко и ясно, о чем будет сказано ниже. Несмотря на это, у Маршалла различие рыночных и нормальных цен в качестве равновесных является верным. Однако затем это различие было утеряно. В современной неоклассической теории преобладает понимание равновесия цен, как равнодействующей из текущих цен, т.е. как простое количество без каких-либо качественных отличий от текущих цен. Это шаг назад

¹ См.: Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 2. Гл. III. С. 20—34.

в научном отношении, так как без раскрытия закона цен («центра равновесия») механизм функционирования рынка становится недоступным. Основной объем экономического пространства был заменен точкой.

Действительно, из моделей равновесия вытекает невозможность развития. Если равновесие устойчивое, то любые колебания на стороне спроса и на стороне предложения должны, согласно логике моделей, погашаться. Перемещение центра равновесия невозможно. Рассмотрение перемещения центра равновесия под влиянием изменений спроса и предложения, которое выводится из базовых моделей равновесия, является искусственным приемом. Сдвиг кривой предложения вправо, например вследствие инноваций, перемещает центр равновесия вправо и вниз, что похоже на реальную действительность. Ведь любое отклонение от состояния равновесия включает силы, которые уничтожают это отклонение, как описывал это А.Маршалл в «Принципах...». Поэтому перемещение центра равновесия не следует из логики самих моделей. Более того, это опровергает саму идею равновесия.

Противоречие между идеей равновесия и действительностью возникает потому, что в моделях равновесия неадекватно отображается действительность. Они допускают не упрощения, что неизбежно, а искажение, что недопустимо. Причина ошибки возникает из-за того, что центр равновесия, точка равновесия не раскрыта и понимается как содержательная пустота. Между тем в ней заключено главное содержание рыночной экономики, ее важнейшая суть.

Движение текущих цен к центру равновесия — это процесс сведения цен к стоимости, где одновременно достигается равенство выпускаемых товаров платежеспособной потребности (равновесное количество). Стоимость же, как выяснено трудовой теорией стоимости, это вечно пульсирующая субстанция. Она притягивает цены к себе и тут же отталкивает их от себя. Отталкивание оказывается взаимоуничтожающим из-за разнонаправленности колебаний цен вверх и вниз. В результате снова начинается процесс движения цен к центру. И так бесконечно и непрерывно. Первая часть процесса — притяжение рыночных цен к центру — включена в модель «маршалlianского креста». Вторую же часть процесса — отталкивание цен от равновесных — она не отразила. Поэтому эта модель является односторонней, что выражается в невозможности на ее основе понять эндогенное (а не экзогенное)

перемещение центра равновесия. Внутренние постоянно действующие, а не случайные источники развития рыночной экономики в колебательных движениях цен к центру равновесия и от него имеют механизм своего действия.

Проблема равновесного состояния экономики тождественна проблеме пропорциональности. Она отвечает на вопрос, какова на каждый данный момент структура экономики, т.е. соотношение между затратами ресурсов и их результатами. Несмотря на то что неоклассическая концепция едва ли не всю экономическую теорию свела к поиску параметров равновесия, равновесие рыночной экономики выражено на основе трудовой теории стоимости гораздо содержательнее и точнее. Теория воспроизводства общественного капитала К.Маркса сформулировала законы равновесия в статике, когда экономические параметры неизменны, и в динамике, т.е. сбалансированном изменении пропорций воспроизводства при экономическом росте. Трудовая теория стоимости позволила обнаружить не только количественную динамику, но и качественные закономерности, выражающие изменения центра равновесия на основе возрастающей отдачи, т.е. техническом прогрессе. Модель общего рыночного равновесия на основе технического прогресса была построена В.И. Лениным.

Сравнение моделей равновесия неоклассического направления и трудовой теории стоимости заслуживает специального анализа. Здесь же обратим внимание на диаметральные различия в понимании равновесия. Все модели микро- и макроравновесия описывают состояние равновесия в координатах спроса и предложения. Общее равновесие на микроуровне достигается в процессе принятия рационального решения индивидов, в основе которого лежит психологическая оценка того, чего он хочет, и объективное ограничение того, чего он может. Именно поэтому невозможно отобразить перемещение центра равновесия из взаимодействия внутренних сил рыночной экономики. Нельзя же представить себе, чтобы индивиды одновременно приняли решение об изменении объемов выпуска и цен.

Трудовая теория стоимости раскрыла законы рыночного равновесия, не обращаясь к соотношению спроса и предложения. Состояние равновесия здесь понимается как более глубокое и содержательное. Законы равновесия выражают взаимодействие между индивидуальными капиталами. Следовательно, основополагающим в движении равновесия системы является макроуровень.

Микроэкономическое равновесие производно от равновесия системы в целом, но не наоборот. Кроме того, равновесие достигается силами, более фундаментальными, чем соотношение спроса и предложения. В основе законов равновесия (условий воспроизведения общественного капитала) лежит основополагающая пропорция между предметами потребления и средствами производства, с одной стороны, и между составными частями стоимости совокупного продукта — с другой. Эта пропорция отражает состояние технической базы экономики и ее социальную структуру. Непрерывное изменение этих основных составляющих экономики неизбежно перемещает точку равновесия. Центр равновесия перемещается в процессе накопления капитала и повышения его технического строения. Это — составные рычаги поступательного изменения траектории равновесия. Как видим, причины перемещения центра равновесия исключительно эндогенного характера. Их действие в дальнейшем выразится и в форме равенства спроса и предложения. В отличие от экономикс последнее лишь проявление действия внутренних сил и обусловлено ими. Движение к равновесию и от него, понятое всесторонне, тем не менее является лишь моментом процесса развития рыночной системы. Таким образом, равновесие рыночной системы в трудовой теории стоимости отражено гораздо богаче и содержательнее, на уровнях экономики более глубинных, чем спрос и предложение.

Понимание внутренней природы рыночного равновесия позволило трудовой теории стоимости раскрыть механизм достижения этого состояния, т.е. соотношение состояний равновесия и неравновесия, сбалансированности и несбалансированности, что является предметом дискуссий западных экономистов. Пульсирующая жизнедеятельность стоимости, берущая начало от ее двухполюсной структуры (переменного капитала и прибавочной стоимости), приводит в действие две ветви воспроизводственного процесса — восходящую и нисходящую. В точке их нейтрализации образуется состояние равновесия, когда достигается основополагающая пропорция между средствами производства, предметами потребления и составными частями стоимости совокупного валового продукта. Она определяет бесконечное множество всех прочих пропорций, в том числе и равенство спроса и предложения. Как только состояние равновесия достигнуто, начинается движение отклонения от него (вверх либо вниз) посредством отклонения цены от стоимости. Последнее достигает экстремальной

точки, в которой резко меняется направление хода воспроизведения, и вновь начинает действовать тенденция тяготения к центру равновесия. Как видно, равновесие есть момент постоянных циклических изменений всех экономических параметров. Обеспечивается состояние равновесия на мгновение посредством постоянно присутствующего неравновесия системы, т.е. через неравновесные цены, вплоть до инфляционных всплесков, а также через кризисы, разрушение ресурсов, банкротство индивидуальных капиталов, перераспределение ресурсов и собственности.

Таким образом, сравнение содержания рыночной системы в точке равновесия, полученного трудовой теорией стоимости из природы стоимости, и экономикс из соотношения спроса и предложения оказывается в пользу первой. Равенство спроса и предложения является лишь фрагментом, частью содержания равновесия. Если исходить только из равенства спроса и предложения, то даже взаимосвязь цен и объемов выпуска невозможно раскрыть полностью, а их динамику можно объяснить лишь случайным экзогенным образом.

Замена принципа экономического развития экономическим равновесием является регрессом в отражении наукой объективного мира. Здесь, как в большинстве других проблем, экономикс от общей задачи перешел к частной, хотя и та и другая уже решена наукой. Маржинальный анализ способствовал уходу от реальной экономики к созданию идиллической картины, искаженно изображающей функционирование рыночной экономики. Эту идиллию обнажил и частично преодолел Д.М. Кейнс.

Во-вторых, несмотря на явный регресс, связанный с применением маржинального подхода, выразившийся в замене экономического развития лишь одним моментом этого развития — функционированием экономики в состоянии экономического равновесия, все же маржинализм принес и положительные результаты. Положительным является, на наш взгляд, акцентирование предельных величин как стратегических, обнаружение состояний, когда однородно протекающий процесс меняет свои характеристики. Теория предельной полезности и теория предельной производительности отразили в довольно строгой форме опять же частный случай функционирования рыночных сил, а именно условия и механизм распределения ресурсов (денежных и реальных) с последующим их использованием на основе убывающей отдачи.

Вывод о том, что неоклассическая концепция, в основе которой лежит метод маржинализма, описала частный случай функционирования рыночной экономики, впервые сделал Д.М. Кейнс. В противовес этому свою теорию он назвал «Общей теорией...», самим названием своего основного труда подчеркнув оценку предшествующего этапа неоклассической теории. Кейнс доказывал, что рыночная экономика не способна обеспечить полное использование ресурсов и потенциально возможный выпуск валового продукта. Вынужденная безработица здесь является обязательным атрибутом. Кейнс, спустя много десятилетий, пришел к тому, что давно было доказано трудовой теорией стоимости. Коль скоро рыночные силы не могут достичь состояния равновесия при полной занятости, тем самым теоретические результаты неоклассической концепции в лучшем случае могут быть сведены к частному случаю полной занятости, чрезвычайно редкому. Согласно трудовой теории стоимости, даже невозможному по той простой причине, что воспроизводство при циклической форме неосуществимо без резервов труда (безработицы) и капитала. Ситуация полной занятости равносильна гибели рыночной экономики.

В теории Кейнса рыночная экономика отражена более реалистично, чем у неоклассиков. Более реалистическая картина рыночного механизма и его возможностей позволила предложить макроэкономическую политику государства, и прежде всего «социализацию инвестиций», как средство уменьшения разрушения ресурсов этим механизмом и как способ повышения эффективности экономики. Это революционное изменение неоклассической концепции. Тем не менее фундаментальные ее принципы сохранены. Теория Кейнса описывает функционирование рыночной экономики в координатах спроса и предложения; из этого сохраняется психологическая оценка рыночных явлений; методология маржинализма также сохраняется в качестве универсальной, что предполагает действие закона убывающей отдачи как основы экономики. Так, в центральном пункте теории эффективного спроса Кейнса — проблеме инвестиций — изменение объема инвестиции определяется предельной эффективностью инвестиции, циклическая динамика которой обусловлена «стадным чувством подражания» инвесторов. Методологическая общность с традиционными принципами неоклассической концепции не позволила Кейнсу, на наш взгляд, построить общую теорию функционирования рыночной экономики. В действительности произошло

лишь содержательное уточнение и существенные теоретические расширения критикуемого им частного случая. Теория Кейнса глубже и вернее описала взаимодействие рыночных сил на основе убывающей отдачи капиталовложений. Возрастающая же отдача по-прежнему не является ни основой, ни значимым фрагментом теории, в то время как реальная действительность зиждется именно на ней.

В-третьих. Теория предельной полезности и теория предельной производительности зачастую трактуются расширительно как теории цены (ценности) и распределения. Согласно этому цене товаров и факторов производства определяются субъективной полезностью. В центр экономики тем самым якобы поставлен потребитель, а производитель — капиталист — становится производной от выбора потребителя. Это идеологически оформляется в качестве гуманизма. Однако даже сторонники этих концепций возражают против такой их трактовки, так как слишком уж очевидно несоответствие с реальной жизнью. «Производные» от потребительского выбора производители — капиталисты или их представители высшего эшелона управления, всегда и везде несопоставимы по уровню жизни с рядовыми потребителями и по реальной власти. «Выбор» потребителя определяют именно капиталисты — производители во всех аспектах, кроме трат потребителя в пределах достающейся ему суммы, да и здесь его настигает организованная производителем реклама. О том, что на основании субъективной полезности объяснить феномен цен невозможно, убедились даже сторонники экономикс. Это выражается в том, что... они попросту сняли эту проблему. Так же обстоит дело и с гипотезой распределения дохода на основе предельной производительности факторов производства. Определить долю фактора производства в общем продукте в натуральном выражении невозможно, поскольку они в нем исчезают. Этот продукт является по своей натуральности общим результатом всех факторов, и разделить доли участия невозможно. Если общий продукт выразить в денежной форме, то более высокая производительность фактора производства может иметь отрицательную предельную доходность, или отрицательный предельный продукт в денежном выражении. Ситуация снова безвыходна. Конечно, эта ситуация легко разрешается понятием стоимости, но ей в экономикс вход воспрещен.

В-четвертых. Теориям предельной полезности и предельной производительности не удалось добиться ясности в фундаментальных проблемах цены и распределения, что и составляет содержание механизма рыночного функционирования. Теоретический результат теории предельной полезности и теории предельной производительности ограничивается доказательством отрицательного наклона кривых индивидуального спроса и изокванты. С кривой рыночного спроса такое доказательство не получилось в связи с тем, что совмещение кривых индивидуального спроса по горизонтали уничтожает смысловое содержание полученного результата. Вряд ли это такое уж большое достижение. Обратная зависимость между величиной спроса и ценой большинства товаров — из числа банальных фактов. Прикладного, хозяйственного применения маржиналистские концепции не имеют, несмотря на решение узкой, строго поставленной задачи — условии оптимального распределения средств при заданном их количестве на основе убывающей отдачи по критерию максимизации выгоды. Введя в экономический анализ предельные величины, неоклассическая концепция сконцентрировала тем самым внимание на изменении темпов роста выпуска продукции или снижении издержек. На этом основании предполагалась возможность принятия решений об объемах производства и ценах. Однако для любого практика это само собой разумеющееся положение. Обогащение практики не произошло. И не может произойти. Причина называлась выше при анализе методологических основ науки. Маржинальный анализ экономикс используют для решения задач в сфере наблюдаемых фактов, предполагая, что ничего более не существует. А без обращения к содержательным аспектам механизма функционирования вряд ли удастся обогатить его существенно.

Функциональные зависимости сфера видимого или сфера здравого смысла позволяет трактовать в бесконечных вариантах или сколь угодно разнообразно. По этой причине их моделирование на основе непосредственного наблюдения за поведением производителей и потребителей, за их выбором малопродуктивно. Например, существует суждение, что выбор потребителя определяет производство. Однако с той же самой достоверностью можно утверждать обратное: производитель определяет выбор потребителя, доставляя ему объекты выбора, определяя его доход, манипулируя его вкусами и т.п. Аргументы такого рода известны из работ экономистов этого же направления. Можно привести аргу-

менты, доказывающие, что выбор потребителей, так же как и выбор производителей, вообще не оказывает существенного влияния ни на производство, ни на потребление. Выбор экономических агентов действительно, на наш взгляд, не влияет сколько-нибудь существенно на экономические тенденции вследствие его взаимопогашаемости. Это происходит вследствие многообразия и разнонаправленности субъективно-психологических оценок. Другой пример можно взять из трактовки теории предельной производительности. Ее основатель Д.Б. Кларк утверждал, что рыночный механизм определяет оптимальное использование факторов посредством «эффективного» и «справедливого» распределения дохода владельцем этих факторов. Однако даже сторонники этой теории показали, что теорию предельной производительности можно понимать противоположным образом, а именно, что распределение дохода по принципу предельной производительности факторов производства ни в коем случае нельзя считать «справедливым» и «выгодным». Это свидетельствует только об одном: что чисто функциональное отображение экономики является тупиковым, поскольку оборачивается неопределенностью.

На основе идеи трудовой стоимости рыночная экономика в системном виде раскрыта в «Капитале» К.Маркса. От ее теоретического аналога в экономике она отличается полнотой выявленного содержания. Если экономике исследует функционирование рыночной экономики, то трудовой теории стоимости удалось отобразить ее развитие, т.е. раскрыть все ее стороны и связи, в том числе и функциональные, как органическую целостность, объединенную единым законом развития — законом стоимости. Составной частью стоимости является прибавочная стоимость. К.Маркс доказал, на наш взгляд, однокачественный характер процесса создания стоимости и прибавочной стоимости. Прибавочная же стоимость концентрированно выражает суть капитализма, является его «генетической формулой». Этим доказывается однокачественность капитализма и рыночной экономики, хотя это и не бесспорно. В трудовой теории стоимости социальная природа экономики выступает в качестве причины, генерирующей все структурно-функциональные и количественные зависимости.

В трудовой теории стоимости проблема оптимальности присутствует в форме условий воспроизводства общественного капитала. Кроме того, эта проблема специально исследовалась применительно к плановой экономике, где решалась задача оптимиза-

ции использования народно-хозяйственных ресурсов. Однако здесь нет необходимости обращаться к этим исследованиям, так как в данном случае в поле зрения находится рыночная экономика. Адаптация неоклассической концепции дифференциальных исчислений к экономике обозначила проблему оптимальности, что обогащает инструментарий экономической науки. Решение этой задачи можно, с известной долей вероятности, предполагать как верное применительно к частной задаче распределения наличных средств. Условия оптимальности (правила максимизации полезности, минимизации издержек, максимизации прибыли) отражают статическую экономическую ситуацию как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде. Они основаны на законе убывающей отдачи. В краткосрочном периоде он обусловлен фактом фиксации постоянных ресурсов, присоединение к ним возрастающих переменных ресурсов дает все уменьшающийся эффект из-за ухудшения пропорций между ресурсами. В долгосрочном периоде нет факта разнородности ресурсов, все ресурсы могут увеличиваться. Однако этот закон все-таки появляется. Динамика издержек по-прежнему выражается нисходящей и восходящей ветвями. Только объяснение одного и того же феномена в двух разных периодах дается различное. Это не может не настороживать. И долговременный период повторяет характеристики краткосрочного периода: кривые средних издержек в расчете на единицу продукции имеют точку перегиба, где неизбежно начинается их рост. Тем самым вводится минимальное значение функций и возможность использования маржинального аппарата, посредством которого решается поиск оптимальных значений экономических параметров.

Появление убывающей отдачи в долговременном периоде не находит удовлетворительного объяснения. В лучшем случае делаются ссылки на соотношение положительных и отрицательных эффектов масштаба. Но это доказывает, что на самом деле краткосрочный и долговременный периоды являются однокачественными. В обоих случаях экономические функции имеют пределы, а следовательно, можно найти касательную к кривым, отображающим эти функции, найти их производные по определенному аргументу, т.е. применить маржинальный инструментарий с целью решения задачи на оптимум.

Аналогично этому экономикс описывает функционирование рыночной экономики на основе возрастающей отдачи. Если отда-

ча от производства возрастає, то предел экономического роста исчезает. Эластичность предложения в этом случае равна бесконечности. А это означает невозможность применения метода дифференциальных исчислений к описанию рыночных регуляторов. А.Маршалл выходит из затруднения посредством манипулирования с репрезентативной фирмой. С тем, чтобы показать, каким образом достигается рыночное равновесие, т.е. равновесие отрасли в целом, А.Маршалл обращается к репрезентативной фирме данной отрасли. А коль скоро можно выделить в отрасли такую фирму, то ее поведение не отличается от поведения любой другой фирмы. Она использует принцип замещения менее выгодного ресурса более выгодным до тех пор, пока их выгодности не уравняются. В этом пункте замещение прекращается, достигается предел, который возникает из убывания выгодности (отдачи). В предельной области легко определяется оптимальный способ функционирования отрасли, т.е. рынка данного товара, данных ресурсов в целом и т.п.¹ Такова вкратце логика автора.

Нетрудно заметить, что репрезентативная фирма в результате вышеприведенных операций оказалась вовсе нерепрезентативной. Отрасль функционирует на основе возрастающей отдачи от ресурсов, а репрезентативная фирма — на основе убывающей отдачи. Описать репрезентативную фирму в данном случае А.Маршаллу не удалось. Он незаметно и, скорее всего, неосознанно осуществил подмену одного объекта другим. Кстати говоря, такая ошибка в его работе встречается неоднократно.

Рассмотрение фирмы, репрезентативной для отрасли с возрастающей отдачей, как использующей принцип убывающей отдачи, предельно ясно обнаружило ограниченность операционального инструментария экономикс, об универсальности которого заявляют сторонники данного направления. Ведь в рыночной экономике господствующей является тенденция возрастающей отдачи. Хотя в каждый данный момент всегда существуют отрасли и предприятия с убывающей, постоянной и возрастающей отдачей. В трудовой теории стоимости доказан закон развития капитализма (рыночной экономики) на основе научно-технического прогресса. Этот процесс имеет пределы, преграды, но он является экономической необходимостью.

Анализ отображения экономического равновесия неоклассической концепцией в краткосрочном и долговременном периодах,

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1984. Т. 2. С. 151—158.

на основе убывающей и возрастающей отдачи, показывает, что правила оптимального использования и распределения ресурсов выработаны применительно к статическому состоянию экономики. Их распространение за эти пределы (долговременный период, возрастающая отдача) оказывается некорректным.

Исходя из этого можно подвести итог исследования проблемы оптимальности в рыночной экономике. Оно выявило условия рациональности, равновесия в данных строго фиксированных условиях для отдельно взятых производителей (фирм) и потребителей. И не более того. Полученный результат описывает способ рационального распределения данных наличных ресурсов каждым отдельным хозяйствующим субъектом. Однако решение частной узкой задачи, вырванной из контекста общей целостной картины рыночной экономики, может привести к совершенно искаженным выводам. Гипотетическая, чисто условная модель рационального (оптимального) поведения индивида отнюдь не означает, что в действительности экономические субъекты принимают решения о распределении ресурсов так, как это предполагается в модели.

Реальные факты, например ежегодные банкротства десятков тысяч предприятий в США, опровергают предпосылки и выводы оптимизационных моделей. Д.М. Кейнс исходил из противоположных представлений о характере решений предпринимателей и их поведения. Он утверждал, что их решения редко бывают правильными. Чаще всего их расчеты на будущее при инвестировании ресурсов оказываются ошибочными. Поведение инвесторов определяется «стадным чувством подражания», что гораздо ближе к реальным моделям.

Нельзя частную задачу моделирования условий оптимальности поведения индивида распространять на всю целостность экономики так прямолинейно, как это делает неоклассическая концепция. Из формулировки и даже из факта существования оптимальных условий и правил распределения ресурсов индивидом отнюдь не следует вывод, что рыночная экономика всегда это реализует. На основании вытекающих из чисто математического соотношения функций условий их оптимальных значений невозможно вывести все содержание рыночной экономики. Сам факт существования равновесного, т.е. оптимального, состояния не означает, что рыночная экономика, во-первых обеспечивает полное и эффективное использование ресурсов; во-вторых, это не означа-

ет, что рыночный механизм обеспечивает максимально возможный (потенциальный), т.е. оптимальный, выпуск продукта (конечно, валового) из имеющихся ресурсов; в-третьих, это не означает справедливого распределения ресурсов и доходов в обществе, что гласно или негласно предполагается, апеллируя к вознаграждению за эффективность ресурса или за «воздержание».

Движение к равновесию в рыночном механизме осуществляется через колебания рыночных цен вокруг равновесных. Этот вывод одинаков и в экономике, и в трудовой теории стоимости. Оба направления экономической науки имеют тождественный в данном случае результат. Тенденция колебания цен вокруг центра равновесия (стоимости) означает, что рыночная экономика распределяет ресурсы, наращивает объемы выпуска не на основании рационально принятых решений экономических субъектов, а методом проб и ошибок. В процессе движения к оптимуму (равновесию) уже существует налицо неэффективное распределение ресурсов. Оптимум достигается лишь на мгновение, и в конечном счете, т.е. в том случае, по словам А. Маршалла, когда нормальное действие экономических сил располагает временем, чтобы наиболее полно себя проявить. К постоянным колебаниям цен как механизму обеспечения оптимума надо добавить инфляцию, кризисы разных типов, которые служат той же цели в рыночном механизме. В результате полное использование ресурсов и потенциальный объем выпуска оказываются невозможными.

Колебания цен говорят о фактах неэффективного распределения ресурсов. Кроме того, национальный объем производства зависит не только от распределения ресурсов, но и от их эффективности в процессе производства. Трудовая теория стоимости обнаружила пределы эффективности в самом процессе производства, возникающие из-за несогласованности хозяйственных звеньев рыночного механизма.

Об оптимальности в условиях рыночной экономики можно говорить только как о равновесном состоянии. Оно достигается отнюдь не принятием рационального решения. Не выбор субъекта определяет точку равновесия. Если предположить, что на самом деле все субъекты приняли равновесные решения, действительный результат никогда не будет совпадать с запланированным. Объемы действительного производства никому не известны. То, что будет произведено, и то, что описывается моделями как наилучшее решение для каждого производителя, не имеют между

собой ничего общего. Фактически это признается и в самих моделях. Долгосрочный выбор определяется в результате притока и оттока фирм из отрасли. В результате этого равновесие устанавливается не в точке равенства цены и индивидуальных предельных издержек, а в точке равенства цены с минимальными значениями средних, т.е. общих для всех издержек. А как определить рациональному субъекту в краткосрочном периоде, следующим за долгосрочным, какое количество фирм утекло или притекло к началу его расчетов из отрасли? Или как будут загружены производственные мощности у производителей, которые начнут выпускать продукцию?

Условия равновесия являются моментом, частью автоматически или стихийно действующего механизма. Повлиять на него можно, заменяя другим механизмом, даже когда другой механизм «встраивается» в рыночный. Речь идет об экономической деятельности государства. В чистом виде рыночные силы действуют независимо от принятых индивидуальных решений. Вот почему модели равновесия, определяющие условия оптимальности, т.е. максимальной выгодности для субъектов, не являются основой для хозяйственной практики, для бизнесменов или для потребителей. «Ограниченност¹ такого рода анализа и крайняя его отдаленность от практических задач (подчеркнуто нами. — Р.З.) теперь достаточно поняты»¹. В рыночной системе единственным ориентиром для практиков, кроме законодательных ограничений, является цена. Действия хозяйствующих субъектов не согласованы друг с другом ни по вертикали, ни по горизонтали. Это согласование насилиственно достигается колебаниями цен, кризисами, инфляцией. Автоматически действующий рыночный механизм есть не что иное, как метод проб и ошибок. Таким способом оптимальности в распределении ресурсов достигнуть невозможно. Это доказано трудовой теорией стоимости. Позднее это же было еще раз доказано Д.М. Кейнсом, который показал, что рынок обеспечивает равновесие до полного использования ресурсов. Рыночное равновесие достигается при неполном их использовании. Оптимальность, понимаемую как полное использование ресурсов при их рациональном, т.е. обеспечивающим максимальную выгоду их владельцам, рынок обеспечить не способен. Это одна из причин, по которым история человечества и экономическая

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 390.

история не заканчиваются рыночной системой. Оптимальность же в более мягком варианте, понимаемая как такой способ распределения ресурсов, который никому не делает хуже (по Парето), вряд ли может вызвать оптимизм в отношении рыночного механизма. Если в исходном варианте ресурсы были распределены не оптимально, то это с неизбежностью воспроизводится при соблюдении условия «никому не должно стать хуже». Эта формула ничего не меняет в общих результатах, получаемых рыночной системой.

Критерий оптимальности, по Парето, в современных моделях равновесия и теории общественного благосостояния является общеупотребительным. Эффективным считается такое распределение ресурсов посредством рыночного механизма, если не существует другого варианта распределения, при котором все экономические агенты улучшили бы свое положение.

Перераспределение ресурсов, улучшающее положение бедных посредством ухудшения хоть в какой-то мере положения богатых, согласно этому критерию, называется неэффективным. Очевидно, что Парето-эффективное распределение предполагает «естественной» социальную дифференциацию. Среди современных экономистов майнстрима далеко не все относятся к пониманию эффективности столь цинично, что саму постановку о социальной справедливости относят за пределы экономики. Откровенно несправедливое распределение собственности и доходов, неизбежно вытекающее из оптимальности по Парето, дискутируется. Для многих западных авторов неприемлемо считать в экономике эффективным то, что оборачивается для людей несправедливостью. Однако теоретически решается эта дилемма так же, как во времена Рикардо, а может быть, и раньше. Если Парето-оптимальное распределение является с точки зрения общественного благосостояния несправедливым из-за неравномерного исходного распределения ресурсов, то необходимо корректировать начальные условия.

В современной теории общего равновесия доминирует идея о том, что конкурентный рыночный механизм обеспечивает оптимальное, по Парето, распределение и перераспределение ресурсов посредством максимизирующих выгоду независимых частных решений, координируемых рынком. Неравномерность и несправедливость распределения благ необходимо сглаживать корректировкой начального распределения. После этого, согласно позиции этой теории, всю остальную работу необходимо предоставить рынку и не вмешиваться в этот процесс ни на одной из послед-

дующих стадий. При этом обсуждаются ситуации, наличие которых не позволяет рынку обеспечить эффективное распределение. Обычно к ним относят неделимость благ, мешающую перемещению ресурсов, неопределенность информации, не позволяющую принять рациональное решение индивидам, экстерналии.

Центральная идея теории общего равновесия об оптимальности рыночного распределения ресурсов, на наш взгляд, весьма непоследовательна. Если оптимальное, по Парето, распределение ресурсов тождественно несправедливости в экономическом положении людей, то здесь содержится само себя уничтожающее противоречие (аналогичное выражению «горячий снег»). Если в результате распределения богатство концентрируется в руках одних, а другие оказываются несравненно беднее или даже просто бедными, то можно сделать два вывода. Либо признать рыночный механизм неспособным обеспечить эффективное распределение, либо теория должна отказаться от претензии на гуманизм.

Причина неравномерности в распределении благ, явно или не явно, связывается в этой теории с начальными условиями распределения. На этом основании ее сторонники считают возможным исправить конечную «неоптимальность» (несправедливость) Парето-оптимального распределения, изменяя начальное распределение. Практика социальных трансфертов посредством налогового перераспределения применяется сейчас довольно широко. И она, конечно, прогрессивна во многих отношениях, являясь существенным социальным достижением XX в., главным образом второй его половины. К сожалению, в последнее десятилетие, после распада СССР, она заметно сократилась. Но и до этого сокращения имущественная дифференциация даже в самых богатых странах, например в США, оставалась огромной. Действительно, откуда берутся неэффективные начальные условия, коль их необходимо изменять? Не бабушкиным наследством же их объяснить?

Совершенно очевидно, что «начальные» условия распределения являются в действительности конечным результатом распределения, осуществляемого рыночным механизмом. Они являются неизбежным следствием его функционирования, постоянно воспроизводимым параметром. Некоторая количественная корректировка, конечно, и возможна и допустима. Однако это возможно только в пределах, сохраняющих качественную определенность этого явления, т.е. неравномерность и несправедливость распределения, что и выражает «Парето-оптимальность». Уничтожить

несправедливость распределения тождественно уничтожению конкурентного рыночного механизма как такового. Потому и не допускается, согласно теории общего равновесия, вмешательство в процесс его функционирования. От этих противоречий можно избавиться, отослав проблему «несправедливости» Парето-эффективного распределения за пределы экономической теории, скажем, в этику. Но тем самым, делая вид внеидеологичности, теория использует насквозь идеологизированный критерий эффективности.

Существуют попытки позитивного решения соотношения между конкурентным равновесием и эффективностью по Парето. Проблемы справедливости и эффективности решаются поиском меры их соответствия, как правило, посредством совершенствования механизмов и форм перераспределения, например посредством квотирования, и других мер экономической политики. Некоторые авторы видят возможности в гармонизации эффективности и справедливости в использовании нерыночного механизма. «Конечное распределение... на практике может быть получено некоторым другим, нерыночным путем, например с помощью компьютера, — в котором заложены все необходимые данные — сведения о предпочтениях и производственных возможностях всех индивидов и производственных предприятиях и информация о начальном распределении всех ресурсов»¹. В данном случае речь идет о решении этой проблемы не теорией, а самой экономической системой. Возникают новые, более эффективные, чем рыночные, формы координации деятельности и ресурсов. Для ее осуществления уже созданы технические инструменты, в данном случае быстroredействующая вычислительная техника. Это, по всей видимости, и будет составлять основную тенденцию преодоления оптимальности по Парето, или внутренней неэффективности рыночной системы при любых формах ее организации, в особенности же, вопреки теории общего равновесия, при конкурентной.

Сравнение содержания неоклассической теории общего равновесия с законами воспроизводства общественного капитала в трудовой теории стоимости дает основание судить о бесперспективности современных попыток определения «микроэкономических основ макроэкономики» в качестве связующего звена двух

¹ Кериет Дж. Эрроу. Возможность и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS. СПб., 1993. Т. I. Вып. 2.

разделов экономикс. Действительно, рыночная экономика функционирует не таким образом, согласно которому равновесие всей системы представляет собой суммарный результат рациональных решений на микроуровне. Реальный процесс прямо противоположного свойства. Субъекты принимают решения в рыночной экономике отнюдь не по правилу равенства предельных результатов предельным затратам, а на основе практического опыта в условиях доступной им достаточно неопределенной информации. Суммарный результат на макроуровне складывается из исправленных в процессе реализации результатов, полученных на основе первичных решений. Затем этот результат многократно «поправляется» посредством инфляций, кризисов, банкротств, поглощений, слияний и т.п. Наконец, достигается на короткий миг равновесный результат, запечатленный трудовой теорией стоимости в форме законов воспроизводства, от которого тут же система начинает уходить.

По отношению к таким образом понятому равновесию некий субъект на мгновение оказывается в состоянии «рациональности». Следовательно, в реальной жизни рациональные правила для субъектов являются следствиями, производными от достигнутого в процессе конкуренции макроэкономикой состояния. Реальные субъекты никогда в таком состоянии не находятся. Но можно определить чисто теоретически это производное от макроэкономики оптимальное состояние ее микрочастей. Возможно, что равновесные неоклассические модели в какой-то мере это описали. Однако реальный процесс соответствует иной линии: субъективные решения, полученные опытным путем, макроэкономическое равновесие как результат конкурентного взаимодействия субъектов, субъективные решения, полученные опытным путем. Теоретическую модель рационального поведения (покупателей, производителей) можно воспринимать как условия соответствия микроуровня состоянию макроэкономики в точке равновесия. По этой причине выведение макроэкономики из микроэкономических основ, понимаемых как оптимальный выбор субъектов в хозяйственной сфере, приведет к искажениям реальной действительности. Последовательность реальных процессов противоположная.

Выводы неоклассической концепции об оптимальном распределении ресурсов, полном их использовании и максимально возможном выпуске продукции в рыночной экономике критиковались институциональным направлением, Д.Кейнсом. Ранее по-

тери ресурсов, неизбежно возникающие при функционировании, рыночной экономики, были выявлены К.Марксом. Они подвергаются критике и в современных работах западных экономистов мэйнстрима. Тем не менее влияние монетаристских взглядов, гипотезы рациональных ожиданий в последние годы, доминирование неоклассического подхода в современном мэйнстриме вновь воскрешают эти ошибочные теоретические выводы.

Таким образом, заслугой моделей, основанных на неоклассической концепции, является адаптация метода дифференциальных исчислений к экономике. Это дало возможность постановки и хотя бы на модельном уровне решения задач оптимального распределения наличных ресурсов отдельно взятой фирмы. С помощью этого инструментария был описан фрагмент функционирования рыночного механизма преимущественно в статическом состоянии, когда нарушение пропорций между ресурсами ведет к убывающей отдаче, в силу чего экономические функции имеют предел. При этих предпосылках функции имеют оптимум. Попытки выразить посредством маржинального инструмента природу и действия рыночных сил в более широком плане, т.е. на основе возрастающей отдачи и в целом ко всей экономике, некорректны. Выводы, полученные при такой экстраполяции результатов частной задачи на рыночную экономику в целом, о ее возможностях, эффективности, регуляторах, оказываются весьма сомнительными. Тем не менее обогащение исследовательского инструментария методами количественного анализа, особенно предельным анализом, явление весьма позитивное. В особенности это важно, если иметь ввиду перспективу. Экономические системы развиваются в направлении усиления упорядоченности, уменьшения метода проб и ошибок, преодоления энтропии экономических процессов. Расчетные методы оптимизации использования ресурсов не могут обойтись без формализованного описания функционирования системы.

Оптимальность, понимаемая как способ рационального и полного использования ресурсов с целью развития индивида (но не максимума прибыли), становится моментом реальной практики в пострыночной экономике. Эту задачу решает плановая экономика. Ее механизм — не свободное колебание цен, не поиск общественно значимых результатов методом проб и ошибок. Им является прямой расчет распределения, использования и наращивания ресурсов для удовлетворения потребностей индивидов.

Практика такого рода уже существует. Существовала она и в нашей стране. Нельзя сказать, что в самый момент возникновения такой практики мгновенно достигается принцип рациональности в использовании ресурсов. Здесь осуществляется довольно длительный общественный поиск. В частности, он решался реальными процедурами планирования, хозяйственной практикой и научными средствами. В науке же произошло несколько парадоксальных событий. Научно-исследовательские институты, научная среда, которая формировалась для решения задачи оптимальности (оптимальные планы, оптимальный механизм — функционирования и т.п.), активно использовали инструментарий неоклассического направления, полагая, что математические методы содержат расчетные алгоритмы оптимума. Расчетные средства — это то, что было необходимо плановой экономике, и то, что не было развито в фундаментальной теории, ведущей свое начало от трудовой теории стоимости. Однако, как отмечалось, существующие модели не достигли уровня практической применимости. Они в большей степени послужили фактором распространения рыночной идеологии.

Тем не менее именно в недрах плановой экономики независимо от негативного процесса прямого переноса чужеродных для нее идей отечественная экономическая наука решила в основных чертах, на наш взгляд, проблему оптимальности. Ее решили три советских экономиста независимо от западных экономистов и в какой-то степени независимо друг от друга. Это — В.С. Немчинов, В.В. Новожилов и Л.В. Канторович, которым в 1965 г. была присуждена Ленинская премия за вклад в науку. Составными частями решения проблемы оптимальности являются три относительно самостоятельных блока. Первым блоком здесь является межотраслевой продуктивно-трудовой баланс народного хозяйства, теоретическая разработка которого принадлежит академику В.С. Немчинову. По сути дела, это модель воспроизведения плановой экономики в межотраслевом разрезе. Второй блок проблемы оптимальности состоит в критерии оптимальности. Его сформулировал и обосновал В.В. Новожилов. Критерием оптимальности плановой экономики является прямая трудоемкость совокупного конечного продукта. Метод решения оптимальных задач предложил Л.В. Канторович. Применение этого третьего блока к двум первым определило содержание цены в плановой экономике как вклад продукта в критерий оптимальности. Таковыми в данном случае, в данной задаче, являются объективно обусловленные оценки.

Практическое применение теории оптимальности, разработанной советскими экономистами, требовало необходимой технической расчетной базы. Она начинала создаваться в нашей стране. В 60-е гг. на правительственном уровне было принято решение развертывания общегосударственной автоматизированной системы управления экономикой (ОГАС). Однако ее не удалось создать из-за нехватки средств. По этой причине научные разработки проблемы оптимальности не были применены на практике. Идеи оптимальности сейчас забыты, коль вновь воскресла архаичная, по выражению Кейнса, вера в саморегулирующую силу рынка.

Понять проблему оптимальности, сформулировать ее содержательно и операционально оказалось возможным лишь тогда, когда возникла и стала приобретать все более определенный характер постырьочная, плановая экономика, позволяющая делать рациональные расчеты и развиваться на их основе. Тем самым возник расчетный инструментарий, позволяющий эффективно соединять ресурсы с общественными потребностями и целями. Кроме того, полная содержательная и математическая формулировка проблемы оптимальности была достигнута наукой на основе трудовой теории стоимости. Но не в буквальном смысле, так как в плановой экономике регулятором является не стоимость.

Трудовая теория стоимости содержит в себе некоторые контуры будущего процесса, ибо он возникает из стоимости. Из формулировки критерия оптимальности В.В. Новожилова появляется, например, новое содержание цены, выступающей мерой вклада каждого продукта в критерий оптимальности. Экономический смысл ее заключается в способности экономить труд — единственный источник развития экономики. Это свойство всех экономических благ составляет содержание новой экономической материи, которой теперь взамен стоимости является общественная полезность. Как видим, это не психологическая характеристика, а новое постырьочное отношение между людьми, лежащее в основе новой экономической системы, построенной на рациональном расчете потребностей и ресурсов.

§ 2. Теория денег и цены

В современном экономикс (мэйнстриме) доминирует количественная теория денег. За длительное время своего существования она непрерывно изменялась, подправлялась. Ее касались «революции» (кейнсианская) и «контрреволюции» (монетаристская). По сей день ряд основополагающих моментов теории денег в рамках количественной теории имеет несколько вариантов решений. Общим признаком всех вариантов и разновидностей количественной теории денег является главный акцент на выяснении функции спроса на деньги при довольно нетребовательном отношении к их сущности.

Наиболее глубокое, хотя и далеко недостаточное суждение о сущности денег имелось у Д.Рикардо. В соответствии с центральным тезисом трудовой теории стоимости он считал, что деньги являются товаром, имеющим внутреннюю стоимость, равную количеству труда на их производство. Д.Рикардо признавал изменение относительной стоимости товаров под влиянием спроса и предложения, различая тем самым меновую стоимость и стоимость. Это положение он распространял и на деньги. Деньги, выдаваемые в ссуду, действительно имеют меновую стоимость. Ею является ссудный процент, величина которого определяется спросом и предложением. Однако деньги как форма выражения стоимости, как всеобщий эквивалент не имеют меновой стоимости. Их основная функция в том, чтобы определять меновые стоимости товарного мира. Именно это составляет суть понятия денег. Без таких акцентов объяснить цены товаров невозможно.

Отождествляя деньги с обычными товарами, Рикардо считал, что их относительная стоимость изменяется под влиянием спроса и предложения. В дальнейшем представления о сущности денег становятся все более неопределенными. Так, в современных работах можно встретить ссылки на мнение И.Фишера о том, что «деньги — это то, что ими считается». Дж.Р. Хикс определял деньги как вид ценных бумаг «высшей категории качества», «самый совершенный вид ценных бумаг». При этом всякая ценная бумага определяется как «обещание уплатить в будущем определенную сумму денег»¹. Позицию Д.М. Кейнса в литературе часто

¹ Хикс Дж. Р. Стоимость и капитал. М., 1993. Гл. XIII.

комментируют так, что деньги, по его суждению, являются активным, реальным богатством. Если исходить из описанных Дж.Кейнсом свойств денег (в частности, из «нулевой или незначительной эластичности их производства для мира в целом»¹ и др.), то можно сделать вывод, что его позиция о сущности денег тождественна или близка к позиции Д.Рикардо. В современной литературе распространено функциональное определение денег («деньги — это то, что деньги делают») посредством перечня трехчетырех функций денег, рассматриваемых в разной последовательности. Между тем, если разные функции принадлежат одному и тому же объекту, явлению, то деньги и есть то общее, что объединяет функции в нечто родственное. Однако эта работа, выявляющая сущность денег, по какой-то причине не выполняется.

Возможно, причиной такого рода служит направленность количественной теории денег на содержание функции спроса на деньги и ее влияние на уровень цен. Все разновидности теории базируются на корреляции между количеством денег в обращении и уровнем цен. В неоклассическом варианте деньги нейтральны по отношению к реальным экономическим параметрам, так как ресурсы используются полностью. Не нейтральность их выясняется в ряде случаев короткого периода. Деньги определяют абсолютные цены (по трансакционной версии И.Фишера) при стабильной скорости их обращения и экзогенным формированием их количества. Отсюда следует основной вывод доктрины, согласно которому цены изменяются прямо пропорционально количеству денег. Из этого же вытекает другой ее основополагающий тезис о монетарной причине нестабильности цен. Третий тезис касается передаточного механизма денежных инъекций к ценам. Он, в свою очередь, существует в двух вариантах. Прямой механизм заключается в немедленном расходовании денег, в трансакциях, что сразу же изменяет цены в направлении их инъекции в экономику. Это давнее представление, сформулированное Кантильоном и Юмом. Косвенный механизм более длительный. В нем участвуют норма процента и изменение величины инвестиционного спроса в качестве посредников между вливанием денег и изменением цен, что определил Д.Рикардо. В более мягком камбриджском варианте неоклассического этапа количеств-

¹ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.. 1978. С. 300—305.

венной теории денег (Виксель, Маршалл, Пигу) спрос на деньги уравнивается не с годовым объемом трансакций, а с годовым национальным продуктом и с денежным остатком у населения для покупок товаров. Он мало отличается от трансакционного варианта. Отличие лишь в том, что кембриджская школа сконцентрировала внимание на нестабильности цен в коротком периоде и на краткосрочной политике стабилизации цен, которая по этой логике должна сводиться к монетарным действиям, т.е. к кредитно-денежным мероприятиям.

В «Общей теории» Кейнса неполная занятость ресурсов является конституционным признаком рыночной экономики. Отсюда изменение номинальных доходов (количества денег в обращении) повлияет на объемы выпуска и занятости, не затрагивая уровень цен, т.е. при постоянных ценах. Кейнс опроверг принцип стабильности скорости обращения денег по причине устойчивости институциональных факторов. По его мнению, увеличение количества денег в обращении может быть скомпенсировано уменьшением скорости их обращения, что также уменьшает эффект воздействия денег на цены. Деньги, являясь реальным богатством, не нейтральны, т.е. влияют на реальные экономические показатели, но не через цены, а на размеры платежеспособного спроса и в конечном счете на инвестиции. Однако из-за слабой реакции инвестиций на процент кредитно-денежная политика малоэффективна.

Дж.М. Кейнс продвинул идею денежного остатка кембриджской школы таким образом, что спрос на деньги стал определяться методом «портфельного баланса». Активную часть его составляют деньги для покупок товаров и услуг (трансакционные кассовые остатки), пассивную — деньги для покупки ценных бумаг (спекулятивные кассовые остатки), а также запас денег по соображению предосторожности (из-за неопределенностей в будущем). Активная часть функции спроса на деньги зависит только от номинального дохода, пассивная же часть меняется в обратном отношении к норме процента. Тем самым утверждался косвенный передаточный механизм кредитно-денежной политики с его четырьмя (а не двумя) звенями. Кроме того, Кейнс выдвинул немонетарный механизм приспособления экономики к равновесному состоянию, основанный на мультипликативном эффекте. Этот механизм составляет суть бюджетно-налоговой политики, которая преодолевает депрессии значительно эффективнее, чем кредитно-денежная. Хотя последняя, по Кейнсу, тоже оказывает влияние

на выпуск главным образом в форме максимального снижения ставки процента, что можно обеспечить посредством «эфтаназии рантье» и жестким регулированием монетарной базы (деньги в обращении и резервы).

Последний этап в эволюции количественной теории денег связан с «монетаристской контрреволюцией», которая в принципиальных моментах возвращает эту доктрину едва ли не в исходный пункт, в прошлое. Вновь, как и в XVIII—XIX вв., стала проповедоваться способность рыночной экономики функционировать на уровне полной занятости, абсолютная эластичность денег, цен и заработной платы. Доктрина особенно настаивает на исключительно высокой активности денег в отношении цен. Вновь признается эластичной пропорция между инъекцией денег и увеличением уровня цен. В других же течениях мейнстрима считается обоснованным вывод о разнице в 2 года и более между этими событиями. Причина нестабильности цен монетаристы видят исключительно в количестве денег, ссылаясь на правило пропорциональности. Отличие монетаристского этапа количественной теории денег от раннего состоит в функции спроса на деньги. Число переменных этой функции расширено. Сюда входят доходы от всех видов богатства («постоянный доход»). Основные виды богатства, по Фридмену, — это деньги (агрегат M_2), облигации, акции, физический капитал, человеческий капитал. Кроме того, функция спроса на деньги включает адаптивные ожидания потребителей относительно уровня цен и доходов. Основное свойство функции спроса, по Фридмену, — ее высокая стабильность. Так как деньги являются субститутами товаров, услуг, ценных бумаг, то монетарные изменения передаются ценам и номинальным доходам. Тезис монетаристов о сильной и стабильной связи между деньгами и номинальным доходом реставрировал старую идею доктрины, согласно которой изменение количества денег в обращении оказывает мощное влияние на экономическую активность. Отсюда вывод о неэффективности бюджетно-налоговой политики и эффективности кредитно-денежной политики, основным объектом которой является не норма процента, как в кейнсианской модели, а контроль центральных банков за предложением денег посредством управления денежной базой (деньги в обращении плюс резервы банков).

Нетрудно увидеть, что монетаристская модель денег выработана не на основе обобщений реальной действительности, а по принципу опровержения кейнсианской теории. Действительность

неоднократно проявлялась обратно утверждениям количественной теории денег. «Великая депрессия разнесла количественную теорию вдребезги. Федеральная резервная система не сумела предотвратить экономическую катастрофу, а когда кризис разразился, не смогла добиться быстрого восстановления полной занятости¹! Кейнс скорректировал некоторые положения неоклассиков о роли денег в экономике. Монетаристы же, как правило, несмотря на серьезные разногласия среди исповедующих доктрину, снимают эти коррекции. Любое положение модели Кейнса обнаруживается в монетаристской модели с обратным знаком или обратным смыслом. В результате этой логической процедуры количественная теория денег была реставрирована в своем первоначальном «жестком» варианте. Монетаристскую доктрину разделяет незначительное число западных экономистов². И все же она существует наряду с обоими вариантами неоклассической модели и с кейнсианской интерпретацией.

Возвращение количественной теории денег к неоклассическому этапу завершила концепция рациональных ожиданий. На основе предпосылки о том, что потребители и предприниматели достаточно информированы, а потому способны определять рациональные ожидания от мероприятий экономической политики и нейтрализовать их, ее сторонники делают вывод о неэффективности любой дискреационной политики. Суть этой концепции в тезисе о том, что «деньги — это единственное, что имеет значение». Деньги и цены изменяются пропорционально почти мгновенно; поэтому они супернейтральны; рыночная экономика — экономика полной занятости, обеспечивающей равновесие; причина нестабильности и неравновесия в деньгах — это положения одной из новейших концепций в рамках экономикс. Они хорошо известны экономистам. По сути дела, анализ природы ожиданий явился методом реанимации представлений о рыночной экономике Сэя. Гипотеза рациональных ожиданий завершила монетаристскую доктрину, пользуясь иной аргументацией.

Эволюция количественной теории денег получила странный характер. Вместо поступательного развития произошло резкое

¹ Ричард Т. Селден. Монетаризм. Современная экономическая мысль / Под ред. Сиднея Вайнтрауба. М., 1981. С. 369.

² «Монетаризм... — философские, идеологические и аналитические воззрения меньшинства американских экономистов, альтернативные кейнсианству» — Кэмпбелл Р. Макконнелл. Стэнли Л. Брю. Экономикс. М., 1992. Т. 2. С. 390.

движение «вспять». Это само по себе указывает, с одной стороны, на исчерпаемость ее внутренних теоретических резервов; с другой — на расплывчатость содержания, отсутствие теоретической строгости, доказательности, благодаря чему можно вменить любое содержание. Конечный пункт эволюции рассматриваемой доктрины — возврат в прошлое — дополнительный и весьма весомый аргумент того, что она плохо согласуется с реальной действительностью. Современная экономика западных стран имеет статус «смешанной». Факты свидетельствуют об увеличении влияния государства на экономические процессы после Великой депрессии. Хотя это происходит волнообразно посредством смены противоположных политических группировок, но результирующая показывает именно нарастание государственного вмешательства. Теория денег эволюционирует после Кейнса обратно тому, как развивается действительный мир. В этом выражается сопротивление развитию экономики независимо от того, осознанно это делается или неосознанно, как часто случается в силу привычной многовековой веры в могущество рыночных сил.

Итог современного состояния количественной теории денег, состоящей из набора разнообразных версий, заключается в отсутствии определенной позиции по принципиальным, концептуальным аспектам. Деньги — нейтральны или не нейтральны, или во все супернейтральны по отношению к реальной экономике; деньги — вуаль экономики или реальное богатство? Деньги — причина нестабильности цен, или нестабильность цен вызывается другими импульсами? Деньги и цены изменяются мгновенно и прямо пропорционально или нет? Импульс от денег к ценам передается через прямой короткий механизм или косвенный длительный? Как видим, на любой вопрос ответы весьма различны и даже противоположны. Так же обстоят дела с эффективностью экономической политики. Все мысленные варианты решений можно обнаружить в версиях количественной теории. Получается нечто весьма похожее на цыганские гадания по неопределенности. Причина такого неутешительного итога заключается, на наш взгляд, в пренебрежении к сущностному аспекту денег. Коль неизвестен объект в своей основе, его функции становятся малодоступными и нечеткими. Появляется возможность моделировать их не в соответствии с реальной действительностью, а в соответствии с тем или иным социальным интересом, либо со случайными и ограниченными проявлениями. Сами же авторы чаще всего это оправдывают различиями в режимах хозяйственных систем.

Позитивный же результат количественной теории денег, на наш взгляд, состоит в том, что она поставила проблему денег как инструмента экономической политики. Сама по себе постановка проблемы ставит эту теорию в преимущественное положение в сравнении с другими теориями денег, включая и трудовую теорию стоимости. Многовариантные решения этой проблемы, конечно, свидетельствуют о незавершенности исследования. Вероятнее всего, на наш взгляд, в рамках количественной теории денег ее решение невозможно получить. Несмотря на это, разносторонняя палитра суждений об эффективности, неэффективности, малой эффективности и т.п. денежной политики облегчает научный поиск. Ее можно воспринимать как накопленный наукой материал. Он может быть сопоставлен с трудовой теорией стоимости, которая сильна тем, что раскрыла сущность денег, вывела строго и последовательно функции денег, но не сконцентрировала внимание на макроэкономической политике, без чего в современном мире экономику представить невозможно.

Сущность денег в трудовой теории стоимости исчерпывающе раскрыта в анализе формы стоимости, т.е. меновой стоимости. Тезис Рикардо о деньгах как товаре, имеющем внутреннюю стоимость, стал исходным пунктом отражения всего информационного объема сущности денег. Поскольку тождество товара и денег не содержит их отличий, то развитие теории денег заключалось в выяснении их различия и взаимодействия. Это было выполнено К.Марксом, создавшим теорию формы стоимости. Здесь раскрыта сущность денег. Форма стоимости, или меновое отношение двух товаров, возникает из внутренних противоречий товара, базовым уровнем которых является противоречивое положение производителя в рыночной системе между трудом на себя и трудом на других, на общество.

Наиболее концентрированным результатом исследования меновой стоимости явился вывод о том, что товар в эквивалентной форме является формой самостоятельного существования стоимости товаров. Внутренние противоречия товара разрешаются таким образом, что стоимость товара в момент перехода товара в сферу потребления переселяется в денежный товар, потребительная стоимость которого становится формой выражения стоимости. Стоимость товара количественно определяется, превращаясь посредством денег в цену. Переселяясь в денежный товар, она вечно сохраняется после того, как товар, в котором она ранее пребыва-

ла, реализовался в потреблении. Деньги являются хранителем и накопителем жизненной энергии, произведенной человеком при изготовлении товара или услуги. Благодаря денежной форме стоимость продолжает свою многообразно бесконечную жизнь, выполняя сложную реальную работу либо через пять функций денег, либо в виде денежного капитала посредством тех же самых функций.

Жизнь стоимости после отделения ее от потребительной стоимости товара и переселения в товар-эквивалент заключается в бесконечной цепи превращений из одной формы в другую, из одной точки экономического пространства в другую, от одного субъекта к другому. Сохранение энергии человека, т.е. стоимости, как и всякой другой энергии в объективном мире, осуществляется посредством превращения и изменения форм. Благодаря этому движению стоимость не исчезает никогда, за исключением катастроф и некоторого объема потерь (обесценения). Она становится «автоматически действующим субъектом». Цель превращений стоимости в процессе функционирования рыночной экономики составляет содержание всего, что делают деньги. Инфляция, или всеобщее повышение цен, обесценивает бумажную денежную единицу. Возникает иллюзия одновременного разрушения стоимости. Это действительно происходит в той лишь степени, в которой инфляция отзывается разрушениями в реальном секторе экономики, в основных и оборотных фондах. В остальном же смысл инфляции заключается в переделе собственности, резком, в зависимости от темпов инфляции перераспределении ресурсов. Эту работу выполняет стоимость через всплески цен. Инфляция не тождественна общему росту абсолютных цен. Она непременно предполагает изменение относительных цен (пропорцию между ценами), что и означает перераспределение ресурсов и собственности. Если же происходит общий рост цен при неизменности относительных цен, то обесценение бумажных заменителей денег не обесценивает деньги действительные (золото).

Внутренние противоречия товара разрешаются раздвоением товарного мира на товары и деньги. Деньги аккумулируют в себе все общественные признаки товара. Они являются единственным непосредственно общественным товаром в рыночной экономике. Поэтому это единственная форма, в которой фиксируются общественные потребности, хотя деньги такой же продукт труда, как и все прочие товары. В деньгах-заменителях (бумажных и кредит-

ных деньгах) их связь с трудом настолько удалена, что им легко приписать любую сущность (творение природы, правопорядка, счетный инструмент, ликвидный актив и т.п.).

Взаимодействие относительной формы стоимости и эквивалентной формы, из чего содержательно состоит форма стоимости, в каждом акте обмена завершается формированием денег. С этим связан тот факт, что деньги возникли давно¹ и постоянно находятся в сфере обращения, что превращение внутреннего содержания каждого конкретного товара в денежную форму становится неразличимым для наблюдателей и участников рыночных сделок. Деньги являются конечным продуктом взаимодействия относительной формы стоимости и эквивалентной формы (и в историческом пространстве — времени и в каждой отдельной трансакции). В виде резюме сущность денег можно сформулировать как всеобщий эквивалент товаров, форму непосредственной обмениваемости, как форму самостоятельного существования стоимости. Золото стало служить той телесностью, в которой деньги сохраняют стоимость и по отношению ко всему товарному миру являются всеобщим эквивалентом. До тех пор, пока бумажные деньги прямо (обмениваются) или косвенно (через хранилища национальных банков) связаны с золотом, они соответствуют своему понятию. Если эта связь исчезает или заметно ослабевает, перед нами другое экономическое явление, даже если оно названо прежним термином. Говоря о рыночной экономике, будем иметь в виду деньги в их соответствии своему понятию, т.е. в конечном счете золото, даже если они не поступают в обращение, как в случае с безналичным товарооборотом. Дело, конечно, не в золоте. Оно само по себе не является деньгами. Дело в отношениях между людьми, что составляет основную суть экономики.

Из качественного определения денег следуют их количественные характеристики. Но не наоборот. Деньги возникают из стоимости товаров и служат формой ее жизнедеятельности. Величина стоимости проявляет себя посредством денег в форме меновой стоимости. Меновая стоимость количественно находится в прямом отношении к стоимости товаров и в обратном отношении

¹ Хотя и не слишком давно, примерно к середине XIX в., одновременно с началом функционирования рыночной экономики на своей собственной основе в Европе установился золотой мономентализм. Ранее наблюдались формы, переходные к деньгам, или длительный период становления денег.

к стоимости денег. Из этого закона ведет свое происхождение корреляция между количеством денег в обращении и ценами, так занимавшая количественную теорию денег.

Трудовая теория стоимости, раскрыв содержание формы стоимости, получила ответ и на количественный аспект проблемы. Цены товаров находятся в прямой зависимости от стоимости товаров и в обратной от стоимости денег. В этом правиле отсутствует так называемая «дихотомизация процесса ценообразования», согласно которой относительные цены товаров определяются издержками, а абсолютные — деньгами. Неверен тезис количественной теории денег об определении цен товаров деньгами. Он не доказывается, а просто постулируется как очевидный факт. Между тем цена возникает из взаимодействия стоимости товара и стоимости денег. Абсолютная величина цены зависит не только от денег, но и от стоимости товара. Поэтому абсолютные цены содержат одновременно информацию об относительных ценах товаров. Это объясняет все, что так привлекало внимание в прошлом сторонников количественной теории денег, в частности — «революции цен» с притоком золота извне или из рудников. Бумажные и кредитные деньги изменяют свою покупательную способность в зависимости от их количества. В этом случае амплитуда колебаний цен равна амплитуде колебаний заменителей денег. Не случайно на этом основании количество денег в обращении было выражено Марксом намного раньше, чем Ирвингом Фишером, а главное, — детальнее.

Из этого краткого изложения основной идеи теории денег Маркса становится ясной беспомощность представлений неоклассической концепции о деньгах как «втуали» экономики, простого счетного инженерного инструмента, не играющего фактически сколько-нибудь значительной роли в экономике. Во всяком случае, не влияющего на валовой выпуск, лишь изменяющий масштаб ценовых выражений в зависимости от количества денег. Как видно из теории денег Маркса, деньги являются накопленной трудовой энергией человека. Это действительная сторона экономики. В самом общем виде деньги прямо и непосредственно представляют собой общественную потребность. В рыночной экономике деньги являются единственным товаром, находящимся в непосредственно общественной форме. Ресурсы распределяются и используются под управлением и надзором денег. А так как деньги выражают стоимости товаров не прямо, а косвенно, приблизительно и не точно, то свободное движение цен вокруг стои-

ности означает приспособление ресурсов к потребностям методом проб и ошибок. Хотя бы поэтому невозможно говорить о полном использовании ресурсов.

Западные экономисты, комментирующие марксову теорию денег, как правило, содержание денег ограничивают описанием их функций. По-видимому, они ориентируются на оглавления труда К.Маркса. Так, Й.Шумпетер пришел к парадоксальному выводу о том, что «... принимать в расчет не следует ... крайне слабую область денежной теории, в которой ему не удалось подняться даже до рикардианского уровня»¹. Еще более парадоксально то, что это понимание совершенно не аргументируется. Не приводится ни рикардианское учение о деньгах, ни марксистское. Можно лишь предполагать, что к такому абсурдному выводу можно прийти, если не прочитать учение К.Маркса о форме стоимости. То же самое, хотя и в менее экзотическом виде, обнаруживается в комментариях марксовой теории денег М.Блаугом. Он пишет: «Главы 2 и 3 тома I содержат теорию денег. В этих главах не содержится ничего такого, чего нельзя было бы найти уже у Рикардо или Милля»².

У Рикардо можно найти лишь исходный пункт сущности денег, у Милля даже это найти трудно. Сущность денег, которую удалось раскрыть только Марксу, Блауг не заметил, потому что она выведена в главе 1. По-видимому, он не читал ее, так как в заглавии нет слова «деньги». Посвятив теории денег несколько строк, Блауг ссылается на главу 3, где исследованы функции денег.

Функции денег есть актуализация их сущности. Если сущность денег известна, то их функции становятся доступнее. Не случайно, что функции денег в теории Маркса раскрыты точнее, чем в количественной теории, а потому в информационном отношении содержательнее.

В современной количественной теории денег обычно отмечаются три функции: средство сбережения, мера стоимости и средство обращения³. Иногда — четыре: средство обмена, единица счета, средство сохранения стоимости, мера отложенных платежей⁴. Из перечня функций видно, что деньги представляются

¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия. М., 1995. С. 57.

² Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 249.

³ Грегори Мэнкью Н. Макроэкономика. М., 1994. С. 233—234.

⁴ Фишер С., Дорибуш Р., Шмалензи Р. М., 1993. С. 474—475.

искусственно введенным, эмпирически найденным удобным инструментом. Между функциями внутренней связи нет, поэтому они излагаются и перечисляются по-разному. Такой связи и не может быть, поскольку ничего, кроме функций, деньги не содержат согласно позитивистской логике. Однако именно здесь, именно в таком подходе заключен подводный камень, угрожающий потерей жизненно важной информации. Такое понимание функций денег (при отсутствии определяющей их сущности) делает невозможным выведение понятия цены. Содержательно деньги и цены оказываются не связанными друг с другом, а потому можно говорить только о корреляции массы денег и уровня цен, т.е. о «правиле пропорциональности». Выразителен пример исследования цен А.Маршаллом в «Принципах экономической науки» без обращения к деньгам, при единственной предпосылке о постоянстве предельной полезности денег.

В марковой теории денег функции денег формируются их определенной сущностью. Они строго последовательно связаны друг с другом, так как это формирует жизненное пространство их сущности (стоимости). Все функции — мера стоимости, средство обращения, средство накопления, средство платежа, всемирные деньги — создают возможность абсолютной самореализации стоимости. Каждая последующая функция является продолжением предыдущей и началом следующей за ней. Произвол в перечне функций денег, характерный для количественной теории, производит шокирующее впечатление отнюдь не из-за тяги к педантизму, а как яркое свидетельство потери существенной части информации о цене, о рыночной экономике.

Первой функцией денег в марковой теории денег является мера стоимости. Между этой функцией и сущностью денег нет посредствующих звеньев. Поэтому именно эта функция превращает стоимость в такое состояние, в котором она может перемещаться в пространстве из одной точки к другой, от одного человека к другому, выполняя основную свою цель — согласование их работы друг с другом. Отсюда берет начало загадочный принцип «невидимой руки». Кстати, абсолютно видимой эту руку сделала диалектическая трудовая теория стоимости. Исчезла загадка, исчез и термин «невидимая рука».

Главным результатом функции денег как меры стоимости является цена. Деньги превращают стоимость в цену. При этом тру-

довое содержание стоимости без остатка передается цене. Однако, кроме этого, цена в момент своего рождения из стоимости удерживает и условия обмена. Она богаче своей сущности. В этом смысле всего процесса развития объективного мира. В итоге цена является показателем среднего общественного труда (ОНЗТ) и одновременно показателем менового отношения товара к деньгам. Из того, что цена измеряет общественный труд, воплощенный в товаре, «отсюда не вытекает обратного положения, что показатель менового отношения товара к деньгам неизбежно должен быть показателем величины стоимости»¹. Цена содержит в себе не только возможность, но и необходимость отклонения от стоимости при изменении условий обмена. В этом выражается пульсирующая природа самой стоимости, вызванная отсутствием координации между товаропроизводителями.

Центральный пункт функции денег как меры стоимости, заключающийся в превращении стоимости в цену, весьма красноречиво подчеркивает невозможность глубоко понять функции денег без обнаружения их сущности. Сравнивать результаты анализа остальных функций денег в разных направлениях науки мы не будем, ибо сравнение функций денег как меры стоимости достаточно красноречиво.

Все вышесказанное означает, что в арсенале экономической теории не содержится более точной, полной, совершенной по своей адекватности реальным процессам теории денег, чем теория денег Маркса. Это поистине блестательная теория. Подчеркнем, что деньги в этой теории выведены из стоимости товара, т.е. из трудовой субстанции, поэтому они предметны и содержательны.

Основным рычагом функционирования рыночной экономики является цена. Теория, сумевшая раскрыть ее природу, может претендовать на то, что она поняла суть всей рыночной системы. В экономике анализируется главным образом «поведение» цены. Здесь выясняется зависимость уровня цен от спроса и предложения, влияние на них эластичности спроса, динамика рыночных цен под влиянием разнообразных факторов, динамика равновесных цен в зависимости от изменения спроса и предложения, зависимость уровня цены товара от цен факторов его производства и т.п. При этом опять же в противоречии с принципами познания даже не ставится вопрос о том, что такая цена. Считается, по-

¹ Маркс К. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. I. С. 111.

видимому, что это простое, само собой разумеющееся базальное понятие, не требующее специальных определений. А.Маршалл часто упоминается именно в качестве автора неоклассической теории цены. Он предложил отказаться от понятия стоимости, выведенного трудовой теорией, и сосредоточиться на анализе цены как практически значимой проблемы.

Анализируя взаимодействие спроса и предложения, т.е. функционирование рыночной системы, А.Маршалл вводит понятие «нормальной цены» для того, чтобы изучить закономерные проявления рыночных сил в отличие от случайных. Она управляет движением рыночных цен, которые имеют тенденцию стремиться к нормальной цене и отклоняются от нее таким образом, что одновременно включаются рычаги, погашающие такие отклонения. Нетрудно увидеть, что «нормальная цена» А.Маршалла весьма близка к тому, что в трудовой теории стоимости определяется понятием стоимость. Отказавшись от парадигмы трудовой стоимости, автор не смог не обратиться к некоторому ее аналогу, назвав это другим термином. При этом автор старательно не раскрывает содержание нормальной цены, подчеркивая, что его задача в том, чтобы раскрыть действие рыночных сил, механизм регулирования. В результате механизм характеризуется таким образом, что спрос и предложение зависят от цены — от величин спроса и предложения. Равновесие и в коротком, и в долгом периодах управляется, по Маршаллу, «нормальной ценой», которая регулируется предельными издержками факторов производства. Характер периода влияет на вид издержек, но не сам принцип. Однако предельные издержки — это тоже цены товаров (средств производства и рабочей силы), затраченных на изготовление нового товара на предельном отрезке производства. Таким образом, взаимодействие рыночных сил не удалось раскрыть. Оно описано в неопределенной форме, когда одно неизвестное определяется через другое неизвестное. Это классический случай порочного круга умозаключений, где повтор одних и тех же определений не приводит к расширению объема содержания изучаемого объекта.

Попытка избежать такого неприятного состояния раньше была предпринята Дж.С. Миллем. Он подчеркнул значение различия реальных и денежных издержек производства для теории цены. Понимание этого присутствует в «Принципах...» А.Маршалла, но оно никоим образом не реализовано. Существуют два способа связать издержки производства с ценой готового товара. Первый —

выразить затраты факторов производства в денежном выражении, сложив их цены. Но это неизбежно ведет к тавтологическим определениям цены. Другой способ — связать цену с реальными издержками. Здесь такая опасность не грозит, но возникает трудность способа единообразного выражения вещественно разнообразных факторов производства. Можно сложить затраты труда, содержащиеся в них, о чем известно уже более трех столетий. Но тем самым исследователь оказывается на позициях трудовой теории стоимости, чего ни А.Маршалл, ни сторонники современного экономикс не желают. А иной путь любые попытки создать теорию цен ведут к краху.

Зависимость цен от предельных издержек выражает не действительный процесс ценообразования на рынке, а процедуру определения границ индивидуального труда, т.е. лишь один момент ценообразования. Если модели ценообразования на основе предельной полезности, предельной производительности содержат какую-то истину, то они в лучшем случае решают задачу определения индивидуальных затрат труда. Хотя непосредственно они пытаются отобразить характер реагирования индивида на внешние по отношению к нему ситуации. Теория цены оказывается теорией ценового приспособления индивидов (потребителей, фирм). Рыночная же цена, равновесная для всех индивидов, оказывается результатом приспособлений. С другой же стороны, она является данной, фиксированной для каждого конкурентного индивида, что графически в моделях конкурентного ценообразования выражается горизонтальной линией цены и предельного дохода.

Иногда теорию ценообразования К.Маркса воспринимают по аналогии с моделями максимизирующего поведения индивида. Аргументы находят в главе X первого тома «Капитала»¹. Речь идет о том, что избыточная прибавочная стоимость, возникающая вследствие понижения индивидуальных издержек при неизменности стоимости, представляет собой исходный пункт относительной прибавочной стоимости, в которую она превращается при всеобщем распространении технического нововведения и понижении стоимости рабочей силы. Сходство действительно существует в признании мотива прибыли в качестве определяющей цели предпринимательской деятельности рыночной экономики. Однако, пожалуй, этим сходство и ограничивается.

¹ Кеннет Дж. Эрроу. К теории ценового приспособления // Теория фирмы. СПб.. 1995. Т. 2. С. 433.

Конечный результат индивидуальных усилий, по Марксу, оказывается в конкурентной среде контрастирующим с их психологическим стремлением к максимуму прибыли. Избыточную прибавочную стоимость получают отдельные предприниматели-лидеры, а решающее их число — относительную прибавочную стоимость, т.е. среднюю прибыль. Реальные прибыли, разумеется, лишь стремятся к этому, отклоняясь от средней величины вверх и вниз, но таким образом, что разброс величин с разными знаками равен нулю. В конечном счете рыночная цена оказывается равной для всех воспроизводимых товаров средним затратам труда, но не предельным издержкам, как доказывают модели мейнстрима. Последние же представляют всех индивидов однокачественно на основании общего для всех желания получить максимум выгоды. Но именно этот общий мотив в итоге приводит к результату, не предусмотренному в «желаниях» и «ожиданиях». Этим доказывается, кстати, бесперспективность понять экономику, в том числе и процесс ценообразования, моделируя психологические аспекты поведения индивидов. Кстати, пессимизм в этом отношении встречается и среди видных сторонников экономикс. Так, Хикс отмечает, что субъективный характер индивидуальной кривой спроса делает невозможным универсальное применение разработанного неоклассического аппарата. О степени монополизации, например, по его мнению, «нет другого способа установить это, как только спросить у монополиста, и с его стороны будет очень любезно, если он скажет нам»¹. Любопытно, что при интервьюировании предпринимателей по проблемам ценовой политики выясняется, что они стремятся к ценам, покрывающим средние затраты, не думая о предельной выручке и предельных затратах, которые они редко знают².

Различие количественного уровня цены (средние или предельные издержки) все же не главное в теории цены двух основных направлений науки. Тем более что для невоспроизводимых природных ресурсов, на наш взгляд, позиции совпадают. Главное различие в качественном понимании цены. В мейнстриме рыночная цена — результирующая из индивидуальных цен спроса и цен предложения в точке равенства последних. В этой точке при-

¹ Хикс Дж. Р. Годовой обзор экономической теории // Теория фирмы. Т. 2. СПб.. 1995.

² Стиглер Дж. Дж. Ломаная кривая спроса олигополиста и жесткие цены // Там же.

равниваются субъективные оценки товаров некоторыми мифическими индивидами предельным издержкам. Трудовая теория стоимости отрицает саму возможность сопоставления столь разнокачественных величин, таких, как полезность и издержки, без сведения их к чему-то общему. Выше отмечалось, что неоклассические модели все же сводят полезность и издержки к общему знаменателю. Таковым являются цены — цены спроса и цены предложения. В итоге рыночная цена оказывается бессодержательной. Это всего лишь точка, результирующая из неких предельных цен, которая также оказывается предельной. В трудовой теории стоимости эта точка представляет собой не просто число, а целую вселенную, имя которой стоимость, а цена — один из завершающих этапов ее функционирования.

Модели ценообразования могут быть полезными, если их воспринимать исключительно только как отражение ценовых приспособлений индивидов. Последнее составляет фрагмент действительного процесса ценообразования. Трудовая теория стоимости дала целостную его картину, но отдельные детали не выявлены с достаточной четкостью. К ним относятся ценовые приспособления к рынку индивидов и распределение затрат труда или ценообразование по отдельно взятым группам товаров. Здесь модели мейнстрима могут дополнить теорию стоимости. Переход от общественно необходимых затрат труда к индивидуальным актуален в практическом отношении. Но гораздо важнее тот факт, что индивидуальные затраты — это еще не стоимость и не закон цен, что частично видно из моделей ценообразования в долгосрочном периоде, где цены оказываются равными минимальным значениям средних издержек.

Идея о том, что в основе цен товаров лежат затраты труда, принадлежит буржуазной классической политэкономии. Это открытие сделал У.Петти, который исследовал «естественную цену товаров», т.е. стоимость, в отличие от случайных рыночных цен¹. Затем оно было развито и обосновано, как известно, А.Смитом и Д.Рикардо. В теории К.Маркса цена как форма денежного выражения стоимости товаров была доказана обоснованием двойственности природы труда, абстрактная сторона которого составляет субстанцию стоимости. Стоимость получила определенность не просто в качестве товарного воплощения среднего общественного

¹ Всемирная история экономической мысли. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 431.

труда, но и в качестве формы взаимосвязи людей друг с другом в условиях определенных социальных координат. Эти координаты, а именно частный труд и вытекающая отсюда неопределенность информации о производстве и потреблении, не позволяют стоимость выражать прямо и непосредственно. Она может быть выражена только посредством приравнивания к общественному товару, т.е. к деньгам. В этом приравнивании стоимость развивается в цену.

Цены товаров, с одной стороны, не содержат в себе ничего, кроме стоимости. С другой стороны, они отражают реализацию товара в тех или иных условиях обмена, о чем говорилось выше в связи с функцией денег как меры стоимости. Именно это обстоятельство в сочетании с посреднической ролью денег в проявлении стоимости определяет возможность отклонения цены от стоимости. Чем более развит обмен, чем выше развитие рыночных отношений, тем закономернее отклонение цены от стоимости и реже их совпадение в каждом акте купли-продажи товара. И тем закономернее совпадение цены и стоимости в целом, в переплетении кругооборотов товаров и денег на макроуровне. Абсолютные значения цен товаров находятся в прямой зависимости от стоимости товаров и в обратной зависимости от стоимости денег. Это следует из количественной определенности формы стоимости и меновой стоимости. Из абсолютных значений цены вытекает, что относительные цены товаров друг к другу при изменении стоимости денег определяются соотношением их стоимостей.

Не появилось в современной экономике рыночного типа признаков, опровергающих раскрытое на основе трудовой теории стоимости содержание цены. Критика теории цены в прошлом веке в том, что трудовая теория стоимости непоследовательна, так как она связывает цену сначала со стоимостью, а затем с ценой производства, была ошибочной. Это в те же времена было и выяснено. Повтор этого в наше время¹ просто подтверждает субъективную трудность наблюдения процессов и относительную легкость фиксации внимания на готовых формах. Две готовые формы — стоимость и цена производства — легко усваиваются разумом, а процесс превращения одной в другую ускользает от внимания. Особенно если видеть это в ходе исторической эво-

¹ Вальтух К.К. О марковой теории цены как превращенной формы стоимости (Ответ П.Самуэльсону) // МЭ и МО. 1980. № 12.

люции, а как ежедневный процесс рыночного ценообразования. Возникшая в производстве стоимость обосновывается, согласно диалектической парадигме, на издержки производства и прибыль. Одна из ее составных частей — прибыль — межотраслевой конкуренцией капиталов сначала как бы суммируется в единое целое, а затем распределяется пропорционально затратам капитала. После этого в такой преображенной качественно и количественно форме межотраслевая конкуренция же возвращает эту часть стоимости к месту ее происхождения. Соединившись с издержками, они вместе застывают в виде цены производства, которая есть стоимость, видоизмененная процессом конкуренции. Отсюда видно, что стоимость и цена производства — это два последовательных этапа рождения цены, которые ежедневно повторяются при изготовлении каждого товара и его реализации. Конкуренция продавцов и покупателей, т.е. закон спроса и предложения, превращает цены производства в рыночные цены. Вместе с тем конкуренция в целом, в том числе и закон спроса и предложения, есть жизнедеятельность стоимости, ее следствия во внешней жизни. Следовательно, содержание цены существенно дополняется и обогащается процессом конкуренции. Дальнейшая характеристика цены требует перехода к рассмотрению конкуренции и закону спроса и предложения как ее завершающей части.

§ 3. Закон спроса и предложения

Закон спроса и предложения в современном экономикс — больше чем закон. Это не просто одно из экономических явлений в ряду других. Это — всеохватывающая методология, мировоззренческая доктрина и основной инструмент анализа. Это — всеобщие координаты, в которых рассматривается рыночная экономика. В конечном счете это — всеобщая идеология, заключающаяся в идеализации рыночного механизма, а при критическом к нему отношении (в теории Кейнса) способствующая продлению сроков его жизни.

Все модели экономикс, за редким исключением, описывают действие рыночного механизма в координатах спроса и предложения. Предложение же часто рассматривается как спрос продавцов, хотя в целом реальный сектор экономики изображается как технологический. Общий объем выпуска продукции, или национальный доход, выражается в виде производственной функции

технологического содержания. Согласно неоклассическим, монетаристским представлениям и концепции рациональных ожиданий, ресурсы в рыночной экономике используются полностью. Производственная функция предполагает многовариантность сочетаний ресурсов. Производители же делают оптимальный выбор. Абсолютная гибкость цен в ответ на какие-либо возмущения в системе автоматически и немедленно их устраниет. Выбор производителей регулируется спросом и предложением благ. Выбор потребителей регулируется также спросом и предложением ресурсов. Теория производства и теория потребления оказываются идентичными. Их смысл — в обосновании оптимального распределения ресурсов при их полном использовании.

В теории Кейнса отрицается способность рыночного механизма обеспечивать полную занятость ресурсов, гибкость цен и оптимальность распределения ресурсов. Причина этого заключается, по Кейнсу, в динамике инвестиционного спроса, управляемого предельной эффективностью капитала, которая, в свою очередь, изменяется под влиянием именно нерационального поведения производителей. Несмотря на весьма существенные расхождения с другими моделями, входящими в экономикс, кейнсианская модель имеет общую с ними методологическую основу. Таковой является изображение рыночной экономики в координатах спроса и предложения. Главной идеей своей общей теории Кейнс называет принцип эффективного спроса. В связи с тем, что он отказался от допущения о полном использовании ресурсов, производственная функция приняла несколько иной вид. Общий выпуск продукта (национальный доход) определяется в кейнсианской модели спросом на трудовые ресурсы $Y = F(L_d)$.

Все типы рынков — товаров, денег, капиталов — во всех моделях регулируются спросом и предложением. Взаимодействие рынков, приводящее к состоянию общего равновесия системы, осуществляется тем же самым.

Содержание закона спроса (и предложения) в экономикс раскрывается в виде двух модификаций, в зависимости от того, какая выбрана версия полезности — кардиналистская или ординалистская. На основе кардиналистской версии закон спроса был описан А.Маршаллом в книге III «Принципов...». Он является исходным пунктом и основой всей его теории. Причем А.Маршалл неоднократно подчеркивал, что ранее регулирующая роль закона спроса экономистами, в том числе и классиками

(Д.Рикардо), недооценивалась. Поэтому свою задачу он видит в том, чтобы восполнить пробел в экономической науке.

Закон спроса А.Маршалл раскрывает довольно обстоятельно. Исходным пунктом является закон насыщения потребностей, где обнаруживается предельная потребность. Из нее следует закон убывающей предельной полезности. Этот закон «переводится на язык цен». Этот загадочный «перевод» (почти лингвистического свойства) приводит к выводу об убывании предельной цены спроса, т.е. цены последней покупки с увеличением количества вещи. Далее А.Маршалл вводит предпосылку о неизменности предельной полезности денег. В этом случае цены спроса на товары пропорциональны их полезностям.

В результате выводится закон индивидуального спроса, в котором цены спроса и количества продаваемого товара находятся в обратной зависимости. Рыночный спрос А.Маршалл определяет совмещением кривых индивидуального спроса по горизонтали, или как сумму спроса отдельных лиц, типичных «членов той или иной группы населения». Содержание рыночного и индивидуального спроса одинаково: касательные к кривым спроса имеют отрицательный наклон, т.е. цены и количество товаров изменяются в обратном отношении.

Описание закона спроса, хотя и тщательно выполняемое А.Маршаллом, фиксирует очевидные факты. Однако эта очевидность мало что проясняет по существу. Конечным пунктом анализа является определение рыночного спроса как суммы индивидуального спроса. Но что же отражает рыночный спрос? В основе индивидуального спроса лежит изменение предельной полезности товара при увеличении его количества. Аналогичное утверждение в отношении рыночного спроса невозможно. А.Маршалл подчеркивает: «Цена будет измерять предельную полезность товара для каждого покупателя индивидуально; нельзя утверждать, что цена измеряет полезность вообще, так как потребности и материальное положение различных людей различны»¹.

Действительно, коль полезность имеет психологическую природу, то она не может характеризовать рыночный спрос. А это означает, что процедура сложения индивидуального спроса уничтожила основу рыночного спроса. В итоге рыночный спрос оказался бессодержательным. Теория, исходным пунктом которой

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. С. 164.

является спрос, терпит фиаско с самых первых своих шагов. Спрос оказывается не так прост, как кажется на первый взгляд. К тому же допущение о неизменности предельной полезности денег означает абстрагирование от изменения доходов потребителей. Абстракции неизбежны, но они должны на каком-то этапе теоретического анализа сниматься. Однако в кардиналистской теории это не сделано. Поэтому даже простая и очевидная зависимость количества покупок от цены товаров не так уж очевидна. Если начать описывать экономику со спроса, то, кроме очевидных базальностей, не удается ничего определить. Поэтому-то классики мудро поступали, завершая теорию спросом, но не начинали анализ с него.

Такая же картина наблюдается и с законом предложения, который А.Маршалл анализирует в книге IV «Принципов...». Цена предложения связана с отрицательной предельной полезностью, т.е. с неудобствами и тяготами, которые надо преодолеть, чтобы произвести товар. Поэтому кривая предложения имеет положительный наклон, или между ценой предложения и количеством продукта имеется прямая зависимость. Получается, что предложение — это спрос с обратным знаком. Такой подход не позволил раскрыть что-либо существенное в производстве. Сознавая это, А.Маршалл пишет: «Настоящая же книга является преимущественно описательной и поднимает мало трудных проблем»¹. Лишь отойдя от методологии спроса, именно в этой книге автору удалось высказать некоторые существенные и верные идеи — например, о преимуществах крупномасштабного производства, о перспективности государственной собственности и др.

Основным результатом анализа спроса в работе А.Маршалла является формулировка правила, согласно которому каждая денежная единица в разных видах вложений должна принести одинаковую отдачу. К этому приводит принцип замещения. Собственно, это и есть «теория выбора». Это правило оформляется в современной теории потребления в виде равенства отношений предельных полезностей товаров x и y к их ценам

$$\frac{MU_x}{P_x} = \frac{MU_y}{P_y}.$$

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. I. С. 213.

Теория производства — то же самое применительно к отдаче от ресурсов и их ценам. Выбор потребления выражается равенством:

$$\frac{MP_k}{r} = \frac{MP_l}{w},$$

где MP_k и MP_l — предельные продукты капитала и труда; w и r — их цены.

Одиналистская версия, разработанная Парето и Слуцким, не использует термин «полезность», а выявляет предпочтения потребителей (либо производителей) методом кривых безразличия Эджуорта (либо изоквант). Она отказывается от измерения отдачи от вложения денежной единицы в виде предельной полезности или предельного продукта. «Желаемость» блага эта версия выражает посредством предельной нормы замещения одного товара другим (MRS) или предельной нормы технологического замещения одного вида ресурсов другим ($MRTS$). Они так же, как и предельная полезность, подчиняются закону убывающей нормы замещения. Кривая индивидуального спроса (кривая предложения) выводится из совокупности точек касания кривой безразличия с линией бюджетных ограничений (изоквантами с изокостой) манипуляцией уровнем цен (величиной издержек). Закон спроса выражает условия индивидуального оптимального выбора потребителя, которым является равенство предельной нормы замещения товаров соотношению их цен ($MRS = \frac{P_y}{P_x}$). Аналогичен выбор производителя на основе равенства предельной нормы технологического замещения ресурсов соотношению их цен ($MRTS = \frac{w}{r}$).

Одиналистская версия мало чем отличается от кардиналистской содержательно. Она предложила иной, порядковый способ измерения полезностей, чем кардиналистская версия. Полезность измеряется с точностью монотонного преобразования, ограничивающего лишь направления изменения полезностей. Кардиналистская версия, кроме этого, ограничивает соотношение между изменением полезностей (на сколько, на какую величину). Однако обе версии базируются на психологическом понимании полезности. Оценки «хуже», «лучше» — такая же оценочная реакция по-

требителя, как и измерение предельной полезности. Алгебраически они также совпадают ($MRS = \frac{MU_x}{MU_y} : MRTS = \frac{P_x}{P_y}$). «Предельная

норма замещения товара u товаром x — это то, что Маршалл называл бы предельной полезностью товара x , выраженной посредством товара u . При желании мы можем перефразировать Маршалла, говоря, что цена товара равна предельной норме замещения этого товара деньгами»¹, — пишет по этому же поводу Хикс, придерживающийся ординалистской версии полезности. Она может измерить общий эффект от снижения цены, разложить на эффект замещения и эффект дохода.

Рыночный спрос определяется в ординалистской версии тем же способом, что и в кардиналистской: совмещением по горизонтали. Им оказывается величина покупок или продаж по средним ценам. Вновь исходная основа о психологической основе предпочтений индивидов завершилась бессодержательностью конечного, основного результата. В этом истоки отсутствия какого бы то ни было содержания равновесной цены, о чем говорилось выше. Конечная же причина такой странности экономических параметров в субъективно психологическом восприятии экономики. Любой средний или средневзвешенный параметр сохраняет качественный смысл составляющих. В отношении же индивидуального и рыночного спроса, цен спроса, цен предложения и рыночных цен это не происходит. Описание упомянутых индивидуальных параметров исключительно в психологических координатах имеет следствием лишение какого бы то ни было содержания соответствующие параметры рыночного (общественного) уровня. К тому же принцип убывания предельной полезности и предельной нормы замещения всерьез не обосновывается. Как остроумно выразился Хикс, в данном случае теория проявила способность «извлекать из шляпы кроликов». «Кролик в шляпе», т.е. предложение об убывании MU и MRS , потребовался для того, чтобы обеспечить существование оптимума.

Условия выбора продавцов и покупателей не являются решением частной задачи. Принцип, согласно которому единица ресурса (денег, капитала) должна принести равную отдачу во всех способах применения, — обобщающий принцип всей теории вы-

¹ Хикс Дж. Р. Стоимость и капитал. М., 1993. С. 113.

бора. Он разворачивается в правила минимизации издержек, максимизации прибыли. Это и составляет основное содержание микроэкономики. Макроэкономика во всех моделях также рассматривается исключительно в координатах совокупного спроса и совокупного предложения.

Бессодержательность закона рыночного спроса не проходит бесследно для всей теории данного направления. Собственно, содержание закона спроса ограничилось тезисом об отрицательном угле наклона касательной к кривой спроса. Но этот вывод был получен еще Курно без всяких доказательств, на основе простой эмпирической зависимости. Чтобы ее увидеть в таком свете, не нужны никакие построения. Однако доступная любому наблюдателю зависимость не исчерпывает всей полноты явления, называемого законом спроса. Более того, ограниченная только отношением цены и количества товара, эта зависимость оказывается бессодержательной и в практическом отношении. Кривую спроса ни в кардиналистском, ни в ординалистском вариантах на практике построить невозможно. Следовательно, ее невозможно использовать для прогнозирования изменения цен. Практика изучает спрос эмпирическим путем и приспосабливается к изменениям рыночных ситуаций методом проб и ошибок, не соприкасаясь с моделями выбора.

Закон спроса как основа теории выбора послужил причиной многих заблуждений в описании функционирования рыночного механизма и его возможностей. В действительности он не является основным и доминирующим звеном этого механизма. Это — одно из его звеньев в ряду многих, которое выполняет важную регулирующую функцию, но не исчерпывающую. Он представляет собой результат взаимодействия многих обстоятельств, является следствием целого ряда основополагающих законов. Имея сложное, а не примитивное содержание, закон спроса не позволяет рассмотреть экономику вплоть до того пункта, где он в качестве следствия многих причин возникает. Будучи сам обоснованным, он искажает или не позволяет рассмотреть экономику, если его положить в основание экономики.

Выше отмечалось, что экономикс существует как набор гипотез, моделей, но не как целостная теория. Понимание недостаточности такого состояния конечно же подчеркивается многими экономистами этого направления. Так, еще Курно отмечал, что нельзя решить ни одну частную теорию вне целостной системы.

Однако целостную систему рыночной экономики невозможно построить, исходя из закона взаимодействия спроса и предложения. Более того, этот закон в неверном свете изображает многие фундаментальные принципы рыночной экономики. Выше отмечалось, что реальная экономическая действительность не образуется в результате принятия рациональных решений о покупках и продажах. Более того, в рыночной экономике решения такого рода невозможны из-за неопределенности информации. Но если даже и предположить, что в виде исключения некоторые из субъектов сделали рациональный выбор, то конечный результат будет иным, так как в рыночной экономике отсутствует механизм согласования поведения субъектов друг с другом. При наличии последнего появляется возможность того, что максимальный результат индивидов в сумме превращается в максимальный результат всего общества. Отсутствие данного условия делает это невозможным, что понимали и некоторые неоклассики, в частности А.Маршалл¹.

Макроэкономические закономерности, рассматриваемые через взаимодействие спроса и предложения, не привели к убедительным решениям. Соотношение номинальных и реальных параметров, цен и денег, объемов производства и уровня цен, эффективность экономической политики, ее методы, интенсивность совокупного спроса на товарном, денежном рынках и рынке капитала — все эти и многие другие проблемы имеют множественный спектр решений, т.е. не решены. Гипертрофированное изображение законов спроса и предложения не привело к позитивным результатам ни в теории, ни в прикладной области. Простота и доступность манипулирования спросом и предложением оказывается иллюзорной.

Иногда сторонники субъективно психологического подхода к экономике претендуют на гуманизм концепции, так как она якобы поставила в центр исследования человека. Однако изучение субъективного выбора отнюдь не означает, что в центре теории находится человек. И Маршалл, и Хикс подчеркивают, что «экономическая наука не интересуется в конечном счете поведением отдельных индивидов. Она занимается поведением групп»². Маршалл делает акцент на производственной природе этих групп. Хо-

¹ Маршалл А. Принципы экономической теории. М., 1984. Т. II. С.159—174.

² Хикс Дж. Р. Стоимость и капитал. С. 128.

тя выражено это в высшей степени неопределенно, но ясно, что о человеке речь не идет. «Производственные группы» при внимательном и глубоком их рассмотрении вполне могут оказаться теми же классами, как и в теории Маркса. В данном случае тот факт, что в действительности человек не находится в центре теории экономикс, — не недостаток теории, а ее достоинство. Рыночный механизм ориентируется не на человека, а на платежеспособный спрос, т.е. на деньги. Теория лишь тогда может поставить в центр своих исследований и в центр своей парадигмы человека, когда реальная действительность сделает это, что произойдет не так скоро.

Утверждая, что экономическая теория недооценивала роль закона спроса, А.Маршалл был не совсем прав. Теория спроса и предложения была одной из ранних политэкономических теорий. Она пыталась цену объяснить из этого закона, но не смогла объяснить, чем определяется цена при равенстве спроса и предложения, как и современные модели общего равновесия.

Трудовая теория стоимости включает закон спроса и предложения в качестве составной части. Он имеет здесь содержание иное, чем в экономикс. Главное же отличие от экономикс в том, что закон спроса и предложения располагается в завершающих частях теоретической системы, а не в исходном ее пункте. Он не является основанием теоретической системы. Закон спроса и предложения относится к сфере конкуренции, точнее, к конечной ее части. Сама же сфера конкуренции в свою очередь завершает теоретическую систему, ибо здесь распределяются, перераспределяются результаты, полученные в производстве, а затем сформированные в обращении.

В экономикс конкуренция, по сути дела, ограничена действием закона спроса и предложения, что выражается скольжением точек вдоль кривых спроса и предложения. В долгосрочном периоде она рассматривается как приток и отток фирм из отрасли, что приводит к колебаниям цен и равновесию в точке равенства цены минимальным значениям средних издержек.

В трудовой теории стоимости конкуренция исследована обстоятельнее. Содержание, механизм и результаты конкуренции капиталов друг с другом, а также продавцов и покупателей являются основной проблемой III тома «Капитала» К.Маркса. Здесь отражены конкретные формы рыночной системы, с которыми имеют дело экономические субъекты в своей повседневной прак-

тике. Содержание этих форм состоит в том числе из отношений конкуренции, из функциональных зависимостей между элементами каждой формы и между разными формами. Кроме того, собственное содержание конкретной формы включает и субъективное поведение агентов рыночных отношений. Внешняя жизнь капитала состоит помимо объективной стороны также и из «обыденного сознания агентов производства», как пишет К.Маркс, которое проявляется в их поведении, т.е. в конкуренции и в принятии ими экономических решений.

Простым заблуждением является встречающееся суждение о том, что трудовая теория стоимости из-за своей приверженности объективным процессам не исследует поведение потребителей и производителей. Принципиальное отличие от экономикс отображения этого среза экономической жизни в том, что в трудовой теории стоимости не поведение индивидов определяет рыночные зависимости. Наоборот, поведение индивидов определяется объективными факторами, на которые ни один из них не может повлиять. Поведенческий аспект — это не просто вкусы потребителей, что важно, допустим, для торговли, менеджмента и т.п., но ничего не объясняет экономисту хотя бы из-за взаимоуничтожающейности этого разнообразия. Поведение экономических агентов в основных чертах производно от социальной (классовой) структуры общества, хотя субъективный характер проявления сильно камуфлирует это психологической окраской. При непосредственном, неискушенном восприятии данный тезис кажется парадоксальным. Его убедительность легко обнаружить тем, что поведение рыночных агентов определяющим образом зависит не столько от индивидуальных вкусы, сколько от дохода, что в конечном счете берет начало в социальной структуре общества.

Исследуемый в III томе «Капитала» уровень экономической жизни тот же самый, что и в экономикс. Поэтому здесь возможны и необходимы сопоставления полученных обаими направлениями науки результаты. Функциональные и количественные зависимости экономических параметров рынка изучены в III томе. На этом же делает едва ли не основной акцент экономикс. Отличие в том, что экономикс анализирует эти зависимости как ничем не определяемые, как непосредственно данные, готовые результаты. Диалектический подход III тома позволяет рассмотреть готовые результаты на основе и вместе с породившим их процессом, раскрытым в I и во II томах. Это означает, что функциональные

зависимости опять же производны от классовой структуры экономики. Все функционально-количественные связи в рыночной экономике производятся, вытекают из отношений наемного труда и капитала. Исходя из этого, трудовая теория стоимости смогла полнее и точнее отобразить функциональные связи рыночных параметров, чем экономикс. Прибыль; средняя прибыль; ссудный процент; дивиденд; торговая прибыль; издержки обращения, в том числе чистые издержки (трансакционные — по современной терминологии); земельная рента в качественном, количественном, факторном, функциональном отношениях раскрыты гораздо богаче, чем в экономикс. Богатство заключается в том, что раскрыты источники упомянутых основных результатов внешней жизни капитала, механизм их воспроизведения, действие рыночных сил, выраженное в устойчивых, фиксированных, непрерывно возобновляемых формах. Наконец, здесь завершает свой путь стоимость, возвращаясь после разложения ее части на доходы к исходному пункту, к отношению простых товаров и денег. Проследив эту жизнь, трудовая теория стоимости завершает теорию ценообразования.

В формах внешней жизни капитала непосредственно выражены отношения капиталов друг к другу, а также отношения производителей и потребителей. Все содержание этих отношений лаконично можно определить как отношения конкуренции. Классового отношения непосредственно в этих формах нет. Оно существует в них как угасший процесс, который произвел определенный результат, т.е. данную форму (например, прибыль, оборотный капитал, цену и т.п.), и застыл в нем. Классовое отношение, генерирующее всю структуру экономики, во внешних формах сгущается до «центра», до «точки» и таким образом удерживается в этих формах положительно, т.е. не исчезая. Проще говоря, оно присутствует здесь как закон, определяющий все содержание полностью, или как внутренняя причина любой функциональной, количественной и иной зависимости. Поэтому наблюдая эти формы эмпирически, социальные основы экономики трудно распознать. А существует ли в этом необходимость, если хозяйственная жизнь ограничивает себя чисто практическими задачами, например, как из имеющихся ресурсов произвести максимум продукции и т.п.? Поскольку социальная структура экономики является основой всех прочих сфер экономики или генератором всех параметрических связей, в том числе и тех, с которыми имеют дело хозяйствующие субъекты, выяснение ее

содержания является для экономической науки задачей первостепенной важности. Невозможно правильно представить функционирование рыночного механизма, не зная основания, из которого он происходит.

Конкуренция, как выяснила трудовая теория стоимости, состоит из целого ряда связанных друг с другом процессов и достижимых ими результатов. Во-первых, это внутриотраслевое взаимодействие капиталов, превращающих индивидуальные затраты труда в рыночную стоимость (внутриотраслевая конкуренция). Во-вторых, это межотраслевое взаимодействие капиталов, содержанием которого является отторжение прибавочной стоимости, произведенной индивидуальным капиталом в каждой отдельной отрасли, суммирование (условно выражаясь) ее, т.е. превращение ее в результат всего общественного капитала, в общую прибавочную стоимость, и, наконец, последующее распределение общей прибавочной стоимости между индивидуальными капиталами по единому правилу: равная прибыль на равновеликий капитал¹. Результатом межотраслевой конкуренции является образование общей нормы прибыли и вследствие этого превращение рыночной стоимости в цену производства². Это постоянная часть функционирования рыночной экономики и одновременно постоянная часть жизни каждого товара после выхода его из сферы производства. В-третьих, это взаимодействие производителей и потребителей товаров, или отношение спроса и предложения товаров. Результатом закона спроса и предложения является превращение цены производства в рыночную цену.

Частичное, а не полное представление о конкуренции в ложном свете характеризует суть упомянутых рыночных структур и различия между ними. Так, монополия, т.е. господство на рынке одного-единственного производителя, отнюдь не уничтожает конкуренцию. Ее возникновение не является событием случайных обстоятельств или решением группы лиц захватить рынок с узкоэгоистическими целями. Монополия является неизбежным продуктом конкуренции, как показал В.И. Ленин. Конкуренция

¹ Между прочим, межотраслевая конкуренция неявно делает ту же самую работу в рыночной экономике, что и Госплан в плановой экономике.

² Вспоминая дискуссию советских экономистов на эту тему, заметим, что такое превращение происходит каждодневно и ежесекундно в рыночной экономике, а не единожды в определенный исторический период.

разоряет слабых, передавая сильным ресурсы, концентрируя таким образом экономическую мощь. Возникнув из конкуренции, монополия функционирует на основе конкуренции, хотя сокращает ее сферу и модифицирует ее механизм, превращая прибыль в монопольную прибыль, а рыночную цену производства производимых ею товаров — в монопольную цену. Она устраниет лишь внутриотраслевую конкуренцию. В действительности и этого не происходит, поскольку современный рынок чаще всего олигополистический. Ни монополия, ни олигополии не могут повлиять на межотраслевую конкуренцию, как не могут уничтожить закон спроса. Поэтому монополию невозможно устраниć как рыночную структуру, невозможно «демонополизировать» экономику. Это было бы равносильно уничтожению рыночной системы как таковой. Хотя, заметим, что монополия, олигополия, являясь высшим пунктом развития рыночной экономики, представляют собой уже переходную форму, сочетающую в себе в качестве основных — рыночные и в качестве дополнительных — пострыночные признаки.

Вернемся к проблеме цены, поскольку вокруг этого вновь и вновь возникают споры. Превращения стоимости в процессе конкуренции являются очередными этапами развития цены. Конкуренция превращает индивидуальные затраты труда в общественно-необходимые, из фактических затрат труда формирует стоимость, затем цену производства и, наконец, рыночную цену. На последнем, конечном этапе конкуренция включает механизм спроса и предложения производителей и потребителей. Та цена, которую в экономике называют равновесной ценой долговременного периода, есть не что иное, как цена производства. «Эффект нулевой прибыли» в модели ценообразования долгосрочного периода является средней нормой прибыли. «Отток и приток» фирм теоретически отражен в III томе «Капитала» как процесс внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции. Результатом здесь является не просто количественное соотношение цены и издержек, но целый комплекс формообразования. В его основе лежит превращение затрат труда, воплощенных во всей однородной товарной массе, в рыночную стоимость отдельного товара и последующего превращения последней в цену производства этого товара. Одновременно это сопровождается конкурентным распределением прибыли, что качественно фиксируется в конкретных ее формах (средняя прибыль, торговая прибыль, ссудный процент, предпринимательская прибыль, дивиденд, земельная рента, дохо-

ды). Количество же это выражается через относительную долю соответствующего капитала в средней прибыли либо через исключение капитала из процесса формирования средней прибыли (земельная и природная рента). Тем самым раскрывается жизнедеятельность той сферы рыночного пространства, которая примыкает к бизнес-практике, а не только движение цены вверх и вниз от издержек производства. Издержки производства в трудовой теории стоимости не включают в отличие от экономикс «нормальную прибыль предпринимателя», совпадая в остальном. Решить спор об источнике этого элемента и характере его возмещения не представляется возможным без рассмотрения сущности рыночной (капиталистической) системы. В очередной раз мы сталкиваемся с иллюзорностью позитивистской логики, отрицающей все за пределами видимого.

Отклонение рыночных цен от центра тяготения в экономикс не столько содержательно раскрывается, сколько иллюстрируется в графической форме посредством скольжения вдоль кривых спроса и предложения и их перемещения в пространстве координат «цена — количество продукции». На основе трудовой теории стоимости оказалось возможным раскрыть не только стоимостную основу цены, но и закон отклонения цены от стоимости.

Взаимодействие спроса и предложения вызывает дифференциацию внутри общественно необходимых затрат труда. Как любое диалектическое понятие, они представляют собой единство противоположностей — общественно необходимые затраты труда первого рода (ОНЗТI) и общественно необходимые затраты труда второго рода (ОНЗТII). ОНЗТI представляют собой средние затраты труда, содержащиеся в товарах, поставленных на рынок. ОНЗТII выражают количество труда, которое общество должно выделить для удовлетворения той или иной общественной потребности. А это в рыночной экономике определяется количеством денег у покупателей. Ведь деньги — это единственный товар в непосредственно общественной форме. В деньгах зафиксировано то количество труда, которое уже получило стоимостную оценку, а значит, результаты этого труда уже признаны в качестве общественных, поскольку товары проданы. Поэтому деньги покупателей в рыночной экономике — это точное выражение количества затраченного в предшествующий период общественного труда и одновременно точное выражение размеров общественной потребности. Следовательно, производство должно произвести товары в соответствии с этой по-

требностью. Однако, несмотря на точность денежного измерения потребностей, отдельному производителю в рыночной системе эта точность недоступна. Даже государственным финансовым институтам размер денежной массы известен весьма приблизительно. А направления ее расходования тем более.

Ориентиром для производителя может быть только размер совершаемых операций на рынке и их динамика, проще говоря, спрос. При этом тот факт, что спрос является количеством общественного труда, а не мифическим диалогом количества покупок с ценой, ускользает от внимания. Однако, поняв содержательную суть спроса, легко проникнуть в процесс ценообразования. Сопоставление ОНЗТI и ОНЗТII, происходящее в ходе конкуренции продавцов и покупателей, превращает цену производства (центр колебаний) в рыночную цену. Отклонение рыночной цены вверх и вниз относительно цены производства вызывается количественным несовпадением ОНЗТI и ОНЗТII. Само несовпадение этих параметров является в рыночной экономике правилом и жизненно необходимо для ее функционирования. Без этого рыночная система не смогла бы существовать. Размеры отклонения рыночной цены от цены производства в точности равны разности между ОНЗТI и ОНЗТII. В итоге, несмотря на относительную самостоятельность цены по отношению к стоимости, на все богатство факторов, влияющих на цену и не влияющих при этом на стоимость, в цене нет ничего, кроме стоимости, и в них обеих нет ничего, кроме затрат общественного труда. Заметим, что определение «общественный» труд означает, что здесь измерена настолько, актуальность удовлетворяемой потребности, или, что одно и то же, полезность реализуемых товаров, но не прямо, а через посредствующие звенья.

Таким образом, соотношение спроса и предложения — это в действительности соотношение общественно необходимого труда двух видов. Их законом является тенденция к равенству. Спрос — это не шкала и не таблица внутреннего диалога покупателя с самим собой (по Маршаллу) или пропорции замещения одного товара другим. Спрос — это ОНЗТII, т.е. сумма реализованной стоимости, существующая как денежная масса. Предложение — это ОНЗТI, величина которого определяется существующими на предприятиях производственными мощностями и технологиями. Конечно, при одинаковом количестве денег разные покупатели предъявляют спрос на разные товары из-за различных субъектив-

ных предпочтений. И это действительно не имеет отношения к их настоящему или прошлому труду, а исключительно к психологии каждого отдельного человека. Для отдельного производителя этот факт принципиален. От этого зависит, купят его товар или чей-то другой. Но для итоговых процессов, для экономической системы и постоянно повторяющихся процессов не имеет никакого значения, чей именно товар будет реализован. Вкусовые предпочтения потребителей опять же взаимопогашаются из-за большого разброса вкусов. И все-таки субъективные предпочтения составляют часть реального процесса ценообразования, которую трудовая теория стоимости не отразила достаточно полно. Моделирование этого процесса экономикс нельзя считать бесполезным на том основании, что оно не исчерпывает всего содержания ценообразования. Иерархия субъективных предпочтений характеризует колебания цены вокруг стоимости полнее, чем это сделано в трудовой теории стоимости, доказавшей главным образом их взаимо-уничтожимость и амплитуды. Это важно, но недостаточно.

Вернемся вновь к проблеме равновесия и смысловому содержанию равенства спроса предложения.

Содержание спроса и предложения, сведенное к общественно необходимым затратам труда, дает возможность точно понять смысл рыночного равновесия. Равновесие как равенство спроса предложению — это не просто контракт, согласие, договоренность продавцов и покупателей о цене и количестве купли-продажи. В основе этих трудноуловимых и необъяснимых, казалось бы, с позиций психологии выбора процедур лежит точное равенство ОНЗТІ (предложение) и ОНЗТІІ (спрос). Закон спроса и предложения в своей основе имеет не субъективную психологию, а объективную стоимость, от которой в определяющей степени зависит и психология выбора товаров. Отсюда видно, что природа рыночного равновесия не сводится только к тому, что ОНЗТІ=ОНЗТІІ. Это конечный и поверхностный пункт, к которому рыночный механизм приходит в процессе делового цикла. Равенство спроса и предложения возможно лишь в том случае, если в реальном секторе экономики обеспечивается основная пропорция общественного воспроизводства, т.е. основная пропорция макро-экономического равновесия $I(v + m) = IIc$. Динамическое равновесие соответствует условию $I(v + v^1 + m^2) = II(c + c^1)$, где: c — постоянный капитал; v — переменный капитал, v^1 — дополнительные инвестиции в рабочую силу; c^1 — дополнительные инвестиции

в постоянный капитал; m^2 — часть прибавочной стоимости для личного потребления.

Таким образом, причинно-следственная связь и действительные этапы движения рыночной системы к общему равновесию таковы. Производство должно иметь структуру, при которой соблюдается основной закон воспроизведения. Это тождественно сбалансированному использованию ресурсов в экономике, что и представляет собой условие оптимальности. Основному закону воспроизведения $I(v+m)=Ic$ в сфере конкуренции купля и продажа товаров соответствует правило ОНЗТ_I=ОНЗТ_{II}. В ценовом выражении равенство общественно необходимых затрат труда принимает форму равенства цен товаров и денежной массы и, следовательно, равенство совокупного спроса и предложения. Но не в том смысле, что ресурсы распределены оптимально так, что каждый владелец или субъект достигает при рациональном (равновесном) выборе максимума полезности, а в том смысле, что все произведенное будет продано, и все деньги могут быть превращены в необходимые потребителю товары.

Дифференциацией ОНЗТ на два рода завершается развитие стоимости, которая в отдельном товаре определялась как простая противоположность потребительной стоимости, затем превратилась в противоположность товара и денег, далее в отношение наемного труда и капитала и, наконец, в отношения конкуренции между капиталами и между продавцами и покупателями. Весь этот необозримый и сложный процесс «свернулся» в понятие «рыночная цена». Не исчез в этом понятии, а сохранился. Произведя конечный результат — рыночную цену, он целиком, без остатка перешел в него, никак иначе не существуя. В рыночной цене отношение наемного труда и капитала приняло иррациональную форму: форму ценников на товарах в магазинах, или форму расчетов при продажах и покупках. Но если спрос и предложение свести к затратам труда, то истинная картина начинает проясняться. На уровне обычной практики, обыденного сознания удержание в рыночной цене всего объема отношений наемного труда и капитала легко обнаруживается в неравенстве покупателей по доходам, имущественному положению. Это непреодолимо в рыночной экономике. В зависимости от уровня развития страны это можно смягчать, чтобы избежать социальных конфликтов. Однако до сих пор устраниТЬ это не удалось нигде.

Вывод о том, что рыночная цена является продуктом отношений труда и капитала, суть которого в присвоении неоплаченного труда, а потому в конечном счете именно цена обеспечивает неравное распределение доходов и богатства в обществе, доказан трудовой теорией стоимости. Удивительным образом это осталось непонятым даже сторонниками трудовой теории стоимости. Между тем этот научный вывод весьма принципиален. Из него следует, что цена — не просто инструмент хозяйственной практики. Это экономическая форма, рожденная социальной структурой экономики. Следовательно, она неизбежно будет воспроизводить тот процесс, который ее произвел. Ее главное предназначение в том, чтобы воспроизвести отношение наемного труда и капитала. Мы имели возможность наблюдать этот процесс в ретроспективе. Как только в нашей стране в 1992 г. цены стали свободными, т.е. рыночными, они с поразительной быстротой восстановили капиталистическую структуру экономики. На уровне имущественной дифференциации появился слой сверхбогатых людей, чьи доходы в столь короткий срок никак нельзя объяснить ни способностями, ни выполненной для страны работой, ни склонностью к сбережениям, ни прочими литературными легендами. Печально то, что появление слоя нуворишей происходило одновременно с деградацией экономики, неэффективным распределением ресурсов, их использованием исключительно в целях личного обогащения немногих на фоне глубокого инвестиционного кризиса. Их появление шокированное общественное мнение склонно связывать с ошибками, допущенными в ходе приватизации. Однако не стоит заблуждаться. При любом развитии событий такой результат запрограммирован самим фактом перехода экономики к рыночным отношениям.

В заключение в связи с проблемой ценообразования заметим, что иная, нерыночная экономическая система тоже имеет единые оценки, в которой сопоставляются результаты и затраты. Это обусловлено фактом ограниченности ресурсов. Преодолеть такое положение дел невозможно. Человечество всегда будет существовать при условии ограниченности ресурсов. Более того, давление этого условия, скорее всего, увеличивается, а не ослабляет по мере нарастания технической мощи, о чем можно судить по тревожным подсчетам исчерпаемости природных ресурсов на планете. Однако рыночная цена является частным случаем такой единой оценки сопоставления затрат и результатов. В другой экономической сис-

теме рыночные цены исчезают, но другая форма единообразного выражения всех экономических процессов приходит им на смену. Например, в плановой экономике, по традиции, эта оценка носила прежнее название — рыночная (оптовая, розничная) цена. Ее содержание в значительной мере составляла уже не стоимость, а нечто совсем иное. При всей невыясненности этого содержания, очевидно, что ничем иным, кроме трудовой основы, оно не может быть. Этому же соответствовала нерыночная социальная структура, а также минимальный разброс в распределении между людьми материальных благ и доходов, который удалось достигнуть на планете.

Тем не менее в экономике имеются результаты, которые детализируют общую систему рынка, раскрытое трудовой теорией стоимости, что мы пытаемся здесь определить. Полнота и совершенность экономической системы в теории из-за бесконечной ее сложности всегда допускает детализацию и уточнение частных моментов. Применительно к анализу спроса и предложения вывод трудовой теории спроса может быть обогащен факторным анализом. Эластичность спроса по цене, доходу, перекрестная эластичность, эластичность предложения отражают взаимозависимости товаров. Они представляют собой параметры, характеризующие отклонение цены от стоимости, а потому дополняют теорию ценообразования.

§ 4. Реальная и номинальная экономика

Завершить сопоставление теоретических результатов, полученных при исследовании рыночной экономики трудовой теории стоимости и экономике (мейнстримом), имеет смысл анализом соотношения реальной номинальной экономики. Это фундаментальная проблема, в основании которой сходятся многие другие, в том числе рассмотренные выше. К тому же сейчас она привлекает внимание в связи с рядом новых явлений, таких, как резко возросший объем услуг, «виртуальная» сфера финансового капитала и др.

4.1. Реальный и номинальный секторы

Термины «реальный» и «номинальный» секторы экономики сейчас широко используются. В нашу экономическую среду они пришли из неоклассической концепции. Как многие другие эко-

номические понятия, западная экономическая традиция пользуется ими как само собой разумеющимися, понятными и доступными читателю, так как они фиксируют тот объем содержания, который сложился в обыденном сознании и практике, т.е. соответствует обычному словоупотреблению¹. Многие произведения известных авторов начинаются с перечня элементарных определений такого рода. Если же в дальнейшем исследование обнаруживает узость и недостаточность термина в первоначально принятом смысле, то выход находится указанием на «другой смысл» данного термина. В каком же смысле в итоге употребляется этот термин, надо понимать из контекста, как отмечает, скажем, А.Маршалл.

Диалектическая традиция исходит из постулата о необходимости отражении непрерывного развития изучаемого объекта. Это делает крайне бедной любую фиксацию его свойств, поведений в одном термине. Одно и то же свойство в разных условиях и при разных проявлениях становится иным, вплоть до диаметрально противоположного первоначально зафиксированному. Здесь не обойтись только подчеркиванием «других смыслов» первоначально введенного термина. Любое свойство, сторона, линия поведения изучаемого объекта оказываются содержательно сложными. Теория это отражает посредством непрерывного обогащения первоначально зафиксированных на уровне бытия предмета определений. Стороны объекта и весь объект в целом раскрываются теоретически через многообразие взаимосвязанных определений, каждое последующее из которых вытекает из предыдущих. В итоге все экономические категории являются непрерывно развивающимися, отражая ту или иную сторону изучаемого объекта посредством непрерывного синтеза многообразных определений. Справедливо ради заметим, что наиболее абсолютно реализовал этот принцип, пожалуй, только Гегель. В наиболее диалектическом труде по экономике — «Капитале» К.Маркса — иногда встречаются употребления терминов «в разных смыслах» (например, доход). Однако это все же довольно незначительные частности. Являясь синтезом многих определений (капитал, доход, труд, прибыль, заработная плата и т.д.), экономические категории исходят из определения, зафиксированного обыденным сознанием,

¹ См., например, Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: Прогресс, 1983. Т. 1. С. 107—144; Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс. 1986. С. 51—63.

но оно в сравнении с последующими оказывается самым содержательно ничтожным. Объект в этом первом своем обнаружении предстает не полным, а фрагментарным и довольно часто иллюзорным (по определению Гегеля, как «ничто»).

Введение четко очерченных терминов в начале исследования,казалось бы, способствует повышению его точности. Однако простое фиксирование обычного словоупотребления не способно отобразить постоянное изменение объекта в бесконечно множественных проявлениях его функционирования или жизнедеятельности. Поэтому она приводит к неточностям и высокой степени неопределенности применяемых терминов, понятий и, как следствие, неглубокому отражению экономических процессов, явлений, функциональных зависимостей.

Каждое из пришедших из западных экономических школ понятий в российской экономической среде, сформировавшейся на диалектических традициях, вызывает много вопросов и необходимость переосмысления. Возможно, что в создавшихся условиях уточнения такого рода будут представлять одну из форм сохранения и накопления научного потенциала для ответа на текущие вопросы и для будущего научного синтеза. Последнее возникает в связи с рождением новой, пострыночной экономической системы, которая в разных формах просматривается довольно зримо в современном мире.

Неоклассическая концепция основана на дихотомии экономики на реальный и номинальный секторы. Дихотомическое деление предполагает соподчиненность двух логически противоречивых секторов экономики. Основанием дихотомического деления в данном случае является определение признаков, свойств, содержания реального сектора. Реальный сектор представляется сферой экономики, в которой происходит материальная трансформация ресурсов в конечные результаты, т.е. сфера производства товаров и услуг. Номинальный сектор при такой методологии определяется по принципу исключенного третьего. Тем самым его содержание очерчивается противопоставлением реальному сектору, получая лишь отрицательное определение. Номинальный сектор в неоклассической концепции представляет собой нереальный сектор. Принцип дихотомического деления объекта не обязывает сколько-нибудь внимательно относиться к позитивному рассмотрению стороны, не являющейся основанием деления.

Неопределенность, допускаемая принципом дихотомического деления, явилась следствием разнообразных трактовок соотношения реального и номинального секторов экономики в разных моделях, включаемых в современный экономикс. Неоклассическая модель исходит, как отмечалось выше, из нейтральности номинальных параметров экономики к функционированию ее реального сектора. До сих пор считаются верными аргументы, предложенные в доказательство этого тезиса Ж.Б. Сэм. Суть их в допущении абсолютной эластичности цен по отношению к использованию ресурсов, а следовательно, и производству продукции. Поэтому какое бы то ни было изменение на стороне спроса, потребления вызывает ответную реакцию со стороны предложения, инвестиций, вследствие чего будет всегда достигаться равенство доходов и расходов или производства и потребления. Рынок, согласно этому представлению, благодаря гибкости автоматически действующих регуляторов всегда обеспечивает потенциально возможный объем производства из наличных ресурсов. Это как бы непреложная константа данной модели. Меняется лишь номинальное выражение экономических показателей, иначе говоря, масштаб их измерения. Деньги вследствие эластичности цен, процента, зарплаты нейтральны по отношению к реальному сектору.

Кейнсианская модель допускает не нейтральность денег, так как отрицает абсолютную эластичность цен, зарплаты, ссудного процента и саму способность рынка автоматически выводить экономику в точку потенциального объема производства. Монетаристские представления, являющиеся, по сути дела, реставрацией ортодоксальных суждений неоклассической концепции о безграничных возможностях рынка, тем не менее отводят деньгам роль ключевого и, можно сказать, единственного регулятора экономики. Несмотря на это, содержательная сторона денег не привлекает внимания ни одной из названных концепций. По этой причине номинальный сектор экономики содержательно не определяется. Скорее всего, можно считать, что это некоторая условная счетная сторона экономики, введенная искусственно людьми для мысленного отражения и измерения реальных экономических показателей, смысл которой общедоступен.

Между тем значительно большая ясность о содержании реального и номинального секторов экономики применительно к рыночной экономике достигнута в экономической науке еще к середине прошлого века. С тем чтобы устраниТЬ расплывчатость,

неопределенность, допускаемую в этих терминах упомянутыми выше концепциями, имеет смысл сопоставить с пониманием соответствующих реальностей в трудовой теории стоимости.

Под реальным сектором экономики обычно подразумевают ту ее часть, где происходит создание товаров, удовлетворяющих потребности людей, т.е. полезностей. Экономикс сюда относит, кроме того, и услуги. Советские экономисты расходились во мнениях о границах реального сектора, но если исключить вопрос об услугах, то остальное кажется само собой разумеющимся.

Несмотря на кажущуюся общность, в определении реального сектора экономики имеются глубокие различия между трудовой теорией стоимости и экономикс. Нелишне их напомнить, так как именно здесь пролегает водораздел, разделяющий экономическую науку на два основных направления.

Трансформация вещественных и личных ресурсов в товары и услуги — это единственный процесс, который видят экономикс, говоря о реальном секторе. А так как этот процесс технологический, то он не является экономическим. Объектом экономики, а следовательно, экономической теории он выступает лишь в исходном и конечном пунктах, т.е. на входе в производство (ввод ресурсов) и на выходе из него готовой продукции. В этих пунктах возникает проблема рационального выбора (ресурсов, пропорций между ними, объемов производства, величины издержек и т.п.). Напомним, что он выражается либо в виде производственной функции технологического содержания, экономическими в ней являются лишь ценовые расчеты, минимизирующие затраты производителя; либо в виде точки касания изокванты, изображающей альтернативные способы получения данного объема производства посредством бесконечного разнообразия сочетаний ресурсов, с в изокостой, выражющей стоимость ресурсов, необходимых для производства данного объема продукции. Производство готовых продуктов и услуг в форме полезностей — единственное содержание, цель и смысл экономики.

Трудовая теория стоимости обнаружила *двойственный характер реального сектора рыночной экономики*. Производство продуктов или полезностей — это лишь одна его сторона. Другой стороной является создание и увеличение стоимости. Этую вторую сторону не видит ни одно из течений, ни одна модель экономикс. Но именно это резко меняет представления о рыночной экономике. Согласно экономикс реальный сектор — однополюсный,

номинальный сектор появляется как «инженерное» изобретение людей, сделанное когда-то в прошлом для удобства сопоставления. Несмотря на дихотомический принцип, вся экономика представляется однополюсной. На практике конечно же любой экономический показатель выражается в натуральном и денежном измерении, однако в теории они не соединены друг с другом органически. Но однополюсное представление заводит в тупик, как было показано выше, при малейшей попытке обобщений реальной действительности.

Трудовая теория стоимости раскрыла и доказала диалектическую природу рыночной экономики. Реальный сектор экономики имеет двухполюсное строение. Здесь производятся и полезности (потребительные стоимости), и стоимость. Это означает, что содержание его не только технологическое, но и экономическое. Отношения людей в производстве, кроме технологических, составляют социальный срез экономики, образуя в конечном счете формы собственности на ресурсы, продукты, способы их распределения. Эта фундаментальная основа экономики и есть тот «мир невидимого, который важнее мира видимого», о чем упоминал А.Маршалл, но который он не смог раскрыть или даже приблизиться к нему. Именно она генерирует весь рыночный механизм, все функциональные и количественные зависимости между рыночными силами.

Двойственность реального сектора, согласно трудовой теории стоимости, является тем генератором, той генетической основой, которая формирует номинальный сектор. Он возникает вовсе не как чисто условное изобретение «для счета», подобно метру, килограмму или шкале температур. Здесь производятся реально и полезности, и стоимость. Стоимость такая же реальность, как и полезность. Полезность исчезает в потреблении, трансформируясь в иную вещественную субстанцию. Стоимость же не исчезает. Она сохраняется вечно, выйдя из товарного тела и переселяясь в тело денежного товара. Деньги — это не простая счетная единица и средство обращения, а прежде всего форма самостоятельного существования стоимости. Следовательно, номинальный сектор, где все экономические параметры и явления получают денежное выражение, — это сфера жизни стоимости. Стоимость же вполне материальная субстанция, это энергетический сгусток потребленного (или просто реализованного) товара. Отсюда ясно, что предмет спора о нейтральности или не-нейтральности денег по отно-

шению к реальному сектору оказывается простым недоразумением. Деньги не могут быть нейтральными при определении объемов производства, использовании ресурсов, занятости и всего остального. Дело не сводится только к проблеме их количества в экономике. В номинальном секторе стоимость ведет сложную и богатую жизнь, выполняя многообразную работу, определяя множество экономических параметров.

Представление о нейтральности денег весьма упрощает экономический мир. Однако представление о деньгах как демиурге экономики также не соответствует действительности, поскольку в них лишь оформляется то, что создано в реальном секторе. Другими словами, они являются следствием реального сектора. Деньги не могут быть нейтральны к последнему, но они также не могут быть всемогущи. Они влияют на состояние и работу реального сектора, но это влияние не всесильно. Макроэкономическая политика, основанная на преувеличении могущества денег, способна принести многочисленные разрушения в реальном секторе, что наблюдается в последние десятилетия во многих странах, проводивших реформы по монетаристскому образцу.

Таким образом, в понятии реального сектора экономики в трактовке всех основных концепций экономикс допущено серьезное обеднение действительности, поскольку отражена одна ее сторона — производство полезностей, но утеряна другая сторона — производство и увеличение стоимости. Помимо этого уточнения, весьма полезно обогатить содержание рассматриваемого понятия процессом движения функциональных форм капитальной стоимости. К реальному сектору относится прежде всего производительный капитал, совершающий реальный метаморфоз, и товарный капитал как его застывший результат.

Денежный капитал относится к номинальному сектору экономики. Он является антиподом реального сектора. Однако это действительный капитал, осуществляющий формальные метаморфозы. Все три формы промышленного капитала представляют собой действительный капитал. Производительный капитал является превращенной формой денежного капитала, товарный капитал — превращенная форма производительного капитала, а денежный капитал — превращенная форма товарного капитала. Процесс превращения осуществляется стоимостью. Она бесконечно переходит из одной формы в другую, сохраняя себя посредством такого рода превращений. Эти положения трудовой теории стои-

ности необходимы для того, чтобы понять природу номинального сектора, действительное содержание номинальных параметров и не отвлекаться на решенные в науке вопросы относительно нейтральности или не нейтральности денег.

В номинальном секторе экономики помимо бумажных денег обращаются кредитные деньги и другие финансовые активы разных видов — акции, облигации, векселя, банкноты, чеки, закладные. Они связаны с реальным капиталом, так как представляют собой формы ссудного капитала. Ссудный капитал не участвует ни в реальных, ни в формальных метаморфозах. Но он разрешает противоречие между высвобождением и связыванием капитала, непрерывно происходящих во множестве точек рыночного пространства. Благодаря специализации части общественного капитала на аккумуляции временно свободного капитала и направления его туда, где испытывают его нехватку, достигается непрерывность процесса создания стоимости и увеличивается ее самовозрастание. Связь ссудного капитала с движением промышленного капитала делает его действительным капиталом.

Однако значительная часть капитала, представленная в ценных бумагах, является фиктивным капиталом. Она не связана с движением реального капитала. Известно, что размеры финансового капитала в современном мире многократно превышают размеры действительного капитала. Расхождение между этими величинами и составляет фиктивный, чисто иллюзорный капитал. Некоторая и все возрастающая его часть обращается, никогда не пересекаясь с реальным сектором экономики, обслуживая функционирование только самого фиктивного капитала. Спекулятивные фонды, в значительной мере, если не полностью, можно отнести к капиталу такого рода. Их размеры столь велики, что они в состоянии вызвать финансовый кризис и разрушения в экономике целых стран. Так, во время финансового кризиса 1997—1998 гг. официальные лица некоторых стран обвиняли в его организации спекулятивные фонды. Учитывая связь этих фондов с финансовым капиталом как таковым, мнения политиков кажутся вполне правдоподобными. Господство финансового капитала в современном мире, разбухание его фиктивной части, колоссальные прибыли, извлекаемые в «виртуальном» пространстве, — вся современная «алхимия» финансов кажется неподдающейся объяснению. Между тем увеличение доли денежного капитала по мере возрастания промышленного капитала и размеров накопления

капитала в качестве характерной тенденции отмечал К.Маркс во II томе «Капитала». Закономерность увеличения фиктивного капитала в процессе развития капиталистической системы стала очевидной уже к концу XIX в., что было отмечено Ф.Энгельсом при подготовке к печати III тома «Капитала» (глава XXIX). В те же времена «виртуальные» способы обогащения были отнюдь не редкостью. В упомянутой главе отмечается, что накопление состояний банкирами может совершаться в направлении, весьма отличном от действительного накопления. И что «класс этот прибирает к рукам добрую долю последнего». Наконец, эта доля стала столь внушительной, что уже в первой четверти XX в. господство финансового капитала стало признаком нового монополистического этапа в развитии рыночной экономики.

Финансовый капитал возникает на основе ссудного капитала. Превращение ссудного капитала, размещенного в ценных бумагах, в иллюзорный, фиктивный капитал происходит в процессе обращения. Ссудный капитал представляет собой кредит, полученный в конечном счете капиталом в реальном секторе экономики, хотя на этом пути возникают посредники (кредиты торговле, банкам, госбюджету и др.). Кредиторы взамен получают свидетельство, ценную бумагу в качестве притязания на будущий доход. Акция также является разновидностью кредита, завуалированной актом невозврата ее рыночной цены покупателю. Фиктивность капитала, выраженного долговыми свидетельствами, может быть представлена чисто иллюзорной ценной бумагой, если за обязательством выплатить долг нет действительного капитала. Ценная бумага может быть и не чисто иллюзорным долговым обязательством. Во всех случаях рыночная цена бумаг отлична от номинальной стоимости и представляет собой капитализированный доход, исчисленный на основе ссудного процента по отношению к иллюзорному капиталу (сумме долга частного лица, банка, государства). Значительная часть официальных резервов банков — коммерческих и национальных — состоит из векселей, акций, государственных и международных долговых обязательств. Ее денежная стоимость регулируется спросом и предложением независимо от стоимости действительного капитала, а поэтому эта часть капитала является фиктивным капиталом. Притязание на доход от реального сектора принимает постепенно гипертрофированную форму, по своим размерам превышающую результат, произведенный здесь применением ссудного капитала.

Функции финансового капитала носят посреднический характер. Та его часть, которая связана с аккумуляцией и траекторией движения действительного капитала (производительного, товарного и денежного), выполняет полезную работу, способствуя уменьшению перерывов в движении стоимости. Капитал, вложенный в ценные бумаги, частично возвращается в реальный сектор экономики и прямо превращается в производительный капитал. Если он превращается в денежный капитал (предприятий и банков), то косвенно обслуживает функционирование производительного капитала. Та же его часть, которая образуется в результате удвоения, утройства, многократного умножения величины действительного капитала путем номинального размещения его в ценных бумагах, также выполняет исключительно посреднические функции. Но это посредничество другого свойства. Его функция заключается в перераспределении прав собственности и доходов, произведенных производительным капиталом в реальном секторе экономики. «Виртуальное» пространство оказывается вполне реальным. Для движения стоимости безразлично, между какими персонально индивидами будет поделена прибавочная стоимость. Но для индивидов это стимул сильного действия. Поэтому и возможен разбухающий во времени и пространстве фиктивный капитал. Именно этим объясняется нестабильность и неустойчивость финансовых рынков, падения и взлеты курсов ценных бумаг, которые несопоставимы с колебаниями цен на другие товары. Неустойчивость финансовых рынков имеет выраженную тенденцию к усилению, что в свою очередь служит импульсом увеличения амплитуды колебаний всего рыночного пространства. Отсюда стремление современных государств контролировать финансовые рынки в первую очередь. Требования контроля раздаются, как это ни странно, и со стороны крупных игроков этих рынков, так как потерпеть крах в этом мире могут и финансовые акулы.

На протяжении двух столетий фиктивный капитал неуклонно разрастался. В настоящее время на международных финансовых рынках ежедневно обращается фиктивный капитал величиной около 1 трлн. долл. Он не обслуживает реальный сектор экономики, не кредитует его, не способствует производству товаров. Однако приносит баснословные доходы крупным финансовым игрокам, образуя виртуальное экономическое пространство. В противоположность действительному ссудному капиталу он не кредитует реальный сектор экономики, а перекачивает оттуда до-

ход, превращая его в паразитирующую форму. Фиктивный капитал, являясь антиподом действительного капитала, представляет собой деструктивную силу. Сейчас он обладает огромной разрушительной мощью. Финансовые катастрофы, поразившие Юго-Восточную Азию, Японию и Россию в 1997—1998 гг., показывают, что ему по плечу не только вызвать экономический хаос, но даже уничтожить экономику крупной страны. Экономика нашей страны находится в весьма уязвимом состоянии, и от международных спекулятивных фондов, и от внутреннего спекулятивного оборота финансовых активов. В годы реформ на фоне глубокого экономического спада банковский сектор процветал. В этом суть разграбления и вызванного этим разрушения экономики. В этом же и источник сколоченных на глазах изумленного мира много-миллиардных состояний. Источниками высоких и сверхвысоких доходов здесь являлись доходы, извлеченные из реального сектора. Процветание банков обрачивалось разрушением производства. Действительный капитал неуклонно превращался в фиктивный. Уменьшение фиктивного капитала до размеров ссудного капитала, т.е. высвобождающейся в процессе оборота части реального капитала, в настоящее время тождественно обеспечению экономической безопасности нашей страны и должно стать одной из целей государственной политики.

Таким образом, номинальный сектор экономики в содержательном отношении не однороден. Денежный и ссудный капитал опосредствует движение реального (производительного и товарного) капитала и образует действительный капитал этого сектора и экономики в целом. Другая же его часть, представлена в ценных бумагах, обращение которого оторвано от реального капитала. Это — фиктивный капитал, который, не участвуя в создании реальных ценностей, перекачивает доход из реального сектора владельцам ценных бумаг, паразитируя на экономике. Превращение ссудного капитала в фиктивный является формой ограбления реального сектора экономики.

4.2. Структура и границы реального сектора

Структура и границы реального сектора экономики определяются основными направлениями экономической науки по-разному. Экономикс относит к нему все отрасли, производящие товары и услуги. В советской литературе дискутировался вопрос о

природе услуг, но все же преобладала тенденция о неоднородности реального сектора с позиций создания стоимости. Экономикс видит в реальном секторе только созидание полезности. С этой точки зрения товары и услуги не имеют различий, а их стоимости складываются из доходов от факторов производства.

Действительно, услуги обладают полезностью, так же как и товары. Однако если рассмотреть процесс создания стоимости, то они становятся разнородными. Возникает ли стоимость в производстве услуг? Трудовая теория стоимости, преодолев «догму Смита», доказала, что создание стоимости первично по отношению к распределению. Стоимость распадается на доходы, но не может состоять из них. Менее четко выяснен вопрос о том, образуют ли затраты труда в сфере услуг стоимость или они покрываются посредством распределения стоимости, воплощенной в товарной массе. Нечеткость здесь возникла вследствие различия характеристик данного явления на микро- и макроуровне, или различия представлений о его содержании с индивидуальной и общественной точки зрения. Решающей в данном случае является последняя, поскольку на микроуровне невозможно обнаружить разницу между возникновением стоимости и ее распределением. Например, покупка акций для индивида является инвестицией, так как приносит ему доход, а для общества она таковой не является, поскольку не увеличивает реальный капитал. Аналогично обстоят дела и с услугами.

Рыночная экономика основана на отчуждаемости товаров в актах купли-продажи. Природа услуг чаще всего делает невозможным ее отчуждение. Стоимость же соответствует именно отношениям отчуждаемости результатов. Это является исходным пунктом механизма их приравнивания, формирования меновой стоимости. Для понимания сути дела важно не упускать из вида, что стоимость — это не просто затраты труда, а отношения между людьми. Поэтому затрата труда при производстве полезной услуги не служит аргументом о факте создания стоимости. В рыночной экономике в сфере услуг стоимость не создается, а затраты возмещаются перераспределением стоимости из отраслей, производящих товары. Исключение составляют услуги, воздействующие на потребительскую стоимость товаров, в том числе создающие ее пространственно-временную форму, т.е. транспортировку производительного и товарного капиталов.

Статистическая практика западных стран, а теперь и в нашей стране, при подсчете ВНП суммирует стоимость товаров и услуг. Она не может ни подтвердить, ни опровергнуть теоретические представления о природе услуг. Эта практика сложилась традиционно. Ее применение при расчете макропоказателей имеет резоны во многих отношениях. Этим достигается упрощение расчетных процедур, сопоставимость показателей при межстрановых сравнениях и др. Однако единообразие при расчетах макропоказателей не доказывает содержательной однородности реального сектора, исключающей различия между сферой товаров и сферой услуг с точки зрения создания стоимости.

Вопрос о *природе услуг* становится сложнее с изменением типа экономической системы. Это происходило либо в форме социалистических революций, либо в недрах рыночной экономики, эволюционно появлялись новые пострыночные формы и явления.

Новыми явлениями исследователи чаще всего называют резко возросший удельный вес информационных технологий и информационного продукта, сферы услуг, творческого труда и сокращение доли материального производства. В связи с сокращением материальных отраслей в ВВП возникают проблемы о примате производства, факторах производства, содержании и границах реального сектора в постиндустриальном обществе.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что новое качество экономических явлений пока в развитом виде не существует ни в одной стране. Наиболее прозрачными для наблюдения они были в нашей стране, в плановой экономике. Реставрация рыночных капиталистических отношений, переходный характер наиболее «продвинутых» экономических систем затрудняют проникновение в содержание посткапиталистических форм. Известно, что чистые формы в силу своей определенности и выразительности, какими сложными они не были бы содержательно, все же для познающего разума доступнее, чем переходные. По этой причине о новых явлениях современного мира можно пока судить лишь в самых общих чертах.

Первичность и причинность производства по отношению к остальным сферам экономической жизни как его вторичным признакам и следствиям являются фундаментальными положениями трудовой теории стоимости, наиболее последовательно и плодотворно примененными в марксистской теории. *Примат производства* выражает действительную связь в реальном мире, поскольку

в производстве генерируются все экономические силы, инструменты, функциональные взаимосвязи, количественные закономерности, обнаруженные в обмене, распределении, потреблении, в конкуренции, в поведении людей. В производстве создаются не просто товары и услуги, но и социальная генетическая основа экономической системы, формируется социальный тип общества. В рыночной капиталистической экономике такой основой является отношение наемного труда и капитала. Это классовое отношение созидает, генерирует весь рыночный механизм, включая и «великий» закон спроса. Логически непротиворечивую целостную теорию рыночной экономики удалось построить, основываясь на принципе превалирования производства.

Неоклассическая концепция, кейнсианская теория основаны, как рассматривалось выше, на последовательном применении *закона спроса и предложения* едва ли ни ко всем рыночным связям. Тем не менее А. Маршалл признает, что производство является первопричиной в экономике и трудовая теория стоимости имеет веские аргументы¹. А Дж. Кейнс приходит к выводу, что денежные единицы не способны отобразить важнейший макроэкономический показатель — объем занятости, который определяет совокупный объем производства, и более широко — возможности рыночной экономики. В качестве единицы измерения объема занятости Дж. Кейнс использует простой неквалифицированный труд, что косвенно также подчеркивает производство как первооснову всего в экономике². Тем не менее это всего лишь высказывания авторов. В действительности же в этих концепциях *исходной основой является спрос*, затем предложение с позиций выбора рациональной комбинации ресурсов преимущественно на основе убывающей отдачи и, наконец, взаимодействие спроса и предложения с целью определения равновесного состояния экономики. Несмотря на кардинальные расхождения в оценке равновесного состояния Кейнса и неоклассиков, их сходство в том, что производство в качестве первопричины фигурально признается, но теоретическая концепция построена по прямо противоположному принципу, т.е. изучается сфера обращения. Однако действительность врывается в эти концепции если не в дверь, то в окно. В

¹ См.: Маршалл А. Принципы политической экономии. М., 1983. Т. 1. С. 147.

² См.: Кейнс Дж. Мейнард. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 92—93.

законе спроса и в законе предложения основной акцент делается именно на спросе на труд, предложении труда или занятости, т.е. центральной составляющей производства.

Если обратиться к алгебраическим формам трех базовых моделей, входящих в экономикс, то можно обнаружить, что из семи уравнений, описывающих эти модели, первичные три уравнения моделируют реальный сектор экономики. Реальный сектор экономики описывается посредством производственной функции, функции спроса на труд и функции предложения труда. Существует множество разновидностей производственной функции, выражающей функциональную зависимость готовой продукции от затрат ресурсов (труда, капитала). Однако в общем виде ее чаще всего представляют как функцию от труда: $Y = Y(L)$. Рынок труда, как и всякий иной рынок, в этих моделях определяется соотношением спроса и предложения. Функцией спроса на труд является производная от производственной функции Y_u . В неоклассической концепции функция спроса на труд равна реальной заработной плате $Y_u = W/P$, где W — номинальная заработная плата; P — цены. В кейнсианской модели она равна номинальной заработной плате $Y_u = W$, поскольку в рыночной экономике, по мнению Кейнса, и рабочие, и капиталисты подвержены денежным иллюзиям. Они сильно реагируют на изменения номинальной заработной платы и слабо — на изменения цен. Монетаристская модель производственную функцию и функцию спроса на труд заимствует из неоклассической модели, поскольку разделяет ее основной постулат о способностях рыночной экономики производить потенциально возможный объем производства, всегда являющийся равновесным объемом, независимо от ценовых изменений.

Третье уравнение, описывающее реальный сектор, в упомянутых моделях составляет функция предложения труда. В неоклассической модели предложение на рынке труда определяется функцией от реальной заработной платы $L_s = L(W/P)$, в кейнсианской — от номинальной заработной платы $L_s = L(W)$, монетаристская модель совпадает с неоклассической, внося небольшое уточнение в виде ожиданий изменения реальной заработной платы $L_s = L(W/P_e)$. Остальные четыре уравнения в этих моделях описывают номинальный сектор экономики, определяя функцию сбережений, функцию инвестиционного спроса в денежной форме, условие равновесия сбережений и спроса на инвестиционные ресурсы и, наконец, спрос на деньги. Различия здесь возникают

снова между неоклассической и кейнсианской моделями весьма принципиального характера. Монетаристская модель является повторением неоклассической, отличаясь скорее в деталях, чем по сути. Те дополнения, которые она предлагает к неоклассическим постулатам, построены исключительно по принципу опровержения теории Кейнса и содержательно не развиваются давние представления неоклассиков о безграничных возможностях саморегулирующегося, автоматически действующего рыночного механизма.

Алгебраическая форма изложения довольно строга и экономна. Словесные аргументы могут быть нечеткими, противоречивыми, разными у разных авторов. Алгебра гораздо точнее фиксирует общие теоретические результаты тех или иных концепций. Она, так же как и геометрия, не обогащает значительно познавательный инструментарий, но дает хорошую — точную и лаконичную — форму изложения мыслей. Как видно из приведенных алгебраических схем, какие бы словесные описания ни предпринимались, все же конечная материя любой экономики — труд — является отправной точкой «нетрудового» (факторного) направления экономической науки. В действительной реальности психология потребителей и производителей взаимопогашается при переходе от индивидуального спроса к рыночному. Она же устраняется в точке рыночного равновесия.

В теоретических же работах спрос является функцией полезности, а полезность имеет исключительно психологическое содержание, т.е. является оценочной рефлексией живого организма. Все три названные модели, хотя их исходным пунктом является, казалось бы, труд, экономику изображают в координатах спроса и предложения. И микроэкономика, и макроэкономика описываютя в этих координатах. Все основополагающие параметры, представленные в семи уравнениях, выражаются исключительно через спрос и предложение. Это же относится и к производственной функции, где в качестве аргумента выступает набор ресурсов, обеспечивающих максимальный выпуск. Она показывает выбор альтернативных технологически эффективных способов производства продукции. Следовательно, это форма описания спроса на ресурсы. Несмотря на это, тот факт, что исходной основой базовых моделей экономики является спрос на труд, косвенно подтверждает примат производства, поскольку труд является созидающей субстанцией производства.

Таким образом, принцип примата производства в рыночной экономике доказывается прямо, последовательно и полно трудовой теорией стоимости. В других концепциях, являющихся составными частями современного экономикс, он подтверждается косвенно, фрагментарно или просто в форме суждений, высказываний авторитетных авторов, хотя и не сумевших их претворить в своих концепциях. Так или иначе примат производства обнаруживается в основных направлениях экономической теории. Однако производство понимается весьма различным образом. Экономикс в нем видит только техническую сторону, трудовая теория стоимости — экономическую.

В связи с появлением новых реалий в экономике стали возникать сомнения в истинности принципа примата производства. Действительно, в развитых странах динамично развивается сфера услуг. Ее доля в ВВП превышает долю физических товаров. Причем закономерна тенденция к увеличению удельного веса услуг в экономике. При анализе этого явления необходимо различать, на наш взгляд, качественно разнородные аспекты, скрываемые за количественным ростом сферы услуг.

Объем услуг может возрастать по разным причинам. Во-первых, это может происходить из-за разрастания посредничества в экономике в товаропроизводящих структурах, увеличения финансовых операций, появления вторичных рынков (перепродажи) товара, капиталов, ценных бумаг. Рыночная экономика проявляет способность к разбуханию такого рода, что является неэффективным отвлечением ресурсов от реального сектора, болезнью экономики, а не углублением разделения труда. Статистика, как правило, исключает финансовые услуги и стоимость вторично проданной продукции из валового продукта, поэтому эта часть услуг не влияет на динамику роста сферы услуг. Посреднические услуги исключению не подлежат. А они множатся, дробятся, появляются все новые и новые виды в процессе роста экономики рыночного типа. Следовательно, увеличение стоимостного объема посреднической деятельности способствует росту сферы услуг. Однако здесь не происходит никаких новых моментов во взаимоотношении производства и услуг. Производство по-прежнему доставляет предметы для посреднической деятельности. В разумных пределах посреднические услуги необходимы, они экономят издержки обращения, в том числе и трансакционные издержки, производителям. Однако их разбухание оказывает депрессивное

влияние на производственный сектор. Это явление характерно для рыночной экономики. В кризисные моменты оно становится воистину бедой. В нашей стране любое работающее предприятие обращает десятками посреднических фирм, забирающих у производителей иногда до 80% продукции. Их количество так велико, что они буквально высасывают кровь из экономики. В такой утрированной форме у нас проявилась негативная сторона рыночной экономики как таковой.

В том случае, если слагаемыми роста сферы услуг послужили посреднические услуги, этот факт не свидетельствует ни о каком новом качестве в экономике. Это как раз проявление не слишком хорошего свойства старых рыночных отношений. Производство сохраняет свою прежнюю роль демиурга, но испытывает отрицательное воздействие от разрастания паразитирующих структур.

Кроме посреднических услуг по мере развития экономики происходит увеличение сферы обслуживания. Эти услуги опять же неоднородны. К ним относятся, например, домашние слуги богатых людей. Их величина меняется сложным образом. В прошлые века в этой сфере было занято едва ли не больше населения, чем в промышленности, затем происходило сокращение этого вида услуг. В последние десятилетия здесь вновь отмечают увеличение занятости в связи с увеличением в богатых странах верхнего слоя, так называемого среднего класса. Услуги домашних слуг не представляют, как и услуги посредничества, ничего нового в интересующей нас проблеме. Они лишь свидетельствуют о социальном неравенстве людей в рыночной экономике. К услугам обслуживания относятся услуги сферы питания, отдыха, развлечений. Рынок услуг такого рода возникает довольно быстро. Капитал интенсивно внедряется сюда из-за быстрой оборачиваемости вложений, заполняя все имеющиеся ниши, и, несмотря на острую конкуренцию, активно разрастается. Здесь тоже пока трудно увидеть что-либо новое, за немногим исключением, частично касающимся услуг отдыха. В богатых странах отмеченные услуги потребляют довольно широкие слои населения, в бедных — богачи и иностранные туристы.

Во всех отмеченных видах увеличение доли услуг происходит реально, физически. Однако это происходит или может происходить в пределах традиционного рыночного механизма. В одних случаях разрастание услуг является негативным и угнетающим по отношению к реальному сектору, в других — положительным, так

как углубляет разделение труда и способствует прогрессу. Увеличение сферы услуг во всех случаях — и позитивных, и негативных — не означает реального увеличения валового продукта. Лишь там, где экономическая роль услуг заключается в экономии издержек обращения производителей, происходит увеличение валового продукта, но этот прирост дает производство, услуги же участвуют лишь косвенно. Увеличение объема услуг не приводит к добавлению стоимости валового продукта. Статистическая же практика такое добавление осуществляет. Однако в реальной действительности увеличения стоимости валового продукта с ростом объема услуг не происходит. Сфера услуг перераспределяет стоимость, созданную в производстве, через механизм конкурентного ценообразования. Практика статистического учета и реалии экономики не совпадают. Особых неудобств это не создает, если не иметь в виду опасность ложных теоретических умозаключений на основе прямого восприятия результатов статистики.

Существует еще одна разновидность рынка услуг, связанная с обслуживанием и ремонтом разнообразной домашней техники. Эти услуги интенсивно развиваются. Они возникают в качестве прямого продукта технического прогресса. По сути дела, вся сфера ремонта и обслуживания домашней техники представляет собой продолжение сферы производства в сфере потребления.

Здесь происходит воздействие на потребительную стоимость товара. Она либо модифицируется, либо сохраняется, либо увеличивается путем продления срока службы товара. Всякий труд, производящий изменение в потребительной стоимости, как и труд, ее создающий, одновременно созидает и новую стоимость. Поэтому услуги по обслуживанию и ремонту домашней техники добавляют стоимость к валовому продукту. Здесь статистическая практика и экономическая реальность совпадают в отличие от предыдущих случаев. И все же это обычная работа рыночного механизма. Включение стоимости услуг такого рода в стоимость валового продукта не отвергает принципа примата производства, а подтверждает его, так как в данном случае услуга тождественна самому производству, удаленная от него лишь пространственно.

Тем не менее широко распространенное суждение о том, что рост сферы услуг характерен для постиндустриального общества, является в значительной мере правильным.

Действительно, посткапиталистическая, пострыночная экономика ориентируется на человека, на личность. Рыночная капи-

талистическая экономика во главу угла ставит покупателя. Разница на первый взгляд незаметна. Пропаганда же успешно спекулирует на этом, отождествляя столь различные явления. Когда речь идет лишь о покупателе, производство работает не на человека, а на деньги в его кармане. Генетической основой рыночной экономики является классовое отношение наемного труда и капитала, воспроизведение этой постоянной структуры экономики, которая через колебания цен, конкуренцию, соотношение спроса и предложения ограничивает жизненный простор индивида величиной его денежного дохода, т.е. его качеством покупателя. Такая экономическая система далека от совершенства, во многом она антигуманна. Поэтому объективное развитие направлено на преодоление негативных моментов, что достигается постепенным возникновением новой постиндустриальной экономической системы.

4.3. Воспроизведение индивида

Генетической основой постиндустриальной, посткапиталистической системы является воспроизведение не классов, а индивида. Об этом существует большая отечественная литература. Речь идет о развитии каждого как условии развития всего общества, о развитии творческих способностей человека. Постиндустриальная техника (робототехника, например) выталкивает человека из производства, создавая ему возможность сосредоточиться на самом трудном — на производстве новых знаний, на получении информационного продукта, чего не умеет пока делать ни одна из известных машин.

Изменение положения человека в экономике не означает исчезновения самой экономики, как иногда утверждают. Это означает, что экономика стала различать человека, индивида, а не среднестатистического (или рационального) покупателя, чей выбор отражен в равновесной рыночной цене. Заметим, кстати, что критика в адрес трудовой теории стоимости о том, что здесь «нет человека», является недоразумением. Действительно, «человека нет» ни в одной из теорий рыночной экономики — ни в теории Маркса, ни в неоклассической теории, ни в каком-либо из ответвлений последней, где конструируется «рациональный» потребитель, т.е. искусственная модель среднестатистического представителя некой производственной группы. Дело не в ошибочности теорий. Напротив, отсутствие «человека» в них точно отражает

суть рыночной экономики. Человек, т.е. воспроизведение индивида, в теориях появится лишь тогда, когда возникнет реально соответствующая экономика.

Постиндустриальная экономика с изменением содержания экономического пространства изменяет и его границы. Оглядываясь в прошлое, легко заметить, что границы экономики раздвигаются, расширяются всякий раз, когда происходит переход к более высокой экономической ступени. В теории это тождественно уточнению и обогащению предмета экономической науки. Так, включение Адамом Смитом в предмет политической экономии промышленности наравне с земледелием не является простым преодолением ошибки физиократов. Ф.Кенэ был прав, считая промышленность «бесплодной». В феодальной аграрной экономике промышленность существовала за счет «дотаций» сельскохозяйственного производства. Отвлечение в значительных масштабах трудовых ресурсов из аграрного сектора создавало угрозу существования людей, ибо основным их кормильцем была земля, крестьянский труд. Индустриальная рыночная экономика создала промышленность как новый источник жизни людей, значительно сократила долю аграрного сектора, расширила границы экономического пространства, куда входили все отрасли, где создавалась стоимость.

Экономика, производящая не стоимость или не усредненного человека, а индивида, т.е. творческие способности человека, включает в свое пространство все, что обеспечивает и способствует развитию человека. Образование становится не затратой, а реальным продуктом экономики. Роль науки в экономике не просто резко возрастает. Она качественно видоизменяется. Научные идеи становятся всеобщей основой созидательного экономического процесса. Информационный продукт входит в состав валового продукта и занимает в нем все возрастающую роль. Его величина определяет уровень развития экономики. То же относится к медицине, сохранению среды обитания человека (экологии), ко всем услугам, позитивно воздействующим на человека. Экономическое содержание услуги кардинально изменяется. Теперь не в некоторых частных случаях (например, услуги технического ремонта) как в рыночной системе они составляют созидательную часть экономического пространства, а полностью — везде, где их результат полезен для человека. Следовательно, услуги в новой экономической системе становятся составной частью предмета экономической науки.

Расширение границ экономического пространства в постиндустриальном обществе произошло вследствие изменения содержания и уровня производительных сил, явилось следствием этого изменения. Содержание новых явлений невозможно описать стоимостью. Стоимость исчезает. Исчезает конкуренция и обмен эквивалентов как форма связи людей друг с другом. Возникает сотрудничество и сложение полезных эффектов человеческой деятельности в качестве новой формы взаимосвязи людей. Производство новой информации является сложением полезных эффектов, поскольку этот продукт не уничтожается в потреблении, а накапливается. Как его выразить? Ответ на этот вопрос будет получен, вероятно, не так скоро, как хотелось бы. В качестве перспективной гипотезы можно отметить идею общественной полезности, некоторого аналога стоимости в новой экономической системе. Общее между ними, на наш взгляд, в том, что ни одна из них не имеет отношения к психологическим реакциям. И у той и у другой формы основой является труд. Различия же между ними заключаются в содержании, форме выражения и изменения труда.

Включение услуги в качестве созидающего сектора постиндустриальной экономики отнюдь не отрицает доминирующей роли производства. Это означает, что с позиций основного результата экономики производство товаров и услуги стали однокачественными. Промышленность в рыночной экономике создает товар точно так же, как и аграрный сектор. Примат производства является общеэкономическим принципом, а потому не исчезающим, вечным. Сокращение удельного веса производства в составе валового продукта не означает уменьшения его роли как первоосновы экономики. Скорее, наоборот. Это свидетельство важности данной сферы экономики для человека, в силу чего потребность в ее продукции была удовлетворена в качестве первоочередной в сравнении с услугами. Незначительная доля занятых в сельском хозяйстве разных стран не означает, что продукты питания, одежда и обувь стали второстепенными для людей. Этот показатель указывает как раз на первоочередность для жизни любой страны аграрного сектора. Малый объем занятых говорит о высоком техническом уровне этого сектора экономики, но отнюдь не о том, что он отодвинут промышленностью на второй план.

Со специализацией многих высокоразвитых предприятий на производстве информационного продукта, с появлением инфор-

мационных технологий возникла проблема новых факторов производства. Средства производства, основные фонды, по мнению некоторых экономистов, перестают играть решающую роль в экономике. Выдвигаются гипотезы о новых факторах производства, среди которых называют науку, уровень менеджеризма, информационное обеспечение, энергию, квалификационный уровень фирмы и др.

В тех случаях, когда возникает проблема появления новых факторов производства, обычно речь идет о чертах, признаках, сторонах производительных сил постиндустриального общества, его материально-технической основе. Описательный подход к их определению дает, разумеется, полезную и важную информацию, но не достаточную. Эту задачу рациональнее решать, отображая логику развития реальной действительности. А она такова, что качественно новая ступень в развитии производительных сил появляется как способ преодоления предела, который был обнаружен на предыдущей ступени. Суть индустриальной технической основы, которой является трехзвенная система машин, в том, что машина-двигатель аккумулирует энергию природы и передает ее рабочей части, умножая многократно ограниченные природные возможности человека. Тем самым достигается многократное увеличение эффективности экономики. Однако индустриальная техника имеет четко выраженный предел развития экономики. Он состоит в том, что человек является элементом производственно-го процесса, и его возможности образуют этот предел. Следова-тельно, следующий шаг в развитии производительных сил состоит в выключении человека из процесса труда, целиком передав его машине. Человек переключается на творческий труд, результатом которого является производство новых знаний, информации.

Постиндустриальную технику с известной долей условности можно определить как систему машин, включающих контрольно-управляющее устройство в качестве четвертого звена. Символом такой техники являются роботы, но не компьютеры, хотя последние стали символом нашего времени и произвели переворот в обработке информации, они все же не работают без человека, а потому относятся, по крайней мере пока качественно, к традиционной технике. Кстати, по количеству роботов в промышленности наша страна (СССР), по данным Европейской экономической комиссии, занимала второе место в мире, обогнав с боль-

шим отрывом США, уступая лишь Японии, хотя тоже с большим отрывом¹.

Исследование спектра новых явлений в экономике, вызванных появлением постиндустриальной техники, в том числе «новых факторов», подстерегает серьезная опасность. Она заключается в том, что за множественностью новых технологий, организационных структур, экономических инструментов, форм взаимосвязей экономических субъектов легко забыть, что факторов производства может быть только два. Стоит только усложнить или упростить природу этого явления, как немедленно возникает преграда познавательному процессу. Убедиться в этом можно на примере А.Маршалла. Он называет то два фактора (человек и природа), то три (труд, земля, капитал), то четыре (добавляя к ним организацию)². В итоге результаты анализа предложения оказались весьма незначительными, о чем он самокритично там же сообщает, заявляя, что анализ «носит описательный характер и поднимает мало трудных проблем»³.

Между тем дело тут не в качественном перечислении факторов производства, которое с разных позиций может быть сколь угодно разнообразным. Факторы производства необходимо рассматривать не только с позиций их комбинации, выбора оптимальной пропорции между ними и т.п. Суть в том, что необходимо видеть в них действующую систему. Их взаимодействие образует фундаментальную основу любой экономики. Факторы производства, независимо от их уровня, по их роли в создании качественного результата различаются на вещественные и личностные. Но главное в том, что они являются элементами живой, непрерывно функционирующей и постоянно воспроизводимой системы. Именно она генерирует двухполюсное строение экономики, аналогичное строению Вселенной.

Раздвоение единого экономического производственного процесса на противоположности есть способ развития экономик. Без этого экономика была бы нежизнеспособна. Вот почему выше так категорично утверждалось, что факторов производства может быть только два. При этом, конечно, определение их качественного уровня, структурная детализация каждого из них требуют

¹ Ставинский И. Капитализм сегодня и капитализм завтра. М., 1997. С. 30.

² См.: Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1983. Т. 1. С. 208—214.

³ См.: Там же.

внимательного анализа. Но при исследованиях такого рода нельзя уничтожить содержательную двойственность системы, так как из нее вырастает все многообразие экономического мира.

Двойственный принцип структурирования экономики, элементами которой являются факторы производства, всегда сохраняется, как бы ни развивались сами элементы. Факторы производства распадаются на противоположности и на той ступени, когда человек вытесняется из непосредственного производства и становится как бы над ним или вне его. В данном случае вещественные и личностные факторы производства пространственно разъединяются, но все равно образуют взаимодействующую систему. Творческий, поисково-информационный труд человека в каждом сугубо производственном процессе (например, изготовление продукции роботом), во-первых, выполняет роль первотолчка, а во-вторых, научные идеи материализуются в новой технике, новых технологиях, новых продуктах, новых услугах, новых формах взаимосвязи между людьми, новых видах жизнедеятельности, новых типах общества. В противном случае нематериализовавшаяся идея становится бессмысленной, хотя часто практическое употребление научной идеи требует длительного времени.

Чтобы обосновать «нематериальность» новых факторов производства, иногда приводят факты о высокой рыночной стоимости активов какой-либо компании, которую никак нельзя связать с материальными затратами компаний, поскольку они практически не имеют основных фондов. Факты такого рода действительно имеют место и встречаются не так уж редко. Но взятые сами по себе они ни о чем не говорят. Отдельный факт всегда несет следы иррациональности. Мало ли продаж наблюдалось не только в современном мире, но и с давних пор, которые невозможно было связать с основным, регулирующим экономику, принципом? Например, продажность политиков, личностные услуги всякого рода и т.п. Или цена невоспроизводимого произведения, созданного редким талантом, живущим в абсолютно рыночное время. Или, скажем, изменение цены скропоряющегося товара под влиянием погоды. Высокая рыночная стоимость активов компаний, не имеющей основного капитала, может быть платой, например, за высокое качество ее организационной структуры, что само по себе не возникает, а является результатом долговременных «усилий и жертв», т.е. труда. Организация — это всего лишь момент взаимодействия вещественных и личных факторов

производства. Если компания функционирует в рыночной экономике, то, как бы ни казались ничтожно малы затраты труда в сравнении с ценой, цена взметнулась высоко над затратами, все равно мы видим процесс перераспределения стоимости в эту сферу из других сфер и ничего более. Для рыночной экономики совпадение цены со стоимостью — исключение из правила, а отклонение цен от стоимости является правилом. Отклонение цен от стоимости составляет способ жизнедеятельности рыночной экономики, где ресурсы и потребности соединяются методом проб и ошибок. Если же данная компания существует в нерыночной экономике высокого уровня, то цена здесь и не должна быть связана со стоимостью, здесь действуют совершенно иные регуляторы.

Качественное изменение содержания реального сектора и его границ, вызванное постиндустриальной техникой, в современном мире пока не приобрело доминирующего положения. Можно сказать, что процесс его становления стал заметным, но не более. Хотя социально ориентированная рыночная экономика или «смешанная» экономика представляют собой переходную к пострыночной систему, все же преобладает здесь пока еще рыночное содержание. Наиболее ярко на это указывает типично рыночная социально неоднородная структура общества. Следовательно, в природе цены, услуг, продукта реального и номинального секторов экономики сохраняется преобладающий объем традиционного для рыночной экономики и хорошо изученного экономической наукой содержания. Тем не менее происходит процесс вытеснения этого содержания и нарастания пострыночных отношений.

§ 5. Анализ критики трудовой теории стоимости

Трудовая теория стоимости в том виде, как она разработана в трудах А.Смита и Д.Рикардо, была уязвима для критики в двух аспектах. А.Смит определил прибыль как «вычет из труда рабочего», однако на основе стоимости не смог раскрыть механизм ее постоянного образования. Д.Рикардо также не преодолел эту трудность. Хотя классики политической экономики иногда выделяли прибавочную стоимость как отличную от прибыли, процента и ренты, тем не менее сведение различных форм дохода к единой основе последовательно не было проделано в их трудах. Это оставляло возможность связывать доходы с иными источниками.

Одновременно трудовая теория стоимости оставляла возможность «опровержения» со стороны конкретных форм дохода, функционально связанных с иными факторами помимо труда. Субстанциональное единство трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости скорее было выражено как общая, хотя и основная идея, чем было реализовано систематически и строго доказано.

Второй аспект трудовой теории стоимости в трудах классиков, оставляющий возможность ее критики, заключался в несогласованности ее с наблюдаемыми фактами реальной практики. Доходы как «вычет из труда рабочего» не противоречили принципу присвоения равной прибыли равновеликими капиталами или принципу средней прибыли. Этот принцип оставлял возможность утверждать, что капитал обладает возможностью «созидать» прибыль, так же как земля — ренту. Неуверенное объяснение средней прибыли и, возможно, как часто утверждается, полная неудача согласовать среднюю прибыль с трудовой основой цены давало основание критикам утверждать о ее ошибочности.

Незавершенность трудовой теории стоимости в трудах классиков дала возможность появления экономической концепции Ж.Б. Сэя, который под видом комментирования идей А.Смита предпринял попытку устраниТЬ великое открытие экономической науки о труде как основе цены. Попытка оказалась небезуспешной. В его концепции существенными были три идеи. Цена являлась мерой полезности, доходы создавались тремя факторами (труд, земля и капитал), способность рыночной капиталистической системы функционировать бескризисно и стабильно, обеспечивая постоянное равенство спроса и предложения. Эти три положения легли в основу идей экономического либерализма. Они являются составной частью неоклассической концепции, где Сэй почитается в качестве классика. Однако Дж. Кейнс привел доказательства, опровергающие закон Сэя. Идею о гармоничном, бескризисном и стабильном функционировании рыночного механизма он считал несостоятельной, ведущей к роковым последствиям для практики.

Сэй отрицал трудовую теорию стоимости содержанием развиваемых им положений. Но формально, открыто он не выступал с ее критикой. Напротив, он якобы комментировал идеи А.Смита в качестве его «последователя».

С открытой критикой классической политической экономии выступили в 30—50-х гг. XIX в. Н.Сениор, Ф.Бастия, Г.Кэри и сторонники старой исторической школы в Германии¹. В работах Н.Сениора получила развитие, по сути дела, концепция Ж.Б. Сэя о факторах производства как равноправных источниках стоимости. Труд и капитал рассматривались как «жертвы» рабочего и капиталиста, а их доходы являются вознаграждением за «жертвы». Содержание развиваемых тезисов в работах упомянутых экономистов было альтернативным тезису А.Смита, согласно которому прибыль есть «вычет из труда рабочего», и законам Д.Рикардо, отразившим противоположность заработной платы и прибыли. Доходы от факторов производства трактовались как факторы однокачественные либо как плата за взаимные услуги в обмене и производстве. Так же как и в концепции Сэя критики классической политической экономии, буржуазное общество прошлого века является гармоничным, бескризисным, обеспечивающим максимум удовлетворения потребностей. Эти идеи с некоторой модификацией в деталях вошли в неоклассическую концепцию в качестве основополагающих.

Старая историческая школа, возникшая в Германии, в работах В.Рошера, Б.Гильдебранда, К.Книса развивала положения, отличные от идей Сэя и его последователей по альтернативной трудовой теории стоимости. Общность наблюдалась в тезисе о производительных силах и о фабрично-заводской промышленности как главной из них, что развивал Фридрих Лист, предтеча этой школы. Хотя к производительным силам, в отличие от трудовой теории стоимости, он относил календарь и часы, единоженство, религию и многое другое. Классическая политическая экономия подвергалась критике по двум основным направлениям. Во-первых, за то, что она раскрыла теоретическое основание (труд), из которого с неизбежностью обнаруживалась эксплуататорская природа буржуазного общества, которая, по мнению этой исторической школы, была справедлива и эффективна. Во-вторых, за «космополитизм» классической политической экономии.

Действительно, акцентируя внимание на национальных особенностях экономии, старая историческая школа Германии исследовала проблему, которая не была решена классиками. Не была решена она и позднее — в трудах К.Маркса. Это проблема со-

¹ Всемирная история экономической мысли. М., 1988. Т. 2. С. 118—132.

отношения объективных закономерностей и страновых особенностей. Лишь гораздо позднее советские экономисты ставили и исследовали эту проблему.

Акцент на национальных особенностях экономики, сделанный старой исторической школой Германии, восполнял определенный пробел политической экономии, в том числе и марксистской. В этом заслуга этой школы. Однако национальная экономика понималась ими без объективных закономерностей. Тем самым отрицалась теория и подменялась страноведением, акцент оказался чересчур гипертрофированным. Центральная идея трудовой теории стоимости также отвергалась. Так, Рошер считал, что в основе стоимости лежит полезность, т.е. разделял мнение Сэя.

Первые попытки опровержения трудовой теории стоимости носили чисто идеологический характер. Нельзя не заметить, что труд как основу стоимости и цены, а прибыль как вычет из труда рабочего выдвинули именно буржуазные экономисты. И это в определенной мере свидетельствует об объективности самой этой идеи, не обусловленной заведомо идеологическими представлениями и симпатиями. Но этого нельзя сказать о другой ветви экономической науки. С самого начала она была идеологической реализацией на возможные и даже неизбежные следствия из трудовой идеи, характеризующие буржуазное общество с негативных в гуманистическом отношении сторон. К сожалению, это генетическое свойство в современной экономике обнаруживается ярко и последовательно, является доминантным.

Критика трудовой теории стоимости активизировалась после выхода в свет «Капитала» К.Маркса. Теория получила здесь существенное развитие и оформилась в полную экономическую систему, где все элементы системы субстанционально объединены стоимостью, создаваемой живым трудом. Сам факт построения целостной, объясняющей все стороны жизни рыночной экономики теоретической системы явился наиболее мощным аргументом истинности трудовой теории стоимости. Ее составной частью явилась теория прибавочной стоимости, из которой следует определенная характеристика капитализма, суть которого в присвоении прибавочной стоимости собственниками материальных ресурсов. В связи с этим началась систематическая критика трудовой теории стоимости со стороны всех, кто предпочитает видеть общество прошлого и настоящего веков в ином свете, т.е. как гармоническое сотрудничество людей, но не как эксплуатацию рабочих.

Основной аргумент против трудовой теории стоимости после опубликования трех томов «Капитала» заключался в том, что на основании трудовой природы стоимости не удалось построить единой теории цены, так как в одном случае в основе цены лежит стоимость (I том «Капитала»), а в другом — цена производства, т.е. издержки производства плюс равная прибыль на равновеликий капитал (III том «Капитала»). О так называемом противоречии I и III томов «Капитала» было так много шума, что он дошел и до наших дней¹, как это ни странно, воспроизводясь в некоторых работах отечественных экономистов. В экономике, если судить по работе Блауга, это «большое противоречие» в настоящее время воспринимается примерно так же, как и в прошлом веке, и воспринимается в качестве аргумента о несостоятельности трудовой теории стоимости.

При жизни автора «Капитала» критика трудовой теории стоимости не была слишком обширной. Известно замечание Адольфа Вагнера о недооценке потребительной стоимости в «Капитале». Также хорошо известен ответ Маркса на это. Суть ответа сводится к тому, что тезис критики касается не содержания теории, а уровня ее понимания. В трудовой теории стоимости полезность и потребительная стоимость являются составными элементами теории, но роль и место их иные, чем в теории Рикардо.

В экономической науке школа полезности возникла раньше теории стоимости. Однако она не смогла увязать высокую полезность многих предметов с их низкой ценой или, напротив, низкую полезность предметов с высокой ценой, что часто встречалось в жизни (проблема «воды» и «бриллианта»). Позднее идея полезности получила развитие в теории предельной полезности, которая сумела предположить некоторый вариант решения такой проблемы. Современные экономические теории, которые и в микроэкономике и в макроэкономике начинают свои построения со спроса, фактически исходят из полезности, хотя существуют и иные попытки выражения спроса.

В трудах А.Смита и Д.Рикардо стоимость связана с живым трудом как со своим источником. Потребительная же стоимость имеет внешнее отношение к экономическим формам. Она не включена в трудовую теорию стоимости эндогенно. Это обстоя-

¹ Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. СПб., 1966. С. 9.

тельство облегчило размежевание науки на два противоположных направления. Полезность и стоимость составили основания различных экономических теорий и противоположных попыток отобразить экономическую реальность рыночного типа.

Полезность и стоимость оказались соединенными лишь в тот период, когда экономическая теория стала исходить из диалектически понятой картины мира и использовать диалектический метод. Начиная с марксистского этапа, трудовая теория стоимости объединила органически полезность и стоимость, хотя многое здесь и по сей день требует детализации. Полезность (потребительная стоимость) и стоимость стали двумя сторонами товара, а следовательно, двумя неразрывно связанными признаками любой рыночной экономической формы.

Однако, несмотря на уточнение К.Марксом неверного восприятия теории стоимости, критика, указывающая на «недооценку полезности», позднее повторялась Е.Бем-Баверком, М.И. Туганом-Барановским и др. Она дошла и до наших дней. Теперь ее повторяют уже в отечественной литературе. В связи с тем, что речь идет не о частном вопросе и даже не просто о важном, а о фундаментальном для экономической теории, интеграция стоимости и полезности в структурированное и взаимодействующее целое, в органическую целостность на основе трудовой теории стоимости будет рассмотрена во второй части книги. Развитие экономической теории только на основе полезности или только на основе стоимости или даже при фиксировании отдельных случаев их объединения неизбежно приводит теорию в тупик, в то время как их органическое единство предполагается диалектической парадигмой.

С разъяснениями по поводу «противоречия» I и III томов «Капитала» выступал Ф. Энгельс, специально по этому поводу написавший в 1885 г. работу «Закон стоимости и норма прибыли». До этого содержательное единство цены на основе стоимости и на основе цены производства Энгельс подчеркивал и комментировал, предвидя трудности восприятия принципа развития в предисловии к III тому. Однако этого оказалось недостаточно, так как критика и по сей день видит в этом логическое противоречие трудовой теории стоимости.

При жизни Энгельса возник спор о содержательной трактовке стоимости. В связи с тем, что рыночные цены непосредственно связаны с ценой производства и колеблются вокруг нее,

итальянский проф. Лориа выдвинул предположение о стоимости как о чисто логической конструкции, т.е. вымышленной сущности. И хотя он не подвергал сомнению трудовую теорию стоимости, относясь к ней с уважением, тем не менее объективно такое представление о стоимости ослабляло позиции теории. Энгельс выступил против такого понимания стоимости, развернув теоретические и исторические (со стороны фактов) аргументы, подтверждающие реальность стоимости. В связи с тем, что аргументы против трудовой теории стоимости, выдвинутые в прошлом веке, были проанализированы и опровергнуты ее классиками — К.Марксом и Ф.Энгельсом¹, нет необходимости возвращаться к ним снова.

Остановимся на критике в адрес трудовой теории стоимости, содержащейся в более поздних и современных работах и выступлениях. Остановимся на критике, предпринятой К.Поппером. Хотя она относится к сороковым годам, но в связи с тем, что идеи открытого общества являются основой неолиберализма, эту критику можно отнести к современной. «Теория стоимости, которую и марксисты, и антимарксисты обычно называют краеугольным камнем марксистского учения, на мой взгляд, не играет в нем важной роли»², — пишет К.Поппер. Заметим, что действительно краеугольным камнем марксизма обычно считают теорию прибавочной стоимости. Однако это не так существенно из-за неразрывной причинно-следственной связи этих теорий, а, точнее говоря, из-за того, что это — одна и та же теория. Но вернемся к аргументам Поппера против трудовой теории стоимости. Считая теорию стоимости слабой и противоречивой, он убежден, что освобождение от нее историко-политической доктрины марксизма не ослабляет, а, наоборот, укрепляет позиции марксизма. Приведем основные аргументы «доброжелательной» критики К.Поппера против теории стоимости. «Тремя основными моментами моей критики являются следующие: а) теории стоимости Маркса недостаточно для того, чтобы объяснить сущность эксплуатации; б) для такого объяснения достаточно принять некоторые дополнительные допущения, что делает теорию стоимости излишней; с) теория стоимости Маркса — это эсценциалистская или метафи-

¹ Черковец В.Н. «Капитал» и мировая экономическая мысль // Капитал и экономикс. М.: ТЕИС, 1998.

² Поппер Карл. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 197.

зическая теория»¹ — такова краткая формулировка содержания этой критики.

Рассмотрим эту аргументацию по порядку. В пункте а) утверждается, что только закона стоимости, согласно которому, в интерпретации Поппера, цены товаров пропорциональны количеству рабочего времени, затраченного на их производство, недостаточно для определения цены товаров. Уязвимость закона стоимости Поппер видит в том, что ни продавец, ни покупатель не знают это количество. В условиях свободной конкуренции цены «приближаются» к стоимости через механизм предложения и спроса. Поэтому утверждается, что, так как закона стоимости недостаточно, чтобы понять цены, потребовалось прибегнуть к закону спроса и предложения, а посему закон стоимости вовсе не нужен. При этом Поппер ссылается на текст III тома «Капитала». Кроме того, тот же тезис подкрепляется ссылкой на объяснение заработной платы. По Попперу, суть марксовой теории в том, чтобы объяснить, почему заработная плата остается низкой, на уровне обеспечения только «средств существования или, что то же самое, — почти на уровне нищеты»². Для доказательства такого представления о теории заработной платы Поппер приводит цитату К.Маркса из 23-й главы I тома «Капитала», где речь идет о давлении промышленной резервной армии на активную, что образует фон, на котором движется закон спроса и предложения труда.

Утверждение, что трудовая теория стоимости интегрирует как свою составную часть закон спроса и предложения, отнюдь не означает, что закон стоимости не нужен, и для объяснения цен, зарплаты, прибыли достаточно закона спроса и предложения. Речь идет о том, что закон спроса и предложения понимается в трудовой теории иначе, чем в доктринах, где он является фундаментом теории сам по себе, т.е. там, где ему предшествует исключительно психология продавцов и покупателей. В трудовой теории стоимости психология продавцов и покупателей, их поведение, их выбор зависят от более глубинных, фундаментальных основ экономики, в том числе от собственности на ресурсы, от распределения ресурсов, от уровня технологической основы экономики, от источников и величины получаемых продавцами и

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 201.

² Там же. С. 202.

покупателями доходов. Говоря более строго, т.е. терминологически, в основе соотношения спроса и предложения, согласно трудовой теории стоимости, лежит соотношение между массой товаров и денежной массой в экономике, а это в свою очередь определяется затратами труда в товарной массе (ОНЗТI) и затратами труда, выраженными денежной массой (ОНЗТII). Закон спроса и предложения является регулятором в рыночной экономике, выполняет определенный объем функции регулятора. Точнее говоря, он является необходимым звеном сложного механизма регулирования в рыночной системе. Но не единственным звеном и не фундаментальной основой всей системы. Трудовая теория стоимости отражает ту функцию, которая принадлежит именно этому закону. Однако отнюдь не психологией людей это определяется, поскольку многообразие, разнонаправленность психологических мотивов согласно закону больших чисел нейтрализуют друг друга в значительной степени, действуя кратковременно. Не случайно концепции, которые исходят из закона спроса и предложения и на его основе как самодостаточной пытаются описать рыночную экономику, сталкиваются со множеством непреодоленных по сей день трудностей. Наиболее существенная среди них заключается в невозможности понять, что регулирует цену в состоянии равновесия, т.е. когда спрос равен предложению.

Трудовая теория стоимости раскрывает действительную функцию закона спроса и предложения, которая определяется не психологией индивидов, а законом стоимости. Это доказано в III томе, т.е. на уровне конкурентных отношений. Ранее спрос и предложение не рассматриваются, потому что в реальной действительности они не являются регулятором сферы производства и сферы обращения в той ее содержательной части, где индивидуальные капиталы меняют свои функциональные формы и испытывают влияние времени оборота, а также определяются условия равновесия (законы воспроизводства общественного капитала). Это регулятор лишь отношений конкуренции, которые сами являются следствием более глубинных процессов. Его функция заключается в распределении того, что произведено в реальном секторе, посредством колебания цен вокруг стоимости. Ни сфера конкуренции, ни «великий закон» спроса и предложения отнюдь не определяют всего содержания рыночной экономики, как это представляет себе К.Поппер. «Великий закон» ведет свое происхождение от закона стоимости. Не он генерирует форму цены как

таковую, а стоимость. Его «великое дело» только в том, чтобы управлять разницей между ценой и стоимостью, т.е. влиять на цену лишь количественно в определенных пределах, но не полностью.

До рассмотрения отношений внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции, поверхностных форм рыночных отношений закон спроса и предложения в трудовой теории стоимости отсутствует. Можно лишь найти текстуальные упоминания о нем, что и обнаружил К.Поппер в теории накопления, т.е. в I томе «Капитала». Здесь нет закона спроса (и предложения), он еще не произведен стоимостью, его еще нет, он не функционирует. Все содержательные аспекты рыночной экономики отображаются без соотношения спроса и предложения. В этом познавательная мощь трудовой теории стоимости, а не недооценка ею принципа спроса, как писал А.Маршалл.

Фундаментальные основы теории заработной платы трудовая теория стоимости раскрывает при абстрагировании от соотношения спроса и предложения. Здесь также реализуется общий принцип: раскрыть качественную природу феномена и на этой основе — его количественные и функциональные параметры. К.Поппер же видит здесь лишь обоснование якобы «нищенского уровня заработной платы», которое сводится к существованию безработицы, т.е. к превышению предложения труда над его спросом. Однако такое прочтение теории заработной платы, в том числе и величины заработной платы, так же как и обоснование безработицы, не соответствует действительному ее содержанию ни в малейшей степени. Это абсурдная трактовка теории. Заработка плата является, как в конечном счете доказано трудовой теорией стоимости, превращенной формой стоимости товара рабочая сила. Как и всякая стоимость, количественно она измеряется средними общественными затратами труда. Являясь денежным выражением стоимости товара рабочая сила, т.е. его ценой, заработка плата колеблется вокруг стоимости средней, а не минимальной величины. Трудовая теория стоимости выяснила также границы этого колебания и интервалы, связанные с ходом экономического цикла.

Ни о каком «нищенском» уровне заработной платы в трудовой теории стоимости речи нет. Тем более здесь нет «закона нищеты рабочих». Это в чистом виде вымысел критиков. Теория прибавочной стоимости является неотъемлемым органическим моментом стоимости, впрочем, и как все элементы трудовой теории стоимости. Ее суть действительно заключается в эксплуата-

ции рабочих, что верно отмечает К.Поппер. Однако для обнаружения присвоения прибавочной стоимости собственникам средств производства нет нужды предполагать нищенский уровень заработной платы на уровне обеспечения средств существования. В истории были, как отмечали многие экономисты разных направлений, ссылаясь на статистику и общеизвестные факты, периоды, когда большинство населения и даже целые страны существовали на таком нищенском уровне. К сожалению, к началу третьего тысячелетия значительное число населения на планете (из 6 млрд. человек примерно 3 млрд.) продолжает жить на уровне прожиточного минимума и даже на уровне нищеты. Однако трудовая теория стоимости логически вплоть до того пункта, когда изучаются колебания цен вокруг центра равновесия (стоимости), т.е. до конкурентных отношений, исходит из равенства цен товаров их стоимостям. Она раскрывает содержание именно «точки» равновесия, так как именно здесь сосредоточены фундаментальные законы рыночной экономики, которые затем управляют всеми колебательными процессами. Отсюда следует, что заработная плата по величине равна стоимости рабочей силы, т.е. средним затратам на ее воспроизводство. Уровень средств существования является минимальной границей, которую она может достигать в своем колебательном движении. Максимальная же граница превышает стоимость рабочей силы, добавляя к заработной плате части стоимости из той ее части, которая составляет прибавочную стоимость. В итоге рабочие в целом и за долговременный период всегда получают только стоимость рабочей силы.

Величина стоимости рабочей силы, а следовательно, заработной платы, как хорошо известно всем, кто знаком с «Капиталом», зависит, прежде всего, от производительности труда, т.е. от уровня развития экономики. Поэтому велики страновые различия в стоимости рабочей силы. Содержание заработной платы и ее величина в трудовой теории стоимости раскрыты до исследования безработицы.

Для того чтобы раскрыть фундаментальные основы заработной платы, нет необходимости апеллировать к закону спроса и предложения. Он управляет отклонениями заработной платы от стоимости товара рабочая сила. Эти отклонения взаимопогашаются, что достаточно хорошо отражено и в неоклассических моделях. Несмотря на множество и разнообразие факторов, вызывающих отклонения такого рода, факт их взаимной нейтрализации

ции обнаруживает закон, управляющий ими. Этот закон можно понять только посредством абстрагирования от соотношения спроса и предложения труда: утверждение о том, что трудовая теория стоимости исходит из величины заработной платы, равной «уровню обеспечения средств существования» или «уровню нищеты», является грубым искажением теории стоимости. Это не соответствует не только ее отдельным теоретическим выводам, но искажает ее важнейший, последовательно применяемый принцип равенства цен товаров их стоимости. Он позволяет проникнуть в содержание внутренней жизни экономической системы, в данном случае капитала. Здесь возникает новая экономическая материя, новая стоимость, новые полезности, возрастает капитал. Вся многообразная внешняя жизнь рыночной системы — это распределение и перераспределение, перемещение в пространстве той субстанции, которая была создана в производстве. Осуществляется это посредством отклонения цен от стоимости («нормальных цен» по терминологии А.Маршалла, центра равновесия в терминах мэйнстри姆). Ясно, что распределить можно не больше и не меньше того, что произведено. Отсюда неизбежность взаимоуничтожения отклонения цен от стоимости. Поэтому стоимость не является «виртуальным», логическим символом, а точно выраженным налично существующим в реальном мире результатом работы экономики — сгустком трудовой энергии людей, воплощенным в товарах. Это относится и к стоимости товара рабочая сила.

Современные экономисты в оценке трудовой теории стоимости нередко апеллируют к суждениям Й.Шумпетера. Хотя эта критика относится к прошлому времени, авторитет ученого по сей день довольно весом. Поэтому имеет смысл обратиться к критике в адрес трудовой теории стоимости этого автора. Здесь неизбежны повторения и совпадения с тем, что уже рассмотрено выше. Тем не менее педантично рассмотрим критические аргументы, выдвинутые Й.Шумпетером. Ведь те же доводы повторяются и в наши дни современными авторами.

Основные доводы за и против трудовой теории стоимости сосредоточены в работе Й.Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» при кратком изложении им экономической теории К.Маркса. В связи с тем, что трудовая теория стоимости получила свое высшее воплощение в теории Маркса, критика в адрес Маркса почти всегда (но не абсолютно!) тождественна критике трудовой теории стоимости.

Изложение Шумпетером теории Маркса начинается с небрежно брошенной, хотя и не раскрытой фразы о «крайне слабой области денежной теории, в которой ему (Марксу. — Р.З.) не удалось подняться даже до рикардианского уровня»¹. Пояснений в том, как автор понимает теории денег Рикардо и Маркса, не приводится. Однако сама по себе оценочная фраза настолько не соответствует действительности, что не остановиться на этом пункте невозможно.

Теории денег Рикардо и Маркса имеют общую фундаментальную основу в товарной природе денег. Сведение денег к товару было выполнено в трудовой теории стоимости до Маркса, потому Маркс исходит из этого факта. Рикардо, как и Маркс, доказал, что деньги, как любой товар, имеют свою собственную стоимость, определяемую количеством труда, затраченного на его производство. В силу этого деньги являются всеобщим товаром, всеобщим эквивалентом стоимости товаров. Рикардо на этом и остановился. Он не исследовал особую роль денег, их специализацию в мире товаров, чем и определяется особенность денежного товара.

Сущность денег, их отличия от всех других товаров в трудовой теории стоимости раскрыты в форме стоимости. Этот раздел теории денег отсутствовал в трудовой теории стоимости до Маркса. Здесь авторство целиком принадлежит Марксу. Удивительно, что Й.Шумпетер, так же как и М.Блауг, не заметил столь выдающегося и блестательного фрагмента теории Маркса. Этому факту трудно найти объяснение. Может быть, трудность восприятия диалектики сыграла свою роль.

Мнение Й.Шумпетера может лишь вызвать удивление. Ясно, что форму стоимости он не смог понять. Первый аргумент Й.Шумпетера против трудовой теории стоимости заключается в том, что она дает положительные результаты в выявлении исторических тенденций в движении относительных стоимостей, но плохо справляется с функцией анализа фактических процессов. Последнее, по его мнению, подтверждается тем, что теория не работает вне условий совершенной конкуренции, а в конкурентных условиях работает только там, где труд является единственным фактором производства. По мнению Шумпетера, стоимость может справиться с различиями в квалификации рабочей силы,

¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.. 1995. С. 56.

но не с «естественными» различиями в умственных способностях, силе воли, физической силе и т.п. Теория же предельной полезности носит более общий характер, так как применима к монополии и к ситуации использования производственных факторов разного качества и количества. Впрочем, замечает автор, обе теории устарели, а трудовая теория стоимости «похоронена». О любителях устраивать «похороны» не будем размышлять. Пристрастие к жанру подобного рода неизбежно возникает всякий раз, когда развитие подступает к чему-то устоявшемуся либо в обществе, либо в теоретических конструкциях. На содержании аргумента имеет смысл остановиться, поскольку он звучал довольно часто в прошлые времена и сейчас вновь повторяется.

Аргумент о соответствии теории стоимости историческому процессу и несоответствии реальным фактам в условиях совершенной конкуренции внутренне противоречив. На длительном отрезке ярче обнаруживается суть происходящего, чем в каждом данном случае. С другой стороны, теория может верно уловить ход исторических изменений лишь в том случае, если правильно поняла содержание каждодневно повторяющихся процессов. Обратное маловероятно.

Равенство стоимости затратам общественно необходимого труда в каждом акте обмена не достигается. Если бы это было так, стоимость не смогла бы реализоваться. Ведь это не просто затраты труда, а общественная мера частного труда. Она выявляется в обмене посредством движения цен. В связи с тем, что между частными товаропроизводителями не существует какого-либо согласования, ресурсы с потребностями связываются методом проб и ошибок. В понятийном аппарате этот реальный процесс отображается посредством созданного им же механизма свободного колебания цен вокруг стоимости. Количественно стоимость соответствует центру равновесия. В этом процессе и происходит умножение часа труда неквалифицированного рабочего на определенный коэффициент, чтобы определить величину труда квалифицированного рабочего, с чем соглашается Шумпетер. Признание общности квалифицированного и неквалифицированного труда и отрицание такой в связи с различием «умственных способностей, силы воли, физической силы и ловкости» не является логически последовательным. Шумпетер допускает возможность уравнивания различий в труде, вызванных только обучением. Все остальные различия представляются ему «естественными» и несопоставимыми.

Между тем различия в уровне квалификации включают в себя различия умственных способностей, ловкости, силы воли и многое другое, без чего приобрести более высокую квалификацию затруднительно. Здесь нет разнородного ряда сопоставлений. Труд есть затрата мускульной, нервной, мыслительной энергии, которая заложена природой в человеке. При любом виде деятельности осуществляется сочетание этих видов энергии. Различия при этом проявляются в разных пропорциях между ними. Общая основа — затрата энергии — является тем фоном, на котором любые индивидуальные различия выступают как количественные, т.е. как различия в пределах одного качества. Поэтому они выражаются как отношения простого и сложного труда. Самые выдающиеся умственные способности относятся к разряду человеческих способностей, а не каких-либо сверхчеловеческих. Если бы существовал «высший разум» — всемогущий и всеблагой, то разум человеческий был бы с ним несопоставим. Человеческие способности при всем их многообразии и разнообразии поддаются спецификации. Опыты тестирования, например, прямо их сопоставляют. Умственные способности не присутствуют «естественным» образом в момент рождения человека. Они появляются и развиваются в процессе обучения.

Конечно, редукцию сложного труда к простому никто не осуществляет в рыночной экономике. Не прямые вычислительные процедуры определяют стоимость, т.е. затраты простого среднего общественно необходимого труда. Механизмом здесь является сопоставление продуктов труда посредством колебаний цен. Тенденция же этих колебаний обнаруживается не только на исторических горизонтах, но и в жизненном цикле каждого данного товара. Она и указывает на произведенную человеком физическую и умственную энергию как основу приравнивания товаров друг к другу.

Критики теории стоимости по какой-то непонятной причине требуют полного соответствия одновременно и сразу всем фактам действительности в любой точке теории. Однако мысль человека в отличие от всемогущего бога не способна мгновенно отразить сложный предмет. Предмет живет сложной жизнью и познающий разум может описать ее, постепенно следя за каждым шагом этой жизни, без опережений. Общим принципом науки является абстракция. Это известно с древних времен. Методом развертывания абстракций описывается реальный объект. Абстракция мо-

жет оказаться ложной, неспособной выразить содержание предмета. Истинная абстракция может справиться с этой задачей, но не мгновенно. Это было бы мистификацией. Именно такого эффекта чудодействия, т.е. выражения всей реальности в одном-единственном понятии, и требуют от теории стоимости ее оппоненты. Наука не занимается фокусами. Истинная абстракция в отличие от ошибочной способна раскрыть всю полноту реальной действительности посредством многообразных, вытекающих друг из друга и взаимопревращающихся определений, точно соответствующих ее внутренней и внешней жизни.

Утверждение Шумпетера о том, что трудовая теория стоимости соответствует случаю, когда труд является единственным фактором производства, к теории стоимости не имеет никакого отношения. Это странное суждение довольно распространено. Шумпетер здесь не одинок. Хотя абсурдность критики вполне очевидна. Во-первых, согласно теории стоимости процесс труда всегда является системой взаимодействия личных и вещественных факторов. Поэтому такого случая в природе не существует. Во-вторых, теория стоимости раскрыла источник вещественных факторов, их роль и экономические явления, в которых они осуществляют движение. Средства производства отличаются от живого труда, как прошлый труд от настоящего. Конечно, они резко различны по натуральной форме. С точки зрения стоимости они однокачественны, различаясь во времени и в будущей судьбе стоимости (как постоянный и переменный капитал). Средства производства увеличивают естественные возможности человека, а потому и являются основой того самого «коэффициента умножения», о котором упоминал Й.Шумпетер. Природа предоставляет человеку саму возможность жить, она является конечным источником средств существования людей. Любое приспособление природных материалов для обеспечения жизни людей, любого ее уровня — сурового или процветающего — составляет основу процесса труда. Поэтому качество природного материала, условия природы, в которых ведется экономическая деятельность, также являются «умножающим коэффициентом», от которого зависит результативность труда. В понятиях аппарата трудовой теории стоимости это выражается в терминах «производительная сила природы», «избыточная прибавочная стоимость» (частично), «система рентных отношений».

Трудовая теория стоимости критикуется за то, что она якобы неприменима к условиям монополий. Заметим, что Й.Шумпетер,

выдвигая этот аргумент, здесь же отмечает в качестве несомненной заслуги Маркса раскрытие им роли крупного бизнеса. У Маркса нет анализа монополий, это верно. Тем не менее в понятии стоимости запрограммировано возникновение монополии. Самовозрастание стоимости тождественно накоплению капитала, которое осуществляется через концентрацию и централизацию капиталов. Конкуренция, т.е. сфера внешней жизни стоимости, где сильные капиталы разоряют, поглощают слабые, своим ко-нечным следствием имеет монополию. Маркс зафиксировал переходные формы от частной к коллективным формам капитала, в том числе акционерные общества — основную форму монополии или олигополии. Не случайно на основе трудовой теории стоимости была понята доминантная черта рыночной экономики XX в. В.И. Ленин раскрыл монополистическую природу капитализма. Это фундаментальное обобщение неизмеримо важнее описания отдельных деталей функционирования монополий, олигополий. Оно проясняет тенденции развития экономики в целом, в то время как вся разноголосица моделей моно-, дуо-, олигополий представляет веер мнений о процедуре принятия решений по двум параметрам — цене и объему выпуска. Кроме того, трудовая теория стоимости развивалась не только К.Марксом, В.И. Ленином, но и советскими и западными ее сторонниками. Здесь было доказано, что монополия сохраняет стоимость в качестве основы цены, но видоизменяет механизм ценообразования. Таким образом, аналитический инструментарий, ведущий свое начало от стоимости, не только применим к условиям монополии, но и выдержал проверку самим фактом господства монополий в современном мире.

Соотношение трудовой теории стоимости и теории предельной полезности выражено Й.Шумпетером в виде мнения о том, что последняя имеет более общую природу, а первая представляет частный случай. Эта оценка не сопровождалась аргументацией. По-видимому, основанием для такого суждения послужил отмеченный выше факт неадекватного понимания трудовой теории стоимости, в которой труд является единственным фактором производства. Кроме того, Шумпетер, по-видимому, переоценил значимость вывода теории предельной полезности о зависимости цены от предельных издержек на разных типах рынков. Однако же эта зависимость выражает не действительный процесс ценообразования на рынке, а процедуру определения границ индивидуаль-

ного труда, т.е. лишь исходный пункт ценообразования. Если модели ценообразования на основе предельной полезности, предельной производительности верны, то они в лучшем случае решают задачу определения индивидуальных затрат труда. В этом они могут быть значимы и дополнять теорию стоимости. Но не наоборот. Индивидуальные затраты — это еще не стоимость и не закон цен, что видно из моделей ценообразования в долгосрочном периоде, где цены оказываются равными минимальным значениям средних издержек, что подтверждает тезис трудовой теории стоимости о величине стоимости.

Таким образом, теория предельной полезности раскрывает частные, отдельные моменты функционирования рыночной экономики, в то время как теория стоимости раскрыла целостную картину ее жизнедеятельности. Соотношение между ними обратно тому, как представлял себе это Й.Шумпетер.

Острие критики Й.Шумпетера, как и у многих других авторов конечно же направлено против теории прибавочной стоимости. Собственно, ради этого и ведутся поиски слабых мест в трудовой теории стоимости. Более того. Основной причиной, по которой образовалось неоклассическое направление, отказавшееся от определения цен трудовой стоимостью, явилось открытие в стоимости «вычета из труда рабочих», сделанное А.Смитом. По мнению Шумпетера, несостоительность теории прибавочной стоимости обнаруживается на уровне «стационарного процесса». Это весьма неожиданный поворот мысли. В теории, фундаментальным принципом которой является развитие, обнаружить стационарность, т.е. неподвижность, неизменность всех экономических процессов, весьма непросто. Хотя некоторые фрагменты теории, узловые моменты восхождения от абстрактного к конкретному, с известной степенью огрубления, может быть, и можно так представлять. Приведя теорию развития в стационарное состояние, Шумпетер утверждает, что трудовая теория стоимости теперь уже неприменима к «товару по имени труд»¹. С этим необходимо согласиться полностью, поскольку трудовая теория стоимости доказала, что «товар по имени труд» в природе не существует. Оснований для рационального расчета издержек на рабочую силу нет, поскольку это делает рабочих похожими на машины, считает Шумпетер. Для покупателя машин и рабочей силы действительно центральным

¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 63.

моментом является расчет издержек. Кстати, неоклассические модели также отразили это положение рабочего в рыночной экономике, например в тезисе о принципе замещения факторов производства. Оправдание теории прибавочной стоимости Шумпетер продолжает утверждением о том, что в условиях получения прибыли невозможно равновесие, поскольку прибыль позволяет расширить производство, что ведет к росту зарплаты и сокращению прибыли до нуля. Такая ситуация возможна в качестве исключения. Механизм же функционирования рыночной экономики не таков, он не допускает этого. Составные части вновь созданной стоимости — зарплата и прибавочная стоимость — посредством колебаний цен изменяются в противоположных направлениях. Как только рост зарплаты серьезно сокращает прибавочную стоимость, прекращается расширение производства. Ничто предпринимателю-капиталисту не мешает это сделать. Конкуренция даже вынуждает его прекратить расширение производства, поскольку единственный источник экономического роста истощается. Из двух переменных в структуре стоимости независимой является прибавочная стоимость. Это — главная и конечная цель. Она достигается и в момент равновесия, и в неравновесном состоянии, тем более что ни то, ни другое не связаны с ее возникновением. Взаимосвязь зарплаты и прибавочной стоимости как двух частей единого целого, их постоянное «перетекание» аналогично жидкости в сообщающихся сосудах является фундаментальной причиной экономического цикла, который, нигде кроме как в трудовой теории стоимости, не нашел удовлетворительного объяснения. Шумпетер не заметил это и ошибочно связывает циклы в теории Маркса то ли с недопотреблением, то ли с перепроизводством.

По мнению Шумпетера, источником многих ошибок в теории прибавочной стоимости является «неспособность отличить капиталиста от предпринимателя»¹ и отсутствие теории предпринимательства. Верно, теорию предпринимательства надо было бы искать в прикладных дисциплинах, но не в фундаментальной экономической теории. При отражении же рыночной системы вовсе не обязательно между собственником ресурсов и экономическим процессом вводить посредника-предпринимателя в отличие от собственника-предпринимателя. Это персональное раз-

¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 69.

двоение ни в малейшей степени не повлияло бы на содержание процесса и его результат. Важнее другое. Содержание функций, выполняемых капиталистом, как это выяснено в трудовой теории стоимости, двойственno. С одной стороны, это организационно-управленческая работа, предпринимательство. С другой стороны — обеспечение и контроль за процессом увеличения стоимости. Из различия этих содержательно различных моментов вырастает устойчивая экономическая форма — предпринимательский доход. Таким образом, «источник ошибок в теории прибавочной стоимости», как, впрочем, и сами ошибки, существуют в ошибочных представлениях критика. В самой теории прибавочной стоимости ошибок обнаружить не удается.

Теория накопления Шумпетером воспринимается как теория, обосновывающая неизбежность краха капитализма вследствие роста нищеты трудящихся и их восстания против эксплуатации.

Это тоже довольно распространенное и даже в какой-то мере традиционное понимание теории накопления, в частности всеобщего закона капиталистического накопления. Оно было популярно и в марксистской среде. И все же оно ошибочно. Содержание упомянутого закона не ограничивается часто цитируемым абзацем. Частью этого закона является доказательство неизбежности увеличения жизненных средств рабочих, происходящего вследствие роста производительности труда. Технический прогресс при капитализме является экономической необходимостью, ибо он служит беспредельным (в рамках жизни системы) средством производства относительной прибавочной стоимости. Его следствия двойственны: он приводит к увеличению потребительных стоимостей (полезностей) и уменьшению стоимости единицы товара. В итоге при сокращении стоимости рабочей силы потребление рабочих, т.е. общая полезность потребляемых благ, увеличивается. Накопление же прибавочной стоимости на основе технического прогресса оборачивается увеличением размеров крупного производства, что тождественно усилинию реального подчинения труда капиталу. Можно возразить на это ссылкой на возможности мелкого предпринимательства, семейного бизнеса как на средство спасения от этой зависимости. Однако мелкий и даже средний бизнес в технологически развитых странах, где основой является именно крупный бизнес, интегрирован в структуры крупного бизнеса и контролируется им.

В отечественной литературе в последнее десятилетие стали появляться работы авторов, в одноточье переменивших свои теоретические и мировоззренческие представления. Вчерашние апологеты марксизма яростно обрушились на эту теорию. В этих работах не обнаружилось сколько-нибудь значимых аргументов, к которым стоило бы прислушаться. Они либо повторяли старые аргументы, такие, как противоречие тезисов о стоимости и цене производства в качестве основы цены, «обнищание» трудящихся и реальное благополучие 1/3 части человечества и т.п., о чем уже говорилось выше. Чаще же всего эти работы выполняли политическую задачу, либо оправдания эксплуатации, либо отрицания ее на современном этапе развития рыночной экономики. Цель достигалась, как правило, сознательным и грубым искажением рассматриваемой теории. Вряд ли есть необходимость рассматривать работы такого рода, поскольку они реанимируют старую критику, не добавляя сколько-нибудь заметных аргументов.

В современных работах российских экономистов нередко приветствуют высказывания о расхождении трудовой теории стоимости с практикой. В частности, это относят к научным последствиям формирования цен в социалистической экономике на основе среднеотраслевых затрат. Причину неудач находят снова в недооценке потребительной стоимости в «Капитале» К.Маркса¹.

Аргумент о том, что на практике нельзя построить цены, равные стоимости, что они «не работают», говорит лишь о том, что опыт такого построения опирался на ошибочное применение принципов одной экономической системы к другой. Стоимость существует тогда и там, где невозможны на макроуровне никакие расчеты. Через гибкие рыночные цены стоимость выражает способ принятия решений экономическими субъектами методом проб и ошибок. Цены оказываются равны стоимости только в конечном счете, на уровне экономики в целом. Не на уровне отрасли, поскольку помимо внутриотраслевой конкуренции межотраслевая конкуренция выравнивает предельную эффективность капиталов, а затем начинает влиять на распределение стоимости конкуренции продавцов и покупателей. Экономический расчет на макроуровне — это нерыночный и нестоимостный принцип, это принцип другой экономической системы (например, плановой),

¹ См.: Николаев А.Б. Теория трудовой стоимости и принцип эквивалентного обмена / Экономическая теория на пороге XXI века. М., 1998. Т. 2. С. 83.

исключающий конкурентное распределение и допускающий эквивалентность не только в конечном счете.

Суждения об отсутствии трудовой субстанции рыночной цены связывают также с прогностическими расчетами предпринимателей на основе нормы процента на фьючерсных сделках. Действительно, цена в контрактах на будущее назначается при отсутствии реальных затрат труда. Однако фьючерсные сделки — это всего лишь пролонгирование реальной ситуации на будущее и принятие решений на этой основе. Если ситуация не изменится значительно, то в реальных расчетах у реальной цены окажется трудовая основа, поскольку она явится итогом реального трудового процесса. Норма процента в рыночной экономике является единственным ориентиром для прогнозов о направлении изменения цены. Величина процента определяется случайным образом, т.е. как результат соотношения спроса и предложения. Но в основе этого экономического параметра не вакуум, а направление движения трудовой субстанции. Норма процента фиксирует и количественно, хотя и весьма приблизительно, отражает перетекание капитала из одного пункта в другой. Государство, управляя нормой процента, ничего не созидает, а лишь влияет на характер этого перетекания. Там, где критики трудовой теории стоимости усматривают в движении цены, процента и т.п. отсутствие трудовой субстанции, почти всегда речь идет о многообразных процессах распределения и обмена. Распределять «ничто» невозможно, так же как и обмениваться «ничем». Во всех случаях распределяется и обменивается реальная субстанция, созданная трудом человека, этой единственной переменной в экономике.

В заключение вернемся вновь к оценке трудовой теории стоимости и прибавочной стоимости Й.Шумпетером. Выше анализировались его критические аргументы. Однако его оценка теории в целом не является негативной. Скорее, наоборот. То, что он считал недостатками теории, по его словам, является всего лишь «мелкими прегрешениями» в сравнении с «ее великими достижениями и заслугами перед наукой и обществом». Это обстоятельство и объясняет наш пристальный интерес к его критике.

К великим достижениям теории К.Маркса относится, по утверждению Й.Шумпетера, отображение развития экономического процесса, движимого собственной энергией. Это совершенно верная оценка теории, проникшей во внутреннюю суть экономики капитализма, обнаружившей здесь источник ее развития, из

которого рождаются все внешние формы функционирования, взаимодействия и поведения. Действительно, энергия движения экономики заключена в двойственной природе товара, труда, производства, капитала и всех экономических форм без исключения. Эта энергия сконцентрирована в стоимости. В ней заложено все, что есть в капитализме, в рыночной экономике.

Двойственный характер рыночной экономики содержит не просто внутреннюю энергию ее развития, но одновременно является операциональным инструментом познания реальных фактов. В отсутствии такого универсального инструмента анализа критики трудовой стоимости, в том числе и Й.Шумпетер, усматривают ее недостаток. Между тем самым совершенным операциональным аналитическим инструментом, известным науке, являются правила диалектической логики. Она основана на универсальном принципе раздвоения единого целого на противоположные стороны. Это осуществляется таким образом, чтобы стороны целого дополняли друг друга, а следовательно, взаимодействовали друг с другом. Суть взаимодействия противоположных сторон единого целого заключается в непрерывном процессе превращения сторон друг в друга, а затем в непрерывном процессе превращения экономических форм. При этом происходит не просто «затушевывание» содержания, а процесс действительного возникновения всех экономических форм, процесс развития экономики. Раскрыть содержание этих форм, явлений можно, рассматривая сам процесс превращения сторон единого целого. Это — единственный, имеющийся до сих пор в распоряжении науки операциональный инструмент, позволяющий проникнуть в содержание качественных превращений в экономике и понять процесс ее развития. Количественные аспекты этих превращений лишь вначале выражаются посредством физических, натуральных единиц (метры, тонны, часы рабочего времени и т.п.). Это так называемая внешняя мера. На основе определения сущности рассматриваемого явления затем осуществляется переход к его внутренней мере, которая может быть только общественной, но не физической. Мера — неотъемлемая часть любого понятия трудовой теории стоимости.

Общей гносеологической причиной практически всех аргументов против трудовой теории стоимости, как нам удалось это проследить, является недооценка двойственного принципа мироустройства, запечатленного диалектической логикой. Отторжение двойственного характера рыночной (капиталистической) эконо-

мики часто происходит как форма сопротивления процессу развития. Но чаще всего это является следствием облегчения индивидуального познавательного напряжения. Ведь прямые и обратные связи, линейные и нелинейные функциональные зависимости куда как доступнее, чем качественные превращения и преобразования экономических субстанций. Й.Шумпетер также не придал должного значения двойственному принципу экономического устройства и взаимодействию противоположностей. Отсюда истоки его недостаточно глубокого понимания трудовой теории стоимости в целом ряде разобранных выше случаев, хотя он является одним из немногих авторов прошлого, кто изучал ее достаточно основательно.

Над критической частью анализа Й.Шумпетера трудовой теории стоимости и прибавочной стоимости доминирует общая весьма положительная оценка ее достижений и перспектив. Приведем ее в авторской формулировке. Й.Шумпетер подводит итог анализу этой теории следующим образом: «в его (К.Маркс. — Р.З.) анализе проходит одна фундаментальная идея, в которой нет ничего ошибочного или ненаучного, идея теории, построенной не на некотором числе отдельных индивидуальных форм или на логике развития количественных экономических показателей в целом, но на действительной последовательности этих форм, на развитии экономического процесса как такового, движимого собственной энергией, в условиях исторического времени, порождающего в каждый данный момент, которое само определяет то, что будет следовать за ним. Вот почему автор столь многих неверных концепций оказался в то же время первым, кто представил себе то, что до сих пор все еще остается экономической теорией будущего, для которой мы медленно и упорно копим строительный материал, статистические факты и функциональные уравнения¹. Экономическая теория будущего — это самая верная и глубокая оценка трудовой теории стоимости и ее места в экономической науке. Конечно, с исчезновением рыночной экономики трудовая теория стоимости уйдет в прошлое, поскольку она отобразила эту систему. Методология же и некоторые теоретические подходы будут использованы при создании новой теоретической парадигмы, отображающей возникающую разными путями новую экономическую систему.

¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 83.

Таким образом, наш анализ показывает, что трудовая теория стоимости дает адекватное описание рыночной экономики. Следовательно, и актуальность этой теории сохранилась до тех пор, пока существует рыночная система. В заключение приведем аналогичную оценку данной теории одним из наиболее авторитетных экономистов — лауреатом Нобелевской премии В.В. Леонтьевым. «Маркс был великим знатоком природы капиталистической системы... Если, перед тем как пытаться дать какое-либо объяснение экономического развития, некто захочет узнать, что в действительности представляет собой прибыль, заработка плата, капиталистическое предприятие, он может получить в трех томах «Капитала» более реалистичную и качественную информацию из первоисточника, чем та, которую он мог бы найти в десяти последних выпусках «Цензов США», в дюжине учебников по современной экономике...»¹

¹ Леонтьев В. Экономические эссе. М.. 1990. С. 111.

ЧАСТЬ II. ПОЛЕЗНОСТЬ (ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ) В ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ

Исследование поставленной проблемы обусловлено обстоятельствами двоякого рода. Во-первых, трудовую теорию стоимости подвергали критике за недооценку полезности и потребительной стоимости. Это наиболее распространенный аргумент против этой теории. Его обосновал Адольф Вагнер в работе «Учебник политической экономии». Наиболее известна критика такого рода Е.Бем-Баверка в работе «Теория Карла Маркса и ее критика». В российской литературе последних десятилетий ее отзывами является весьма распространенная критика трудовой теории стоимости в «затратном» принципе ценообразования. Практика же планового ценообразования, согласно этому представлению, по вине теории принявшая также «затратную» форму, привела якобы к низкой эффективности. Нередко встречается суждение, что возникновение теории предельной полезности было альтернативным ответом на марксистскую теорию стоимости, опровержением ее основной идеи классовой дифференциации с позиций наиболее уязвимой стороны — со стороны полезности. Во-вторых, хозяйственная практика рыночной и плановой экономики постоянно сталкивается с проблемой полезности и потребительной стоимости везде, где она соприкасается с качеством и ценами продукции, со спросом, с потребностями людей. Именно поэтому эта проблема не сходит с повестки дня несколько веков практически во всех теоретических направлениях и школах.

ГЛАВА 3. ПОЛЕЗНОСТЬ И ПРЕДМЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Теоретические представления об отношении полезности к предмету экономической науки менялись с развитием самой науки. Современные трактовки существенно различны в основных ее направлениях. Выяснение связи полезности с предметом науки является эффективным способом обнаружить общность и различия в трактовках ее содержания либо их эволюцию, если таковая просматривается.

§ 1. К истории вопроса

Теория полезности возникла как реакция на теорию спроса и предложения в XVIII в. Последняя довольно быстро столкнулась с непреодолимыми препятствиями в объяснении цены. Она не могла вырваться из заколдованного круга (цены зависят от спроса и предложения или последние зависят от цен). Кроме того, не был найден ответ, чем определяется цена при равенстве спроса предложения. Теория полезности пыталась найти объективное обоснование цены. В рамках этой школы возникла идея полезности как основы цены. Впрочем, эта идея гораздо более древняя. Ее можно обнаружить у древнегреческих философов. В экономической же науке она стала восприниматься как теория полезности благодаря работам Э. Кондильяка и Ф. Галиани. Полезность здесь понималась как объективная способность вещей удовлетворять потребности людей. От этой школы остались в наследство современникам и это первое определение полезности, используемое и сейчас, в том числе и в трудовой теории стоимости, и первые системы классификации потребностей.

Вместе с тем ранняя школа полезности столкнулась с непреодолимым препятствием в объяснении цены объективной полезностью вещи. Попытка такого рода привела к широко известному и уже упоминавшемуся парадоксу «воды и бриллианта». Многие из самых жизненно необходимых продуктов (вода, хлеб и т. п.) имеют низкие цены, а бесполезные для жизни человека (бриллиант, другие предметы роскоши) покупаются по высоким ценам. Эти факты не соответствуют теоретическому принципу объективной полезности. Полезность как способность удовлетворять потребности людей в ранних вариантах теории полезности являлась их природной характеристикой. В качестве таковой вряд ли она могла восприниматься как некоторое изменяющееся свойство. Полезность как природное явление включалась в предмет экономической науки в связи с тем, что полезные вещи составляли богатство людей и страны. Однако не получалось связать с этим чисто экономические явления, например цену.

От парадокса «воды и бриллианта» удалось избавиться ценой отказа от объективного толкования полезности. Объективная теория полезности исчезла под натиском так называемой «маржинальной революции» 70—80-х гг. XIX в. Настал черед субъективной теории полезности, здравствующей и по сей день в виде ос-

новы неоклассической концепции и доминирующего компонента мэйнстрима. Календарно между старой и новой теориями полезности оказалась теория трех факторов Сэя, которая оказалась весьма полезной в формировании неоклассической концепции. О зависимости цены и полезности спустя столетие исследований на этой основе или в связи с ней А.Маршалл справедливо заметил, что «науке мало что есть сказать, но и эта малость имеет некоторое значение»¹.

Субъективная школа полезности придавала смысл полезности как «желанности», «предпочтительности» вещи. Иначе как субъективной оценкой психологического содержания «желанность» и «предпочтительность» ничем иным быть не могут. Оценка такого рода является реакцией психики каждого конкретного человека при купле-продаже товаров, в актах индивидуального выбора. В отличие от старой школы новая школа полезности не ограничилась классификацией потребностей. Основываясь на законах Госсена и правиле Бернулли, а также методе дифференциальных исчислений, она описала процесс насыщения потребностей. Из него был выведен принцип постоянно изменяющейся и постоянно убывающей полезности вещей с увеличением их количества. Нижнюю границу убывания определяла предельная полезность. Она же фиксировала максимальную величину совокупной полезности всей массы вещей.

В сравнении с ранней теорией полезности субъективная теория полезности достигла более высокого уровня. Во-первых, полезность стала пониматься как отношение, а не как неизменное свойство вещи. Во-вторых, являясь отношением человека к вещи, полезность неизбежно должна количественно меняться. В-третьих, был применен адекватный метод количественного выражения процесса изменения полезности; метод дифференциальных исчислений вполне соответствовал идее изменчивости полезности.

Однако и субъективная теория полезности столкнулась с рядом трудностей, до сих пор ею не преодоленных. О них достаточно подробно говорилось в первой части книги. Первая трудность состояла в том, оценку какого именно субъекта считать мерой полезности. Ее решили посредством конструкции рационального потребителя, максимизирующего полезность в актах купли. Эта

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. С. 191.

конструкция настолько слабо соответствовала реальной действительности, что ее подвергали критике и до сих пор подвергают даже сторонники неоклассической концепции. Наиболее серьезный удар гедонистская конструкция получила от институционалистов, прежде всего от Веблена¹. Не затрагивая уязвимые места самой гипотезы о «рациональном» субъекте, обострим внимание на том, что результаты и предпосылки в субъективной теории полезности не соответствуют друг другу. На основе полезности, являющейся психологической оценкой каждого отдельного человека, выводится индивидуальный спрос в виде шкалы или кривой спроса. Однако даже индивидуальный спрос выступает в некоторой усредненной форме, как спрос «членов той или иной производственной группы». К рыночному спросу это относится в еще большей степени. То же самое относится и к кривым безразличия. Если в исходном пункте в качестве предпосылки выступила полезность субъекта, то в кривой спроса или кривой безразличия невозможно указать на психологию определенного субъекта, а вне его субъективная полезность не существует. Следовательно, субъективная полезность оказывается очень зыбкой почвой для каких-либо обобщений.

Вторая трудность субъективной теории полезности заключалась в проблеме измерения полезности. Кардиналистская концепция не смогла убедительно обосновать факт способности «рационального потребителя измерять полезность вещей». Выход был найден использованием кривых безразличия Эджуорта для оценки направления изменения полезности. Ординалисты утверждают, что они уменьшили субъективизм полезности, отказавшись от понятия «предельная полезность» и заменив ее понятием «предельная норма замещения». При этом они считают, что кривые безразличия опираются на эмпирические факты замещения одного товара другим. В ординалистской версии полезность не изменила своего содержания. Поэтому она по существу не отличается от кардиналистской версии, за исключением способа измерения субъективной полезности.

На основе субъективной теории полезности не удалось, как показано выше, построить теорию цены. Особенно тяжело в субъективной теории полезности соединить в цене предельную

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984; Коуз Р. Фирма, рынок и право.

полезность и предельные издержки. Маршалл нашел выход из положения тем, что цена регулируется разными принципами в зависимости от периода. Однако короткий период — это часть долговременного. В реальной действительности их невозможно выделить. Неубедительным объяснение регулирования цены в одном периоде предельной полезностью, а в другом — предельными издержками, по-видимому, было и для самого автора. Он пишет, что невозможно сказать, какой из двух принципов регулирует цену, как невозможно сказать, какое из двух лезвий ножниц режет бумагу. Аналогия в данном случае является признанием теоретической беспомощности. Австрийская школа субъективной полезности придерживалась принципа монизма, а не «двух лезвий ножниц» в объяснении цены. Но связать цену с издержками для нее оказалось также мучительно и безуспешно. Таким образом, несмотря на некоторые продвижения в понимании полезности, субъективная теория полезности не смогла вывести цену на основе психологической полезности, так же как и объективная теория полезности.

Субъективная доктрина полезности, так же как и объективная, слабо отразила специфику экономической системы. По отношению к этому аспекту и субъективная, и объективная полезности представлялись как неизменные, внеисторические. Психологическая реакция человека на «желанность» вещи или способность натуральных свойств вещи существует во всех экономических системах. Именно в таком качестве субъективная теория полезности исследует полезность. В таком же качестве она существует в моделях современного мэйнстрима. Это означает, что в понятии полезности отсутствует, согласно теории полезности, какое-либо социальное содержание либо оно выражено весьма неясно в утверждениях о том, что предметом анализа является не полезность индивида как такового, а индивида как представителя «производственной группы».

В трудах основоположников трудовой теории стоимости — А.Смита, Д.Рикардо — основной акцент делался на меновой стоимости и стоимости. Полезность, или потребительная стоимость, здесь присутствует как вещественный носитель меновой стоимости. Такое же понимание было доминирующим среди советских экономистов. По сути дела, позиции А.Смита, Д.Рикардо и К.Маркса по этому вопросу, как правило, ими отождествля-

лись. Отличие заключалось лишь в том, что отмечалось «перепутывание стоимости и потребительной стоимости», допускаемое иногда А. Смитом и Д. Рикардо, и последовательное их различие К. Марксом как признак качественного, более развитого, понимания природы стоимости.

Высказывания К. Маркса об отношении потребительной стоимости к предмету политической экономии на первый взгляд кажутся противоречивыми. Хорошо известно его замечание о том, что потребительная стоимость является предметом товароведения, что по вкусу пшеницы нельзя узнать, кто ее производил, крепостной или раб, и т. п. Но также хорошо известно резкое возражение К. Маркса против утверждения А. Вагнера, который причислял его к людям, по мнению которых потребительная стоимость должна быть «удалена» из науки. На что К. Маркс ответил: «...только *vir obscurus*, не понявший ни слова в моем «Капитале», может заключать: так как Маркс в одном примечании в первом издании «Капитала» отвергает всю вздорную болтовню немецких профессоров насчет «потребительной стоимости» вообще и отсылает читателей, желающих знать что-либо о действительных потребительных стоимостях, к «руководствам по товароведению», то *потребительная стоимость* не играет у него никакой роли»¹.

И далее К. Маркс формулирует принципиально важное положение: «...потребительная стоимость — как потребительная стоимость «товара» — сама обладает специфически историческим характером»². Это положение, на наш взгляд, является ключевым. Оно было высказано К. Марксом в 1879—1880 гг., т. е. после выхода первой книги «Капитала», и уже поэтому не может быть случайным.

В экономических рукописях 1857—1858 гг. К. Маркс пишет: «Потребительная стоимость сама играет роль экономической категории. Где она играет эту роль, вытекает из самого анализа экономических отношений. Рикардо, например, считающий, что политическая экономия буржуазного общества имеет дело только с меновой стоимостью и лишь внешне затрагивает потребительную стоимость, как раз важнейшие определения меновой стоимости берет из потребительной стоимости, из ее отношения к мено-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 384.

² Там же. С. 385.

вой стоимости...»¹ Критика К.Марксом отношения Д.Рикардо к потребительной стоимости в буржуазном обществе достаточно ясно показывает, что рассматривать потребительную стоимость лишь как вещественный носитель меновой стоимости ошибочно. А между тем даже его последователи, в частности многие советские экономисты, именно так понимали и содержание потребительной стоимости, и ее роль в капиталистической рыночной системе.

Непоследовательность в суждениях К.Маркса об отношении потребительной стоимости к политической экономии возникает, по-видимому, в связи с тем, что в диалектической системе все категории непрерывно развиваются. Их содержание постоянно меняется, усложняясь в процессе отражения объекта. В разных частях теоретической системы оно оказывается различным. Лишь в целом и в конце системы они достигают уровня понятия, т.е. полного выражения своего содержания. Например, понятие «капитал» раскрывается постепенно на протяжении всей системы, завершаясь лишь в третьей книге «Капитала», представляя собой единство многообразных определений. Отдельно взятое определение всегда несет в себе следы противоречия познания вследствие его недостаточности и неполного соответствия реальной действительности.

Функционирование плановой экономики активизировало проблему полезности теперь уже в новом качестве. С первых шагов механизма планирования возникла практическая потребность в общественной оценке полезных эффектов продукции. Так, академик С.Г. Струмилин еще в 1925 г. подчеркивал иную по сравнению с рыночным механизмом роль полезности (потребительной стоимости продуктов) в социалистической экономике. Он писал, что «для построения хозяйственного плана в социалистическом обществе недостаточно одной трудовой оценки производимых благ по связанным с ними трудовым затратам; наряду с нею необходима и другая оценка — по степени удовлетворения потребности, каковое они могут обеспечить обществу»².

Новое социальное качество потребительной стоимости социалистического продукта одним из первых выразил А.М. Пашков, который сформулировал его как «непосредственно общест-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 149—150.

² Проблемы экономики труда. М., 1925, С. 209.

венную полезность¹. Социальную природу потребительной стоимости ставили в центр исследований многие советские специалисты как традиционно политико-экономического направления, так и эконометрического (математического)². В связи с разработкой системы оптимального функционирования экономики некоторые из экономистов математического направления пытались использовать разработки западных экономистов, оставляя предельную полезность как основу цен. А так как у последней иного содержания, кроме психологического, не существовало, то тем осуществлялся переход на субъективистские позиции. В связи с этим проблема полезности приняла характер острых дискуссий. Многие же авторы данного направления исследовали полезность на трудовой основе. Так, академик В.С. Немчинов разрабатывал метод продукто-трудового баланса с использованием оценок предпочтений Парето при определении вектора конечного продукта³.

Наиболее существенным результатом исследования проблемы полезности советской экономической школы является вывод об общественной полезности как новой экономической формы. Ее содержание определялось, во-первых, способностью результата труда экономить общественный труд; во-вторых, выстраиванием общественных приоритетов (т.е. общественной оценкой) нормативным методом. При этом общественная оценка не принимала субъективно-психологического содержания. Эти положения со-

¹ Пашков А. К теории товара // Проблемы экономики. 1935. № 4. С. 81—82.

² Вальтух К.К. Общественная полезность продукции и затраты труда на ее производство. М., 1965; Новожилов В.В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М., 1967; Осадько М.П. Объективная основа соизмерения потребительных стоимостей. Экономические науки. 1968. № 9; Потребительная стоимость в экономике развитого социализма. М., 1974; Зяблюк Р.Т. Потребительная стоимость как категория политической экономии // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1975. № 4; Сергеев А.А. Общественная полезность продуктов труда и общественно необходимые затраты труда при социализме / Теоретические проблемы планового ценообразования. М., 1975; Бачинский Г.В. Общественная потребительная стоимость продукта социалистического производства. Тула, 1977; Потребительная стоимость продуктов труда при социализме. М., 1978; Смирнов В.Г. Общественная полезность при социализме. Минск. 1979; Ельмесев В.Я. Воспроизводство общества и человека. М., 1988.

³ Немчинов В.С. Потребительная стоимость и потребительные оценки. Народно-хозяйственные модели. Теоретические проблемы потребления. М., 1963. Вып. 1; Долгов В.Г. Управление научно-техническим прогрессом: потребительно-стоимостные основы. М., 1988.

ветской школы продвигали проблему полезности на более высокий уровень и по сравнению с объективной теорией полезности, и по сравнению с субъективным ее вариантом, и по сравнению с родственной ей марксистской теорией стоимости. Однако среди советских экономистов не был преодолен и даже был довольно распространенным тезис об исключительно товароведческой природе полезности и потребительной стоимости. По сути дела, тем самым сохранилось представление объективной теории полезности относительно содержания рассматриваемых явлений.

Таким образом, со времени возникновения первых теоретических обобщений полезность определялась как способность вещи удовлетворять потребности людей; как субъективно-психологическая «желанность» или предпочтительность вещи; как определенное социальное свойство вещи, специфическое в каждой отдельной экономической системе. Исследования советских экономистов выявили и развили применительно к плановой экономике социальную форму полезности, увеличив тем самым аргументацию о полезности как составном элементе производственных отношений. Однако вернемся к классической трудовой теории стоимости, объектом изучения которой, как и в экономикс (мэйнстрим), являлась рыночная экономика.

Процессом непрерывного развития категорий трудовая теория стоимости резко контрастирует с подходом, широко практикуемым в экономикс. Здесь понятия обычно вводятся в систему *a priori*¹. О них как бы договариваются. Содержательно в них отражается объем изучаемого объекта, доступный «здравому смыслу». Категории являются мертвыми, строго зафиксированными. В процессе анализа изучаются взаимосвязи между ними. Конечно, таким путем можно получить некоторые положительные результаты. Но препятствия возникают постоянно. Исследователь вынужден менять смысл зафиксированных терминов, призывая читателя, как поступал А.Маршалл, обращать внимание на контекст, в котором употребляется термин. Жизнь изучаемого объекта, таким образом, ломает заранее навязанную ей схему. В диалектической системе очевидное и потому априорное определение является, по словам Гегеля, самым «ничтожным». Это всего лишь отправная

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. Книга II. Некоторые основные понятия. М., 1983. Т. I: Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М., 1986. С. 53—62.

точка анализа изучаемого объекта. Для того чтобы раскрыть содержание полезности с позиций трудовой теории стоимости, предстоит пройти тот же путь, что и стоимость, ибо это их совместный и одновременный путь.

§ 2. Полезность как общеэкономическое отношение

Простейшую определенность потребительная стоимость имеет в простом процессе труда, при абстрагировании от которого производственных (экономических) отношений. Здесь достаточным является «человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой». В самом же отношении простейшим для понимания является не собственно процесс труда, а его завершенная форма — продукт труда, который ближе и доступнее для непосредственного наблюдения, чем текущее состояние, процесс.

Самое первичное определение потребительной стоимости заключается в том, что это полезная вещь (или услуга), способная своими многообразными природными свойствами удовлетворить потребности человека. Со стороны количества она характеризуется степенью удовлетворения этих потребностей, которая обусловлена свойствами самой вещи. Поэтому потребительная стоимость не тождественна вещи, даже в форме продукта труда. Для того чтобы вещь стала потребительной стоимостью, необходимо, чтобы она имела полезность. Как писал К.Маркс, полезность делает вещь потребительной стоимостью. Отсюда возникает вопрос, что же такое полезность, играющая определенную роль в превращении вещи (услуги) в потребительную стоимость?

Довольно часто наблюдается отождествление потребительной стоимости и полезности. Оно основано на стремлении достигнуть понимания полезности, противоположного тому, которое содержится в ранней теории полезности (Кондильяк, Галиани) и в теории предельной полезности. С этой целью предполагается, что реальны лишь «полезные вещи», а «полезность» сама по себе реально не существует. Противоположное утверждение воспринимается как идеализм, хотя к идеализму, как это ни парадоксально, ближе оказывается именно отрицание полезности.

Ведь если существует только «полезная вещь» при отсутствии полезности как таковой, то получается, что «полезная вещь» обладает этим качеством «от природы», т.е. природе «приписывается» общественное свойство, другими словами, происходит ее фетишизация.

В приведенном выше умозаключении К.Маркса крайними терминами являются «полезность» и «потребительная стоимость», а средним — «вещь». Отсюда «полезность» — это нечто активное, то, чему принадлежит инициатива превращения «вещи» в некоторое новое качество, выраженное термином «потребительная стоимость». Если под вещью иметь в виду традиционное ее понимание как тело, обладающее определенным объемом, структурой в пространстве, определенным материалом или субстратом либо расширительную трактовку вещи как системы качеств, то полезность добавляет к этому нечто новое, чего нет в содержании вещи самой по себе и делает последнюю «потребительной стоимостью».

В силу этого для раскрытия содержания потребительной стоимости необходимо выяснить характер соотношения в нем понятий полезности и вещи, либо, что то же самое, соотношения роли труда и природного материала (субстрата) в формировании потребительной стоимости.

Роль природного материала в формировании потребительной стоимости, а следовательно, и полезности была замечена давно. Она отражена объективной теорией полезности, появление которой связано с философией эмпиризма и материализма Д.Локка. Здесь, в натуралистических концепциях, полезность понималась как свойство самой природы. Способность вещи удовлетворять потребности человека Д.Локк называл «естественной полезностью» этой вещи, имманентным свойством самой природы. Полезность в этом случае выступает как неизменное, вечное свойство вещей.

Естественные свойства вещи служат той основой, на которой возникают отношения к ней человека. Но сводить полезность, а следовательно, и потребительную стоимость только к телу вещи или к ее естественным природным свойствам нельзя. Полезность основана на естественных свойствах предмета, но не тождественна им. Ни один ученый физик или химик, описав тщательно физические свойства предмета (твёрдость, плотность, движение электронов, микрочастиц или его химический состав), не скажет тем самым, какова его полезность. Невозможно обнаружить полезность любым другим естественно-научным анализом или специальными приборами. В естественных свойствах предмета, самих по себе, не содержится ни грана полезности.

Полезность выражает прежде всего взаимодействие между человеком и природой, содержанием которого является преобразование природы в соответствии с потребностями человека. Результаты этого взаимодействия — вещь (услуга) — оказываются приспособленными к потребностям, т.е. полезными. Полезность при этом выражает значимость вещи для человека, ее общественное, социальное «достоинство». «Потребительная стоимость выражает природное отношение между вещами и людьми, фактически — бытие вещи для человека»¹, — пишет К.Маркс. Вода, которую по ее природным свойствам можно разложить на химические элементы, в то же время становится средством передвижения, источником энергии и т.п. Машина, которая является сочетанием геометрических форм металла, описываемого физическими, химическими и другими методами, приобретает исключительно социальное свойство — служить в качестве орудия труда. Вот это социальное свойство вещей и отражает полезность.

Развитие полезности, соответственно — потребительной стоимости, есть, прежде всего, результат развития отношений общества к природе. Известен пример Маркса с магнитом, который стал потребительной стоимостью только тогда, когда была открыта магнитная полярность; хлопок стал потребительной стоимостью для европейских народов лишь в XVIII в. после появления машинного производства хлопчатобумажных тканей; картофель как пищевой продукт приобрел полезность в Европе в течение XVI—XVIII вв., а как сырье для производства синтетического каучука он стал полезен с 30-х гг. XX в. Полезность торфа была понята лишь тогда, когда его запасы практически были исчерпаны потреблением его в качестве топлива, т.е. наихудшим образом.

Потребительная стоимость, как известно, имеет два источника: природу и труд. Полезность вещи возникает в процессе практической трудовой деятельности людей. Труд как целесообразная деятельность придает веществу природы ту или иную форму, необходимую для удовлетворения определенных потребностей². Тем самым труд сообщает ему цель, назначение. Из одного и того же

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. С. 307. Т. 26. Ч. III.

² Если человек присваивает готовые продукты природы, то труд здесь направлен на «отделение» их от природы, без чего они также не могут выступать в качестве действительной полезности. Уже простое собирательство требует немало труда.

природного материала можно изготовить самые разнообразные вещи, и в этих целесообразных формах они служат различными потребительными стоимостями, ибо удовлетворяют разные потребности. Одухотворяя мертвый предмет природы, труд в своем конкретном качестве сообщает ему полезность. Сам труд, характеризующийся особой целью, характером операций, предметом, средствами и результатом, при этом угасает в готовом продукте. Целесообразная деятельность переходит в целесообразную для человека форму предмета. В самом предмете этот труд теперь существует как полезность предмета. Полезность, таким образом, является материализацией, «кристаллизацией» конкретного труда в продукте, характеризующей его целесообразность, отличия от других продуктов.

Полезность воплощается в вещи, превращая последнюю в потребительную стоимость. Изменение полезности при неизменном материальном субстрате ведет к качественному и количественному изменению потребительных стоимостей. Это свидетельствует о том, что труд в его особой целесообразной, конкретной форме служит *субстанцией* потребительной стоимости. Субстанция здесь понимается как коренная, производящая причина существенных изменений рассматриваемого объекта, наиболее общее содержание, лежащее в основе развития всех многообразных его форм. «Действительная потребительная стоимость есть форма, приданная веществу. Но сама эта форма есть лишь покоящийся труд»¹. Этот вывод Маркса имеет основополагающее значение в понимании полезности.

Таким образом, в своем исходном определении потребительная стоимость есть полезная вещь. Более глубокая конкретизация приводит к ее понятию как отношения человека к природе. Традиционно этот уровень развития потребительной стоимости в литературе отражается термином «потребительная стоимость как таковая».

В качестве *отношения* потребительная стоимость как таковая является единством противоположностей — труда в его особой, целесообразной форме и вещества природы. Во взаимодействии двух сторон этого отношения активная роль принадлежит особому труду, пассивная — веществу природы. Активность труда заключается в приспособлении естественных свойств природных материалов к потребностям людей. Пассивность природного ма-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. С. 295. Т. 46. Ч. II.

териала не означает, что его свойства малозначащи или несущественны для потребительных стоимостей. Наоборот, труд может творить лишь в пределах определенных свойств природного материала, на основе законов природы. Поэтому природный материал служит естественным базисом, условием, предпосылкой рассматриваемого отношения. В форме потребительной стоимости как таковой сначала выступает первоначальное тождество производительных сил и производственных отношений. Различие между ними пока трудноразличимо или, может быть, совсем отсутствует. Отсюда безразличие потребительной стоимости как таковой к социальным характеристикам общества и общность ее содержания во всех обществах.

Коль скоро конкретный труд является субстанцией потребительной стоимости, то весь процесс развития последней в решающей степени определяется развитием конкретного труда. Но это не означает, что от материального субстрата потребительной стоимости можно полностью абстрагироваться при изучении потребительной стоимости. Являясь стороной отношения человека к вещи, он в целом ряде случаев оказывается существенным для развития этого отношения и выступает в качестве предпосылки его превращения в производственное отношение.

В потребительной стоимости как таковой отношение человека к вещи одновременно является и отношением человека к самому себе, к своей собственной потребности. Ведь полезность вещи есть опредмеченная потребность. Дальнейшая логическая конкретизация содержания потребительной стоимости требует ее характеристики в качестве отношения людей друг к другу. Это связано с общественной природой ее субстанции — труда как целесообразной деятельностью. Такой уровень ее развития в литературе отражается термином «общественная потребительная стоимость», т.е. потребительная стоимость «для других». Это еще не специфически производственное, а общеэкономическое (общесоциологическое) отношение, но в нем, по сравнению с потребительной стоимостью как таковой, «происходит как бы наращивание социального качества потребительной стоимости, приводящее ее постепенно к форме, отражающей определенные производственные отношения»¹. Общественная потребительная стоимость

¹ Черковец В.Н. Потребительная стоимость и система категорий политической экономии социализма / Потребительная стоимость продуктов труда при социализме. М., 1978. С. 12.

выражает характер работы людей друг на друга, степень их сотрудничества.

Общественная потребительная стоимость и потребительная стоимость как таковая — не две различные и не связанные друг с другом категории. Это две логические ступени конкретизации одного и того же явления. Одновременно это и два действительных этапа становления потребительной стоимости в процессе жизненного цикла вещи (услуги). Отсюда понятно, что общественная потребительная стоимость полностью включает в себя все содержание потребительной стоимости как таковой, т.е. является не только полезной вещью, но добавляет к нему отношение людей друг к другу в пределах их отношения к природе. Смысл последнего заключается в приспособлении вещества природы для удовлетворения не только своей, но и общественной потребности. Следовательно, общественная потребительная стоимость также включает в себя и природный материал.

Общественная потребительная стоимость — это общее свойство, присущее различным конкретным потребительным стоимостям, которые выступают непосредственно на поверхности, — хлебу, стакну, кораблю и т.д. Та или иная конкретная потребительная стоимость (потребительная стоимость как таковая) может стать общественной, но может и не оказаться таковой. В каждом способе производства имеется особенная форма выражения ее общественного характера. Способ сведения конкретной потребительной стоимости к общественной меняется с изменением экономической системы.

Потребительные стоимости как таковые многообразны и непосредственно несравнимы. Но общественная потребительная стоимость объединяет их одним общим назначением — удовлетворять общественные потребности. Последнее служит наиболее общей основой для сравнения потребительных стоимостей друг с другом: «...Говоря о потребности, я указываю титул, под который можно подводить самые разнообразные вещи, и то, что есть общего в них, является основанием того, что я их теперь могу измерять»¹, — отмечал Гегель. Такую же мысль высказывал и К.Маркс: «В качестве потребительной стоимости продукт измеряется потребностью в нем»².

¹ Гегель. Соч. С. 87. Т. VII.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. С. 381. Т. 46. Ч. I.

Чтобы ответить на вопрос, как именно выражается общественный характер потребительной стоимости, каким образом осуществляется связь труда и потребности, необходима дальнейшая конкретизация понятия потребительной стоимости как производственного отношения.

Итак, потребительная стоимость в рассмотренном выше аспекте проходит два логических этапа своего развития: потребительной стоимости как таковой и общественной потребительной стоимости. Это развитие, на наш взгляд, одновременно является и онтологическим, и гносеологическим, т.е. имеет не только теоретическое основание, но и осуществляется реально, в объективном процессе производства.

Здесь весьма важно подчеркнуть один из основных моментов метода материалистической диалектики, без которого невозможно понять процесс развития производственных отношений и отражение его в категориях политической экономии, т.е. развитие и самих категорий.

Все экономические категории, как отмечалось, непрерывно развиваются, обогащая свое содержание в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. При этом все предыдущее целиком входит в последующее, ничего не теряя от своего содержания, а дополняя его новыми моментами. Но это содержание, удерживаясь в последующем, все более «уплотняется», стремится превратиться в «точку», «в центр», т.е. становится все более незаметным. Гегель говорит об этом следующим образом: «...движение вперед не следует принимать за процесс, протекающий от чего-то иного к чему-то иному. В абсолютном методе понятие сохраняется в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед, не только ничего не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное, и обогащается и сгущается внутри себя»¹.

В.И. Ленин в конспекте «Науки логики» Гегеля весьма высоко отзыается об этом принципе гегелевской системы: «Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика»².

¹ Гегель Г. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 306 — 307.

² Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. С. 212. Т. 29.

В соответствии с этим вышеприведенные определения полезности и потребительной стоимости не просто сосуществуют друг с другом, а одно входит в другое, превращается в другое, удерживаясь в нем. Это относится и ко всем последующим ступеням развития потребительной стоимости.

Соотношение полезности и потребительной стоимости и потребительной стоимости товара, по сути дела, выяснено. Потребительная стоимость — это овеществленная полезность. После такого уточнения можно считать эти понятия применительно к «физическим» товарам совпадающими. Там, где речь идет о товаре, точнее употреблять термин «потребительная стоимость». Тем самым в анализе товара присутствует полезность, ибо она является конституирующими, определяющим признаком потребительной стоимости.

Существует по меньшей мере один аспект, где отождествление потребительной стоимости и полезности невозможно. Услуги представляют собой неовеществленный результат трудовой деятельности. Поскольку здесь во многих случаях нет «опредмечивания», то термин «потребительная стоимость» становится не вполне конкретным. Услуги могут создавать полезность, но не потребительскую стоимость, если они не овеществляются. Полезность является более широким понятием, распространяющимся и на услуги, и на товары. Потребительная же стоимость выступает характеристикой товара. Можно согласиться с уточнением такого рода, предложенным в работах Н.К. Водомерова¹. Там, где речь идет о рыночных отношениях, корректен термин «потребительная стоимость», поскольку эти отношения овеществляются, товар является всеобщей формой связи. Поэтому применительно к товару в трудовой теории стоимости употребляется именно этот термин. Раскрытие его содержания одновременно означает и раскрытие содержания полезности. На этом основании после сделанных уточнений будем употреблять эти термины как синонимы всякий раз, где речь идет о рыночной капиталистической системе.

Определение полезности как материализации труда особого вида включает в себя и «физические» товары, и информационные товары (soft-товары), и услуги. Оно является всеобщим. Если речь идет об овеществленном результате труда, в этом случае полез-

¹ Водомеров Н.К. Некоторые вопросы теории стоимости // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1999. № 6.

ность выражает результат, кристаллизацию в нем конкретного труда. Она характеризует овеществленный конкретный труд. Если же результат труда не овеществляется (информация, услуги), то можно говорить о материализации труда. Информация и деятельность человека представляют собой определенные виды материи. Это же относится и к вещи. Поэтому полезность как форма материализации труда особого вида является всеобъемлющим признаком любых результатов труда. Полезность же как овеществленный конкретный труд составляет частный случай, хотя в рыночной экономике именно он становится всеобщим. Частным же случаем это становится с позиций обобщения всех экономических систем, что и анализируется в данной главе. В рассматриваемом всеобъемлющем определении в качестве субстанции полезности называется труд особого вида, а не конкретный труд. Последнее гораздо привычней. Однако конкретный труд образует неразрывное единство с абстрактным трудом. Там, где не идет речь о рыночных связях, корректнее говорить о труде особого вида.

Предложенное понимание полезности в качестве формы существования труда особого вида противоречит очевидной полезности естественных благ. Действительно, солнце, воздух и вода — всех полезней. Однако их сотворила природа, как саму жизнь. По этой причине полезные и абсолютно необходимые для жизни человека природные блага не являются экономическими благами. Экономика связана исключительно с трудовой деятельностью людей. Сохранение окружающей среды требует усилий со стороны людей. Очищение воздуха, воды и т.п. также невозможно без труда. В этих случаях возникают экономические связи и полезность как экономический феномен. Залежи неразрабатываемых минеральных ископаемых не являются экономическими благами. В лучшем случае они выступают таковыми потенциально, если существует намерение в будущем приступить к их разработке, а в настоящем предпринимаются меры для их охраны. На этом основании полезность, являясь характеристикой экономических благ, ведет свое происхождение прямо и непосредственно от труда особого вида. Природный материал почти всегда присутствует в создании полезности, хотя это не относится к информации и к некоторым услугам. Но его роль в отличие от труда по отношению к полезности пассивна. Приспособливает природный материал к потребности человека труд определенной целесообразности. В силу этого труд является создателем возникшей на основе при-

родного материала способности удовлетворять определенную потребность, т.е. является субстанцией полезности.

Полученный нами вывод о полезности как формы труда особого вида кардинально отличается от натуралистической трактовки полезности объективной школой полезности и от ее субъективной трактовки маржиналистическими концепциями. Развивающее здесь содержание полезности в отличие от упомянутых содержит эндогенный источник развития. Следовательно, оно способно отобразить широкий спектр экономических отношений, касающихся соединения ресурсов и потребностей, не только объективных (способность удовлетворить потребность), но и субъективных (желание, предпочтительность). Появляется возможность разрубить гордиев узел проблемы полезности, мучающей экономическую науку в течение более чем трех столетий, заставляя ее метаться между объективной и субъективными версиями полезности.

Перейдем к исследованию содержания полезности (потребительной стоимости) в рыночной капиталистической экономике. Трудовая теория стоимости представляет строго последовательную, логически взаимосвязанную систему. Для того чтобы глубже раскрыть и выяснить содержание одной из ее интеграционных частей, необходимо следовать целостной логике теории. Иначе выполнить эту задачу, на наш взгляд, невозможно. В связи с этим для автора существует опасность восприятия этого анализа как комментаторства завершенной теории. Однако любая завершенная теория, достаточно точно и целостно описавшая реальную действительность, всегда является приближением в большей или меньшей степени к необозримому многообразию реальности. Поэтому она всегда требует и детализации и развития. Упоминавшиеся дискуссии о потребительной стоимости среди марксистов подтверждают необходимость развития трудовой теории стоимости посредством выяснения содержания этого понятия и тем самым достижения большей ясности во взаимодействии стоимости и потребительной стоимости (полезности).

Таким образом, полезность является активным свойством вещи или услуги, превращающим ее в потребительную стоимость. Оно состоит в способности вещи удовлетворять потребности людей. Принципиальное отличие здесь от объективной теории полезности в том, что эта способность является воплощенным в предмете трулом особого вида. Полезность есть материализация

труда данного вида, так как именно труд приспосабливает природные материалы к потребностям людей. Вне этого природные вещества не являются экономическими благами. Потребительная стоимость, кроме полезности, имеет природную основу, натуральные природные материалы. Полезность, субстанцией которой является труд особого вида, изменяется качественно и количественно с изменением субстанции при неизменности природного материала. Полезность, как воплощенный в вещи труд особого вида, резко отличается от полезности как «желанности», от субъективной оценки психологического происхождения. Это не неуловимый оценочный фантом, а объективное реальное свойство результатов производственной деятельности, происходящее не из психики, а из трудового процесса.

ГЛАВА 4. ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Потребительная стоимость товара и денег

Исходным пунктом системы капиталистических производственных отношений является товар. Это простейшая узловая категория, в которой заложены все противоречия системы и предпосылки непрерывного возникновения капитала.

В этой своей непосредственности, как отдельно взятый товар, предстает в виде внешнего предмета, вещи, которая благодаря своим свойствам удовлетворяет потребности людей. Отношение вещи к потребностям человека, т.е. общественная функция вещи, выражается ее полезностью. Как отмечалось выше, это не природное, а чисто общественное свойство, хотя зависящее от природной специфики вещи. Полезность вещи превращает ее в потребительную стоимость. В связи с тем, что полезность не существует вне товарного тела, возникает видимость тождественности натуральных свойств и свойств товара выступать в качестве потребительной стоимости. Однако такая видимость обусловлена непосредственной формой существования потребительной стоимости, в которой она слита воедино с натуральной вещью. Ее социальная природа пока едва заметна, она только начинает свое развитие и выражает лишь отношение вещи к потребности, за которой стоит отношение человека к самому себе или к своим потребностям.

Эта слитность социальной функции вещи, удовлетворяющей потребности человека, с ее натуральной формой служит основанием для их отождествления. Однако, как было показано выше, натуральность вещи сама по себе не содержит никакого отношения человека к вещи, а существует вне этого отношения, до него и независимо от него. В то же время отношение вещи к потребности человека хотя и зависит от натуральных свойств вещи, тем не менее вне человека не существует. Несмотря на слитность с натуральной формой вещи, ее потребительная стоимость все же отлична от этой натуральности. В отличие от последней, потребительная стоимость содержит в себе полезность.

На том основании, что в отдельно взятом товаре его потребительная стоимость более заметна в своем товароведческом содержании, был сделан вывод, что она не входит в предмет политэкономии. Этот вывод получил широкое распространение и длительное время был господствующим. Ошибочность его проистекала из того, что первое, самое абстрактное, самое бедное, а поэтому и наиболее «бессодержательное» определение потребительной стоимости было принято за исчерпывающее и окончательное. В то время как потребительная стоимость, а точнее, полезность как ее изменяющийся элемент лишь начинает длительный путь своего развития.

В способности одного товара обмениваться на другой потребительная стоимость выступает вещественным носителем меновой стоимости. Здесь полезная натуральная вещь оказывается связанной не только с потребностью человека, а с принципиально иным социальным свойством, которое существует лишь при определенных типах производственных отношений. Теперь потребительная стоимость, выполняя функцию носителя меновой стоимости, раскрывает новое содержание заключенной в ней полезности. Названная функция и есть полезность товара. Как видим, она выражает уже социальное свойство. Это второе определение потребительной стоимости товара в качестве вещественного носителя меновой стоимости означает начало превращения общекономического отношения человека к природе в производственное отношение между товаропроизводителями. В качестве носителя меновой стоимости она составляет момент этой экономической формы, но момент пока не внутренний, а внешний, а потому и случайный.

На этапе анализа стоимость товара и потребительная стоимость рассматриваются порознь. Однако из того обстоятельства, что стоимость рассматривается сама по себе, отнюдь не следует, что потребительная стоимость товара вообще выбрасывается из экономической науки, как утверждал А. Вагнер. Более того, даже на этапе анализа «отодвигание в сторону» потребительной стоимости служит определению стоимости. Стоимость — это непотребительная стоимость, это то, что остается при абстрагировании от разнокачественности вещей. Определение потребительной стоимости как разнокачественности товара служит одновременно его определению как некоторой однокачественности. Стоимость в первых определениях — это простой сгусток лишенного различий

человеческого труда, «призрачная предметность» товара. В ней нет ни атома вещественности, ничего, кроме одинакового, однородного, абстрактного человеческого труда. Товар теперь определяется не просто как внешний предмет, предназначенный для обмена, а как единство противоположностей, сторонами которого являются стоимость и потребительная стоимость.

Переход к стоимости как однокачественной предметности товара одновременно уточняет и развивает определение потребительной стоимости товара. Теперь потребительную стоимость можно определить в качестве стороны товара, составляющей диалектическое единство со стоимостью. Довольно часто связь двух сторон товара сводят к формуле «да — нет»: чтобы товар имел стоимость, он должен иметь потребительную стоимость, и наоборот. Это правильно, но далеко не полно. Каждая сторона диалектического отношения, являющаяся единством противоположностей, есть в потенции и другая сторона. В этом их тождественность. Благодаря тождеству возможен взаимопереход, а точнее, взаимопревращение противоположностей, в котором происходит «их слияние в новую категорию»¹. Это наиболее трудный для восприятия момент.

В.И. Ленин настойчиво подчеркивал это как важнейшее положение диалектики. Так, в конспекте «Науки логики» Гегеля он самую суть диалектики связывает со взаимопревращением противоположностей друг в друга. «Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую», — пишет В.И. Ленин².

Наиболее глубокая причина отрицания потребительной стоимости товара как производственного отношения заключается в том, что тождество противоположностей допускается только как их совместное существование, но не как взаимопревращение. Тем самым ставится граница их развитию. Противоположности застывают, становятся абсолютными. Их относительность в такой трак-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 136.

² Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 29. С. 98.

товке исчезает. Этим, по существу, отрицается основополагающий момент диалектического метода.

Постановка вопроса о взаимопревращении стоимости и потребительной стоимости товара непривычна из-за укоренившегося представления о потребительной стоимости только как о конкретно-чувственной вещи, а стоимости — как производственном отношении. Вместе с тем привычной и традиционной является противоречащая этому представлению диалектическая формула о двух сторонах товара как единстве противоположностей.

Противоречие стоимости и потребительной стоимости товара является тем всеобщим основанием, из которого вырастает вся система рыночной капиталистической экономики. Не только одна стоимость сама по себе развивается, покоясь на неизменном вещественном фундаменте. Стоимость может развиваться и тем самым обосновывать развитие всей системы отношений, лишь взаимодействуя с потребительной стоимостью товара. Вне этого взаимодействия нет ни стоимости, ни потребительной стоимости. «Для него (содержания. — Р. З.) небезразлично, имеется ли другое содержание, с которым оно соотносится, или его нет, ибо только через такое соотношение оно по своему существу есть то, что оно есть», — указывал Гегель¹. Противоречие стоимости и потребительной стоимости товара образует узловую линию категорий. Каждая категория этого ряда «предстает как одна из метаморфоз, через которую проходит стоимость и потребительная стоимость в процессе их взаимного превращения друг в друга»², — подчеркивал видный советский философ Э.В. Ильенков. Каждая категория «наследует» эту двойственность товара и развивает ее.

Обнаружение в товаре стоимости как застывшего однородного, лишенного различий труда не оставляет без изменений противоположную сторону. И не только в том отношении, что теперь яснее становится, что это потребительная стоимость для других, или общественная потребительная стоимость, т.е. развитие в пределах производительных сил. Каждый шаг в развитии одной стороны товара неизбежно вызывает соответствующее изменение другой его стороны. В теории же это ведет к тому, что, как пишет К.Маркс, «одно и то же определение один раз выступает в опре-

¹ Гегель. Наука логики. Т. 2. М., 1971. С. 144.

² Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., С. 246.

делении потребительной стоимости, а затем — в определении меновой стоимости...»¹

Тождественность стоимости и потребительной стоимости выражается не просто в том, что они пространственно объединены одним товарным телом и одно не существует без другого. Потребительная стоимость товара в возможности есть стоимость, т.е. при определенных условиях она может превратиться в стоимость. Чтобы реализовать себя, т.е. действительно удовлетворить чью-то потребность, она должна быть, кроме того, и средством обмена, должна быть стоимостью. И наоборот. Стоимость в возможности есть любая потребительная стоимость, она может воплотиться, превратиться в любую потребительную стоимость. Стоимость должна удовлетворять общественную потребность в обмене, т.е. быть потребительной стоимостью. Различие же двух сторон товара заключается в том, что стоимость характеризует его всеобщность, равенство всем остальным товарам, а потребительная стоимость — его отличие от всех других товаров, его особенность. Товар одновременно является тем и другим. Со стороны потребительной стоимости товар есть отношение товаровладельцев к общественным потребностям, а со стороны стоимости он характеризует их же отношение к количеству общественного труда, затраченного на производство данного товара.

При абстрактном определении понятия стоимости возникает иллюзия, что потребительная стоимость выбрасывается из политэкономии как затемняющее суть дела обстоятельство, не имеющее никакого отношения к производственным отношениям. Но при действительном сведении конкретных затрат труда к однородному общечеловеческому труду становится ясно, что эти первые не отбрасываются, а сводятся к последним. Это хорошо прослеживается при определении величины стоимости.

Абстрагирование от качественных особенностей товара, т.е. от потребительной стоимости, — это не отбрасывание, а сведение, удержание в снятом виде, в стоимости. Величина стоимости зависит и от качественных признаков труда, а следовательно, и товара. Изменение количества общественно необходимого труда вызывается изменениям производительности и интенсивности труда. Последние характеризуют различия в труде, его качественную неоднородность, и через них учитывается влияние потреби-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 150.

тельной стоимости на стоимость. Действительно, определение среднего уровня затрат труда, который лежит в основании величины стоимости, невозможно без определения затрат труда индивидуальных рабочих сил, отличающихся множеством качественных признаков — сложностью, умелостью, интенсивностью, производительностью и т.п. Измерение количества труда невозможно без отражения его качественных моментов. При сведении сложного труда к простому измеряется и тот и другой. Оказывается, процесс определения, выражения стоимости товара есть одновременно и параллельно процесс измерения полезного характера продукта труда и полезного характера представленных в нем видов труда, т.е. потребительной стоимости. Именно благодаря отражению качественно разнородных признаков труда и его продукта они исчезают, гасятся, и труд предстает как качественно однородная затрата общественной рабочей силы при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. От того, что сведение потребительной стоимости к стоимости происходит стихийно, на рынке, за спиной товаропроизводителей, этот процесс не становится менее реальным.

Стоимость и потребительная стоимость, таким образом, образуют тождество в понятии общественно необходимых затрат труда. Оно достигается благодаря тому, что средние условия (для воспроизводимых товаров) образуют стоимость.

Двойственность товара, как известно, обнаруживает двойственность воплощенного в нем труда. Существенным моментом раскрытия содержания стоимости является выяснение ее субстанции. То же самое относится и к потребительной стоимости. Под субстанцией здесь понимается внутренняя причина, производящая какой-то результат и изменение которой обусловливает коренные изменения результата — в данном случае стоимости и потребительной стоимости.

Труд является, с одной стороны, главным элементом производительных сил, а с другой стороны — в определенных общественных условиях, — и производственным отношением, скажем, частный труд, труд наемных рабочих и т.п. Труд, воплощенный в товаре, несет на себе печать специфически общественного положения товаропроизводителей — обособленность между ними в рамках системы общественного разделения труда. Это противоречие частного и общественного труда приводит к раздвоению его на конкретный и абстрактный. Именно раздвоение единой суб-

станции¹ производственных отношений — труда — приводит к раздвоению продукта. При этом конкретная сторона труда воплощается в продукте как его полезность, которая превращает конкретно-чувственную вещь в потребительную стоимость, а абстрактная сторона труда кристаллизуется в вещи как ее стоимость. И хотя вещество природы наряду с трудом представляет собой один из элементов потребительной стоимости, все же форму, пригодную для потребления людьми, придает ему конкретный труд. Поэтому он выступает в качестве субстанции полезности, что превращает вещь в потребительную стоимость. Конкретный труд выступает как естественное условие существования людей и одновременно составляет противоречивое единство с абстрактным трудом. Эта новая связь существенно развивает содержание конкретного труда в силу того, что он оказывается соединенным с противоречием частного и общественного труда.

Понятие абстрактного труда не ограничивается только физиологической затратой энергии человека. Это затрата общественной средней рабочей силы. Поэтому абстрактный труд является специфической формой общественного труда. Содержание конкретного труда не сводится только к техническим особенностям труда, а в качестве своего существенного момента заключает в себе частный труд. В диалектической системе нет независимых друг от друга категорий. Здесь одна категория генетически связана с другой, переходит в другую, входит в последующую целиком, но в преобразованном виде.

Противоречие частного и общественного труда характеризует двойственное положение производителя в обществе, его независимость от других производителей и одновременно всестороннюю зависимость от всех, порождаемую разделением труда. Следовательно, выяснив связь конкретного и абстрактного труда с частным и общественным трудом, мы тем самым улавливаем в категориях как абстрактного, так и конкретного труда характер производственных отношений между людьми. Потребительная стоимость товара, включая в качестве своей субстанции конкретный вид частного труда, представляет собой уже достаточно развитое производственное отношение.

Приведенные положения хорошо известны. Действительно, взаимозависимость стоимости, абстрактного и общественного

¹ См. подробнее: Вазюлин В.А. Логика «Капитала». М., 1968. С. 80.

труда никем не оспаривается. Стоимость единодушно воспринимается как овеществленная форма абстрактного, а следовательно, и общественного труда. Но этого нельзя сказать о другом ряде отношений. Взаимосвязь потребительной стоимости товара, конкретного труда и частного труда в большинстве случаев искусственно разрывается. Два первых понятия отсекаются от последнего — частного труда — и превращаются в тощие абстракции, не несущие никакой информации о производственных отношениях, а потому не играющие никакой роли в их системе, против чего резко возражал К.Маркс, так как это искажает диалектическую картину всей системы.

В действительной же системе производственных отношений противоречия частного и общественного труда разрешаются через противоречие конкретного и абстрактного труда, которое в свою очередь разрешается через противоречие потребительной стоимости и стоимости товара.

Дремлющая в товаре способность его сторон к взаимопревращению реализуется в меновом отношении. Стоимость товара, превращаясь в акте обмена в свою относительную форму, выражается исключительно посредством потребительной стоимости товара-эквивалента. Это означает, что последней придается новая специфически общественная функция — служить формой выражения стоимости. Вследствие этого потребительная стоимость товара из безразличного внешнего носителя меновой стоимости, как это было при первоначальном определении последней, становится внутренним моментом самой меновой стоимости, средством развития стоимости. Она превратилась в форму выражения относительной стоимости.

Здесь также происходит одновременное развитие и переход в новое качество обеих сторон товара. Стоимость товара превращается в относительную стоимость (т.е. находящуюся в отношении с другим товаром), а потребительная стоимость товара — в потребительную стоимость товара-эквивалента, в форму выражения относительной стоимости. Конкретно-чувственная вещь выступает в таком качестве только в товарном обращении, и это качество составляет ее специфически общественное свойство.

Превращение потребительной стоимости как таковой из внешнего носителя меновой стоимости в ее внутренний собственный момент, в форму выражения относительной стоимости довольно ярко показывает отличие потребительной стоимости в

«Капитале» К.Маркса от ее роли и трактовки Д.Рикардо. «...Мы уже видели,— пишет К.Маркс,— что различие потребительной стоимости и меновой стоимости относится к самой политической экономии и что потребительная стоимость не остается, как это имеет место у Рикардо, лежать мертвой в качестве простой предпосылки»¹.

В основе меновой стоимости и узловых моментах ее развития — простой, полной, всеобщей и денежной форм стоимости — лежит диалектическое противоречие стоимости и потребительной стоимости товара.

Развитие простой формы стоимости начинается через движение двух товаров, находящихся на противоположных полюсах меновой стоимости. Скрытая в обмениваемом товаре стоимость находит свое выражение в потребительной стоимости товара-эквивалента, потребительная стоимость последнего вследствие этого из своей конкретно-чувственной формы превращается в непосредственно общественную. Тем самым потребительная стоимость товара из простой предпосылки и вещественного носителя меновой стоимости становится средством развития стоимости. Натуральная форма товара становится формой стоимости. Это значит, что натуральная форма приобретает некоторое новое качество, присущее ей только во взаимодействии со стоимостью.

Стоимость обмениваемого товара последовательно выражается в товаре-эквиваленте посредством его потребительной стоимости, конкретного и частного труда, становящегося непосредственно трудом общественным. Величина меновой стоимости оказывается прямо пропорциональной относительной форме стоимости и обратно пропорциональной стоимости товара-эквивалента. Она может изменяться и тогда, когда стоимость обмениваемого товара остается постоянной. Поэтому меновая стоимость, являясь единством противоположных полюсов, представляет собой формы выражения не только стоимости, но и потребительной стоимости, а точнее, скрытого в товаре единства противоположности стоимости и потребительной стоимости.

Развитие относительной формы стоимости приводит к изменению эквивалентной формы, в результате чего простая форма стоимости переходит в полную, или развернутую, а последняя — во всеобщую и денежную. Переход от простой формы стоимости

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1.С. 275.

ко всеобщей есть развитие всеобще-одинаковой природы стоимости, которая, предполагая бесконечное многообразие товаров, развивает это последнее. Относительная форма стоимости, выраженная в денежном товаре, превращается в цену.

Денежный товар, взятый самостоятельно, как и простой товар, является единством стоимости и потребительной стоимости. По стоимости эти товары ничем качественно не отличаются друг от друга: в том и другом случае стоимость остается овеществленным абстрактным трудом. Их отличие проходит по линии потребительной стоимости. И оно заключается не только и не столько в различии носителей стоимости (золото может выступать и в качестве простого товара, и в качестве денежного). Главное отличие денег от простого товара заключается в специфическом содержании функций, выполняемых всеобщим товаром-эквивалентом, которые и составляют качественное содержание потребительной стоимости денежного товара. Потребительная стоимость денег заключается в том, что они служат формой непосредственной обмениаемости и самостоятельного существования стоимости.

То обстоятельство, что эти функции связаны с чувственно воспринимаемыми свойствами золота, выалирует эту социально-общественную определенность денежного товара и является одним из элементов фетишизма. Вместе с тем здесь потребительная стоимость достигла гораздо более высокого уровня в качестве экономической определенности формы в сравнении с простым товаром.

В данном случае «исключения» лишь подтверждают то правило, что товар есть единство противоположностей. Потребительная стоимость товара, выполняя роль средства и формы развития стоимости, превращается через ряд этапов в потребительную стоимость денег. При этом превращении изменяется как материальный субстрат, так и полезность товара: первый становится золотом, второй — специфически социальной функцией непосредственной обмениаемости и самостоятельного существования стоимости.

Развитие внутренних противоречий товара завершается возникновением цены. Действительный же процесс обмена кроме акта обмена товаров включает и отношения товаровладельцев. Процесс обмена состоит из совокупности движений товаров и денег. В этом встречном движении товара и денег обнаруживается, что все товары суть непотребительные стоимости для своих

владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев. Одна и та же вещь для одного агента отношения выступает потребительной стоимостью, а для другого таковой не является. Целостность движения товара и денег отделяет потребительную стоимость от ее материального субстрата, и отличие вещи от ее потребительной стоимости становится непосредственным. Перемена формы потребительной стоимости товаров здесь сводится к тому, что уничтожается их формальное бытие, в «котором они были непотребительными стоимостями для своего владельца и потребительными стоимостями для своего невладельца. Отчуждение потребительных стоимостей и переход их в сферу потребления опосредуются меновой стоимостью.

Исходным пунктом движения денег является выполнение ими функции меры стоимости, когда они определяют цену товаров. Идеальность формы денег в данном случае рождает иллюзию тождества стоимости и цены. Однако стоимость переходит в цене в свою противоположность в связи с тем, что этот переход осуществляется посредством потребительной стоимости денег. «Цена — это превращенная форма, в которой меновая стоимость товаров *выступает в процессе обращения*», — пишет К. Маркс¹. Опосредствование превращения стоимости товара потребительной стоимостью денег обусловливает количественную зависимость цены не только от стоимости товара, но и от стоимости денег, что приводит к возможности отклонения цены от стоимости. В отличие от стоимости цена учитывает не только условия производства, но и условия обмена. А среди последних главными являются вид и размер потребностей. Поэтому в этом отклонении цены от стоимости, являющемся единственным способом обнаружения стоимости, достигается единство стоимости и потребительной стоимости.

В функции денег как средства обращения деньги опосредствуют процесс обмена, который состоит из двух метаморфоз — продажи и купли. Их содержанием является постоянный взаимо переход стоимости и потребительной стоимости товара и денег. Если данный взаимопереход не осуществляется, то это таит абстрактную возможность кризисов.

Внутреннее противоречие товара превращается во внутреннее противоречие денег, между их качественной безграничностью, т.е. способностью воплотиться в любой потребительной стоимости, и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 51.

той количественной границей перевоплощения, которую им указывает цена. Оно рождает имманентное стремление денег к непрерывному увеличению и возрастанию. Деньги не только создают новую форму противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью, но в них заложены предпосылки его разрешения, ближайшими формами которого являются функции денег как сокровища, средства платежа и мировых денег. Однако во время кризисов это противоречие становится абсолютным.

В природе денег заложена не только способность сохранять стоимость. Постоянное стремление перевоплощаться в любую потребительную стоимость и преодолевать собственную количественную границу неизбежно толкает их к воплощению в товаре рабочая сила. Товарное обращение создает капиталу его адекватную форму — деньги. Поэтому деньги, являясь последним продуктом товарного обращения, исторически и логически становятся исходным пунктом развития капитала.

Здесь нельзя не остановиться на том, что традиция трактовки простой формы стоимости, как форма обмена в первобытные времена, нанесла существенный урон теории денег. Ведь тем самым из внутреннего содержания денег выбрасывалась самая основополагающая его часть. Между тем простая форма стоимости — это абстракция от денежной, позволившая обнаружить его тайну. Отбросив же эту «тайну», в древние времена деньги оставляют за собой лишь принцип всеобщего эквивалента. А это всего лишь один, может быть и не самый главный, момент их содержания, поскольку всеобщим эквивалентом могут быть не только деньги.

Ни одна из современных западных теорий не имеет ответа на вопрос, что такое деньги. Отсюда происходит бесконечный спор о нейтральности либо ненейтральности денег. Этот ответ был получен диалектическим методом как узловой пункт взаимопревращения стоимости и потребительной стоимости.

Между тем знание истины денег, т.е. глубокое понимание их природы, необходимо не только для разрешения спорных вопросов кредитно-денежной политики, но и для того, чтобы отличить их от «не денег», от новой формы, в которую они перерастают в процессе своего исторического развития. Современные «электронные деньги» — уже некое новое качество, которое отсутствует у классических денег. По сути дела, это уже в какой-то мере начало развития прямого учета труда каждого индивида, отход от принципа усреднения. Электронные деньги выражают труд чело-

века без потребительной стоимости эквивалента. Здесь нет аналогии с заменителями денег. С абсолютной уверенностью нельзя это утверждать, поскольку золото все-таки не исчезло как основа денежного обращения, значит, перед нами переходный процесс, на основании которого нетрудно видеть развитие из элементарных денег формы прямого, а не косвенного учета труда. Оно не участвует более в обращении. Но хранится в резервах стран с твердой валютой. Это означает, что бумажные и кредитные деньги являются представителями и заменителями золотых денег. Однако электронные деньги, образуют новое качество, все более удаляющееся от стоимости, по крайней мере, в возможности.

Двойственный характер труда и товара, взаимодействие их сторон являются основанием, из которого вырастает двойственная природа всей рыночной экономики. Анализ взаимодействия стоимости и потребительной стоимости двух отдельно взятых товаров обнаружил тайну возникновения и сущность номинальной экономики. Именно в простой форме стоимости раскрывается ее анатомия. Для мэнстрима это до сих пор продолжает оставаться тайной. Главный же вывод, на наш взгляд, заключается в обнаружении в исходном пункте трудовой теории стоимости двойственной структуры экономики. Отзвук этого обнаруживается в дихотомии неоклассической теории, но весьма неясного свойства.

Обнаруженный в отдельно взятом товаре, труде и деньгах, принцип двойственности логически строго развертывается во всю теоретическую систему. Теперь наш анализ переходит в сферу реальной экономики, выражаясь современными терминами. Реальная экономика, в свою очередь, оказывается устроенной по принципу двойственности, следов чего уже не удается обнаружить в мэнстриме. Следовательно, основной акцент здесь направлен на рассмотрение взаимодействия потребительной стоимости и стоимости. Мы переходим в тот самый, с позиций мэнстрима, «черный ящик», где безраздельно господствует трудовая теория стоимости, которая сталкивается с конкурирующей теорией только на входе и выходе из него.

§ 2. Двойственность процесса производства товаров и капитала

Превращение денег в капитал сопровождается скачком в развитии стоимости, потребительной стоимости товара и их противоречия, появлением в их содержании новых качественных мо-

ментов. Стоимость становится самовозрастающей стоимостью, а потребительная стоимость развивается в потребительную стоимость капитала. Узловым моментом перехода от потребительной стоимости товара и денег к потребительной стоимости капитала является потребительная стоимость товара рабочая сила.

Как и простой товар, товар рабочая сила есть противоречивое единство его стоимости и потребительной стоимости. Потребительная стоимость характеризует качественные отличия этого товара от всех других товаров. В наличии данном товаре, т.е. в сфере обращения, ею является способность к труду, а стоимостью — овеществленные затраты труда, затраченные на воспроизведение этой способности. Разрешается указанное противоречие в акте купли-продажи рабочей силы, где осуществляется взаимный переход стоимости и потребительной стоимости этого товара. Со стороны владельца денег, капиталиста, стоимость его денежного товара превращается в потребительную стоимость товара рабочая сила; со стороны продавца, наемного рабочего, наоборот, потребительная стоимость его товара превращается в деньги.

В акте обмена специфика потребительной стоимости товара рабочая сила обнаруживается лишь как способность к труду, т.е. сначала как безразличная к экономическим отношениям. Связь же со стоимостью рабочей силы составляет определенность этой экономической формы, однако только в качестве потребительной стоимости особого товара. Капиталистическую же специфику потребительной стоимости товара рабочей силы в акте ее купли-продажи, т.е. в сфере товарного обращения, обнаружить нельзя. Она выражается лишь в процессе потребления рабочей силы в сфере непосредственного производства.

Стоимость денег, затраченных на куплю товара рабочая сила, превращается в его потребительную стоимость, делая последнюю средством своего увеличения. Однако стоимость, согласно своему понятию, не может возрастать, так как она есть завершенный, мертвый труд, уже воплощенный в товаре, в данном случае — в денежном металле. Возможность выхода из противоречия заключается в воплощении стоимости денег в товаре, который сам служит источником новой стоимости в процессе производства. При этом, если в сфере обращения потребительная стоимость товара рабочая сила выступает как способность к труду, т.е. потенциальный труд или трул в будущем, то в сфере непосредственного про-

изводства «потребительная стоимость рабочей силы — это *труд*, элемент, создающий меновую стоимость»¹.

Потребительная стоимость денежного товара и товара рабочая сила представляет собой достаточно развитое и легко воспринимаемое производственное отношение. Как правило, потребительная стоимость этих форм многими авторами признается как экономическая категория. Однако чаще всего этим и ограничивается. В действительности же развитие потребительной стоимости товара этими формами не заканчивается. В дальнейшем движении они превращаются в потребительную стоимость капитала. О двойственной природе капитала К.Маркс пишет: «...Капитал, как и простой товар, имеет *двойственную форму потребительной стоимости и меновой стоимости*. Но в обе формы входят дальнейшие определения, которые отличны от определений простых, самостоятельно рассматриваемых товаров, суть более развитые определенности»². Капитал и его формы часто принимаются только как стоимостные. Однако недооценка роли потребительной стоимости в процессе создания и движения капитала приводит к существенным неточностям в понимании его природы.

В характеристике К.Марксом капиталистического производства две его стороны выступают вначале безразличными друг к другу, внешними. Анализ процесса производства потребительной стоимости как таковой выявляет различие между личностными и вещественными факторами производства. Сначала оно не представляет собой производственного отношения, являясь моментом всякого способа производства. Анализ стоимостной стороны производства дает определение процесса создания прибавочной стоимости как однокачественного с процессом создания стоимости, но продленного далее известного пункта. Затем две стороны производства рассматриваются в их взаимодействии, что позволяет обнаружить различную роль личностных и вещественных факторов производства в создании и увеличении стоимости. В результате эти факторы, вначале безразличные к характеру производственных отношений, сами становятся таковыми, выступая теперь как постоянный и переменный капитал. Наемный рабочий абстрактной стороной своего труда создает новую стоимость, а конкретной — присоединяет к ней старую стоимость, перенося ее

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 3. С. 182.

² Там же. Т. 49. С. 35.

со средств производства на новый продукт. Эта социальная функция составляет момент собственного содержания категории конкретного труда наемного рабочего. Потребительная стоимость средств производство при изготовлении нового продукта не исчезает, а меняется вещественно. Но в капиталистическом производстве она одновременно выполняет и чисто социальную функцию: благодаря вещественной метаморфозе старая стоимость сохраняется и включается в новый продукт. Это означает, что потребительная стоимость средств производства есть нечто большее, чем просто конкретно-чувственная вещь.

Рассмотрение постоянного и переменного капитала со стороны только стоимости затрудняет понимание ее возрастания. Действительно, если переменный капитал — это часть стоимости, затраченная на куплю товара рабочая сила, то каким образом она может изменить свою величину? Ведь стоимость — это прошлый, застывший в товаре абстрактный труд. Понять процесс создания прибавочной стоимости позволяет определение переменного капитала не только со стороны стоимости, но и со стороны форм его потребительной стоимости. В последнем отношении переменный капитал выступает в трех формах: в форме денег, затраченных на куплю рабочей силы, в форме жизненных средств рабочего и в форме живого, функционирующего в производстве труда. В первых двух формах переменный капитал формален. Это старая стоимость, которая не может измениться, и только функционирующий живой труд является *действительным*, переменным капиталом, потребительная стоимость которого прямо и материально превращается в новую стоимость.

Обратим внимание на то, что возникновение прибавочной стоимости происходит при «физическом» превращении стоимости и потребительной стоимости, а не простом их перемещении в пространстве, как это происходит в обращении. В «Капитале» этот момент раскрыт недостаточно полно; в советской литературе еще более огрублен вплоть до полного отрицания такого видения процесса как антимарксизма. Выше удалось, по нашему мнению, показать, что смысл взаимодействия постоянного и переменного капитала, каждый из которых имеет двойственную структуру, состоит в перевоплощении потребительной стоимости одного из них в стоимость другого, и наоборот. Из такого сложного органического взаимопревращения и появляется прибавочная стоимость.

Переменным, текучим капитал делает способность создавать прибавочную стоимость и сохранять старую стоимость. Этой способностью живой функционирующий труд обладает в силу своей двойственности. Абстрактная сторона труда, застывая в новом продукте, образует новую, в том числе и прибавочную, стоимость, а его конкретная сторона, используя средства продукта и предметы труда, формирует полезность этого продукта. При этом перенесение старой стоимости средств производства возможно благодаря превращению их потребительной стоимости в новую потребительскую стоимость продукта.

Прибавочная стоимость есть овеществленный прибавочный труд. Она воплощается в прибавочном продукте, в «избыточной потребительной стоимости»¹. Прибавочный продукт, как любое явление в рыночном пространстве, оказывается двойственным.

Прибавочная стоимость и избыточная потребительная стоимость составляют противоположности из-за неодинакового влияния на них производительных сил труда: по потребительной стоимости прибавочный продукт возрастает быстрее, чем по стоимости, что становится в целом ряде случаев существенным и для накопления, и для удовлетворения потребностей капиталистов.

Если же рассматривать саму по себе прибавочную стоимость без ее отношения к прибавочному продукту, то в известном смысле она представляет собой тождество стоимости и потребительной стоимости капитала. С одной стороны, она составляет часть стоимости, продление стоимости за известные пределы, с другой стороны, это реализовавшая себя потребительная стоимость рабочей силы, застывшая в товаре.

Величина прибавочной стоимости зависит от времени самовозрастания стоимости, или продолжительности рабочего дня, и от пропорции, в которой последний распадается на необходимое и прибавочное рабочее время. С удлинением рабочего дня на неизменной технической основе прибавочная стоимость и избыточная потребительная стоимость увеличиваются в одинаковой степени. Величина прибавочной стоимости зависит и от числа рабочих, что синтезируется в массе прибавочной стоимости. В итоге капитал, с одной стороны, есть самовозрастающая стоимость, а с другой стороны, специфическая потребительная стоимость. В качестве последней он является силой, насилиственно принуждаю-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 139.

щей рабочего к прибавочному труду. Появление в составе стоимости прибавочной стоимости существенно конкретизирует понятие стоимости. Это же рождает новые, чисто капиталистические определенности потребительной стоимости.

Противоречие прибавочной стоимости между безграничностью самовозрастания стоимости и ограниченным временем самовозрастания разрешается путем уменьшения необходимого рабочего времени за счет роста производительности труда, что рождает относительную форму прибавочной стоимости. Здесь речь идет непосредственно об увеличении производства потребительных стоимостей и вследствие этого о снижении стоимости рабочей силы.

Существуют, как известно, три метода производства относительной прибавочной стоимости: кооперация большого числа наемных рабочих под командованием капиталиста, разделение труда между наемными рабочими и применение системы машин. Это три последовательных момента изменения в потребительной стоимости постоянного и переменного капитала, которые реализуются в возросшей производительной силе общественного труда, превращаясь в производительную силу капитала. Следует заметить, что последнее означает генетическое начало превращения прибавочной стоимости в прибыль. Вопреки распространенному мнению оно начинается не на уровне целостности предмета и даже не с возникновением годовой прибавочной стоимости, а в самый момент создания прибавочной стоимости.

Простая кооперация наемных рабочих развивает потребительную стоимость товара рабочая сила, из которых возникает новая производительная сила труда. Последняя невозможна без посреднической деятельности капитала и потому кажется присущей исключительно ему, а не труду.

Разделение труда между наемными рабочими повышает потребительную стоимость частичного рабочего, повышая тем самым квалификацию совокупного рабочего. Изменения в потребительной стоимости переменного капитала благодаря росту производительной силы труда сопровождаются снижением стоимости рабочей силы и увеличением прибавочной стоимости.

Поэтому при разделении труда, как и при его кооперации, организованная капиталом и подчиненная ему производительная сила общественного труда, в которой реализуется повышавшаяся

потребительная стоимость товара рабочая сила, превращается в производительную силу капитала.

Третий метод производства относительной прибавочной стоимости заключается в преобразовании технического базиса, основой которого становится разветвленная система трехзвенных машин.

В определении машины наиболее сложным является характеристика ее потребительной стоимости. С одной стороны, машина — довольно очевидное и одинаковое для всех способов производства орудие. С другой стороны, машина включает в себя исторический момент, соответствие специфике данных производственных отношений. В качестве производительной силы машина представляет собой иерархическую систему двигателя, передаточного механизма и рабочей части или машины-орудия. Здесь в скрытом виде содержится то, что затем развертывается в систему производственных (экономических) отношений. Машина прежде всего является товаром — единством стоимости и потребительной стоимости. Так как стоимость машины тождественна стоимости любого другого товара, то ее экономическая определенность развивается со стороны потребительной стоимости, но не технического содержания последней. Поэтому в сфере производства машина как вещественный элемент капитала уже не товар, а средство производства прибавочной стоимости. Являясь дорогостоящим товаром, машина не может быть равнодоступной. Отсюда неизбежность концентрации ее в частной собственности узкой части общества.

Влияние машины на самый источник прибавочной стоимости — потребительную стоимость рабочей силы, а следовательно, и на саму прибавочную стоимость, противоречиво: увеличивая за счет мощного роста производительности труда один ее фактор — норму прибавочной стоимости, она уменьшает другой — число наемных рабочих; сохраняя стоимость средств производства путем переноса ее на продукт, она служит средством ее снижения за счет удешевления товаров. Машина противостоит живому труду как власть капитала. Отмеченные моменты составляют содержание специфической потребительной стоимости машины. Вкратце оно заключается в том, что машина является элементом капитала, средством принуждения наемных рабочих к прибавочному труду. Не случайно она ассоциируется с самим капиталом.

Экономическое определение машины тождественно теоретическому обобщению качественного уровня средств производства. Тем самым оно тождественно определению одной из составляющих понятия «производительные силы». Весьма тонкий момент заключается в том, чтобы понять производительные силы как «свернутое», неразвитое производственное отношение. Дискуссия 20-х гг. среди советских экономистов об отношении производительных сил к предмету политической экономии показала, что многие авторы понимали производительные силы по аналогии с ресурсами в мэйнстриме, что является, на наш взгляд, упрощением действительности.

Производство прибавочной стоимости имеет единственное средство, не имеющее предела в течение всего периода существования рыночной системы. Им является рост производительности труда. Точнее говоря, пределы здесь возникают постоянно и во множестве, но существуют способы их постоянного преодоления и столь же постоянного возобновления. Вся теоретическая система построена на фундаментальном законе роста производительности труда или возрастающей отдачи факторов производства (не от масштаба). В мэйнстриме же фундаментальным является закон убывающей отдачи. Возрастающая отдача изучается как частная и обособленная проблема. Стержень же всей системы — возрастающая отдача факторов — является только в трудовой теории стоимости. В этом отношении она до сих пор продолжает оставаться лидером.

Дальнейшее развитие теории прибавочной стоимости, а следовательно, диалектики стоимости и потребительной стоимости капитала, продолжается возвращением к ее сущности, но на более высоком уровне конкретности, обогащенном методами ее увеличения (формами). Полученная тем или иным путем, прибавочная стоимость теперь связана не просто с переменным капиталом или с необходимым трудом, но с ценой рабочей силы.

Возвращение к процессу труда обнаруживает, что фактором роста его производительности являются естественные, природные условия. Они также преобразуются в производительную силу капитала, так как их использование требует затрат капитала. Это означает полное превращение затрат труда в затраты капитала. Функциональная связь прибавочной стоимости с природными условиями есть «ген» будущей формы ренты.

После того как новая стоимость произведена, она распадается на составные части, которые выступают теперь в качестве уже готовых результатов производства. Поэтому они противостоят друг другу не просто как переменный капитал и прибавочная стоимость или как необходимый и прибавочный труд, а как цена рабочей силы и прибавочная стоимость. Соотношение между ними заключает в себе важные моменты отношения между предпринимателем-капиталистом и рабочим.

Соотношение цены рабочей силы и прибавочной стоимости исследуется при предположении, что цены товаров равны их стоимостям, а цена рабочей силы может отклоняться лишь вверх от стоимости. Здесь важно не столько количественное отношение, сколько качественный переход стоимости рабочей силы в форму цены, отражающий этап ее действительного развития.

При принятых предпосылках соотношение между ценой рабочей силы и прибавочной стоимости зависит от производительности труда, интенсивности труда и длины рабочего дня. Основные тенденции и пропорции выявляются методом факторного анализа. Влияние производительности труда на указанное соотношение выражается тремя законами, впервые сформулированными Д.Рикардо и уточненными К.Марксом. Изменение производительности труда влияет на стоимость и цену рабочей силы в обратном направлении, а на прибавочную стоимость — в прямом. Причем изменение прибавочной стоимости всегда в этом случае является следствием, но не причиной изменения стоимости и цены рабочей силы. При возрастании производительности труда происходит падение стоимости и цены рабочей силы и увеличение прибавочной стоимости. При этом цена рабочей силы падает и абсолютно, и относительно (по удельному весу во вновь созданной стоимости). Вследствие этого пропорция, в которой увеличивается прибавочная стоимость, тем больше, чем выше ее доля во вновь созданной стоимости.

Цена рабочей силы падает одновременно с падением ее стоимости, но не всегда в той же степени она может снижаться меньше, чем стоимость, по мере возрастания организованности рабочего класса и силы его сопротивления капиталистической эксплуатации. Принятым предпосылкам падение цены рабочей силы ниже ее стоимости исключено, так как это ведет к исчезновению источника прибавочной стоимости, невозможности воспроиз-

изводства рабочей силы как элемента капитала, обладающего общественно нормальным качеством.

Рост общественной производительности труда, снижая стоимость и цену рабочей силы, одновременно сопровождается увеличением массы производимых потребительных стоимостей, включая жизненные средства рабочих. Конечно, повышение уровня реального потребления рабочих вследствие роста производительности труда не достигается автоматически, а опосредуется борьбой. С увеличением производительности труда возрастает и масса жизненных средств у капиталиста, причем в гораздо большей степени, чем у рабочего. Несмотря на рост реального потребления рабочего, под воздействием технического прогресса его оплаченное рабочее время уменьшилось, неоплаченное — увеличилось. К.Маркс формулирует это противоречие следующим образом: «при повышающейся производительной силе труда цена рабочей силы могла бы падать непрерывно наряду с непрерывным же ростом массы жизненных средств рабочего. Но при этом относительно, т.е. по сравнению с прибавочной стоимостью, стоимость рабочей силы все время уменьшалась бы, и, следовательно, все глубже становилась бы пропасть между жизненными уровнями рабочего и капиталиста»¹.

Сформулированное К.Марксом следствие из законов Д.Рикардо о возрастании жизненного уровня рабочих при одновременном падении стоимости рабочей силы показывает бесплодность длительной дискуссии о нищете рабочего класса при капитализме. Оно показывает и ошибочность критиков Маркса, например К.Поппера, Й.Шумпетера и многих других, необоснованно приписывающих ему так называемую «теорию нищеты» и увязывание революции с нищетой. Как раз наоборот, Маркс доказал, что увеличение жизненного уровня рабочих — неизбежное следствие законов капитализма. Ведь рост производительности труда является фундаментальным законом, поскольку это единственный, по сути дела, безграничный метод получения прибавочной стоимости. Столь же закономерен при этом рост количества потребительных стоимостей и многообразие его видов, в том числе и тех, которые предназначены для личного потребления рабочих. Конечно, последнее не происходит автоматически в прямой зависимости от увеличения производительности труда, но через

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 532.

косвенные механизмы происходит в конечном счете неизбежно. Сама же упомянутая дискуссия гносеологически объясняется тем, что из поля зрения аналитиков исчезла диалектика потребительной стоимости и стоимости, а одноплоскостной взгляд привел к неправильному выводу, противоречащему теории К.Маркса. Это явилось ударом по трудовой теории стоимости, поскольку исаженное ее восприятие видимым образом расходилось с реальным развитием событий. Но это выявило не слабость или недостаток теории, а трудности ее понимания на недиалектической основе.

Повышение интенсивности труда при прочих постоянных факторах приводит к тому, что цена рабочей силы и прибавочная стоимость могут возрастать одновременно в равной или неравной степени. Причем рост цены рабочей силы в данном случае не всегда оказывается тождественным увеличению ее стоимости. Повышение интенсивности труда после определенного пункта вызывает ускоренное снашивание рабочей силы, которое не может быть компенсировано никаким повышением ее цены.

Сокращение рабочего дня при постоянстве других факторов сохраняет неизменной стоимость рабочей силы и уменьшает прибавочную стоимость как абсолютно, так и относительно. Удлинение рабочего дня увеличивает прибавочную стоимость абсолютно и относительно в том случае, если стоимость рабочей силы не изменяется. Но даже при неизменной стоимости рабочей силы в абсолютном выражении она уменьшается относительно. Относительная ее величина (в сравнении с прибавочной стоимостью) может меняться без изменения абсолютной. Так как вновь созданная стоимость, в которой выражается рабочий день, растет вместе с удлинением его, то цена рабочей силы и прибавочная стоимость могут возрасти одновременно на одну и ту же или на различные величины.

Одновременное изменение всех трех факторов может дать разнообразные комбинации, которые на основании полученных выводов легко объясняются. В этой связи неубедительно мнение о росте стоимости рабочей силы под влиянием научно-технической революции, повышающей затраты на подготовку и обучение рабочих, требующей расширения их культурных и социальных потребностей и т.п. Эти факторы действительно являются выражением расширения круга потребительных стоимостей, входящих в потребление рабочих, но не увеличения стоимости рабочей силы. Объем потребительных стоимостей и должен расширяться одновременно с рос-

том производительности труда. Технический прогресс и интенсификация труда даже при сокращении рабочего дня обеспечивают рост массы жизненных средств, рост реального (вещественного, включая услуги) потребления рабочих. Но при этом неизбежно падают стоимость и цена рабочей силы.

Повышение стоимости рабочей силы исключает возможность производства относительной прибавочной стоимости, т.е. действие непреложного закона развитого капитализма. Допустима, конечно, ссылка на то, что стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость могут расти одновременно при абсолютном удлинении рабочего дня и при растущей интенсивности труда без такого удлинения. Если же одновременно растет производительность труда, повышение стоимости рабочей силы может произойти тогда, когда действие первых двух факторов превышает действие последнего. Возникновение время от времени такой комбинации вполне допустимо. Закономерное же повышение стоимости рабочей силы (в качестве закона-тенденции) с развитием капиталистического производства невозможно. Удлинение рабочего дня и рост интенсивности труда как факторы увеличения вновь созданной стоимости, а следовательно, и ее составных частей имеют жесткую физическую границу. Рост производительности труда в принципе безграничен. Поэтому для капитализма характерна тенденция снижения стоимости рабочей силы, совмещающаяся с одновременным ростом уровня потребления рабочих.

Но какое же реальное значение для судеб рабочего класса имеет тенденция падения стоимости рабочей силы? Ведь повышение жизненного уровня рабочих неизбежно вытекает из роста производительности труда, что капитализм обеспечивает достаточно эффективно. Оказывает ли какое-то реальное влияние на положение рабочих падение стоимости рабочей силы? Да, оказывает. Причем гораздо более важное, чем рост жизненного уровня рабочих с развитием капитализма. Прежде всего, это ведет к более быстрому росту жизненного уровня капиталистов, чем рабочих. В отдельные периоды соотношение может быть обратным, но на длительных отрезках времени это обнаруживается явным образом. Но не это главное. Гораздо важнее другое.

Тенденция снижения стоимости рабочей силы, на наш взгляд, означает непрерывное, эволюционно протекающее исчезновение самой стоимости рабочей силы. Это тождественно изменению отношения наемного труда и капитала. В конечном пункте

это отношение перерастает в иную экономическую форму. Эта форма отрицает и само отношение наемного труда и капитала, и его стоимостное основание. Это происходит противоречиво. В частности, становление новой формы сопровождается усилением реального подчинения труда капиталу, господством монополий. Тем не менее эволюция отношения труда и капитала в свое иное не может не происходить.

Исторически трудно определить во временном аспекте конечный пункт перерастания отношения наемного труда и капитала во что-то иное. Но уже в современных «смешанных обществах» этот процесс довольно заметен. Пока господствует отношение наемного труда и капитала. В развитых странах лица наемного труда составляют около 80% трудоспособного населения. Тем не менее эволюция его качественного изменения, на наш взгляд, приобрела некоторые прочные формы. К их числу относятся, например, фонды социальной защиты, затраты государства на образование, медицину и другие, существующие во многих развитых странах. Эти общественные вложения в человека частично отрицают стоимость рабочей силы.

Падение стоимости рабочей силы при одновременном возрастании жизненного уровня выражает процесс эволюционного, непрерывно происходящего, незаметного для непосредственного наблюдения преобразования капиталистического отношения в более высшую экономическую форму. Это естественный процесс любого живого организма, к которым относится общественный организм. Таким образом, тенденция снижения стоимости рабочей силы ведет не к ухудшению жизненного уровня рабочих, а, во-первых, к росту такового и, во-вторых, к «социализации» в рамках капитализма, выражаясь словами К.Маркса, «к упразднению капитализма в рамках самого капиталистического способа производства».

Таким образом, законы соотношения цены рабочей силы и прибавочной стоимости выступают узловыми пунктами диалектики стоимости и потребительной стоимости капитала.

Прибавочная стоимость как неоплаченный труд далее противопоставляет себя уже не переменному капиталу и не цене рабочей силы, а оплаченному труду рабочего. Заработная плата — категория сущностного уровня капиталистических отношений. После окончания процесса производства произошло разделение новой стоимости на составные части — стоимость рабочей силы и

прибавочную стоимость. Кроме того, стоимость рабочей силы получает денежное выражение, т.е. такую форму, в которой она может вступить в процесс обращения и перейти от капиталиста к наемному рабочему. Следовательно, процесс производства прибавочной стоимости возвращается к исходному пункту и завершает незаконченный акт купли и продажи рабочей силы: цена рабочей силы возвращается ее продавцу. В этом реальном движении цена рабочей силы претерпевает еще одно реальное превращение — переход ее в форму заработной платы. Превращенность здесь состоит в том, что заработная плата приобретает форму цены труда, а точнее, форму оплаты за необходимый труд, которая выглядит как оплата всего труда. Моментом, опосредующим превращение цены рабочей силы в заработную плату, является количество уже затраченного рабочим труда, так как оплата совершается после акта производства. Заработная плата создает видимость того, что это цена не стоимости товара рабочая сила, а его потребительной стоимости. В этой превращенности содержится отрицание самого понятия стоимости.

Такое превращение происходит потому, что в процессе производства используется именно потребительная стоимость рабочей силы. А потребительная стоимость непосредственно представляет конкретный определенный полезный труд. Но конкретный труд функционирующей рабочей силы скрывает свою противоположность — абстрактный труд. Отсюда объективный характер видимости цены рабочей силы как цены труда.

В реальной действительности обнаруживаются явления, подтверждающие связь стоимости рабочей силы с величиной функционирующего труда, несмотря на всю их непосредственную неподобаимость. Это зависимость заработной платы от величины рабочего дня и от индивидуальных особенностей рабочих, от которых стоимость рабочей силы прямо не зависит.

В форме заработной платы стоимость рабочей силы оказывается непосредственно соединенной с потребительной стоимостью индивидуального рабочего, его полезностью для капитала. Между тем в действительности они отделены друг от друга во времени и в пространстве. Стоимость рабочей силы была определена раньше, до производства, и составляла определенное количество уже затраченного на производство рабочей силы труда. Кроме того, она определяется на макроуровне. Полезность рабочей силы состоит в ее позднейших проявлениях в ежедневной затрате живого

труда. Как и в простом меновом отношении, в действительном акте купли-продажи рабочей силы потребительная стоимость этого товара служит средством выражения своей противоположности — стоимости. В результате цена рабочей силы, соотнесенная со всем затраченным рабочей силой трудом, т.е. через посредующее звено — потребительную стоимость товара рабочая сила, — превращается в заработную плату.

Это достигается тем, что единицей меры заработной платы становится цена рабочего часа, равная частному от деления стоимости рабочей силы на длину рабочего дня. В цене рабочего часа и оказываются непосредственно соединенными друг с другом противоположные стороны товара рабочая сила, его стоимость и потребительная стоимость. В повременной форме заработной платы потребительная стоимость рабочей силы, т.е. текущая затрата труда, определяется через длину рабочего дня, а в поштучной — через количество произведенных продуктов. В том и другом случае затраты прошлого труда, или стоимость рабочей силы, прямо и непосредственно поставлены в связь с затратами живого труда, т.е. с потребительной стоимостью товара рабочая сила. Поэтому заработная плата является превращенной формой стоимости рабочей силы, вместе с тем она представляет собой конкретную форму единства стоимости и потребительной стоимости товара рабочая сила. В этой форме стоимость рабочей силы уплачивается рабочему не прямо, а пропорционально действительной (т.е. реализованной) потребительной стоимости его рабочей силы. Этим самым достигается ее превращение в форму оплаты труда, а оплата необходимого труда — в оплату всего затраченного труда.

Взятая только со стороны стоимости, заработная плата выступает как номинальная, взятая в единстве стоимости и потребительной стоимости — как реальная. Еще Д.Рикардо было установлено, что реальная заработная плата может расти при падении стоимости рабочей силы. Но и номинальная заработная плата тоже может увеличиваться при снижающейся стоимости рабочей силы. Ведь цена рабочей силы, как и всякая иная цена, лишь весьма приблизительно и косвенно отражает движение стоимости рабочей силы, она может изменяться в сторону, противоположную изменению своей собственной основы под влиянием посредствующих факторов, прежде всего стоимости денег. Противоречие стоимости и потребительной стоимости товара рабочая сила при-

нимает форму противоречия номинальной и реальной заработной платы. Таким образом, заработка плата, будучи формой стоимости рабочей силы, в то же время является результатом диалектики стоимости и потребительной стоимости товара рабочая сила. Последняя образует форму заработной платы тем, что создает объективную видимость превращения оплаты необходимого труда в оплату всего затраченного труда. А именно этим заработка плата отличается от цены рабочей силы. Через такое действие обнаруживает себя новая определенность потребительной стоимости переменного капитала, содержащее обогащение его полезности.

Доход современных рабочих помимо стоимости рабочей силы состоит из социальных выплат, о чем упоминалось. Это разнородные формы, на наш взгляд. В стоимости рабочей силы не обнаруживаются «гены» социальных вложений. Все ее содержание исчерпывающее реализовывается в заработной плате. Социальные фонды выражают развитие экономического организма, его постепенную эволюцию в посткапиталистическое общество.

В заключение остановимся на связи величины стоимости рабочей силы и величины заработной платы. Неизбежный вывод из трудовой теории стоимости о снижении стоимости рабочей силы на первый взгляд не согласуется с фактом увеличения номинальной заработной платы. Реальная заработка плата может и должна расти наряду с непрерывным падением стоимости рабочей силы. Это доказывается с помощью трех законов Д. Рикардо, о чем говорилось выше. Однако номинальная заработка плата растет тоже, хотя на основе роста производительности труда она, как денежное выражение стоимости любого товара, должна была бы падать. Одновременно мы имеем дело с частным случаем более общей проблемы соотношения динамики стоимости и динамики цен на основе технического прогресса. Казалось бы, они за длительный промежуток времени должны обнаруживать одинаковую направленность. Но далеко не всегда это происходит. Не затрагивая вопрос о трудности сопоставления цен различных товаров за длительный период из-за изменения качества и ассортимента товаров, уровня подготовки и квалификации рабочих, что довольно очевидно, остановимся на двух моментах, ускользающих от внимания.

Во-первых, масштаб измерения цен должен изменяться в течение длительного времени. Если взглянуть на общую динамику, т.е. на макропроцесс, то рост населения происходит быстрее, чем

добыча золота. Количество золота на планете увеличить нельзя. Основные запасы его уже разведаны. После ввоза золота в Европу в результате открытой Колумбом Америки и освоения южноафриканских и российских запасов радикальные изменения цен товаров вследствие изменения массы золота маловероятны.

За длительный период времени рост населения должен привести к росту количества труда, воплощающегося во всей произведенной товарной массе. А количество труда, вложенного в золотодобычу, не может расти точно в такой же пропорции. Так как цены находятся в прямой зависимости от величины стоимости товара и в обратной зависимости от стоимости золота, то при росте первой и относительном падении второй рост цены должен неизбежно обгонять рост стоимости всей товарной массы. Это не только не отвергает трудовую теорию стоимости, но и является неизбежным ее следствием.

Соотношение величины стоимости и цены отдельных товаров не такое, отчасти даже прямо противоположное. Прежде всего, это происходит из-за расхождения динамики стоимости всей товарной массы, определяемой ростом занятого населения, и стоимости отдельного товара в результате роста производительности труда. Количественная зависимость труда и цены, помимо общего объема труда, содержащегося в товарной и золотой массе, опосредуется неодинаковым ростом производительности труда в различных отраслях. Это меняет относительные цены товаров.

Помимо неодинакового изменения стоимости всей товарной массы отдельных товаров на номинальное денежное выражение стоимости оказывает влияние не только стоимость золотого запаса страны, но и судьба национальных валют. За длительный период одна национальная валюта меняет довольно резко золотое содержание денежной единицы. Чаще всего это происходит под влиянием внеэкономических событий — политических, природных и других катализмов, сильных инфляций. Таким способом выражается либо изменение страны в мировой экономической среде, либо внутриполитические изменения.

§ 3. Развитие определений потребительной стоимости капитала в процессе его накопления

Потребительная стоимость капитала играет важную роль в характеристике положения рабочего класса, определяемого про-

цессом накопления капитала, исходным пунктом исследования которого выступает простое воспроизводство.

Простое воспроизводство капитала — это воспроизводство капитала и по стоимости, и по потребительной стоимости. Результатом его является воспроизводство капиталистического богатства в виде массы товаров, отдельный представитель которой ранее выступал исходным пунктом системы. Потребительная стоимость воспроизводится не просто в своей натурально-вещественной форме и не просто как вещественный носитель старой и новой стоимости, а как потребительная стоимость капитала — сила, отделяющая производителей от средств производства.

Результатом простого воспроизводства является не только воспроизводство вещественного богатства и производительных сил, но и воспроизводство самого капиталистического отношения — капиталиста на одной стороне, наемного рабочего — на другой. Капиталистическое отношение воспроизводится как по стоимости в форме сохранения старой и создания новой, в том числе и прибавочной, стоимости, так и по потребительной стоимости, порождая и доставляя капиталу источник этой прибавочной стоимости в виде специфической потребительной стоимости товара рабочая сила.

В расширенном воспроизводстве прибавочная стоимость распадается на две части: капитал и доход, различающиеся с точки зрения стоимости лишь количественно. Качественно же они приобретают определенность благодаря своей целевой направленности: часть прибавочной стоимости, инвестируясь в дополнительные средства производства и рабочую силу, продолжает процесс увеличения стоимости и становится непрерывно действующим капиталом, а другая ее часть становится доходом благодаря превращению в предметы потребления капиталиста.

Накапливаемая часть прибавочной стоимости (нераспределенная прибыль) является единственным источником чистых инвестиций. Кредиты не меняют суть дела, а лишь изменяют пространственно-временную форму прибавочной стоимости, так как погашаются из этого источника. Сбережения, к чему сводится проблема инвестиций в майнстриме, нельзя считать источником инвестиций, кроме некоторой их части. Частично сбережения одной части населения используются в качестве потребительских кредитов другой части. В проблеме сбережений и инвестиций не разделяется обращение денежных сумм, равных вкладам в сбере-

гательные банки и другие финансовые институты, и движение реальных инвестиционных товаров и кругооборот их стоимости. Сведенная к движению денежной массы (наличной и безналичной), проблема инвестиций серьезно запутывается, чему положил начало Ж.Б. Сэй. Наиболее глубоко ее понял, на наш взгляд, Д.М. Кейнс, но и он рассматривал ее в координатах «сбережения — инвестиции».

В отличие от мейнстрима трудовая теория стоимости отобразила проблему накопления (инвестиции) в чистом виде, т.е. при абстрагировании от обращения денежных потоков в экономике. Инвестиции раскрываются только как момент реальной экономики. Деньги лишь опосредуют инвестиционный процесс, ускоряя либо замедляя его, влияя на количественные параметры, но не на его природу. Поэтому они затемняют процесс накопления. Отсюда возникает необходимость его анализа при абстрагировании от денежных потоков.

При единственном источнике накопления капитала существует ряд факторов (помимо денег), влияющих на процесс накопления. Все они основаны на взаимодействии стоимости и потребительной стоимости капитала. Первый фактор — норма прибавочной стоимости, как известно, происходит из различия стоимости и потребительной стоимости товара рабочая сила. Другим фактором накопления является уровень производительности общественного труда. Здесь особенно ярко проявляется специфическая полезность капитала как разностороннего средства накопления. Ведь производительная сила труда, как отмечалось выше, характеризуя особенности труда, прямо выражается через потребительную стоимость как таковую, т.е. через массу произведенных продуктов. Включенная в процесс накопления капитала, она превращается в экономическое отношение.

С одной стороны, рост производительной силы труда снижает стоимость рабочей силы, постоянного капитала и предметов потребления капиталистов, с другой стороны, увеличивает норму прибавочной стоимости, количество специфической потребительной стоимости — наемного труда и средств производства, а также индивидуальное потребление капиталистов без увеличения стоимости фонда потребления и, следовательно, без уменьшения фонда накопления. При этом первоначальный капитал воспроизводится в более эффективной форме, в которой он усваивает общественный процесс.

Увеличение массы потребительных стоимостей как таковых вследствие роста производительной силы труда повышает стоимость капитала в двух отношениях: за счет все большего переноса старой стоимости увеличивающейся массы средств производства тем же самым трудом увеличивается старая стоимость, а за счет роста количества занятых рабочих увеличивается создаваемая ими новая стоимость.

Таким образом, форма взаимодействия двух различных потребительных стоимостей капитала — средств производства и функционирующей рабочей силы — оказывает решающее влияние на размеры возрастания капитала по стоимости. Кроме того, разница между применяемым и потребляемым капиталом, влияющая на размеры накопления, определяется также потребительной стоимостью части постоянного капитала. Наконец, величина капитала выступает в качестве фактора накопления именно потому, что от этого зависят размеры потребительной стоимости переменного капитала. Простой формой действительного накопления капитала является накопление при неизменном органическом строении.

Рассмотрение накопления капитала при абстрагировании от возрастания его органического строения позволяет выяснить целостную природу и внутренний механизм этого процесса. Накопление капитала теперь оказывается процессом, состоящим из ряда последовательных, взаимосвязанных, превращающихся друг в друга моментов. Вкратце этот процесс состоит в следующем. Исходным пунктом является превращение части прибавочной стоимости в капитал, т.е. в дополнительные средства производства и рабочую силу. Производство расширяется, растет спрос на труд. В определенный момент спрос на рабочую силу начинает превышать ее предложение. Это неизбежно вызывает рост заработной платы. В каких-то пределах рост заработной платы не препятствует росту прибавочной стоимости, так как большее количество рабочих производит большую новую стоимость. Но затем неизбежно наступает момент, когда увеличение заработной платы приводит к снижению массы прибавочной стоимости. В силу этого снижаются темпы накопления, производство сокращается, что в свою очередь вызывает сокращение спроса на рабочую силу и снижение заработной платы. Последнее означает увеличение прибавочной стоимости, которое позволяет увеличить ее капитализа-

цию и расширить производство. Процесс, таким образом, вернулся к исходному пункту.

Нетрудно заметить, что процесс накопления капитала в целом и его механизм состоят из восходящей и нисходящей линий, сменяющих друг друга. Процесс накопления капитала, в основе которого лежит отношение между переменным капиталом и прибавочной стоимостью, имеет циклическую форму.

В экономической науке проблема делового цикла относится к числу весьма непростых. Так, в теории Кейнса неполная занятость, вынужденная безработица связаны с циклическим функционированием рыночного механизма. Последнее происходит из циклических колебаний предельной эффективности капитала, которая колеблется из-за неуправляемой психологии делового мира. Инвесторы не умеют делать правильные расчеты, и их решения об инвестициях определяются «стадным чувством подражания», в результате образуется бесполезная затрата ресурсов¹. Характеристика делового мира вполне справедлива. Но это шаткая основа для объяснения такого устойчивого и постоянно повторяющегося явления, каковым является цикл. Советские экономисты правильно указывали на основное противоречие капитализма как основу цикла и кризисов. Но точности в этом было недостаточно. Внимание обращалось на оборот основного капитала и на закон тенденции общей нормы прибыли к понижению, но не на накопление капитала. Составная часть теории накопления, которая обосновывает причину, фазы, механизм экономического цикла, многими экономистами была попросту не замечена, как и теория денег. Парадоксально высказывание Й.Шумпетера о том, что у Маркса «не было простой теории экономического цикла. И ни одна из них не могла логически вытекать из его «законов» капиталистического процесса производства»². На самом деле цикл неизбежно возникает из стоимости, из противоречия между переменным капиталом и заработной платой. Нищета и катастрофы, о чём говорит Й.Шумпетер, к этому не имеют отношения. Цикл — это обычный способ жизнедеятельности рыночной экономики.

¹ Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 388—397.

² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. С. 78.

Накопление капитала при неизменном его органическом строении раскрывает существенные, фундаментальные черты процесса накопления. Зависимости здесь имеют достаточно четкий и точный характер, допускающий формализацию, реализованную в приводимой ниже динамической модели¹. В ней рассматривается динамика величин постоянного капитала c , переменного капитала v , прибавочной стоимости m , их приростов Δc , Δv , Δm . Неизменность органического строения капитала записывается с помощью условия:

$$\frac{c}{v} = \frac{\Delta c}{\Delta v}. \quad (1)$$

Норма накопления может быть выражена следующим образом:

$$n = \frac{\Delta c + \Delta v}{m}.$$

Выразим зависимость нормы накопления от нормы прибавочной стоимости $z = m/v$: при $z \rightarrow 0$ норма накопления стремится к нулю, при $z \rightarrow \infty$ — к единице. (Привычное обозначение m' изменено в целях удобства записи в формулах.) Эта зависимость может быть представлена следующим образом:

$$n = \frac{\Delta c + \Delta v}{m} = \frac{az}{az + 1}. \quad (2)$$

Параметр $a > 0$ тем больше, чем больше норма накопления при данной норме прибавочной стоимости, т.е. он показывает «интенсивность» накопления. В свою очередь норма прибавочной стоимости связана с соотношением спроса и предложения на рынке рабочей силы. Если спрос на рабочую силу, т.е. величина v , растет более высоким темпом, чем предложение, то норма прибавочной стоимости z падает. Наоборот, при опережающем росте предложения рабочей силы величина z возрастает. Эта зависимость имеет в модели вид

$$\frac{I}{z} = 1 + a(I_v - \tau), \quad (3)$$

¹ Модель разработана в 1986 г. в соавторстве с О.О. Замковым.

где $I_z = \frac{z + \Delta z}{z} \frac{(m + \Delta m)v}{(v + \Delta v)m}$ — темп роста нормы прибавочной стоимости;

$I_v = \frac{v + \Delta v}{v}$ — темп роста переменного капитала: τ — темп

роста предложения рабочей силы. Параметр $a < 0$ своим абсолютным значением характеризует «силу» реакции нормы прибавочной стоимости на изменения ситуации на рынке рабочей силы; его значение в конкретных условиях может быть оценено на основе данных статистики.

В модифицированном варианте модели неизмененным считается не отношение $\frac{c}{v}$, а отношение постоянного капитала c к вновь созданной стоимости $(v + m)$. Такое рассмотрение также может служить исходным пунктом анализа процесса капиталистического накопления, так как оно хотя и допускает некоторые колебания органического строения капитала, сохраняет неизменным его общий средний уровень и характеризует в определенном смысле «стабильность» условий капиталистического производства. Долговременные тенденции изменения параметров капиталистического воспроизводства накладываются на исследуемый процесс на дальнейших этапах анализа. В данном случае уравнение (1) заменяется в модели на уравнение следующего вида:

$$\frac{c}{v + m} = \frac{\Delta c}{\Delta v + \Delta m}. \quad (1')$$

Зависимости (1) — (3) или (1') — (3) образуют систему уравнений, из которой для каждого очередного года могут определяться Δc , Δv , Δm и соответственно c , v и m для следующего года. В зависимости (3) может быть учтено запаздывание «реакции» нормы прибавочной стоимости на соотношение между спросом и предложением рабочей силы: величина I_v в этой зависимости может относиться не к текущему году t , а к году $t - L$, где L — величина лага.

Модели (1) — (3) или (1') — (3) имеют довольно простую структуру, тем не менее она слишком сложна для аналитического исследования ее динамических свойств. С целью экспериментального изучения ее свойств необходим большой объем расчетов.

Результаты счета — темпы роста величин c , v и m , а также норма накопления n — представлены в графической и цифровой форме (цифры условные, взяты из моделей общественного воспроизводства К.Маркса). Динамика процесса накопления рассчитана за промежуток времени длиной 65 лет. При определенных соотношениях между параметрами темпы роста составляющих общественного продукта в модели подвержены циклическим колебаниям со стабильной или меняющейся амплитудой.

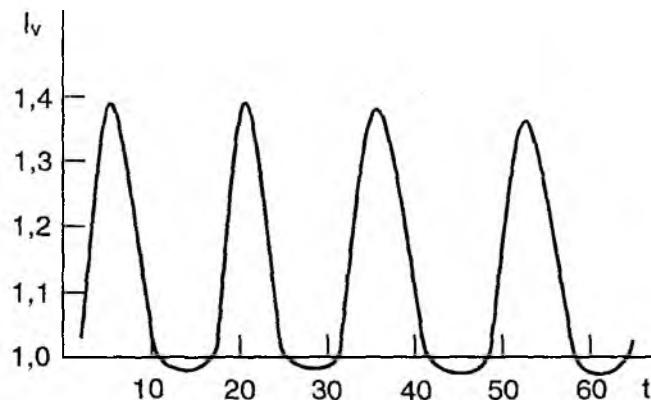

Рис. 1. Темпы роста переменного капитала I_v по годам в модели (1')—(3)

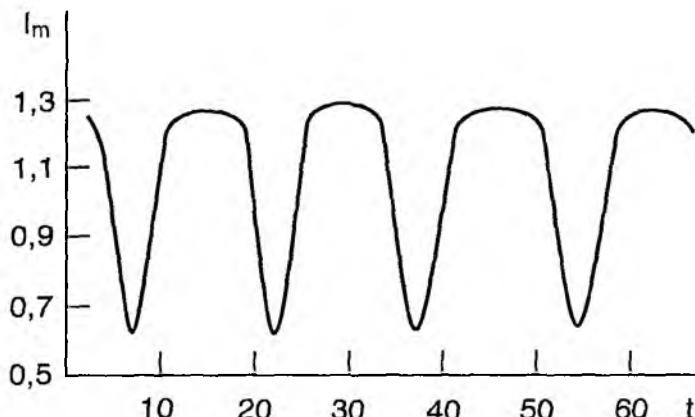

Рис. 2. Темпы роста прибавочной стоимости I_m по годам в модели (1')—(3)

В качестве иллюстраций полученных результатов расчетов по модели (1') — (3) были построены графики изменения темпов роста переменного капитала $I_v = \frac{v + \Delta v}{v}$ (рис. 1), и прибавочной

стоимости $I_m = \frac{m + \Delta m}{m}$ при $\tau = 1,12$; $a = -2$; $a = 1$; $L = 1$ и начальных значениях $c = 5500$, $v = 1750$; $m = 1750$ (рис. 2). Количественные уровни параметров здесь условны: величина τ , например, обычно меньше, чем 1,12, однако увеличение значений τ и $|a|$ по сравнению с фактическими позволяет более ярко проиллюстрировать динамические свойства модели, не искажая сущности отражаемых ею явлений.

Экспериментально просчитанные долговременные тенденции (за 65 лет) подтвердили циклическое изменение темпов роста переменного капитала, прибавочной стоимости и постоянного капитала, а также цикличность динамики их абсолютных значений.

Таким образом, циклическая форма движения процесса накопления определяется противоречием между оплаченным и неоплаченным трудом, который на данном этапе жизни капитала выступает в форме противоречия между заработной платой и прибавочной стоимостью. Но эта форма еще не завершена, не закончена. Она конкретизируется на последующих этапах жизни капитала. В частности, период цикла будет определен временем обновления потребительной стоимости основного капитала, что выявляется в обороте капитала, а полная характеристика всех фаз протекания цикла — в третьем томе, в отношениях конкуренции капиталов.

Из циклической формы накопления капитала становится ясным, что на восходящей стадии развития процесса необходим резерв рабочей силы, откуда ее можно черпать для расширения производства. На нисходящей — рабочая сила неизбежно выталкивается, превращаясь из активно действующей в промышленную резервную армию труда. Следовательно, последняя — неизбежное условие и результат накопления капитала, независимо от того, на какой технической основе оно осуществляется — на неизменной или на прогрессивно изменяющейся.

Обусловленность циклического характера капиталистического производства, его масштабов, заработной платы, кризисов и безработицы противоречием между заработной платой и прибавоч-

ной стоимостью относится к сфере сущности капиталистических отношений. Поэтому эти явления сопровождают историю капитализма, с тех пор как он стал господствующим способом производства. Колебательный, циклический характер движения заработной платы, изменения уровня жизни рабочего класса характерны и для современного капитализма.

Циклический характер производства и накопления капитала составляют основу накопления и при росте органического строения капитала (технический прогресс). Они входят в качестве внутреннего момента этой господствующей формы накопления капитала. Последней также присущи периодически повторяемая циклическость процесса и кризис как насильтственная форма разрешения противоречия, рождающего эти явления. «Как небесные тела, однажды начавшие определенное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно вовлечено в движение попеременного расширения и сокращения, постоянно повторяет это движение. Следствия, в свою очередь, становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности», — отмечал К.Маркс¹.

Вместе с тем рост органического строения капитала вносит ряд новых закономерностей в процесс накопления. Противоречие стоимости и потребительной стоимости капитала принимает иную форму. Увеличение капитала по стоимости отстает от его возрастания по потребительной стоимости, т.е. при той же самой стоимости происходит непрерывное качественное совершенствование и обновление вещественной структуры капитала, что имеет существенное влияние на размеры инвестиций, положение рабочего класса, занятость и уровень жизни населения.

Постоянное качественное обновление технической основы капитала, ускорение его роста приводят к тому, что избыточное население превращается в постоянный фактор производства, не исчезающий даже в периоды подъема. Теперь размеры отклонения заработной платы от стоимости рабочей силы определяются не только противостоянием труда и капитала, но и давлением незанятой армии труда на занятую, которое зависит от фазы цикла, но никогда не исчезает. Конкуренция незанятых и занятых рабочих усиливает предложение труда со стороны последних. Это вы-

¹ Маркс К.. Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 647—648.

зывает повышение потребительной стоимости функционирующей рабочей силы уже без увеличения и даже при возможном снижении ее стоимости.

Формы существования относительного перенаселения — текучая, скрытая и застойная — конкретизируют, дополняют характер отношения между активной и резервной частями рабочего класса. Эти формы существуют на всех фазах промышленного цикла, изменяясь лишь количественно на каждой из них. В определенной мере они связаны с законом роста органического строения капитала, постоянным техническим обновлением вещественной структуры капитала, а также структурным несоответствием между предложением незанятых рабочих и спросом на труд со стороны капитала. В современных условиях такое структурное несоответствие достигло значительных размеров. В обрабатывающей промышленности США не раз случалось, что число вакансий превышало число официально зарегистрированных безработных. И тем не менее безработица не уменьшалась, что вызвано не соотношением притяжения и выталкивания рабочих, а сущностной природой капитализма. В западных источниках широко применяется понятие структурной безработицы. Оно не является ошибочным. Но текучая, скрытая и застойная формы — все являются структурными и подробнее ее характеризуют. Кроме того, неверно считать структурную безработицу по аналогии с фрикционной «естественной». В отличие от последней это социальное явление. Рабочая сила неизбежно выталкивается из производства техническими нововведениями. Однако превратится она в безработных или будет переподготовлена и переведена на заглавовременно созданные рабочие места, как в плановой экономике, это зависит от экономической системы.

Со стороны стоимости положение рабочего класса определяется тенденцией стоимости рабочей силы к понижению. Эта закономерность определяется законами соотношения цены рабочей силы и прибавочной стоимости и является неизбежным следствием процесса производства прибавочной стоимости на основе роста производительности труда. При этом с точки зрения потребительной стоимости жизненный уровень рабочего класса абсолютно растет, но относительно жизненного уровня капиталиста — падает. Относительное падение жизненного уровня рабочих, несмотря на его абсолютный рост, имеет весьма существенное значение.

Определяющую роль в положении рабочего класса играет динамика стоимости рабочей силы, а не потребительной стоимости. Снижение стоимости рабочей силы тождественно росту прибавочной стоимости. Внутренний механизм капиталистического накопления доставляет рабочему (репрезентативному, выражаясь термином А.Маршалла) только стоимость рабочей силы и воспроизводит ее только в качестве товара.

Ведущая роль стоимости в данном случае приобретает тот смысл, что большая потребительная стоимость рабочей силы означает большую способность рабочего производить новый капитал. Отсюда то значение, которое в современных странах придается вложениям в «человеческий капитал». Как бы ни важно оно было для жизни каждого отдельного рабочего, возрастание его жизненных средств не может изменить реально усиливающуюся власть капитала над трудом, происходящую из уменьшения стоимости рабочей силы и увеличения вследствие этого прибавочной стоимости. Снижение стоимости рабочей силы тождественно усилинию могущества капитала, созданного трудом самих же рабочих. Власть над рынком монополий и олигополий — это не только власть над конкурентными предприятиями, но и над всем населением.

С неравным отношением людей к средствам производства связан неоспоримый факт, отмечаемый во всей западной литературе, даже и в учебной, резко имущественной дифференциации людей. Богатым странам это так же присуще, как и бедным. Обычно это справедливо связывают с недостатками рыночного механизма (за исключением экономистов крайне правого мировоззрения, которые не считают это недостатком). Но во всех случаях этот недостаток никак не объяснен теоретически. Устранение же его связывается с внешней силой, т.е. вмешательством государства. Это может смягчить ситуацию в прогрессивном направлении, но исчезнет отмеченный недостаток вместе с исчезновением рыночно-капиталистической системы.

ГЛАВА 5. ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ (ПОЛЕЗНОСТЬ) КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ЕГО ОБРАЩЕНИЯ

§ 1. Промышленный капитал как диалектическое единство стоимости и потребительной стоимости (полезности)

Основная проблема обращения капитала — это выяснение того влияния, которое оно оказывает на процесс возрастания стоимости. Самая абстрактная его форма — это кругооборот отдельно взятого капитала, на различных стадиях которого он принимает новые формы в виде денежного, производительного и товарного капитала. Эти формы представляют собой новый этап развития противоречия стоимости и потребительной стоимости капитала.

Денежный капитал представляет собой деньги, выполняющие строго определенную, специфически капиталистическую функцию — соединение разъединенных процессом производства его личных и вещественных факторов.

Капитальная стоимость, воплощенная в данном случае в деньгах, т.е. в потребительной стоимости золота (независимо от того, обращается оно или нет), становится денежным капиталом благодаря перевоплощению в другие, строго определенные потребительные стоимости — средства производства и рабочую силу. Вследствие этого денежный капитал в отличие от простых денег представляет собой единство стоимости и новой потребительной стоимости, заключающейся в новой специфической функции — соединении разъединенных факторов производства друг с другом.

В формах капитала, возникающих в кругообороте, особенно хорошо прослеживается суть потребительной стоимости капитала (или содержание его полезности). Будучи овеществленной в том или ином товаре, вещи, потребительная стоимость как чувственно воспринимаемое свойство остается неизменной. Но меняются ее социальные функции, составляющие содержание полезности капитала. Эту функцию вызывает к жизни, как правило, стоимость, которая является инициатором движения, и ей поэтому принадлежит господствующая, ведущая роль.

Новая социальная функция, которую на первой стадии кругооборота выполняют деньги, определена связью акта купли товаров со следующей стадией — стадией производства, что и составляет суть отличия любого производственного отношения от мате-

риально-вещественной формы. Последняя безразлична к связям с другими предметами, явлениями, а отношение же, напротив, само представляет эти связи.

В акте купли Д—Т—Р/Сп капитальная стоимость переселяется из золотой телесности в другие конкретно чувственные товары — рабочую силу и средства производства. В этом акте с самой стоимостью не происходит ни качественных, ни количественных изменений. И тем не менее меняется форма ее проявления, возникают новые формы капитала.

Деньги превратились в денежный капитал благодаря противостоянию их определенным специфическим потребительным стоимостям. Именно последние придали деньгам, воплощающим стоимость, новое качество — качество денежного капитала. Здесь возникает опасность отождествления потребительной стоимости с натуральным образом факторов производства, ибо без них нет того специфического производственного отношения, которое в данном случае возникает. Однако дело не в их натуральной предметности. Легко представить себе ситуацию, когда деньги превращаются, скажем, в средства производства производителя, применяющего только собственный труд. Но они в этом случае не превращаются в денежный капитал.

Из того факта, что факторы производства неизбежно разъединяются друг с другом в процессе накопления, а также то, что они оба являются товарами, вытекает сама необходимость их соединения. Если деньги выполняют эту роль (посредством своих обычных функций), то они тем самым выполняют новую экономическую функцию — соединение факторов производства. Таким образом, денежный капитал есть единство противоположностей — стоимости и потребительной стоимости, заключающейся в назначении денег выполнять отмеченную строго определенную функцию.

Производительный капитал есть превращенная форма денежного капитала. Стоимость по своей величине не претерпела в этом движении никаких изменений. Но она соединена теперь с совершенно другой потребительной стоимостью, чем в момент своего происхождения. Эта потребительная стоимость по своему натуральному образу есть сочетание средств производства и рабочей силы в строгой количественной пропорции, а по своему социальному назначению — функция увеличения авансированной стоимости. Обычно натуральная форма потребительной стоимо-

сти бросается в глаза, но упускается из виду ее специфическая роль, что и образует ее эмпирическую полезность.

Составные части производительного капитала ранее отличались как постоянный и переменный капитал с точки зрения их различия в процессе создания стоимости. Однако теперь это различие вывалируется тем, что обе эти части выступают как превращенные формы денежного капитала. В производительном капитале маскируется эта сущностная разнородность и начинает развиваться их однородность с точки зрения фаз движения капитала. В процессе производства и средства производства, и рабочая сила представляют собой товары, в которые превратился денежный капитал и где они одновременно функционируют с целью создания новых товаров, заключающих в себе новую стоимость. Отсюда рождается иллюзия равнозначности обеих составных частей производительного капитала в достижении конечного результата. Следовательно, функция создавать прибавочную стоимость принадлежит уже не одному составному элементу производительного капитала — рабочей силе, а всему производительному капиталу. Эта иллюзорность возникает из совместного и одновременного функционирования факторов производства.

Капитальная стоимость, покинув сохраняющую ее денежную форму, воплощается в факторах создания новой потребительной стоимости и новой стоимости. В результате образуется новая форма — производительный капитал. Его стоимость равна стоимости составных элементов. А его потребительная стоимость заключается в том, что он приводит в движение определенную величину прибавочного труда. Происходит реальный метаморфоз как потребительной стоимости, так и стоимости производительного капитала.

Производительный капитал затем превращается в товарный. Натуральная форма товарного капитала в виде средств производства или предметов потребления становится производственным отношением потому, что в них воплощена возросшая капитальная стоимость. Но только товарный капитал не просто овеществленная стоимость и прибавочная стоимость, а превращенная форма производительного капитала, т.е. в нем развивается то качественное содержание, которое было заложено в производительном капитале.

В этом переходе потребительная стоимость товарного капитала служит средством дальнейшего движения капитальной стоимо-

сти. Здесь, как и в простом товаре, натурально-вещественная форма готовых продуктов выступает в качестве предпосылки движения: возникшая в производстве новая и переносимая старая стоимость могут воплотиться только в данной натуральной форме и ни в какой иной. Это органическая связь процесса труда как такового и процесса самовозрастания стоимости, или производительных сил и производственных отношений. Ведь рабочий данной профессии и квалификации с помощью данных средств производства может произвести только определенный конкретный продукт и лишь в нем воплотить созданную им новую стоимость.

В качестве превращенной формы производительного капитала товарный капитал развивает дальше цель, заложенную в функционирующем производстве. Это не просто удовлетворение производительных и личных потребностей покупателей, но и превращение товарного капитала в денежный. В результате перехода формы потребительной стоимости из товарной в денежную происходит, во-первых, обратное возвращение авансированной первоначальной стоимости к исходному пункту (акт $T - D$) и, во-вторых, первое превращение прибавочной стоимости из ее первоначальной товарной формы в денежную. Это движение капитальной стоимости осуществляет потребительная стоимость товарного капитала. В качестве натуральности она удовлетворяет определенные потребности, но, прежде чем перейти в сферу потребления, она в процессе этого движения реализует специфически капиталистическую функцию, характеризующую ее как производственное отношение. И не просто капиталистическое отношение вообще, а отношение, присущее именно товарному капиталу.

Заключительный пункт движения $D' = D + d$ представляет собой результат без посредствующего движения, а поэтому капиталистическое отношение в иррациональной форме. Здесь в денежной форме выражен результат отношения между наемными рабочими и капиталистами как количественное отношение, как отношение различных частей стоимости в денежной форме.

Если потребительная стоимость простых денег заключалась в их функции всеобщего эквивалента, то в денежном капитале она, включая в себя эту прежнюю определенность, становится застывшим в деньгах результатом отношения капиталистов и наемных рабочих, результатом, который, кроме того, выражается еще и количественно как изменение самой стоимости. В итоге денежный капитал D' есть единство противоположностей: стоимости

как определенной величины прошлого присвоенного труда рабочих и потребительной стоимости как особого качественно отличающегося от других отношения, как застывшего в потребительной стоимости денег отношения наемного труда и капитала. В денежном капитале стоимость и потребительная стоимость достигают тождества.

В кругооборотах денежного капитала в целом капитальная стоимость проявляет себя как автоматически действующий субъект, который проходит в своем движении три стадии, на каждой из них принимает определенную норму, выполняет качественно определенную функцию и непрерывно сбрасывает эту форму, превращаясь в новую форму и выполняя новую функцию. Однако стоимость безлика и однородна. Качественное ее перевоплощение достигается только благодаря определенной потребительной стоимости, которая, сохраняя свою натуральность (золото, товары, факторы производства), в соединении со стоимостью начинает выполнять новую качественно определенную, отличную от других функцию в движении капитала. Результатом взаимодействия капитальной стоимости и потребительной стоимости капитала на данном этапе их развития является промышленный капитал. Их противоречие теперь принимает форму противоречия между непрерывностью движения, к чему стремится стоимость, и постоянными перерывами в этом движении, вызванными фиксацией ее в той или иной форме потребительной стоимости. Это новое противоречие теперь выражает отношение капитала к самому себе, хотя в нем в качестве внутренней причины заключено отношение капитала и труда.

В кругообороте производительного капитала превращение товарного капитала в денежный ($T' - D'$), с одной стороны, разрешает противоречие потребительной стоимости и стоимости (как во всяком акте купли-продажи), а с другой стороны, здесь возникают новые, обостряющие это моменты. Этот акт позволяет денежному капиталу подготовить условия для его самовозрастания ($D - T - P/Cp$), и производство продолжается далее. Но этим превращением отнюдь не завершается движение потребительной стоимости товарного капитала. Его стоимость отделилась от своей противоположности, и благодаря этому индивидуальный капитал продолжает функционировать. Между тем его потребительная стоимость, т.е. собственно товары, продолжает свое движение к потребности. Следовательно, хотя потребительная стоимость то-

варов уже превратилась в стоимость, но превратилась формально. В действительное потребление она может еще не войти и поэтому не обнаружить свою действительно общественную природу. В этом нарастающем противоречии двух сторон товара заключен отрыв производства от потребления. Для каждого индивидуального капитала размеры производства определяются «масштабом этого производства и потребностью в постоянном его расширении, а отнюдь не предопределенным кругом спроса и предложения, не кругом потребностей, подлежащих удовлетворению»¹. Несовпадение превращения товара в деньги с превращением стоимости в действительно общественную потребительную стоимость является одним из факторов, способствующих развертыванию кризисов.

Другой формой противоречия стоимости и потребительной стоимости в кругообороте производительного капитала является образование скрытого денежного капитала. Последний возникает в тех случаях, когда стоимость не может превратиться в ту определенную потребительную стоимость, которая продиктована процессом ее самовозрастания. Как правило, это связано с недостаточностью ее величины (скажем, для превращения прибавочной стоимости в дополнительный капитал) или с необходимостью запаса денег в виде сокровищ, чтобы избежать непредвиденных остановок в случае препятствий в сфере обращения, или при покупке факторов производства в кредит. Во всех этих случаях скрытый денежный капитал является как формой разрешения, так и следствием противоречия стоимости и потребительной стоимости капитала.

Оба отмеченных противоречия показывают абсурдность закона Сэя, согласно которому предложение рождает спрос. Это верно для ремесленников, работающих на заказ, но архаика такого рода далека от сложного рыночного механизма.

В кругообороте $P \dots T' - D' - T \dots P(P')$ исходный пункт представляет собой производительный капитал как непрерывно функционирующий процесс, где определенные потребительные стоимости участвуют в созидании стоимости. Заключительный пункт кругооборота отличен от исходного не только по величине. Здесь производительный капитал есть не производство, а результат сферы обращения. Взятые порознь, в руках продавцов, капиталистов или некапиталистов, ни C_p , ни P производительным капиталом

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 87—88.

не являются. В соединении, в сочетании друг с другом они образуют производительный капитал. При этом не меняется их стоимость, не меняется их натурально-вещественная сторона. Но превращению в производительный капитал товары Сп и Р обязаны новой полезности для капитала, которую они образуют при своем соединении.

В кругообороте товарного капитала $T' - D' - T \dots P \dots T'$ исходным, переходным и заключительным пунктами является товарный капитал, который, как и всякая форма капитала, имеет двойственный характер. Противоречие его стоимости и потребительной стоимости служит постоянным условием процесса воспроизведения, который дан этой фигурой кругооборота. Потребительная стоимость здесь выступает как носитель возросшей капитальной стоимости, функция которого — возвратить авансированную капитальную стоимость в ее денежную форму для подготовки условий производства и отделения от нее прибавочной стоимости. Кроме того, натуральная форма товарного капитала прямо нацелена на потребление, в том числе на индивидуальное потребление капиталистов и рабочих, где потребительная стоимость реализуется в своем натурально-вещественном свойстве. Поэтому условием превращения T' в D' является соответствие натурально-вещественной структуры товарного продукта потребностям. Так как связь с другими промышленными капиталами включена в кругооборот товарного капитала и является его внутренним моментом, то натуральная форма потребительной стоимости товарного капитала является предпосылкой связи капиталов друг с другом, т.е. приобретает самостоятельное значение.

Стремление достичь непрерывности в самовозрастании стоимости приводит к тому, что в исходном пункте капитальная стоимость воплощается одновременно в трех формах потребительной стоимости: в деньгах, в факторах производства и в товарной массе. Промышленный капитал совершает одновременно три кругооборота, одновременно находясь на трех стадиях, последовательно принимая и сбрасывая функциональные формы в каждой из фигур кругооборота, этой последовательностью достигая одновременности выполнения всех функций. В непрерывном движении капитальная стоимость реально обнаруживает себя как нечто отличное от меновой и потребительной стоимости. Меновые стоимости меняются непрерывно, в зависимости от соотношения

продавцов и покупателей на рынке, даже в случае отсутствия каких-либо изменений в производстве.

Стоимость действует как единый закон, определяющий все многообразные моменты кругооборота промышленного капитала. Потребительная стоимость, наоборот, не остается тождественной в кругообороте, непрерывно изменяя свои формы. Она изменяется либо формально, т.е. меняет свои функции при одинаковой натуральной форме, либо совершает действительные превращения, связанные с переходом ее в другую натуральную форму и противоположную функцию, как, скажем, превращение факторов производства в товарные массы.

В результате полезность представляет изменяющиеся качественные, а стоимость — тождественные самим себе признаки промышленного капитала. Посредством качественных изменений потребительной стоимости достигается количественный рост стоимости. Из этого следует, что без потребительной стоимости, только с позиций стоимости нельзя достаточно полно и адекватно отразить цель капитализма. Определение цели капитала как самовозрастания стоимости, производства прибавочной стоимости, выражая самые главные и существенные ее моменты, все же не является исчерпывающим. Цель капитала конкретизируется в понятии промышленного капитала как единства трех кругооборотов. Здесь она представляет собой иерархически субординированное единство трех различных моментов. Целью движения капитала является производство прибавочной стоимости, достигается это в процессе постоянно возобновляемого и расширяющегося производства; условием же получения прибавочной стоимости служит не всякое производство, а производство товаров такого качества и разнообразия, которые соответствуют многообразным потребностям покупателей. Это не три разные цели, а три момента одной и той же цели. Следовательно, все они достигаются одновременно. Доминирует над всеми моментами цели производства производство прибавочной стоимости, так как только это присутствует в каждом пункте кругооборота.

Кругооборот капитала вводит в действие новую силу, влияющую на возрастание стоимости. Она связана со скоростью превращения денежного капитала в товарный и наоборот, т.е. со временем обращения.

Время обращения ограничивает время производства. Но при этом возникает видимость того, что своим происхождением возрастание стоимости связано со временем обращения, так как его сокращение увеличивает время производства. Последнее же включает и время труда, и время перерывов в труде. А это в свою очередь обуславливает различия между активно функционирующим и скрытым производительным капиталом. Последний не участвует в создании новой стоимости, хотя и является необходимым условием этого. Исходным моментом разграничения этих форм производительного капитала является потребительная стоимость, так как без возникновения новой потребительной стоимости не создается новая стоимость и не переносится старая.

Время обращения зависит от состояния рынка, где действуют многообразные обстоятельства, не зависящие ни от стоимости, ни от потребительной стоимости данного индивидуального капитала. Тем не менее самая важная и трудная из метаморфоз — продажа — ограничивается физическим существованием потребительной стоимости в ее простейшей натуральной форме. Это абсолютный предел времени продажи, который совпадает со временем существования товарного капитала вообще и из которого вытекают направления развития торговых связей, их концентрация в определенных местах и т.п.

Затраты капитала в сфере обращения разграничиваются как чистые и дополнительные издержки обращения. Критерием их разграничения также является связь этих затрат с потребительной стоимостью. Если с ней не происходит действительных изменений, то не создается и стоимость, а затраты капитала связаны только с изменением формы капитала. Если же потребительная стоимость изменяется, то изменяется и величина стоимости, следовательно, имеет место продолжение процесса производства, требующее дополнительных издержек.

Чистые издержки обращения, с одной стороны, являются затратами стоимости, с другой стороны, это определенные носители этой стоимости. Постоянная их часть воплощается в помещениях магазинов, их оборудовании, торговом инвентаре, складских помещениях, денежном металле и во всем, что связано с его хранением, выдачей и т.п. Здесь за натуральной формой издержек обращения трудно разглядеть их социальную функцию, но зато ее легко обнаружить в переменной части чистых издержек. Их потребительную стоимость составляет труд торговых рабочих, спе-

цифическим содержанием которого является не создание стоимости, а, во-первых, превращение товаров в деньги и обратно (трансакции), во-вторых, экономия издержек обращения капитала, которую они осуществляют своим прибавочным трудом. Это представляет собой новый момент развития потребительной стоимости капитала. Хотя определенность этой форме придает потребительная стоимость (натурально-вещественная форма и ее особая социальная функция, или ее особая полезность), но инициатива в ее возникновении принадлежит все же капитальной стоимости, так как перемена формы совершается в целях ее самовозрастания.

Здесь следует отметить еще один новый момент развития потребительной стоимости как таковой, вытекающий из определенного уровня развития производительных сил и связанный с затратами по контролю и «мысленному обобщению» процесса производства.

Затраты на бухгалтерию, счетоводство существуют в любом развитом производстве. Этот особый вид деятельности не связан с социальной формой производства. Причем данный вид чистых издержек (не трансакционных) возрастает по мере роста общественного характера производства.

В дополнительных издержках обращения труд направлен на потребительную стоимость либо скрытого производительного капитала (запас средств производства), либо товарного капитала, а потому, увеличивая или сохраняя ее, присоединяет к ней новую стоимость и сохраняет старую стоимость. Образование запасов связано как с обеспечением непрерывности общественного производства, так и с его капиталистической формой.

Затраты капитала в транспортную промышленность, средства связи и другие отрасли производственной инфраструктуры создают новую стоимость и прибавочную стоимость, т.е. являются, по сути дела, отраслями производства, расположеными в сфере обращения. Эти отрасли создают стоимость вследствие того, что увеличивают потребительную стоимость, изготовленную в производстве, или производят новую. Увеличение потребительной стоимости заключается в изменении ее пространственного расположения. Это одновременно и развитие потребительной стоимости как таковой, возникновение ее новой формы — услуги, новой определенности потребительной стоимости капитала. «Там, однако, где транспорт имеет дело с *действительным обращением* товаров как потребительных стоимостей и отнюдь не является про-

стым актом их формального метаморфоза, идеального обращения, там примененный в нем труд имеет своим результатом *изменение потребительной стоимости*. А именно этим результатом является измененное *пространственное* бытие товара. И это является определением, которое относится к его потребительной стоимости», — пишет К.Маркс¹. Потребительная стоимость транспортных средств переходит также этот новый результат — измененное пространственное существование потребительной стоимости, поэтому к новой возникающей при этом стоимости добавляется стоимость транспортных средств.

§ 2. Развитие полезности (потребительной стоимости) капитала в процессе оборота

Различие в характере движения разных частей производительного капитала, обнаруживающееся при непрерывно повторяющем кругообороте, или обороте капитала, порождает две новые формы капитала: основной и оборотный. Непосредственно критерием разграничения этих форм является способ обращения стоимости, который обусловливается способом переноса стоимости факторов производства на новый продукт. Однако опосредованно здесь присутствует специфическая полезность или потребительная стоимость средств производства и товара рабочая сила. Сам способ переноса стоимости на новый продукт определяется характером движения их потребительной стоимости по отношению к новому продукту, а именно тем, сохраняет ли она свою самостоятельность при изготовлении нового продукта или теряет ее.

Потребительная стоимость части постоянного капитала (средств труда) раздваивается. Одна ее часть сохраняет свою самостоятельную форму при изготовлении нового продукта, а другая, изнашиваясь, превращается в потребительную стоимость этого продукта. Поэтому и стоимость этой части постоянного капитала раздваивается. Одна часть стоимости фиксируется в функционирующих орудиях труда, а другая переносится в новый продукт. После реализации продукта перенесенная часть стоимости постоянного капитала выпадает из обращения, прерывает свое движение, превращаясь в скрытый денежный капитал, до тех пор пока будет функционировать потребительная стоимость той части

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 327.

постоянного капитала, от которой она отделилась. Следовательно, противоречие стоимости и потребительной стоимости средств труда в процессе обращения приобретает сложную форму: частично стороны противоречия соединены в одном товаре, частично же пространственно разъединены друг с другом. Из этого взаимодействия стоимости и потребительной стоимости части постоянного капитала, представленной в средствах труда, в процессе его обращения рождается форма основного капитала.

Потребительная стоимость другой части постоянного капитала — предметов труда — целиком превращается в потребительную стоимость нового продукта. Она целиком вещественно входит в новый продукт и одновременно выполняет специфическую функцию переноса стоимости предметов труда.

Переменный капитал в форме живого труда потребляется целиком при изготовлении нового продукта. Конкретная и абстрактная стороны труда одновременно воплощаются в продукте. Придавая целесообразную форму предмету труда, сообщая новому предмету полезность конкретной своей стороной, труд в своем абстрактном свойстве застывает в продукте в форме новой стоимости. Так как потребительная стоимость и предметов труда, и рабочей силы затрачивается целиком, то после реализации продукта она должна быть восстановлена. Стоимость этих частей возвращается к исходному пункту, где она превращается в потребительную стоимость этих факторов, и обращение, таким образом, никогда не прерывается. Одновременность движения стоимости и потребительной стоимости предметов труда и рабочей силы образует форму оборотного капитала.

С образованием основного и оборотного капитала усложняется содержание потребительной стоимости как производственного отношения. Кроме чисто вещественного изменения, которое совершают факторы производства при изготовлении нового продукта, их потребительная стоимость выполняет социальную капиталистическую функцию — осуществляет перенос и обращение стоимости и прибавочной стоимости факторов производства. Эта функция является их полезностью. Вместе с предметным основанием они составляют потребительную стоимость факторов производства.

Если характеризовать формы основного и оборотного капитала исключительно со стоимостной стороны, то можно довольно легко обнаружить их отличия от постоянного и переменного ка-

питала, что исключительно важно для открытия источника прибавочной стоимости. Но абстрагирование в этих формах от полезности (потребительной стоимости) не позволяет увидеть единство тех и других форм капитала. А это затрудняет понимание причины того, почему простая смена формы — обращение — оказывается существенной для процесса создания прибавочной стоимости. Ведь различие между любыми явлениями возможно лишь тогда, когда имеется единство между ними. В противном случае говорить о различиях бессмысленно. Основной и оборотный капитал наряду с отличием от постоянного и переменного капитала заключает в себе и общность с ними, т.е. является превращенной формой последних. «...Особый способ обращения вытекает из того особого способа, каким данное средство труда передает свою стоимость продукту, или из той особой роли, какую оно в качестве фактора образования стоимости играет во время процесса производства. Способ этот в свою очередь сам вытекает из особенностей функционирования различных средств труда в процессе труда»¹.

Основной и оборотный капитал образуют две стороны противоположности, а их взаимодействие отражает внутреннее противоречие капитала. Одновременно это и новая форма противоречия потребительной стоимости капитала и его стоимости.

В физическом и моральном износе отражается движение потребительной стоимости основного капитала и связанное с ним движение стоимости, т.е. образование амортизационного фонда. Если физический износ характеризует потребительную стоимость с вещественной стороны, то моральный износ раскрывает ее в качестве общественного отношения. Потребительная стоимость средства труда может износиться при сохранении ее вещественной формы и при полноценности функционирования последней. Участие потребительной стоимости в формировании основного и оборотного капитала проявляется затем в дальнейшем определении оборота капитала как общего и реального оборота. Если общий оборот авансированного капитала характеризует воспроизведение капитала по стоимости, то реальный оборот определяет главным образом воспроизведение потребительной стоимости.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 179.

Процесс самовозрастания стоимости в непосредственном производстве носит циклическую форму вследствие колебательного характера отношения между оплаченным и неоплаченным трудом. Восстановление основного капитала по потребительной стоимости конкретизирует этот цикл со стороны его протяженности, так как это возвращает весь процесс к его исходному пункту. Оборот основного капитала не является причиной существования самого цикла и его исходной и главной фазы — кризиса. Он определяет периодичность их повторений, продолжительность цикла и его фаз¹. В этом обнаруживается зависимость между самовозрастанием стоимости и скоростью оборота капитала.

Если оборот основного капитала определяет продолжительность цикла и периодичность кризисов перепроизводства, то оборот оборотного капитала составляет момент внутренней жизни цикла, влияя на величину авансированного капитала и пропорции между его функциональными формами. В результате время оборота в целом прямо пропорционально величине авансированного капитала, а его структура, т.е. соотношение между временем производства и временем обращения, определяет пропорции между денежным, производительным и товарным капиталом, а также величины высвобождающегося или связанного капитала во всех трех функциональных формах. Длительность же времени оборота и его структура сами зависят от особенности натуральной формы потребительной стоимости. Таким образом, эта зависимость времени оборота от вещественной структуры капитала означает, что потребительная стоимость капитала на данном уровне ее развития выступает фактором формирования пропорций между функциональными формами капитала.

Оборот переменной части оборотного капитала раскрывает тайну этого загадочного для понятия стоимости явления, истинную природу тех новых сил, которые вводят в действие обращение безотносительно к процессу производства. Годовая норма прибавочной стоимости является точным и наиболее полным выражением влияния обращения на производство прибавочной стоимости. Глубинная причина этого влияния заключается в том,

¹ В теории Кейнса периодичность циклов также связана с «соотношением продолжительности срока службы капитального имущества длительного пользования и нормальных темпов экономического роста». Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 390.

что обращение порождает различия в самом источнике прибавочной стоимости — в переменном капитале. Это — различие между авансированным и действительно примененным переменным капиталом. Действительно, примененный или производительно потребленный переменный капитал — это капитал, взятый со стороны его потребительной стоимости, т.е. затраты живого труда. Ведь речь идет о производительном потреблении, где стоимость может быть элементом такового лишь в одном случае — в ссудном капитале. Поэтому везде, за исключением отношений ссуды, когда речь идет о потреблении, имеется в виду реализация потребительной стоимости. В силу этого с позиций только стоимости невозможно объяснить такой важный шаг в развитии прибавочной стоимости, в ее постепенном превращении в форму прибыли, каковой является годовая норма прибавочной стоимости, так же как ранее невозможно было объяснить без диалектики стоимости и потребительной стоимости тайну происхождения прибавочной стоимости.

Различие между авансированным и примененным переменным капиталом сводится к разнице времени оборота, отражая различие между активно действующим и скрытым капиталом. Авансированный переменный капитал превращается в действительно примененный капитал в той мере, в которой он функционирует в процессе труда. В перерывах труда он не создает прибавочной стоимости, хотя и занят в производстве.

Порождаемая оборотом дифференциация переменного капитала на авансируемый и примененный касается прежде всего его потребительной стоимости, поскольку отражает интенсивность превращения переменного капитала из своей денежной формы в форму потребительной стоимости — в активно функционирующий живой труд. При большой скорости оборота это превращение совершается быстро. При медленной же скорости, несмотря на то что новая стоимость создается в каждый период труда, она не может принять денежную форму, а затем обменяться на рабочую силу. В этом случае значительная часть переменного капитала находится в качестве скрытого авансированного денежного капитала.

Потребительная стоимость рабочей силы на данном этапе жизни капитала принимает новую форму в виде действительно примененного капитала, а ее противоречие со стоимостью рабо-

чей силы выступает в форме противоречия между действительно примененным и авансированным капиталом.

Наиболее существенно оно выражается в том, что из-за различия времени оборота приходится авансировать денежный капитал очень различной величины для того, чтобы при одной и той же степени эксплуатации труда приводить в движение одинаковую массу труда. А это в свою очередь усугубляет разрыв между стоимостным выражением жизненных средств, элементов производительного капитала и их потребительной стоимостью, в результате чего отмеченное противоречие становится фактором развития кризисов перепроизводства.

Обращение прибавочной стоимости превращает противоречие стоимости и потребительной стоимости капитала в противоречие между скрытым денежным капиталом и действительным капиталом. С точки зрения общества в целом накопление выдвигает проблему соответствия денежного накопления вещественной структуре всей массы производимых в обществе продуктов, что делает необходимым исследование законов этого соответствия, т.е. обращения всего общественного капитала.

Таким образом, обращение индивидуального капитала основано на диалектике стоимости и потребительной стоимости, развивая и сохраняя двойственность производства. Полезность является, как и ранее, активным атрибутом потребительной стоимости тех форм, в которых индивидуальный капитал выступает в обращении. Смысловое содержание полезности тождественно тем специфическим функциям, которые каждая из форм выполняет в своем движении. Как видим, полезность в трудовой теории стоимости определяется многообразно. Она не ограничивается тезисом о способности удовлетворять потребности. Кроме того, все богатство ее определений развернуто без обращения к субъективно-психологическим, не поддающимся объяснению аспектам. Напомним, что источником жизнедеятельности полезности является конкретный труд.

Сфера обращения — излюбленный срез исследований экономикс (мэйнстрима). Можно даже утверждать, что и единственный, поскольку производственная функция соединяет входы в экономику и выходы из нее, т.е. фиксированные результаты. В качестве таковых они характеризуются только с точки зрения выбора пропорций между ресурсами. Следовательно, производственная функция в действительности является параметром сферы

обращения. Готовый результат сразу же поступает в обращение, выдвигая проблему издержек, цены и дохода. Тем не менее при таком гипертроированном понимании обращения в микроэкономике отсутствует воспроизводственный подход. Ни кругооборота, ни оборота индивидуального капитала в моделях мэйнстрима не найти. Иногда можно встретить суждение о том, что фактор времени введен в экономику А. Маршаллом в форме различных краткого и долгого периодов. Однако до него это было сделано в трудовой теории стоимости К. Марксом, но содержательно иначе. Трудовая теория стоимости изучает долговременные аспекты, поскольку только таким образом выявляются экономические законы-тенденции. Время производства и время обращения; время оборота и его структура; различие форм капитала, вызванное неоднородностью времени производства; влияние длины и структуры оборота на пропорции между функциональными формами капитала и в конечном счете на прибыль и многое другое — все эти важнейшие для практики параметры выяснены трудовой теорией стоимости. Но они ускользают от внимания мэйнстрима, завороженного точкой равновесия. К равновесию и переходим. Выше это уже рассматривалось, поэтому теперь внимание будет акцентироваться на диалектике стоимости и полезности общественного капитала.

§ 3. Взаимопревращения стоимости и полезности (потребительной стоимости) в воспроизводстве общественного капитала

Понятие общественного капитала в трудовой теории стоимости значительно отличается от совокупного капитала и близкими к нему категорий макроэкономики в мэйнстриме. Переход от микроэкономики к макроэкономике в мэйнстриме осуществляется процедурой агрегирования соответствующих параметров. Целостный взгляд на экономику, конечно, является большим достижением теории, о чем говорилось в упоминаемой выше статье Баумоля. Теория Кейнса положила начало осознанному и целенаправленному восприятию экономики в целом (макроэкономике), т.е. тому, что в трудовой теории стоимости существовало всегда, в том числе и на классическом буржуазном ее этапе. Однако переход от части к целому в трудовой теории стоимости не осуществляется простым агрегированием. Это совершенно иной процесс, до которого мэйнстрим, на наш взгляд, не поднялся и

по сей день. Агрегирование микропараметров упускает главное содержание целостности — способ взаимодействия ее частей. По этой причине совокупный спрос (впрочем, и рыночный спрос микроуровня) и совокупное предложение, как и другие макроявления, оказываются в мэйнстриме в значительной степени содер-жательно ограниченными.

Общественный капитал представляет собой взаимосвязь и переплетение друг с другом кругооборотов индивидуальных капиталов. Основные закономерности его движения отражены в абст-рактной теории реализации. Она выясняет условия, при которых капиталисты реализуют индивидуальный товарный капитал, одновременно найдут на рынке элементы производительного капи-тала и предметы личного потребления, а рабочие купят необхо-димые жизненные средства. Эта задача, по существу, тождествен-на поиску форм разрешения противоречия между стоимостью всего совокупного общественного капитала и его полезностью. В мэйнстриме же аналогичный уровень теоретического описания экономики выражается условиями макроэкономического равно-весия агрегированных величин спроса и предложения.

Деление всего общественного капитала по стоимости на по-стоянный, переменный капитал и прибавочную стоимость, а по потребительной стоимости — на средства производства и предме-ты потребления характеризует его как единство противоположно-стей. Потребительная стоимость капитала теперь дифференциру-ется внутри себя на две существенные формы, а все производство с этой точки зрения — на два подразделения. Между двумя сто-ронами общественного капитала возникает противоречие, которое принимает форму противоречия между капитальной стоимостью, с одной стороны, и производительным и индивидуальным по-треблением — с другой.

В I подразделении производится новая стоимость, заклю-чающая в себе по цели индивидуальное потребление капитали-стов и рабочих этого подразделения, но она воплощена в такой натуральной форме, которая может быть использована лишь в производительном потреблении. Во II подразделении такого про-тиворечия нет, но оно существует в другой форме в той части продукта и подразделения, которая по стоимости равна стоимости постоянного капитала и предназначена для возмещения средств производства, но воплощена в предметах потребления.

Противоречие между стоимостью и потребительной стоимостью определенной части совокупного продукта I и II подразделений разрешается во взаимном обмене в форме основного условия воспроизводства: $I(v+m)=\Pi c$. Это условие определяет основную базовую пропорцию экономики, по отношению к которой все остальные пропорции являются производными. Оно же выступает в качестве первопричины равновесного состояния экономики, включая сбалансированность отраслей, межотраслевых пропорций, вплоть до равенства совокупного спроса и совокупного предложения.

Натуральная форма предметов потребления затемняет их экономическую (социальную) обусловленность. Сущность индивидуального потребления как рабочих, так и капиталистов определяется процессом накопления капитала, при котором всегда сохраняется антагонистическая дифференциация предметов потребления на необходимые жизненные средства и предметы роскоши.

Необходимые жизненные средства входят в потребление рабочих. Предметы роскоши входят в потребление только капиталистов. В данном случае натуральная форма предметов роскоши служит не просто эстетическим целям, а является свидетельством, непосредственным выражением принадлежности их владельца к классу капиталистов. Возникает дополнительная, чисто общественная потребительная стоимость предметов потребления подобно золоту, когда товарный мир вытолкнул его из своих рядов и заставил выражать их всеобщую субстанцию.

Противоречие внутри потребительной стоимости предметов потребления и содержащейся в них капитальной стоимостью разрешается в форме пропорции обмена $\Pi(a)_m > \Pi(b)_v$, где а — необходимые предметы потребления; в — предметы роскоши. Эта пропорция конкретизирует основную пропорцию обмена $I(v+m)=\Pi c$, подчеркивая специфически капиталистический характер последней в том, что (помимо детализации структуры II подразделения) I подразделение должно производить средства производства в такой натуральной форме, которая необходима для производства предметов роскоши.

Превращение значительной части прибавочной стоимости в предметы роскоши сопровождается превращением авансированного для их производства переменного капитала в денежный и

одновременно возможностью значительной части рабочего класса работать на это паразитическое потребление. Эта дифференциация потребительной стоимости рабочих сил служит в то же время фактором подталкивания кризисов.

Во время кризисов происходит сокращение прежде всего производства предметов роскоши и, следовательно, занятых здесь рабочих. В период же подъема повышается потребление необходимых жизненных средств. Поэтому объяснение кризисов несогласием между потреблением и производством, а также отставанием платежеспособного спроса от потребления не является убедительным. Как раз высокое потребление рабочих, рост их заработной платы выступают «в качестве буревестника очередного кризиса»¹.

Известны трудности, с которыми столкнулась классическая политэкономия при разграничении капитала и дохода. Она разделяла представление, будто то, что для одного является капиталом, для другого представляется доходом. В частности, это касается движения переменного капитала: в руках капиталиста он функционирует как капитал, в руках же рабочего — как доход. Стоимость не позволяет обнаружить ложность этой видимости. Лишь обращение к потребительной стоимости капитала позволяет понять, что в этом случае не переменный капитал дважды функционирует в разных ролях, а деньги.

Переменный же капитал, как отмечалось, сначала в руках капиталиста существует в качестве денежного капитала, где он выступает величиной не переменной, а постоянной, а потому это лишь потенциально переменный капитал в силу своего назначения. Действительным переменным капиталом он становится в форме функционирующей в производстве рабочей силы, составной части производительного капитала. А старая стоимость в форме денег превратилась в руках рабочего в его денежный доход, на который он приобретает жизненные средства. И этот денежный доход без увеличения затрат труда рабочего не увеличивается, а потому капиталом не выступает. Переменный капитал совершает три превращения: 1) его денежная форма превращается в рабочую силу; 2) в функционирующий в производстве труд, создающий новую стоимость; 3) в часть новой стоимости, вопло-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 464.

щенной в товарном капитале, представляющей эквивалент первоначально авансированных на куплю рабочей силы денег. В итоге капитал в форме денег, элемента производительного капитала, товарного капитала и снова в форме денег постоянно находится в руках капиталиста, поэтому нельзя утверждать, что он превращается в доход рабочих. В доход рабочего превращается не переменный капитал, а деньги, представляющие собой превращенную форму стоимости рабочей силы.

Кстати, заблуждение основоположников трудовой теории стоимости процветает в современном майнстриме. Особенно это характерно для проблемы «сбережения-инвестиции», о чем говорилось выше.

Переход от простого воспроизводства к расширенному предполагает сначала изменение вещественной структуры части прибавочного продукта I подразделения, предназначенного для накопления. Прежде чем произойдет увеличение производства, происходит перестройка структуры производства в рамках прежних масштабов сначала в I подразделении, а затем и во II. I подразделение должно создавать меньше элементов постоянного капитала для II подразделения и больше для собственного производительного потребления. Изменением натуральной структуры продукта I подразделения в пределах прежней стоимости создается основа расширенного воспроизводства сначала в этом, а затем и во II подразделении.

В теории воспроизводства общественного капитала речь идет о реализации совокупного продукта, об обмене различных его частей между крупными подразделениями общественного производства. Поэтому потребительная стоимость выступает здесь вновь непосредственно как «товарное» тело, как натуральные свойства продукта. Все остальные черты и свойства оказались на этом уровне как бы погашенными, завуалированными его непосредственно, чувственно воспринимаемой формой. Однако сам обмен лишь определенных частей всего общественного продукта указывает, что потребительная стоимость каждой из его частей должна соответствовать определенной цели, той или иной потребности, т.е. иметь полезность. Только в этом случае совокупный общественный продукт будет реализован.

Вместе с тем соответствие натуральных свойств продукта производительному или индивидуальному потреблению означает, что потребительная стоимость совокупного общественного про-

дукта есть, во-первых, само «товарное тело», его натурально-вещественная форма, во-вторых, специфическое экономическое отношение, заключающееся в данном случае в заложенной в товарном теле целесообразности, т.е. полезности или соответствии натуральных свойств продукта и его частей определенным потребностям. Потребительная стоимость совокупного общественного продукта представляет собой, таким образом, единство непосредственной натуральной формы и определенных социальных свойств — полезности. Если совокупный общественный продукт обладает такой потребительной стоимостью, он будет реализован. Следовательно, в этом случае будет достигнута непосредственная цель обмена не только с точки зрения потребителей, но и всего общественного капитала, а также отдельных капиталистов, реализующих свой продукт для самовозрастания стоимости. Поэтому цель как внутренний момент развития одной стороны совокупного общественного продукта — его потребительной стоимости — превращается в процессе реализации в цель, которую представляет собой вернувшаяся к исходному пункту самовозросшая стоимость.

В свете того значения, которое получают натуральные свойства вещи при возникновении форм капитала в обращении, становится ясным значение исходных определений потребительной стоимости. Натуральные свойства, природная определенность потребительной стоимости выступали тогда не просто как нечто, не интересующее политическую экономию и что устранилось из ее предмета. О них шла речь потому, что натурально-вещественная форма товара содержала в себе скрытый результат капиталистических отношений. Именно по этой причине неразвитая форма потребительной стоимости товара представляла собой предпосылку тех производственных отношений, в собственный момент которых ей предстояло развиться.

Исследование линии развития полезности в процессе взаимодействия индивидуальных капиталов показывает, что формирование народно-хозяйственных пропорций происходит на основе ее диалектики со стоимостью, образующих не одну точку, а узловую линию равновесных состояний. Она заключена в основной пропорции между составными частями стоимости и потребительной стоимости двух подразделений и ряда вытекающих из нее других фундаментальных пропорций воспроизводства. Из нее же определяется внутренняя структура каждого подразделения, но не

полностью, а главным образом как соотношение инвестиционных товаров и предметов потребления. Последнее, помимо прочего, включает пропорцию между жизненными средствами и предметами роскоши. Межотраслевые и внутриотраслевые пропорции производны от основной пропорции. При всей ее важности для каждого отдельного предпринимателя и потребителя разброс вкусов и распределение возможностей вторичны и производны от основных пропорций. Основные пропорции обусловлены объективно техническим уровнем экономики и ее социальным устройством. Вкусы и желания не в состоянии это изменить.

Взаимодействие индивидуальных капиталов завершается реализацией товарного капитала. Абстрактная теория реализации имеет ряд предпосылок, абстрагирующих от некоторых сторон этого взаимодействия. Они определены с большой точностью и не требуют анализа. Предпосылки в совокупности теорию воспроизводства общественного капитала позволяют рассмотреть при абстрагировании от процесса конкуренции. Следующий этап развития диалектики стоимости и полезности капитала осуществляется в сфере конкуренции.

ГЛАВА 6. ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ (ПОЛЕЗНОСТЬ) В ПРОЦЕССЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В ЦЕЛОМ

§ 1. Взаимодействие стоимости и потребительной стоимости (полезности) как основа процесса конкуренции

Развитие капитала к своей органической целостности из отношений труда и капитала, а затем процесса обращения переводит его в сферу отношений конкуренции. Конкретные формы, в которых он выступает на поверхности общества и в сознании субъектов, представляют собой дальнейшее развитие его противоречивого единства — стоимости и полезности.

Отношения конкуренции составляют завершающий этап внешней жизни капитала, где все предыдущее сжалось «до центра» и выступает как первопричина. Это относится и к отношению наемного труда и капитала (производству), и к пропорциям равновесия системы (обращению). Учение о конкуренции, т.е. о взаимодействии поверхностных, конечных, непосредственно призывающих к сфере практики форм капитала, составляет весьма обширную часть трудовой теории стоимости. Наиболее полно оно представлено в III томе «Капитала» К.Маркса. Роль полезности капитала в процессе конкуренции, ее функции в механизме конкуренции представляют тот аспект теории, который требует специального анализа, к чему мы и переходим.

Исходным пунктом выводения прибыли является обособление части стоимости в форме издержек производства через превращение затрат труда в затраты капитала. Начавшееся в непосредственном процессе производства, оно окончательно завершается в непрерывной сфере производства и обращения, поскольку при переходе из товарной формы в денежную, а затем и в производительную постоянный и переменный капитал в форме цены движутся совместно, не разъединяясь друг с другом. Вследствие этого другая часть стоимости превращается в прибыль, т.е. в форму, где она поставлена в соответствие не с переменным, а со всем авансированным капиталом.

Прибавочная стоимость превращается в прибыль непрерывно и постепенно. Начало процесса этого превращения заложено в непосредственном производстве, в самом понятии прибавочной стоимости и развертывается с самого ее рождения. «Генетически» необходимость перехода прибавочной стоимости в форму прибыли заключена в зависимости прибавочной стоимости от качественных особенностей средств и предметов труда, т.е. от полезности постоянного капитала. В сфере производства эта связь выражается через превращение производительной силы труда в производительную силу капитала.

Прибавочная стоимость не зависит от стоимости средств производства, но зависит от их полезности в двух отношениях. Во-первых, последняя определяет производительность живого труда, следовательно, заключенную в единице продукта новую стоимость. Во-вторых, от нее зависит пропорция, в которой рабочий день делится на необходимое и прибавочное время вследствие влияния производительности труда на стоимость рабочей силы.

Зависимость прибавочной стоимости, созданной потребительной стоимостью переменного капитала, от потребительной стоимости постоянного капитала служит объективным основанием соотнесения ее со стоимостью всего авансированного капитала. Таким образом, прибавочная стоимость превращается в прибыль через взаимопереход стоимости и потребительной стоимости капитала на всем протяжении его внутренней и внешней жизни. Но последняя здесь выступает не только в качестве посредника. В связи с тем, что в издержках производства капитал различается как затраченный на средства производства или на рабочую силу, т.е. лишь с точки зрения потребительной стоимости, то последняя выалирует различия в самой стоимости между постоянным и переменным капиталом.

В содержании конечного результата этого процесса — прибыли — диалектика стоимости и потребительной стоимости капитала выражается в зависимости величины прибыли не только от стоимостного размера капитала, но и от качественных моментов его функционирования.

Как всякая превращенная форма, прибыль тождественна своему содержанию, но одновременно обладает относительной самостоятельностью и независимостью от него. Это обусловлено тем, что кроме скрытого в нем отношения наемного труда и капитала прибыль включает в себя и отношение капитала к самому себе, а

в дальнейшем развитии — к другим капиталам. Отличие прибыли от прибавочной стоимости составляет суть всех ее превращенных моментов в форме зависимости прибыли от скорости оборота, экономии на постоянном капитале, цен на сырье, деловой активности капитала и его персонального представителя — капиталиста-предпринимателя. Все они, не затрагивая новую стоимость и прибавочную стоимость, влияют на новую потребительную стоимость, а через это — на прибыль. Скорость оборота, как это было выяснено раньше, изменяет соотношение между активно функционирующими и скрытым переменным капиталом, а поэтому рабочая сила по-разному проявляется в качестве источника прибавочной стоимости. Но последнее достигается повышением производительной силы труда, т.е. через полезность постоянного и переменного капитала.

Экономия в применении постоянного капитала повышает норму прибыли при неизменной прибавочной стоимости тем, что относительно уменьшает его стоимость за счет более интенсивного функционирования потребительной стоимости постоянного капитала. Она образуется при простом удлинении рабочего дня, повышении общественного характера труда, росте масштабов производства. Независимо от стоимости средств труда эффективность их использования в этом случае повышается. При одной и той же вещественной форме определенной части средств труда (зданий, машин, отопления, освещения) посредством роста его кооперации, разделения, комбинирования повышается полезность средств труда. В результате снижается стоимость единицы потребительной стоимости товаров.

Превращение отходов производства в новые элементы производства также повышает полезность постоянного капитала. Еще в прошлом веке это давало значительное сокращение издержек производства и рост прибыли, особенно в легкой промышленности и сельскохозяйственном производстве. В современном производстве уменьшение его отходов и внедрение безотходных технологий выступают не просто фактором повышения потребительной стоимости средств производства, но и в связи с сохранением экологического равновесия, угроза которому возникает со стороны мощного роста современного производства.

Норма прибыли повышается и в случае прямого снижения стоимости постоянного капитала в тех отраслях, где они производятся. Но и это снижение стоимости требует предварительного

изменения в производительных силах или изменения потребительной стоимости как таковой, что тотчас же превращается в изменение производственного отношения. Потребительная стоимость в данном случае совершенствуется в качестве момента процесса труда как такового, но это изменяет ее способность впитывать чужой труд и повышает норму прибыли. Вот в этом двойственном значении, натурально-функциональном и одновременно как средства впитывания чужого труда, выступает потребительная стоимость (полезность) постоянного капитала.

В процессе конкуренции капиталов прибыль превращается в среднюю, одинаковую для всех равновеликих капиталов прибыль, а стоимость товаров — в цену производства. При этом индивидуальный капитал как дробная часть общественного капитала присваивает ту часть всей прибавочной стоимости, произведенной всем общественным капиталом, которая приходится на его долю. Одновременно с этим потребительная стоимость товара превращается во всеобщую потребительную стоимость, или в потребительную стоимость в общественном масштабе.

Рыночная стоимость — это наиболее конкретный уровень развития стоимости, где она испытывает влияние конъюнктуры. Из первых определений стоимости могло сложиться впечатление, что она образуется по отношению к отдельно взятому товару. Анализ рыночной стоимости устраняет эту видимость. Рыночная стоимость первоначально формируется по отношению ко всей товарной массе. Стоимость же отдельного товара есть результат деления, а не наоборот.

Для определения рыночной стоимости, коль скоро в ней представлена вся товарная масса, существенными становятся размеры общественной потребности, соотношение между спросом и предложением, отношения внутриотраслевой конкуренции. «Общественная потребность, т.е. потребительная стоимость в общественном масштабе, — вот что определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства»¹.

Эти связи усложняют понятие общественно необходимого труда, обогащая его содержание. Конкуренция обнаруживает и определяет его как единство противоположностей. С одной сто-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 186.

роны, это общественный труд, действительно воплощенный в произведенной товарной массе и составляющей ее стоимость (ОНЗТ). Он является основанием предложения. С другой стороны, «необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл. Для удовлетворения общественной потребности необходимо столько-то рабочего времени»¹. Общественно необходимый труд во втором смысле (ОНЗТ) выражает объем и структуру общественной потребности, или потребительную стоимость в общественном масштабе. Он составляет основу спроса. Сопоставление общественно необходимого труда в первом и втором смысле определяет характер отклонения цены от рыночной стоимости или цены производства. Нетрудно увидеть, что раздельное, независимое и самостоятельное существование стоимости и потребительной стоимости, которое достигалось в простом меновом отношении, в конкуренции приобретает форму противоположности общественно необходимого труда в первом и во втором смысле.

Колебания спроса и предложения вначале отклоняют рыночные цены от цены производства, а затем само это отклонение стихийно уточняет и те затраты, которые становятся основанием рыночной стоимости.

Стоимость отдельного товара есть абстракция от рыночной стоимости. Поэтому связь с потребностью содержится в величине стоимости с самого начала, генетически, как предпосылка, которая в последующем развитии воспроизводится в качестве результата.

Потребительная стоимость в общественном масштабе также включает в себя отношения внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции. Межотраслевая конкуренция определяет долю рабочего времени, распределяемого между сферами производства, т.е. между массами разнородных потребительных стоимостей, а внутриотраслевая конкуренция — распределение рабочего времени в производстве однородных потребительных стоимостей. В цене производства, с одной стороны, стоимость достигает своего полного выражения через всестороннее отражение потребительной стоимости, которое теперь содержит качественную определенность не только отдельного товара, а всех товаров данной отрасли, и отношение товаров разных отраслей друг к другу, т.е.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 186.

настоятельность, значимость общественных потребностей по отношению друг к другу. С другой стороны, и потребительная стоимость в общественном масштабе наиболее полно проявляет себя через рыночную стоимость и цену производства.

Взаимное выражение стоимости и потребительной стоимости в конечном итоге заключается в том, что не только потребительная стоимость служит формой выражения стоимости, но и рыночная стоимость, являясь исключительно овеществленным общественным трудом, косвенно выражает и измеряет потребительную стоимость, ее полезность. Но не прямо и непосредственно, как изображена зависимость цены и полезности в неоклассической теории, а именно косвенно. Стоимостной способ взвешивания полезных эффектов, содержащихся в потребительных стоимостях товаров, сводится, во-первых, к тому, что общественная потребность через колебания спроса и предложения влияет на величину совокупной стоимости массы однородных товаров, а затем, через деление этой величины на фактически произведенное количество товаров, — на величину стоимости отдельного товара. Во-вторых, этот способ сводится к отклонению рыночной цены от цены производства под воздействием спроса и предложения.

Отражение в цене потребительной стоимости товара происходит через определение общественно необходимых затрат труда. Если общественно необходимые затраты выражаются как простая средняя из фактических, то достигнуть единства стоимости и потребительной стоимости невозможно. А следовательно, в этом случае цена не выражает и стоимость. Стоимость ведь лишь тогда соответствует своему понятию, когда товар обладает потребительной стоимостью для других. И если вначале единство двух сторон улавливалось через влияние производительности или интенсивности труда на стоимость и сведение сложного труда к простому, то в конкуренции оно выражается через дифференциацию внутри общественно необходимых затрат труда. Теперь они представляют собой единство противоположностей — общественно необходимых затрат труда в первом смысле (ОНЗТI) и общественно необходимых затрат труда во втором смысле (ОНЗТII), о чем говорилось в первой части книги.

Рыночная стоимость отражает отношение капиталистов друг к другу и к наемным рабочим в форме отношения продавцов и покупателей. Общественно необходимые затраты труда во втором

смысле (ОНЗТII), выраженные в форме денег или платежеспособного спроса покупателей, являются мерилом стоимости товаров. Но непосредственно они определяют не стоимости, а рыночные цены, ибо именно деньги указывают товарам их цены. В итоге же отклонений рыночной цены от цен производства определяются общественно необходимые затраты труда в отраслях, производящих товары (ОНЗТI). Это значит, что они образуются в результате приравнивания к общественно необходимым затратам в отраслях — потребителям этих товаров (ОНЗТII). В зависимости от величины ОНЗТII величину ОНЗТI образуют худшие, лучшие либо средние затраты труда. Если в основе последней оказываются лучшие затраты труда, т.е. наименьшие, то часть фактического труда оказывается израсходованной напрасно. Если же ее образуют худшие затраты, то отрасли-потребители «переплачивают» отраслям-производителям часть своей стоимости, перераспределяя ее в их пользу без эквивалента. Это случай, когда спрос слишком велик, а цена длительное время значительно превышала стоимость, не снижая при этом интенсивности спроса. В результате стоимость стали составлять наибольшие затраты.

Во взаимодействии спроса и предложения представлено отношение между стоимостью и потребительной стоимостью товара. Непосредственно стоимость выражает спрос, т.е. определенное количество денег. Одновременно (в скрытой форме) спрос представляет собой не только деньги, т.е. объем общественной потребности, но и определенные потребительные стоимости. Предложение непосредственно выражает потребительную стоимость, а опосредованно — стоимость, стремящуюся воплотиться в денежной форме. Таким образом, те отношения, которые первоначально выступали как отношения товара и денег, теперь приобрели форму отношения между спросом и предложением, покупателями и продавцами.

Отношение между предложением и спросом в форме взаимодействия между ОНЗТI и ОНЗТII выражает, в свою очередь, противоречие между рыночной стоимостью и потребительной стоимостью в общественном масштабе через соотношение ОНЗТ разных отраслей. Этот вывод позволяет понять ошибочность теории предельной полезности, исходившей из того, что в основе цены лежит предельная полезность как индивидуальное психологически определенное, субъективное предпочтение одних товаров другим, не имеющее отношения к труду. В форме противоречия

ОНЗТИ и ОНЗТИI в действительности же выражается противоречие между абстрактным и конкретным трудом, которые, будучи воплощенными в товаре, становятся его стоимостью и полезностью. Таким образом, оказывается, что превращение стоимости товара в цену совершается посредством превращения ОНЗТИ в ОНЗТИI. На стороне ОНЗТИ — непосредственно затраты труда определенной величины, а на стороне ОНЗТИI — общественная потребность определенного вида и объема. Это — эквивалент стоимости товара, созданного владельцами денег и реализованного.

Как следует из вышеизложенного, стоимость и цена производства состоят из труда, содержащегося в товаре. Они являются законом тяготения рыночных цен. В экономике аналогичная функция принадлежит равновесным ценам. Рыночные цены колеблются вокруг цены производства. Процесс колебания не содержит ничего, кроме перераспределения ресурсов, т.е. прошлого и живого труда. Теория цены оказалась строго монистической и непротиворечивой, так как на любом этапе содержание цены соответствует своему основанию стоимости.

Уровень функционирования рыночной экономики представляет ту сферу жизни экономики, где возможны и сопоставления, и заимствования истинных результатов конкурирующих теорий. Неоклассическая теория выбора, основанная на субъективных оценках, описывает правила распределения субъектами наличных ресурсов при заданном уровне цен. Так как трудовая теория стоимости заканчивает процесс выведения рыночной цены на основе цены производства, то именно в этом пункте возможны дополнения из теории выбора. Рыночная цена определяет предпочтения, замещения в покупках товаров покупателей при данной величине их расходов (ОНЗТИI). Теория выбора предпринимателей описывает распределение их ресурсов, образующих индивидуальные затраты труда. Внутриотраслевая конкуренция затем превратит их в стоимость. Становится ясно, что производственная программа индивида (предприятия) регулируется предельными издержками. Внутриотраслевая конкуренция выравнивает их в средневзвешенные (по количеству товаров). Они и составляют величину рыночной стоимости товара. Завершив процесс индивидуальными затратами труда, теория возвращается к исходному пункту. Ибо вначале в отдельном товаре обнаруживаются индивидуальные затраты труда, и лишь меновая стоимость указывает на всеобщность труда.

В реальной жизни рыночные субъекты определяют индивидуальный выбор эмпирически, методом проб и ошибок, опытным путем. Рыночный механизм, достигнув точки равновесия, независимо от субъективных решений обеспечивает пропорциональное распределение капитала и труда внутри отрасли, между отраслями, необходимые пропорции между количеством товаров и денег, доходов и расходов. Тем самым в нем запрограммировано и условие равновесного выбора субъектов, как конечное, и по отношению к субъектам, даже насилиственное следствие, из-за предопределенности рыночных цен. Если же в данном случае следствие представить как причину, то весь рыночный механизм будет искажен теорией.

Восприятие экономической жизни в сознании субъектов в реальной действительности принимает искаженную форму. Форму такого рода, в том числе и причины, и характер искажения, теория должна раскрыть. Маркс писал, что внешняя жизнь капитала выступает в той форме, «в которой они выступают на поверхности общества, в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном сознании самих агентов производства»¹. Последнее как раз и анализировала последовательно теория предельной полезности. Проникнуть в действительное содержание экономических процессов на основе представлений невозможно. Но трудовая теория стоимости все же эту субъективную сторону хозяйствующих субъектов отразила недостаточно. В этой связи интеграция некоторых положений мэнстризма дополняет трудовую теорию стоимости необходимыми деталями.

В ОНЗТII сконцентрирован объем общественных потребностей, но не точное их разнообразие. Это денежная масса, эквивалентная прошлому труду, должна воплощаться в многообразие потребительных стоимостей. Распределение совокупной потребности по конкретным разновидностям осуществляется, во-первых, под влиянием цен товаров, а во-вторых, под влиянием субъективно-психологических предпочтений потребителей. Эти направляющие определяют выбор потребителей при распределении их доходов. Второй момент изучен трудовой теорией слабо. В экономике же имеются позитивные результаты в этом отношении.

Превращение ОНЗТII в конкретные товары достигается посредством отклонения цен от стоимости. Как отмечалось выше,

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 29.

закон этих отклонений заключается в их взаимоуничтожении. Но это недостаточная картина отклонений. Ее в определенной степени дополняют модели ценового приспособления индивидов, разработанные в рамках мэйнстрима. Приспособления, краткосрочные по своей сути, заключаются в определении каждым индивидом предельной полезности (нужности, пригодности, желаемости) либо в определении предпринимателями предельных издержек и объемов выпуска. В результате образуется рыночный спрос как исходный пункт будущего производства. Количественно спрос выражается суммой денег, т.е. прошлыми затратами труда. Их распределение очерчивает круг конкретных потребителей. Таким образом происходит конкретизация ОНЗТII.

Развернутые в систему индивидуальных предпочтений, ОНЗТII превращаются в субъективную форму полезности. Общественное становится частным, индивидуальным. Распределенная в соответствии с субъективной полезностью сумма денег номинально (не-реально) становится ценой спроса. Подчеркнем еще раз, что распределение не меняет субстанцию объекта распределения. Субъективная полезность определенного товара или услуги, в основе которой лежит некоторая частица ОНЗТII, осуществляет номинальное превращение частицы общественного труда владельца денег в цену спроса на тот или иной товар. Посредством такого механизма потребность в общественном масштабе превращается в вектор конечного спроса.

Субъективной формой полезности завершается длительная жизнедеятельность потребительной стоимости или полезности товаров. В теории она составляет конечный пункт (далеко не одномерный) линии логического развертывания определений потребительной стоимости, в начале которой располагалось объективно-натуралистическое ее определение. В спиралевидном процессе познания конечный пункт возвращается к началу. Эта точка (отрезок вертикали) заключает в себе видимость, дающую неверную информацию о содержании объекта. Экономический процесс, протекающий между его началом (акт купли-продажи) и концом (цена спроса), содержит многообразие определений полезности товара и капитала, отражающих ее функции в их движении. Их удалось вывести из конкретного труда, который является источником полезности. Обратим внимание на то, что цена спроса служит исходным пунктом неоклассической теории; в трудовой теории стоимости она возникает лишь в конечных звеньях системы.

Конкуренция между покупателями цены индивидуального спроса превращает в цены рыночного спроса. Это означает еще один шаг номинального распределения доходов покупателей, т.е. их прошлых затрат труда. Конкуренция между продавцами выполняет аналогичную миссию, превращая индивидуальные цены предложения (выбор одной из альтернатив) в рыночные цены предложения, где предельные издержки становятся равными средним.

Конкуренция между покупателями и продавцами осуществляется методом проб и ошибок. Согласование потребностей и имеющихся на предприятиях ресурсов в конечном счете достигается через процедуру ценовых колебаний, равенство цен спроса и цен предложения. Взятые сами по себе, эти приравнивания кажутся иррациональными, поскольку равными оказываются несопоставимые величины — «желание» и затраты труда. В действительности же их основа однокачественная. Двойственный характер труда реализовал себя в такой конечной, а потому неизвестной форме. Приравниваются однокачественные и сопоставимые величины — труд прошлый (субъективная полезность в форме цены рыночного спроса) и труд настоящий (издержки производства в форме цены рыночного предложения).

Предельные издержки очерчивают границу приложения индивидуального капитала. Конкуренция приводит к тому, что стоимость воспроизводимых товаров определяют, за некоторыми исключениями, средние ОНЗТ. Предельные же издержки выражают процесс приспособления производителей к рыночным ценам на ресурсы и товары потребительского и инвестиционного назначения, определяя индивидуальную цену предложения.

Общая норма прибыли, образуемая в результате конкуренции капиталов, в процессе роста органического строения капитала имеет тенденцию понижаться. Выражающий эту тенденцию закон содержит систему внешних и внутренних противоречий.

Основываясь на глубинном противоречии стоимости и потребительной стоимости капитала, закон тенденции нормы прибыли к понижению оказывается двойственным. С одной стороны, рост производительной силы труда вызывает рост органического строения капитала, и это приводит к падению нормы прибыли. С другой же стороны, рост производительной силы труда увеличивает массу потребительных стоимостей, в том числе и средств

производства, которые позволяют занять в процессе накопления капитала большую массу труда и произвести большую массу прибавочной стоимости, что выражается в росте массы прибыли. Двойственность закона заключается в падении нормы прибыли и росте ее массы. В такой форме выразилось противоречивое влияние технического прогресса на прибавочную стоимость, который увеличивает ее норму, сокращая стоимость рабочей силы, и уменьшает ее массу, выталкивая рабочих из производства.

Капитал препятствует падению нормы прибыли, увеличивая свои размеры, в том числе переменную часть. Для того чтобы переменный капитал абсолютно возрастал при росте органического строения капитала, весь капитал должен расти быстрее, чем органическое строение. При этом решающее значение имеет рост именно полезности переменного капитала («человеческого капитала»), что может происходить при той же самой или даже при понижающейся стоимости рабочей силы.

Увеличение размеров капитала как требование, идущее от стоимости, усиливает аргументацию тезиса о крупномасштабном производстве как основе рыночной экономики. Ту же идею развивал и А. Маршалл. Сейчас она подвергается сомнению. Однако в трудовой теории стоимости и в неоклассической теории эта идея доказана и проверена весьма тщательно.

Противоречие нормы и массы общей прибыли имеет разные формы выражения в единице товара и во всей товарной массе, что связано с противоположным влиянием производительной силы труда на стоимость и потребительную стоимость товара.

С ростом производительности труда цена единицы товара падает. До известного предела это может сопровождаться увеличением в ней доли прибыли вследствие повышения нормы прибавочной стоимости. Но так как это не может бесконечно компенсировать сокращение числа рабочих, то при возрастании нормы прибавочной стоимости рост производительности труда на определенном уровне приведет к уменьшению и нормы и массы прибыли, заключенной в единице продукта. В этом выразилось его влияние на стоимость товара и на полезность рабочей силы.

Норма прибыли, содержащаяся во всей товарной массе, вследствие роста производительности труда понижается. Однако масса прибыли здесь увеличивается, так как благодаря превращению части прибавочной стоимости в переменный капитал эта

увеличивающаяся потребительная стоимость переменного капитала производит большую стоимость, которая воплощается первоначально во всей товарной массе. Увеличивается при этом и масса прибавочной стоимости, что и выражается в росте массы прибыли, содержащейся во всей сумме товаров. Понижение цен товаров и увеличение массы прибыли в возросшей массе удешевленных товаров есть не только форма проявления закона понижения нормы прибыли при одновременном увеличении ее массы, но и новая форма взаимодействия стоимости и потребительной стоимости товара.

Внешние противоречия закона, возникая из внутренних противоречий наемного труда и капитала, т.е. противоречий прибавочной стоимости, в то же время развиваются их. При этом вся система внутренних противоречий закона тенденции общей нормы прибыли к понижению развивается через взаимодействие стоимости и потребительной стоимости капитала, из которого на этом этапе возникают пределы самовозрастания стоимости.

Система внутренних противоречий закона тенденции падения общей нормы прибыли выражается в виде взаимосвязанных противоречий между падением общей нормы прибыли и накоплением капитала, между производством прибавочной стоимости и условиями ее реализации, между производительной и потребительной силой общества, между безграничными возможностями расширения производства и ограниченностью цели производства, между избытком капитала и избытком населения. Каждое из них представляет собой метаморфоз, через который проходят стоимость и полезность в процессе их взаимопревращения. Не имея возможности рассмотреть в целом эту систему, проиллюстрируем это лишь на некоторых элементах.

На понижение общей нормы прибыли и накопление капитала действуют противоположные силы. Например, с одной стороны, технический прогресс, сокращая число рабочих, подрывая источник прибавочной стоимости, ведет к снижению средней прибыли, приходящейся на равновеликий капитал, и сдерживает его накопление прежде всего тем, что затрудняет образование новых капиталов. С другой же стороны, технический прогресс вызывает также рост массы потребительной стоимости, в том числе средств производства, увеличивая тем самым возможность занять большее число рабочих, что расширяет накопление капитала.

Кроме того, снижение общей нормы прибыли ускоряет концентрацию и централизацию капиталов за счет разорения мелких и слабых капиталов, что в свою очередь приводит к снижению общей нормы прибыли, так как способствует росту органического строения капитала. В этих взаимосвязях обнаруживается взаимодействие производительных сил и производственных отношений. Поэтому и потребительная стоимость капитала присутствует в своем целостном содержании: и как таковая, как натуральная вещь (определенный уровень техники), и в своем специфически капиталистическом качестве, как средство впитывания прибавочного труда. Причем чисто техническое улучшение средств производства, а также улучшение организации производства, повышение квалификационно-профессиональной структуры занятых рабочих выражаются в большей способности капитала впитывать чужой труд, а это в свою очередь превращается в большую величину прибавочной стоимости.

Рост производительности труда всегда повышает потребительную стоимость капитала, прежде всего товарного и производительного, но снижает стоимость товара, обесценивая производительный капитал. В то же время повышение производительности труда благодаря развитию конкретного труда увеличивает количество овеществленного абстрактного труда: во-первых, путем сокращения необходимого и повышения прибавочного труда достигается увеличение стоимости посредством капитализации прибавочной стоимости; во-вторых, возросшая потребительная стоимость средств производства позволяет впитывать большее количество труда, что увеличивает прибавочную стоимость и превращается затем в дополнительный капитал. Одновременно это повышает органическое строение капитала, понижает норму общей прибыли и затрудняет накопление. Вместе с тем эта же причина обесценивает наличный капитал и задерживает понижение прибыли. Эти противодействующие друг другу тенденции периодически приводят к конфликтам, которые разрешаются в кризисах, в результате на какое-то время восстанавливается равновесие.

Вместе с бездействием или приостановкой производства, т.е. с уничтожением (частичным или полным) потребительной стоимости (полезности) капитала, подвергается разрушительному действию стоимость — обесценивается фиктивный капитал, увеличиваются сокровища, снижаются цены на непроданные товары,

обесценивается основной капитал. Кризис в одних случаях частично или полностью разрушает потребительную стоимость капитала, в других — его полезность, если вещественно капитал пригоден, но морально устарел. Тем самым конкуренция, принося в жертву какую-то часть капитала, спасает весь общественный капитал от более значительного понижения общей нормы прибыли. С избытком капитала в виде средств производства образуется и избыток населения, который является конкретной формой относительного перенаселения. Это друг друга обусловливающие «отводные каналы» накопления капитала, представляющие собой единство противоположностей и особенную форму противоречия стоимости и потребительной стоимости капитала.

В настоящее время в российских экономических и политических кругах наблюдается неизвестно откуда возникшая и по неизвестным причинам реанимированная вера в добродетельную силу конкуренции. Конкуренция стала едва ли не символом демократии, эффективности и справедливости. Конечно, это абсурдная вера. Напомним, что, как ни странно, оценка ее «добродетелей» была одинаковой у К.Маркса, А.Маршалла, Д.М. Кейнса и многих других известных экономистов. А.Маршалл писал о том, что «термин «конкуренция» отдает слишком большим привкусом зла...»¹ Сопоставляя конкуренцию с сотрудничеством на всеобщее благо, он пишет: «...даже лучшие формы конкуренции являются относительно дурными, а ее самые жестокие и низкие формы по-просту омерзительными»². Еще более негативно последствия конкуренции оценивал Д.М. Кейнс. Он определял «экономические причины войны, а именно — чрезмерный рост населения и конкурентная борьба за рынки. Именно второй фактор, который вероятно играл основную роль в XIX в. и может сыграть ее опять...»³ Как видим, теоретиков разных направлений и школ объединяет одинаковое понимание конкуренции как «войны всех против всех».

Таким образом, система внешних и внутренних противоречий закона тенденции нормы прибыли к понижению вырастает из процесса постоянных взаимопревращений стоимости и потреб-

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. С. 61.

² Там же. С. 64.

³ Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 456.

бительной стоимости (полезности) капитала, где та и другая развивают свои определенности.

§ 2. Потребительная стоимость (полезность) обособившихся форм капитала

Противоречие стоимости и потребительной стоимости, заключенное в товарном и денежном капитале, требует для своего разрешения специализации определенной части всего общественного капитала и определенного слоя капиталистов на выполнении формальных метаморфоз. Тем самым товарная и денежная формы промышленного капитала обособляются в товарно-торговый и денежно-торговый капиталы.

Переход товарного капитала из рук промышленного капиталиста в руки капиталиста-торговца не изменяет ни его натуральной формы, ни величины его стоимости, сформированной в производстве. Поэтому вещественно товарно-торговый и товарный капиталы тождественны. И все же это превращение рождает новые моменты и в стоимости и в потребительной стоимости общественного капитала.

Цель товарно-торгового капитала тождественна цели любого капитала и состоит в увеличении стоимости авансированного капитала. Средством достижения этой цели служит его особая, специфическая полезность. Товарный капитал в руках торговца вещественно тот же самый. Изменилась исключительно его полезность. Она состоит в его функции сокращения издержек и времени обращения для всего общественного капитала. Тем самым торговый капитал косвенно увеличивает производительность промышленного капитала и его норму прибыли.

Возникновение новой полезности товарного капитала вызывает существенные изменения в произведенной промышленным капиталом стоимости. Она не меняет своей величины, но происходит развитие ее составных частей, а точнее, составных частей цены производства. В структуре цены производства появляются новые элементы, а также изменяется целевое назначение определенных ее частей. Уменьшая затраты капитала на осуществление смены форм стоимости, товарно-торговый капитал создает тем самым себе участие в дележе прибавочной стоимости. Он присваивает ее часть в виде торговой прибыли, участвуя в образова-

нии общей нормы прибыли. Тем самым в конкуренции возникают различия внутри цены производства. Она теперь различается как цена производства промышленного капитала и действительная цена производства. Появление новых форм цены производства тождественно развитию самой стоимости, поскольку вне этих форм она не существует. Переход ее в новые формы цены производства есть этап развития самой стоимости, совершающийся в конкуренции посредством возникновения новой полезности капитала, а именно экономии издержек обращения, вследствие специализации части общественного капитала на выполнение актов купли-продажи. Импульс изменению стоимости поступил от полезности (функции) торгового капитала.

Помимо этого, другая часть прибавочной стоимости превращается в чистые торговые издержки, состоящие в свою очередь из постоянного и переменного капитала.

Со стороны стоимости авансированный переменный капитал в форме труда наемных торговых рабочих представляет собой затраты труда на воспроизведение рабочей силы, которые через опосредствующие звенья сводятся к стоимости жизненных средств рабочих. Отличие же переменного торгового капитала от переменного капитала в сфере производства происходит из различия их потребительных стоимостей. Наемные торговые рабочие не создают ни стоимости, ни потребительной стоимости, а осуществляют лишь их превращение друг в друга. Но не только это характеризует потребительную стоимость их рабочей силы. Специфически капиталистический характер этой формы потребительной стоимости состоит в том, что их труд экономит издержки обращения промышленного капитала, причем в прибавочное время эта экономия достигает размеров, превышающих стоимость рабочей силы. Поэтому своим прибавочным трудом торговые наемные рабочие создают для торгового капиталиста основу для участия в присвоении прибавочной стоимости. Следовательно, содержание переменного торгово-товарного капитала двойственno: стоимость объединяет его с переменным капиталом вообще, а потребительная стоимость, являясь специфическим производственным отношением эксплуатации, характеризует переменный торговый капитал с качественной стороны и отличает его от всех других форм.

Постоянное высвобождение и связывание определенной части капитала в процессе его обращения рождает еще одну обособившуюся форму промышленного капитала — ссудный капитал.

Как всякий капитал, ссудный капитал представляет собой результат взаимодействия стоимости и потребительной стоимости. Свообразие данной формы капитала заключается в тождестве этих противоположностей, которое было скрыто в товаре, а в ссудном капитале приняло конкретно осязаемую форму.

Стоимость ссудного капитала непосредственно предназначена для продажи и производительного потребления. Поэтому полезность ссудного капитала заключена в самой стоимости, а точнее, в одном из ее важнейших, имманентных свойств — способности к бесконечному и безграничному самовозрастанию. Здесь противоположность между стоимостью и потребительной стоимостью как бы растворяется в их тождестве: «... эта потребительная стоимость сама есть стоимость, именно превышение стоимости в сравнении с ее первоначальной величиной, превышение, получающееся вследствие употребления денег как капитала. Прибыль есть эта потребительная стоимость»¹.

Исходной и всеобщей формой ссуды является ссуда денежного капитала как всеобщей формы кругооборота. Кредитор, ссужая деньги, отчуждает дополнительную стоимость денег. Ссудный капитал существует не только в денежной, но и в других формах. В частности, для современного капитализма весьма распространенной стала ссуда в производительной форме, т.е. лизинг, например сдача в аренду ЭВМ, компьютерной техники, национализированных предприятий и т.п. Поэтому в разнообразных формах ссудного капитала проявляет себя стоимость в качестве специфической потребительной стоимости.

Стоимость ссужаемого денежного товара-капитала существует двояким образом: во-первых, непосредственно как определенная сумма денег, во-вторых, как цена, отличная от этой стоимости. Сумма стоимости отдается в ссуду без эквивалента и целиком возвращается в акте возврата ссуды своему владельцу как реализованный капитал с прибавочной стоимостью в форме ссудного процента. Он выражает цену этого товара-капитала, потребительную стоимость денег, в основе которой лежит не возвратившаяся стоимость, а ее способность производить прибыль, т.е. потреби-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 387.

тельная стоимость ссужаемых денег. Понятие цены здесь становится иррациональным и бессодержательным. Причем сама по себе иррациональность является следствием развития стоимости и потребительской стоимости в абсолютное тождество.

Вместе с тем это вызывает дифференциацию самого капитала на капитал-собственность и капитал-функцию и различие агентов отношения как ссудных и функциональных капиталистов. При этом превращение части прибыли в ссудный процент делает другую ее часть предпринимательским доходом.

Со стороны стоимости прибыль и предпринимательский доход представляют собой части прибавочной стоимости, различаясь лишь количественно. Но эта их характеристика недостаточна, так как ссудный процент непосредственно указывает на капитал как источник своего возникновения, отрицая свою связь с производством и отношением эксплуатации. Предпринимательский же доход непосредственно выступает как плата за выполнение функции управления процессом труда как таковым, т.е. как плата за «труд» капиталиста. Это делает форму предпринимательского дохода качественно одинаковой с заработной платой рабочего и выалирует его как части прибавочной стоимости. Отмеченная социальная определенность двух форм прибавочной стоимости выражает прежде всего их качественную особенность, конкретные черты каждой из них, то, чем данная форма прибавочной стоимости отличается от любой другой, т.е. их потребительскую стоимость. Вместе с тем последняя, выражая своеобразие каждой из них, маскирует их всеобщую, более глубинную стоимостную основу, скрывая их происхождение из прибавочной стоимости и одинаковое отношение к рабочим как ссудных, так и функционирующих капиталистов.

Отношение ссудного капитала углубляет противоречие частного и общественного труда. Собирая капитал отдельных капиталистов воедино и предоставляя право распоряжаться им, кредит способствует росту обобществления производства, ускоряет развитие материальной основы будущего способа производства. На основе кредита возникают переходные формы отношений — акционерные общества и кооперативные фабрики рабочих.

Переходный характер каждой из отмеченных форм отношений не означает «элемента» старой или новой экономической системы в чистом виде. Даже в кооперативных фабриках рабочих,

основанных на кредите самих рабочих, где оплата труда управляющих представляет собой их заработную плату, все же рабочие как ассоциация являются, по словам К.Маркса, «капиталистом по отношению к самим себе»¹. Переходность же отмеченных форм заключается в отрицании их частного характера, в непосредственно общественной природе этих форм. А это уже черты будущего способа производства. «Капитал, который сам по себе поконится на общественном способе производства и предполагает общественную концентрацию средств производства и рабочей силы, получает здесь (в акционерных обществах.— Р. З.) непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям»².

В акционерных обществах и кооперативных фабриках рабочих потребительная стоимость капитала становится непосредственно общественной. Это высший пункт развития противоречия стоимости и потребительной стоимости капитала в пределах капиталистического способа производства, означающий начало уничтожения самого этого противоречия и подготовку формы движения нового способа производства.

Кроме того, капитализм чрезвычайно развивает разнообразие производимых потребительных стоимостей как таковых, что служит моментом материальной подготовки новых отношений, целью которых выступает развитие самого человека.

При изучении сущности прибавочной стоимости обнаружилось, что ее величина зависит не только от производительной силы труда, но и от производительной силы природы, от природных факторов. Это указывает на необходимость выяснения специфики отношений, вытекающих из приложений капитала к сферам, где такие факторы входят в процесс труда, в частности в земледелии. Эта зависимость превращает прибавочную стоимость в форму земельной ренты.

Большая производительная сила труда, приложенная к участкам с повышенным плодородием или лучшим местоположением, обеспечивает большую новую стоимость, превращающуюся в до-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 483.

² Там же. С. 479.

бавочную прибыль. Она не исчезает, носит постоянный характер. В данном случае лучшие участки земли представляют собой более совершенное средство производства для впитывания большего количества труда и производства большей величины стоимости. Здесь «труд исключительно высокой производительной силы функционирует как умноженный труд, т.е. создает в равные промежутки времени стоимость большей величины»¹. Этот «умноженный труд» не выражается через определенное время в пониженной стоимости как в промышленности, потому что в земледелии конкуренция сталкивается с монополией на землю. Здесь появляется новая форма потребительной стоимости капитала, возникающая из приложения капитала к земле. Она выражается через ряд опосредующих звеньев (ограниченность плодородных участков земли, большая производительность труда или вложений капитала на них) в том, что на лучших участках производится избыточная прибавочная стоимость, которая, присваиваясь собственником этих участков, превращается в земельную ренту. В большей производительности труда на лучших участках реализуется большая эффективность конкретного труда, использующего лучшее в сравнении с худшим участком средство производства. Труд на худших участках выступает как простой, а труд на сравнительно лучших участках как более сложный создает и большую стоимость, производя добавочную прибыль.

Природные факторы изменяют механизм ценообразования. Невоспроизводимость ресурсов является причиной образования стоимости продуктов не при средних, а на предельных условиях. Предельные затраты труда составляют величину стоимости труда, применяющего невоспроизводимые природные факторы. Последнюю монополия на землю как на объект хозяйства превращает в дифференциальную ренту.

Монополия на землю действует еще в одном направлении, не позволяя выравнивать норму прибыли в сельском хозяйстве с общей нормой прибыли. Это монополия на землю как на частную собственность, играющая роль преграды для межотраслевой конкуренции. Она представляет собой форму потребительной стоимости капитала, так как характеризует особенность капитала, функционирующего в сельском хозяйстве в условиях сохранения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 329.

частной земельной собственности, отличающую его от других форм капитала. Стоимость, произведенная в таких условиях, соответственно изменяется тем, что часть ее прибавочной стоимости превращается в абсолютную ренту.

Земельная рента в трудовой теории стоимости раскрыта и обоснована на основе возрастающей отдачи от приложения капитала наialectическом этапе теории. Д.Рикардо ее связывал с законом убывающего плодородия земли, который является составной частью современных представлений в рамках майнстрима. В действительности же земледелие всегда развивалось посредством восстановления и повышения плодородия земли. Об этом свидетельствует рост населения.

Теория земельной ренты была выведена на основе возрастающей отдачи от земли на марксистском этапе трудовой теории стоимости. Закон убывающего плодородия земли был подвергнут критике К.Марксом и В.И. Лениным. Однако речь идет лишь о земле, плодородие которой доступно восстановлению и улучшению. О добывающей отрасли промышленности этого сказать нельзя. В добывающей отрасли производство имеет дело с невозновляемыми ресурсами. Их ограниченность, исчерпаемость и технологическая невосстановляемость приводят к падающей отдаче от приложения капитала и труда. Для этих видов производства характерна тенденция к убывающей отдаче. В основе цен на сырьевую продукцию лежат предельные издержки. Так как конкурентный распределительный механизм ограничен фактором невоспроизводимости ресурсов, то действие закона убывающей отдачи ведет к росту предельных издержек, а соответственно и цен на природное сырье.

Динамика предельных издержек в сельском хозяйстве и в добывающей промышленности различна: в первом случае они в долгосрочной перспективе уменьшаются, во втором — возрастают. Следовательно, динамика цен на сельскохозяйственную продукцию и на природно-сырьевую также не совпадают. Отсюда возникают и различия в механизмах земельной и природной ренты при общем характере их происхождения.

Таким образом, во всех конкретных формах капитала «особенная природа той потребительной стоимости, в которой существует стоимость или которая теперь является телом капитала, сама выступает здесь как то, что определяет форму и деятельность ка-

питала, придает капиталу то или иное особенное свойство по сравнению с другим капиталом, обосабляет его¹.

§ 3. Полезность и стоимость в трудовой теории стоимости и в маржинализме

Вернемся вновь к проблеме полезности и стоимости товаров в качестве подведения итогов. Остановимся на основных спорных аспектах проблемы, по которым расходятся решения трудовой теории стоимости (марксизма) и маржинальных концепций. Прежде кратко подведем итог позиции трудовой теории стоимости по этому ключевому вопросу.

Предпринятый выше анализ показал, что потребительная стоимость, благодаря заключенной в ней полезности, не является, по словам К.Маркса, «покоящимся свойством». Как простая, чувственно данная непосредственность потребительная стоимость определяется в качестве натуральной вещи (услуга — ее частный случай). Затем она раскрывается через опосредствование, роль которого сначала выполняет отношение к этой вещи отдельно взятого человека. В качестве отношения человека к природе потребительная стоимость последовательно определяется как полезность, полезная вещь и общественная потребительная стоимость. Эти первые определения касаются того содержания потребительной стоимости, которое она имеет в любом и во всех обществах. Однако, так как эти определения абстрагированы от элементарной формы бытия капитала — товара, они включены в систему производственных отношений как их предпосылка, но не «безвременная», а как предельная абстракция от капиталистических производственных отношений. Ее представляют соответствующие им производительные силы в таком их свойстве, как они обнаруживаются в отдельно взятой вещи.

Превращение потребительной стоимости как таковой в специфическое производственное отношение начинается с определения ее в качестве носительницы меновой стоимости. В этом качестве потребительная стоимость значит нечто большее, чем без него. Не всегда и не везде она выполняет эту роль, а лишь при определенных условиях. Однако здесь в явном виде еще нет специфически капиталистического отношения, так как такую роль по-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 2. С. 149.

потребительная стоимость играет везде, где существуют товарно-денежные отношения. И в то же время в скрытом виде в данном определении присутствует капиталистическое отношение. Ведь только при капитализме и исключительно при капитализме все потребительные стоимости непременно являются носителями меновой стоимости. Это специфическое производственное отношение, но лишь как наличное бытие, где можно увидеть не все, а лишь то, что доступно непосредственному восприятию. Поэтому отношение конкретно-чувственного образа потребительной стоимости к ее специфически социальной функции пока внешнее, безразличное, как связь носимого и носителя, которая не происходит из их внутренней природы. Таким образом, важнейшим методологическим принципом является подход к потребительной стоимости как диалектической, непрерывно развивающейся категории.

Другим методологическим принципом выступает способ развития рассматриваемой категории, отображающий движение определенной ступени изучаемого производственного отношения. Это — раздвоение единого на противоположности и их взаимодействие как источник развития объекта и отображающих его категорий. Выражая самую основную суть диалектического принципа развития, этот принцип является всеобщим, независимым от экономической системы. Применительно к изучаемой нами проблеме он заключается в том, что потребительная стоимость и стоимость, образуя противоположные стороны товара, тем не менее составляют единство главным образом тем, что через взаимодействие друг с другом и взаимопереход осуществляют самих себя в бесконечном процессе своих изменений, вплоть до самоотрицания. Одна сторона товара служит средством развития другой, и наоборот. По сути дела, отрицанием диалектики является распространенное понимание, согласно которому необходимо рассматривать это развитие только как саморазвитие стоимости, а потребительная стоимость при этом остается неизменяющейся.

В процессе взаимодействия стоимости и потребительной стоимости товара непрерывно развиваются обе стороны. Экономическим отношением является при этом и товар в целом, и каждая из его противоположных сторон, характеризуя целостное товарное отношение с разных аспектов. Противоположные стороны товара, взаимодействуя друг с другом, образуют противоречие, которое и представляет тот источник движения, благодаря

чему оно достигается. Суть этого взаимопревращения состоит во взаимопревращении противоположных сторон друг в друга.

Взаимопревращение противоположных сторон возможно тогда, когда они в потенции содержат в себе друг друга. Не только отрицательно, т.е. в том смысле, что одна сторона — стоимость — есть то, что не есть другая сторона — «не потребительная» стоимость, и наоборот. Они содержат друг в друге свое инобытие, свою противоположность и положительно. Положительное присутствие каждой из сторон, в частности, выражается в том, что изменение стоимости немедленно вызывает и сопровождается изменением другой стороны — потребительной стоимости. Целое разделяется на противоположности по принципу дополняемости сторон. Их единство осуществляется не простым совместным существованием, а тем, что одна сторона содержит именно то, что отсутствует в другой. Поэтому возможно их взаимодействие, и противоречие между ними представляет собой источник развития. Противоположность стоимости и потребительной стоимости сводится к такому взаимодополнению друг друга. В качестве единства противоположностей стоимость содержит то, чего не содержит потребительная стоимость, и наоборот.

В процессе взаимодействия стоимости и потребительной стоимости осуществляется их взаимопревращение. Тем самым они оказываются тождественны друг другу. В пунктах этого тождества образуется скачок в развитии каждой из сторон и благодаря этому экономического отношения в целом. Так, товар превращается в деньги, деньги — в капитал, капитал затем дифференцируется в постоянный и переменный капитал и т.д. Здесь важны два обстоятельства. Во-первых, противоположности оказываются тождественными благодаря общей основе. Так, стоимость есть воплощенный в вещи одинаковый, абстрактный труд, а потребительная стоимость — воплощенный в этой же вещи особый, конкретный труд. Поэтому возможно их взаимодополнение и «удержание» друг в друге. С этих позиций предельно ясной становится ошибочность подхода теории предельной полезности, воспринимающей полезность как нечто «не трудовое», как субъективную либо групповую (у Д.Б. Кларка), и еще более не поддающуюся рациональному объяснению оценку блага, вещи. Во-вторых, в момент тождественности различия между стоимостью и потребительной стоимостью не исчезают. Они неизменно вновь вырастают

из этой тождественности, сохраняя и воспроизведя свою противоположность. В итоге любая новая категория, вырастающая из слияния стоимости и потребительной стоимости, оказывается двойственной. Это относится и к товару, и к деньгам, и к капиталу как таковому, и ко всем его особым формам. Все они являются единством противоположностей, характеризующим с разных сторон новую форму, дополняя в характеристике друг друга благодаря взаимоисключению друг друга, и потому содержат основу для взаимодействия. В результате развертывается вся система рыночной капиталистической экономики, которая является двойственной.

Диалектическое развитие отличается от простого изменения своей направленностью. Эта направленность реализует себя в том, что из взаимодействующих сторон одна выступает в качестве господствующей. В данном случае в товаре господствует стоимость, ей принадлежит инициатива в развитии. Представляя собой овеществленный одинаковый однокачественный труд, она тем не менее предполагает бесконечное многообразие потребительных стоимостей и развивает его. С одной стороны, в бесконечном многообразии потребительной стоимости реализует себя принцип стоимости. С другой стороны, стоимость лишает труд индивидуальных различий, что в конечном счете ведет к «усреднению» и человека, нивелировке, превращая его в представителя того или иного класса или социальной группы.

Взаимодействие стоимости и потребительной стоимости товара, денег, капитала включает в себя диалектику производительных сил и производственных отношений, которая затем превращается в диалектику самих производственных отношений, благодаря которой развиваются производительные силы. Недостаточно ограничивать взаимодействие стоимости и потребительной стоимости лишь как постоянную поляризацию, когда стоимость представляет производственное отношение, а потребительная стоимость — производительную силу. Это делает невозможным развитие самих производственных отношений, необъяснимой противоречивость их природы. Противоречие стоимости и потребительной стоимости служит фундаментом каждого противоречия в самих производственных отношениях, в том числе противоречия наемного труда и капитала. «В отношении между капиталом и трудом меновая стоимость и потребительная стоимость поставлены в такое соотношение друг с другом, что одна сторона (капи-

тал) противостоит другой прежде всего как *меновая стоимость*, а другая сторона (труд) противостоит капиталу прежде всего как *потребительная стоимость*¹.

При рассмотрении взаимопревращения стоимости и потребительной стоимости друг в друга существует опасность двойкого рода. Во-первых, опасность их смешения друг с другом, подмена стоимости потребительной стоимостью. Этого смешения не смогли избежать даже великие мыслители, такие, как Адам Смит. Не мог избежать этого смешения и Давид Рикардо, который, вероятно, понимал это и, стремясь избежать эклектики и последовательно провести трудовой принцип стоимости, в конце концов устранил потребительную стоимость из политической экономии. Эта ошибка Д. Рикардо неизбежно приводила к опасности другого рода: к отрицанию развития самой стоимости, так как исчезло средство ее развития. Причина такого рода смешения стоимости и потребительной стоимости у классиков буржуазной политической экономии заключалась в отсутствии четкого и последовательного понимания двойственной природы труда, хотя сама догадка об этом в их работах содержалась.

Опасность другого рода содержится в полном отождествлении стоимости и потребительной стоимости, когда исчезает их противоположность. Из этого впоследствии выросла теория предельной полезности, которая в основу цены положила полезность. Капитализму приписывался чуждый ему принцип — качественное выражение каждого отдельного труда, что тождественно развитию человека. Это — главный принцип будущего общества.

В заключение вернемся еще раз к опасности первого рода — выбрасыванию потребительной стоимости из системы производственных отношений. Основанием для этого послужило присутствие в качестве одного из элементов потребительной стоимости натуральных свойств вещи, безразличных к производственным отношениям. Тот факт, что они включаются в систему производственных отношений не везде, а лишь там, где оказываются для нее существенными, т.е. в ряде частных случаев, этот частный аспект содержания потребительной стоимости превращался при таком переходе в ее всеобщую и единственную определенность. Тем самым искажалась объективная диалектика товара. На осно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф.. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 216—217.

вании стоимости самой по себе невозможно проследить возникновение прибавочной стоимости, ибо стоимость не может развиваться, если ее лишают средства развития — взаимодействия с потребительной стоимостью. Такого рода «выбрасывание» потребительной стоимости имеет не просто академический недостаток, но искажает диалектику системы производственных отношений капитализма, основанную на трудовой теории стоимости.

Стоимость помимо всеобщего равенства товаров друг с другом содержит в себе способность превратиться в любую потребительную стоимость. Это — материализованный общественный труд. Если товар имеет стоимость, то тем самым выражена его пригодность и необходимость для какой-либо потребности. И несмотря на то что вид потребности неизвестен, которую выражает полезность, пригодность для какой-либо потребности заключена в стоимости в качестве обязательного атрибута. Стоимость — это в снятом виде уже состоявшийся акт купли-продажи, если смотреть ретроспективно. Если же наблюдать будущую жизнь стоимости, то она является гарантом того, что товар будет реализован. Абсурдно понимать стоимость как затрату труда вне и без всякого результата. Распространенная критика трудовой теории стоимости в «затратном» принципе ценообразования является следствием недиалектического понимания стоимости. Стоимость — это та же полезность, лишь лишенная конкретных форм. От нее осталось только то, что товар необходим, и эта необходимость товара другим людям выражается через затрату человеческой энергии. Следовательно, стоимость как затрата труда в действительности является результатом, измеряемым посредством расходования человеческой энергии. Стоимость есть результат. И полезность тоже результат. Дело в том, что результат двойствен. Стоимость при этом является главным результатом. Это ведь будущие доходы, будущий капитал, будущая прибыль.

Отношение полезности к стоимости тождественно отношению конкретного труда к абстрактному. Отвлечение от конкретных особенностей труда происходит посредством сведения его к простому среднему труду, который служит единицей измерения всех видов труда. Абстрактный труд является субстанцией стоимости, конкретный — субстанцией полезности, пригодности вещи, превращающей вещь в потребительную стоимость. Величину стоимости образует средняя затрата труда. Полезность измеряется степенью удовлетворения потребностью.

Вследствие того, что абстрактный труд — это конкретный труд, сведенный к простому и выраженный как общественный труд, т.е. нужный для удовлетворения потребностей людей, то отсюда возникает пропорциональность величины стоимости и полезного эффекта. По сути дела, эта пропорция определяет коэффициент редукции каждого данного вида труда к простому среднему общественному труду. Именно эта пропорция между конкретным и абстрактным трудом, между полезностью продукта и величиной стоимости отражается, на наш взгляд, в субъективных теориях в виде пропорций между предельными полезностями товаров и их ценами, или между предельной доходностью ресурсов и ценами ресурсов. В точке равновесия цены совпадают со стоимостью. А стоимость определяет и доходы, и расходы всех экономических субъектов. Именно поэтому их оценочные суждения оказываются пропорциональными ценам.

На основе трудовой теории стоимости построена монистическая, внутренне непротиворечивая теория цены. Цена, являясь дежным выражением стоимости товара, от начала своего возникновения до конечного пункта, когда она отклоняется вверх и вниз от стоимости под влиянием спроса и предложения, не содержит в себе ничего, кроме стоимости. Ни единого иного атома, кроме труда, в ней нет. Разность между стоимостью и ценой при их несовпадении составляют перераспределенные ресурсы в трудовом измерении. Отклонения цены от стоимости взаимопогашаются, что составляет основную функцию закона спроса и предложения. Факт взаимоуничтожения отклонений цены от стоимости (от центра равновесия) подтверждается и в неоклассических моделях, в частности в модели «маршаллианского креста». Таким образом, сумма цен в экономике равна сумме средних затрат труда во всех отраслях, где производство основано на воспроизводимых ресурсах.

Предельные издержки, согласно трудовой теории стоимости, образуют величину стоимости в отраслях, связанных с невоспроизводимыми природными факторами. К ним относятся сельское хозяйство и добывающая промышленность. Невоспроизводимость, а потому ограниченность природных факторов здесь приводит к изменениям в конкурентном механизме. В результате земельная и природная ренты образуются из разницы между рыночной ценой и ценой производства, регулируемой предельными издержками. Различие между земельной и природной рентами, как отмечалось выше, заключается в их динамике.

Существует еще одна сфера, где предельные издержки, на наш взгляд, выполняют реальную роль регулятора. Речь идет об определении индивидуальных затрат труда и капитала. Производитель определяет объем производства при заданной рыночной цене, если иметь в виду конкурентные отношения. Для индивидуального производителя цена — это то, что ему диктует рынок или общественный капитал в целом. Оптимальным решением для этого производителя будет объем производства, запланированный на основе равенства предельного дохода предельным издержкам ($P=MR=MC$). Но из этого решения отнюдь не следует вывод, что цена товаров равна предельным издержкам. Предельные издержки большого числа конкурентных предприятий не могут быть равными. Внутриотраслевая конкуренция выравнивает их в средние, что и будет величиной стоимости, а следовательно, и цены (при неизменности стоимости денег).

Маржинальные модели ценообразования для долгосрочного периода подтверждают принцип ценообразования по средним издержкам. Отток и приток фирм в отрасль вызывают колебания цен, утверждаются в них до тех пор, пока цена уравняется с минимальными значениями средних издержек. Таким образом, предельные издержки не регулируют рыночные цены свободно воспроизводимых товаров. Они определяют границу объемов выпуска продукции для каждого индивидуального производителя. Следовательно, в рыночном механизме они вступают в действие после того, как конкуренция — внутриотраслевая, межотраслевая, между спросом и предложением продавцов и покупателей — превратит цены производства в рыночные цены. Только тогда производитель осуществляет выбор производственной программы. Отражение функционирования рыночного механизма в обратном порядке, как это интерпретируется в английской школе предельной полезности, неверно изображает причину и следствие, в результате искажает направленность регулирующих сил и рыночный механизм в целом. Тем не менее описание правил определения объемов выпуска хозяйствующими субъектами на основе предельных издержек при сложившихся на рынке ценах, на наш взгляд, вполне согласуется с трудовой теорией стоимости и может служить ее дополняющим моментом.

Закон убывающей предельной полезности также является не тем, что существует непосредственно в реальной действительности

сти и воспринимается обыденным сознанием субъектов. Он является отражением закона роста производительности труда. Возрастающее количество товаров, полезных вещей приводит к насыщению потребности, после чего ресурсы либо переключаются в другую сферу, либо перестают наращиваться. Полезность товаров при этом меняется, как и величина стоимости. Совокупная полезность индивида и общества с ростом производительности труда увеличивается, а предельная полезность снижается. Субъективно это воспринимается в сознании как уменьшение ценности вещи для данного индивида, что заставляет его сокращать покупки. Объективно за изменением субъективных оценок товаров располагается уменьшение величины труда, необходимой для производства вещи, уменьшение ее стоимости и при неизменной покупательной способности денег — снижение ее цены. Как видим, процесс снижения субъективной предельной полезности совпадает с ростом производительности труда. Он не совпадает с ним, если увеличение количества вещей у потребителя связано только с ростом его дохода, источником которого является перераспределение доходов, а не увеличение потребительных стоимостей. В этом случае предельная полезность данной вещи у одного потребителя уменьшается, а у другого увеличивается, т.е. их изменения нейтрализуют друг друга. Таким образом, рост производительности труда, который является основным средством увеличения прибавочной стоимости, на завершающей стадии функционирования рыночного механизма воспринимается в сознании субъектов как изменение их индивидуальных оценок товаров или их предпочтений и изменение их потребительского выбора. В результате при сложившихся предпочтениях они распределяют свой доход иначе, чем прежде. Закон убывающей предельной полезности является отражением в сознании субъектов закона роста производительности труда.

Частная задача описания механизма потребительского выбора или распределения индивидом денежных средств в точке равновесия, выведенная логически как следствие или как конечный результат функционирования рыночного механизма, не противоречит трудовой теории стоимости. Но если из субъективных оценок, представлений, решений, поведения выводить всю конструкцию экономики, как это делает теория предельной полезности и модели, возникающие на ее основе, то конструкция получается иллю-

зорной, что анализировалось в первой части книги. Конечно, реально потребительское поведение отличается от того, как описывает его кардиналистская или ординалистская версии полезности. Реальное поведение субъектов, быть может, обстоятельнее всего рассмотрено Т. Вебленом, который показал, что поведение субъектов определяется чем угодно, но не гедонизмом¹. И все же можно предположить, что условия оптимального выбора в субъективных теориях можно воспринимать как абстрактные условия равновесия, никогда и никем, за редким исключением, не достигаемые. В момент же достижения экономической системой равновесия они осуществляются, чтобы нарушиться практически немедленно, уже в следующем акте выбора.

Наконец, в конкурирующих теориях по-разному понимается взаимосвязь полезности предметов потребления и полезности средств производства. В теории предельной полезности полезность средства производства производна от полезности предметов потребления. Субъективные оценки потребителей предметов потребления определяют полезность средств производства. С точки зрения здравого смысла можно утверждать так, но можно и наоборот. Гораздо убедительнее природа этой связи обнаруживается не в случае рассудочных оценок субъектов полезности товаров, а если рассмотреть реальный процесс превращения потребительной стоимости средств производства в потребительную стоимость нового продукта.

Смысл потребления средств производства в производственном процессе заключается в том, что их потребительная стоимость не исчезает изнашиваясь, а превращается в новую потребительную стоимость. Это относится и к предметам труда, и к орудиям труда, хотя последние вещественно в новом продукте не обнаруживаются. Превращение полезности средств производства в полезность нового продукта осуществляет, как известно, конкретный труд. Он как бы накапливает созданную им ранее полезность. Качественное превращение полезности средств производства в полезность нового продукта, в том числе предмета потребления, является основой сохранения их стоимости и присоединение ее к стоимости нового продукта. Реальные взаимосвязи полезности средств производства и предметов потребления в трудо-

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. Гл. III–VII.

вой теории стоимости отражены иначе, чем в теории предельной полезности. Они актуальны в связи с ценообразованием. Практическое изменение цен, в частности их снижение, достигается главным образом внедрением более производительной или более дешевой техники. Это подтверждает истинность вывода трудовой теории стоимости о соотношении стоимости средств производства и стоимости предметов потребления.

Кроме того, опровержение рассматриваемого тезиса теории предельной полезности можно найти в моделях «затраты — выпуск».

Согласно формуле Дмитриева—Леонтьева $x_i = \sum_{j=1}^n a_{ij} x_j + t_i$,

где x_i — валовой продукт i -го вида; a_{ij} — технологические коэффициенты затрат; x_j — количество продукта j -го вида, необходимого для изготовления продукта i -го вида; $a_{ij}x_j$ — промежуточный продукт; t_i — текущие затраты. x_i можно выразить в натуральных единицах и в единицах затрат труда. Функциональные связи слабо приоткрывают субстанциональные и причинно-следственные зависимости. Но в данном случае они раскрывают причинную связь полезности валового продукта и полезности промежуточного продукта. В практике хозяйствования балансовый метод широко применяется. Он является основой планового механизма, а сейчас применяется в современной экономике смешанного типа. Формула Дмитриева—Леонтьева является хорошей иллюстрацией процесса создания продукции в любой экономике, в том числе и в рыночной. Рыночный механизм согласование между отраслями, отдельными видами производств осуществляется стихийно. Формула фиксирует его конечный результат. Плановый механизм осуществляет это на основе расчетов, дополняя балансовый метод нормативным методом, в котором выражены общественные приоритеты, общественные предпочтения. Модель «затраты — выпуск» может быть лучше, чем любая другая модель, включенная в состав «мэйнстрим», соответствует трудовой теории стоимости.

Теперь остановимся на соотношении субъективной предельной полезности и трудовой стоимости. В понятии стоимости не содержится ничего, кроме среднего общественного труда. Внутренняя и внешняя деятельность стоимости не требует никаких обращений к психологии индивида. Но из этого не следует вывод, что обратное неверно. Стоимость в значительной мере определяет психологию субъектов, в том числе и их потребительские вкусы. Конечно, не целиком и не полностью. Каждый из рыноч-

ных субъектов имеет свою неповторимую индивидуальную психологию. Но речь идет лишь о психологии оценки товара в актах купли-продажи. А здесь вкусы потребителей и их оценки вряд ли можно представить как абсолютно независящие от доходов и цен, т.е. от стоимости. Коль скоро стоимость оказывает влияние на выбор покупателей, т.е. на спрос, то в трудовой теории стоимости это должно быть отражено. Восприятие обыденным сознанием рыночных субъектов экономических форм и явлений является частью их содержания. Это раскрывается в III томе «Капитала», но в самых общих чертах, не исчерпывающим образом. Здесь возможны, на наш взгляд, дополнения, взятые из теории предельной полезности, аналогичные предельным издержкам.

Все, что связано с предельной полезностью или предельной нормой замещения, касается индивидуальной оценочной реакции психологического свойства при выборе покупок. Цены здесь заданы для каждого отдельного покупателя. При заданных ценах покупатель может более или менее рационально расходовать свой доход. Предельная полезность или предельная норма замещения отражают ценовые приспособления потребителей. Цена и доход определяют выбор потребителя, но субъективные предпочтения все же играют некоторую роль. Хотя и небольшую в связи с тем, что по закону больших чисел разнонаправленность вкусов и предпочтений потребителей их нейтрализует. Особенно это относится к механизму приспособления индивидов к параметрам рынка, полнее отразивших процесс отклонений цен от стоимости.

Тем не менее субъективный выбор потребителей превращает потребность в общественном масштабе (ОНЗТП) в вектор конечного спроса, конкретизируя потребности в каждом отдельном продукте. Он формирует субъективные потребности и субъективную форму полезности. Их функция заключается в номинальном распределении доходов покупателей (затрат прошлого труда) между необходимыми им товарами и услугами. Результатом распределения оказываются цены индивидуального спроса, которые конкуренция между покупателями модифицирует в цены рыночного спроса. Предприниматели осуществляют приспособления (выбор) к рыночным ценам на ресурсы и готовые товары, ориентируясь на индивидуальные для каждой фирмы предельные издержки. Конкуренция между ними превращает их в цены рыночного предложения. Конкуренция между покупателями и продав-

цами выявляет равенство цен рыночного спроса и цен рыночного предложения. Воспринимаемые непосредственно, эти величины несоизмеримы («желание» и затраты труда), а механизм их приравнивания кажется иррациональным. Проникновение в содержание субъективной полезности, «желания», обнаружило однокачественность приравниваемых параметров. В их основе лежит двойственный характер труда. Одна из его сторон получила конечную форму субъективной полезности, другая же — издержек производства, предельных на уровне отдельной фирмы и средних в форме цен рыночного предложения.

Таким образом, при невозможности теоретического синтеза основных направлений экономической науки вследствие противоположности методологических принципов в их арсенале имеются результаты, взаимная интеграция которых обогащает интеллектуальные силы науки. При самодостаточности трудовой теории стоимости в отражении ею рыночной экономики описание восприятия объективных процессов в обыденном сознании субъектов, выполненное субъективной теорией полезности, дополнило содержание поверхностных форм, в которых капитал выступает в сфере конкуренции.

ЧАСТЬ III. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ С ПОЗИЦИЙ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ

В этой части анализируются современные проблемы экономики России с позиций трудовой теории стоимости. Тот характер, который она приняла либо во все большей степени принимает, позволяет непосредственно применять к решению многих хозяйственных и фундаментальных проблем трудовую теорию стоимости. Заметим еще раз, во избежание недоразумений, что другие концепции, скажем, теория выбора или институциональный анализ, обладают определенным познавательным потенциалом. Их аппарат также может быть использован в анализе сложнейших проблем, ставших перед нашей страной. Однако забвение трудовой теории стоимости может весьма существенно замедлить или даже в определенных проблемах приостановить познавательный процесс. Как было показано в предыдущих частях книги, она располагает методом, подходами, идеями особенно применительно к содержанию рыночных, экономических отношений, которых нет в арсенале ни одной другой теории о рынке. До тех пор, пока будет существовать рыночный механизм, истинные суждения о нем не видоизменятся. Разумеется, здесь будут рассмотрены лишь те из актуальных и дискуссионных в настоящее время проблем, которые так или иначе попали в сферу внимания автора.

Не все проблемы современной экономики могут быть решены непосредственным применением трудовой теории стоимости. Последнее относится лишь к рыночным экономическим формам. Пострыночные, постиндустриальные экономические отношения не могут быть отражены на основе трудовой теории стоимости, поскольку они, на наш взгляд, противоположны стоимости. Точнее говоря, здесь стоимость отсутствует, если представить развитое состояние этих отношений. Но даже и в таком случае трудовая теория стоимости способна помочь мысли проникнуть в тайну новых экономических образований, поскольку они возникли не на пустом месте, а из исторически предшествовавшей им экономической формы. Поэтому стоимость может кое-что рассказать о своем будущем.

Ближе всего к будущему располагается переходная форма, которая возникает из старой, предыдущей. Переходные отношения сейчас часто становятся предметом исследований отечественных экономистов в связи с трансформацией экономической системы России. В III части книги они будут анализироваться с использованием прогностических возможностей трудовой теории стоимости. Акцент при этом будет сделан на тех признаках переходных форм, которые генерируются стоимостью. Это позволяет сопоставить их с переходными процессами и формами, возникающими в современной хозяйствской практике России.

Возникновение не стоимостных пострыночных, постиндустриальных экономических отношений, происходившее в XX в. в разных странах в довольно многоликом виде, позволяет выполнить обобщение нового уровня, что стало необходимым и возможным для экономической науки уже сейчас. Трудовая теория стоимости теперь может быть рассмотрена в качестве частного случая экономической теории, относящегося к рыночным формам и частично к переходным от них. Однако этот частный случай настолько обстоятельно раскрыт, что он позволяет увидеть многое из общезэкономического содержания, что в свою очередь способно облегчить проникновение в новые экономические формы. Речь идет в принципе о том, что в отечественной науке называлось политической экономией в широком смысле или иногда характеризуется термином «метатеория». Советскими экономистами было достигнуто понимание, что такая теория не ограничивается совокупностью частных случаев, т.е. теорий, описывающих отдельные сменяющие друг друга экономические системы. Она включает соединяющие их переходные экономические процессы. Тем самым открывается возможность обнаружить общие закономерности в экономике, которые в сравнении с конкретной частной системой являются весьма глубокой и потому бедной абстракцией. Но если общность такого рода верно понята, она способна служить неплохим ориентиром познания каждой отдельной экономической системы. В этом состоит главная цель науки. В заключительной главе исследуются всеобщие принципы устройства экономики, которые можно обнаружить посредством обобщения трудовой теории стоимости.

ГЛАВА 7. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

§ 1. Природа экономической системы России

Трудно найти вопрос, вызывающий столь большой разброс суждений, чем определение природы экономики, которая сложилась в России к началу третьего тысячелетия. Между тем его решение имеет отнюдь не чисто академическое значение. В конечном счете точное знание в этом отношении определяет степень эффективности и качество управления экономикой на микро- и макроуровне. Степень неопределенности здесь соответствует методу проб и ошибок, которому вынуждены следовать лица, принимающие решения на разных звеньях народного хозяйства.

Экономическая система, как и весь объективный мир, находится в процессе непрерывных изменений. И все же в этом процессе более или менее точно (посредством набора качественных признаков и временных интервалов) фиксируются два состояния — этап становления системы и этап развития на собственных, ею же создаваемых предпосылок. Конечно, это упрощение реальности, ибо на втором этапе начинается становление последующей экономической системы, а на первом функционируют элементы старой системы, воспроизводящиеся без изменений в прежнем качестве. Тем не менее в рамках жизни одной и той же экономической системы существование двух этапов наблюдается довольно отчетливо. Теоретически они являются вполне логичными звеньями в цепи непрерывного развития экономики.

Экономика достигает определенности в том случае, если ее системообразующее качество постоянно возобновляется в воспроизводственном процессе. Именно с позиций постоянно воспроизводимого результата можно идентифицировать экономику с той или иной экономической системой или обнаружить хотя бы эволюцию к одной из них, если речь не идет о катализмах, катастрофах и т.п. Сложность возникает в суждении о самом воспроизводимом результате. При ответе на этот вопрос разделяются философские и экономические направления и школы.

Воспроизводство экономики означает прежде всего постоянное возобновление сущностной основы данной экономической

системы. Она затем развертывается в органически целостную систему, верхним эшелоном которой является механизм ее функционирования, включая поведение экономических субъектов. Предпосылкой и конечным результатом воспроизводственного процесса выступает техническая основа экономической системы. Выделить из этого сложного, многомерного, труднообозримого, взаимосвязанного мира его сущностную основу, представляющую основной закон развития этого мира, весьма непросто. По этому поводу в отечественной экономической среде не в столь отдаленные времена шли острые дискуссии, выявившие разные попытки решения этой проблемы. Из всего, что по этому поводу имеется в отечественной и западной экономической литературе, наиболее аргументированным и достаточно определенным, т.е. выраженным в явной форме, на наш взгляд, является понимание сущностной основы экономической системы как способа соединения производства со средствами производства.

Обобщение такого рода было получено и плодотворно применялось учеными кафедры политической экономии экономического факультета МГУ и разделялось многими отечественными экономистами. В западной экономической традиции распространена идентификация экономической системы посредством фиксации ряда признаков. Содержание и количество этих признаков довольно разнообразно, так как не удается обнаружить единого критерия, с помощью которого можно выделять родственные, т.е. относящиеся к одной и той же экономической системе, признаки. К тому же некоторые из них принимают такой общий вид, что их можно обнаружить в разных экономических системах (например, частная собственность). По этой причине указания на те или иные признаки фиксируют отдельные стороны экономики, но их выделения носят неполный и случайный характер. Таким образом, подход к определению экономической системы,работанный отечественными экономистами, продолжает оставаться наиболее глубоким и содержательным, обладающим, на наш взгляд, наибольшим познавательным потенциалом.

В выяснении характера воспроизводственного процесса России, сложившегося в результате реформ 90-х гг., целесообразно воспользоваться прежде всего методологией отечественной школы. Его сущность точнее всего высветит способ соединения производителей со средствами производства, в том случае если сложилось явное преобладание одного или прослеживается явная

тенденция к этому. Если существует многообразие, полифоничность отношений к средствам производства, а тенденции носят разнонаправленный характер, то такое состояние экономики аморфно, его содержание неясно, не выявилось, процессы носят взаимоуничтожающий характер, и при определении такой экономики обычно пользуются термином «переходная экономика», хотя при закономерном ходе событий и это не совсем точно.

Переходные процессы в экономике закономерны, они неизбежно возникают в эволюционном процессе развития человеческого общества, экономических систем. Закономерность переходных экономических форм абсолютно четко выражается в тенденции их развития, в поступательном превращении старой экономической формы (или в целом системы) в новую. Однако в реальной жизни каждой страны могут происходить отнюдь не закономерные, не только движущие вперед, но и случайные, обусловленные судьбой этой страны, и даже разрушительные, катастрофические события. В истории человечества исчезали с лика Земли не только страны, но и целые цивилизации. И все же ход истории это не остановило. Трагедию переживала каждая страна в тот или иной период, которая отбрасывала ее на десятилетия и даже столетия назад в прошлое. К счастью, человечество в целом пока развивается поступательно, по крайней мере экономически. И в этом поступательном движении как раз и обнаруживаются экономические закономерности.

Характер экономики России на рубеже тысячелетий определился в результате радикальной реформы. Содержание реформы заключается в демонтаже плановой и построении рыночной экономики. Демонтаж плановых институтов и планового механизма управления начался с конца 80-х гг. Это время, по сути дела, является началом реформ. Бурный процесс становления рыночных реформ произошел в 1992 г. Рыночная реформа практически немедленно вызвала длительный кризис экономики, который углублялся по мере ее продвижения. Интенсификация реформ посредством ускоренной приватизации сопровождалась глубоким спадом производства, снижение реформаторских преобразований — замедлением спада.

В состоянии глубокой депрессии Россия пребывала последнее десятилетие XX в. Лишь в 1999 г. начался экономический рост за счет краткосрочных ценовых факторов и эффекта деваль-

вации рубля. Разрушительные результаты реформ вполне очевидны и ни у кого не вызывают сомнений: разрушена плановая экономика, социализм, валовой внутренний продукт уменьшился более чем в 2 раза, производство базовых товаров также сократилось в 2 раза и более, инвестиции — почти в 5 раз, уровень жизни населения сократился примерно в 2,5 раза; демографические показатели внушают тревогу за судьбу нации. Не так очевидны и вызывают многочисленные споры созидательные результаты реформ. Очевидным здесь является иное институциональное оформление экономики, но до тех пор, пока это сопровождается падением национального производства, нет оснований считать это созиданием. Относительно перспектив экономического роста предвидеть ситуацию не так уж сложно. Если экономические процессы последних лет будут пролонгированы в прежнем качестве, без каких-либо изменений, они неизбежно дадут прежний результат — спад производства. Краткосрочные факторы роста носят внешний для страны характер и исчерпают себя довольно быстро. Рост ВВП в 2000 г. на уровне 7,2% и в первой половине 2001 г. около 5% в значительной степени имеет конъюнктурную основу, но не техническую модернизацию экономики. Стабильным результатом подъем такого типа считать нет оснований. Тем не менее потенциал развития экономики России все еще велик.

Переход на траекторию устойчивого роста требует внести изменения в экономический механизм, в действие и направленность экономических сил. Судьба страны сейчас зависит не просто от устойчивого роста. Интеграция в мировую экономику накладывает дополнительные требования к темпам экономического роста. Для того чтобы хотя бы восстановить утраченное положение в мировой экономике, необходим опережающий рост. В экономической литературе разработано немало предложений и проектов такого рода. Их оценка была бы облегчена в том случае, если бы имелось верное представление о содержании воспроизведенного процесса, который страна получила в результате реформ. Здесь среди экономистов согласия нет и ведутся жаркие дебаты.

Определения типа экономики, сложившейся в нашей стране в результате реформы 90-х гг. ХХ в., довольно многообразны. Ее характеризуют как рыночную, переходную, многоукладную, колониальную, спекулятивную, криминально-мафиозную, феодально-

демократическую и т.д. Общим основанием всех отличающихся друг от друга решений является сравнение нашей экономики с рыночной. Как правило, тождества не обнаруживают, а находят резкие различия, что и выражается в упомянутых формулировках.

Официальные версии о характере российской экономики менялись. К концу 90-х гг. появились оценки, согласно которым переходный период завершен и в стране построена рыночная экономика¹. Затем в правительственные кругах стали употреблять термин «квазирыночная» применительно к нашей экономике. Время от времени здесь также воспроизводится тезис о рыночной экономике России.

Западные институты и западные экономисты чаще всего относят Россию к странам с переходной экономикой. Так, по мнению Европейского банка реконструкции и развития, Россия достигла примерно средней ступени перехода к рыночной экономике².

В научных экономических кругах, несмотря на многообразие и пестроту суждений о характере российской экономики, все же, на наш взгляд, преобладает мнение, согласно которому она к началу XXI в. остается переходной к рыночной.

Суждения о типе нашей экономики можно получить двумя путями. Часть решений является результатом сопоставления с экономикой, которая общепризнанно считается рыночной (метод аналогии). Обычно взоры направляются в сторону развитых, богатых стран Запада. Другие авторы решают эту проблему, сопоставляя реальности нашей экономики с некоторой теоретической моделью рынка, с понятием рынка как такового. Несмотря на различия путей, многочисленны результаты, фиксирующие несходство нашей экономики с рыночной. При этом рынок предполагается как весьма желанная цель и всеобщее благо.

Решение проблемы о сути отечественной экономики путем сопоставления ее со странами рыночной экономики, несмотря на кажущуюся простоту, состоит из множества посредствующих звеньев, без предварительного анализа которых полученные выводы нельзя считать аргументированными. Действительно, почему за образец рыночной экономики берутся богатые страны Запада и Япония? Разве страны Латинской Америки не рыночные? В Аф-

¹ Вопросы экономики. 1997. № 1. С. 14.

² Финансовые известия. 1997. 13 марта.

рике, Азии есть немало стран, где действуют все рыночные институты без исключения, но при этом уровень жизни населения низкий, а зависимость экономики от транснационального рыночного капитала не вызывает сомнений. Если взять весь спектр стран с рыночной экономикой, то любое из вышеназванных определений экономики нашей страны можно отожествить с рыночной экономикой. Среди них немало стран с колониально-сырьевой направленностью экономики. Коррупция и криминально-мафиозные явления широко распространены и в бедных и в богатых рыночных странах, например в США, Италии, Германии, Франции, где даже верхние эшелоны власти поражены этой болезнью и часто вспыхивают скандалы с обвинениями крупных государственных политических лидеров в коррупции. Более того, указанные явления вообще характерны для стран с рыночной экономикой и в прошлом, и сейчас. Это говорит о том, что методом аналогий решение о типе экономики получается неопределенным. Это, скорее, отсутствие решения.

Методом сравнения с другими странами, поиском сходства или отличия нельзя определить тип экономики, в том числе и рыночной. Но и о переходном типе экономики таким путем довольно трудно сделать вывод. Переходную экономику так же сложно, а может быть, даже сложнее, чем ставшую, развитую, узнать, сопоставляя ту или иную страну с другими странами. Многоукладность можно обнаружить практически в любой стране, в том числе и в развитых странах. Если нет доминирования ни одного из них, то экономика действительно переходная, и ее системообразующее качество, обеспечивающее характер воспроизведения, не возникло, как это было у нас в 20-е гг. XX в. При наличии же множества укладов явное преобладание и господство одного из них не позволяют судить о такой экономике как о переходной. С другой стороны, каждая развитая экономическая система всегда имеет переходные экономические формы. Дело в том, что в высшем пункте своего развития каждая система начинает генерировать элементы будущей системы, которые, сосуществуя со старой системой и в ее недрах, образуют переходные формы. В этом суть процесса развития всех экономических систем, независимо от эволюционных способов их протекания или революционных изменений. Не останавливаясь на всех упомянутых определениях типа отечественной современной экономики, заметим,

что каждое из них соответствует тем или иным фактам реальной действительности. Однако это не означает, что любой реальный факт можно трактовать как сущность экономики или как основной принцип ее устройства. А ведь именно это необходимо выявить при определении типа экономики.

Системообразующее качество российской экономики возможно обнаружить посредством сопоставления происходящих в ней процессов с понятием рынка. Второй путь решения проблемы является, по сути дела, единственным, позволяющим достигнуть определенности в этом вопросе. Однако он также не прост. Экономическая наука наиболее обстоятельно отразила именно рыночную систему. Ведь все ее основные направления — трудовая теория стоимости, неоклассическая концепция, институционализм — исследовали рыночную экономику. Сложность использования этого богатейшего арсенала заключается в различии полученных выводов относительно того, что образует содержание понятия рынка. Действительно, среди авторов определения типа российской экономики обнаруживается множественность позиций относительно этого содержания. Хотя это проявляется в неявном виде, поскольку в явном виде, как правило, вопрос не обсуждается, тем самым подразумевается, что содержание понятия рынка общеизвестно, общедоступно и относится к числу само собой разумеющихся. В самом деле, что же такое рынок? Ответ здесь не так уж очевиден.

Определения рынка в виде механизма, сводящего вместе покупателей и продавцов с целью купли и пролажи товаров и услуг, или в виде пакетов контрактов, или в виде совокупности правил поведения субъектов являются по большей мере бессодержательными и ими невозможно оперировать из-за их неопределенности. Они указывают лишь на факты купли-продажи, не раскрывая их содержания, предполагая также, по-видимому, их самоочевидность. Однако, во-первых, эти акты не сводятся к простому диалогу торгающихся о цене и количестве, во-вторых, наличие торговли дает недостаточно информации о типе экономики. Действительно, она существовала в самых разных экономических системах, и в древнем Вавилоне, и в современной Японии. При социализме также существовала оптовая и розничная торговля, магазины и цены сводили вместе продавцов и покупателей. Последние имели ограниченные доходы и пытались их тратить рацио-

нально, с максимальной для себя пользой. В этой области можно обнаружить схожесть механизмов плановых и рыночных. Тем не менее многие западные экономисты, обладая незаурядным чувством юмора, называют плановый механизм «административно-командным», хотя без администрации не существует ни одна фирма и ни одна страна в рыночной системе. Шутку подхватили и некоторые отечественные экономисты, по-видимому, для того, чтобы придать более веселый характер экономическим теориям. Однако вернемся к теоретическому определению рынка.

Приведенные выше формулировки ограничивают рынок сферой обращения. Неоклассическая концепция отражает эту сферу посредством взаимодействия спроса и предложения. Товарное обращение раскрыто и трудовой теорией стоимости во многом иначе, что выяснено выше. Тем не менее имеется немало теоретических выводов, где содержание рыночного механизма в сфере обращения трактуется одинаково всеми направлениями экономической науки. На них можно опереться в процессе уточнения ответа на вопрос о критериях рыночной экономики.

Основой рыночной экономики является частная собственность на средства производства. Этот критерий является общепризнанным. Здесь расхождений в экономической науке нет. Тем не менее это всего лишь институциональный признак. Он недостаточно глубок, поскольку на протяжении многих тысячелетий присутствовал и в доиндустриальных, нерыночных системах. В рабовладельческих обществах собственность на экономические ресурсы была частной. Таково же она была при феодализме, а экономика этих обществ радикально отличается от рыночной. Следовательно, частная собственность, как и акты купли-продажи, малоизразительны для определения рыночной экономики.

Существенным признаком рынка является поведение цен. Все направления науки отразили влияние на их динамику спроса и предложения, а также их колебания вокруг некоторого центра. Резкое расхождение в науке возникает по поводу содержания этого центра, настолько резкое, что в зависимости от ответа на этот вопрос идентифицируются направления, школы, теории экономической науки. Однако свободное движение цены и ее колебательный характер, а также платежеспособный спрос в качестве исходного пункта производства — действительные, существенные и общепризнанные признаки рынка. Наконец можно назвать дру-

гие элементы рынка, описанные одинаковым образом, хотя и с разной глубиной и детализацией: всеобщность товарного обращения; фирмы (капитал) и конкуренция между ними; финансово-кредитная система; фиктивный капитал и рынки ценных бумаг; рентные отношения и институты. Чаще всего, когда современные экономисты (западные и отечественные) говорят о рынке, внимание концентрируется на сфере обращения, т.е. сфере застывших форм, в которых происходит движение товаров, денег и капитала. С их помощью определить тип экономической системы можно лишь частично, поскольку по внешним признакам нелегко их идентифицировать.

В сфере производства критерием рыночной экономики является отделение производителей от средств производства и сосредоточение последних у капиталистов, что институционально определяется как частная собственность на средства производства. В сфере обращения существенным признаком рыночной экономики служит свободное колебание цен вокруг центра равновесия под влиянием спроса и предложения, реализующееся посредством институтов, конкурирующих друг с другом посредством цен и объемов продаж. В конечном итоге указанием на рыночный характер является социальная дифференциация общества, которую легче всего обнаружить в контрастах получаемых людьми доходов. К этому следует добавить общее основание, из которого вырастает и сфера производства, и сфера общения. Речь идет о техническом уровне экономики. В рыночной системе она определяется как система трехзвенных машин (индустриальная техника). Это тоже довольно точный критерий, к тому же доступный непосредственному наблюдению, а потому им можно оперировать при решении проблемы типологизации. В трудовой теории стоимости рыночная экономика, по нашему убеждению, тождественна капитализму, хотя здесь мнения сторонников расходятся. Различия в суждениях возникают в связи с существованием до капитализма товарных отношений. Однако это были не рыночные, а переходные к ним формы. В неоклассической концепции ситуация похожая: здесь рыночная экономика оказывается тождественной индустриальному обществу.

Применим выработанные наукой критерии и признаки рыночной экономики к современной российской действительности, с тем чтобы определить ее сущностную природу.

Техническая основа нашей экономики продолжает оставаться индустриальной. Она была такой и в плановый период. Общность появляется в связи с тем, что каждая новая экономическая система в период своего становления развивается на технической основе предыдущей системы. Наряду с индустриальной техникой у нас, как и в любой другой стране, существуют разные технические уклады. В годы реформ больше всего пострадал постиндустриальный сектор, он практически был разрушен. Отброшен назад индустриальный сектор, так как амортизация в реформируемом периоде значительно превышает инвестиции. Старая техника изношена, а обновления основных фондов почти не происходило. Однако хотя наша экономика почти целое десятилетие находилась в тяжелейшем кризисе, все же в техническом отношении она продолжает оставаться индустриальной, так как основной объем ВВП производится посредством индустриальных технологий.

В результате приватизации государственной собственности произошло отделение производителей от средств производства. Материальные ресурсы стали частной собственностью узкой группы лиц. Государственная собственность планового периода была «ничейной», что тождественно ее общенациональной принадлежности. Приватизация превратила ее в частную собственность небольшой части общества. Сохранился государственный сектор, но он по роли в экономике значительно уступает частному сектору, производя лишь 1/3 объема ВВП, причем его масштаб сокращается, так как приватизация государственных предприятий еще не закончилась. Однако поставленные ею результаты уже достигнуты. В 2000 г. в частной собственности находилось 74,4% предприятий и организаций, в государственной — 4,8%, муниципальной — 6,9%¹. Основой экономики стала частная собственность на средства производства. Сформирован класс собственников средств производства. Тем самым закончился процесс первоначального накопления капитала. Решающую роль в нем выполнила инфляция, запущенная юридическим актом отпуска цен. Она всегда является мощным перераспределителем ресурсов. И очень удобным, так как перед ней население чувствует свою беспомощность, не понимая куда исчезают деньги. Инфляция в течение двух-трех лет передала денежные средства населения,

¹ Россия в цифрах. М.: Госкомстат. 2000. С. 157.

оборотные средства государственных предприятий в руки малой группы лиц, которые затем на эти же средства приобретали предприятия и целые отрасли. Как только основной объем государственной собственности был передан в частную собственность, инфляция резко снизилась, что косвенно подтверждает завершение процесса отделения производителей от материальных ресурсов. Двухзначные темпы инфляции последних нескольких лет говорят о процессах передела собственности. Господство частной собственности в сфере производства является основным аргументом вывода о рыночном характере российской экономики независимо от ее состояния, т.е. от того, находится ли она в стадии спада или на подъеме. В любом случае частная собственность на средства производства является одной из предпосылок характера экономики. Если в обществе имеется значительная часть населения, не имеющая в своей собственности средств производства, то это указывает на наемный характер труда. В России рынок труда сформирован со всеми его атрибутами, такими, как безработица, биржа труда и т.п. Сутью воспроизводственного процесса в результате реформ стало отбрасывание средств производства и наемной рабочей силы на разные полюсы экономики. И это самый главный результат реформ.

В сфере обращения все признаки рынка доминируют в российской экономике. Цены на подавляющую массу товаров, в том числе базовых, не контролируются. Более 90% цен свободны. Смысл свободной цены в том, что в процессе ее колебаний также происходит перераспределение ресурсов. Монополизм не уничтожает конкуренцию, как часто говорят, а, напротив, делает ее более ожесточенной. В лучшем случае монополии устраниют внутриотраслевую конкуренцию, но не межотраслевую, а следовательно, и не конкуренцию продавцов и покупателей. Все институты и формы сферы обращения уже сформированы и функционируют: фондовые рынки, валютные рынки, биржи, кредитно-финансовая система и в целом коммерческая среда.

Наконец, сформировавшаяся в результате реформ социальная структура соответствует рыночной. В кратчайший срок возник слой богатых и сверхбогатых людей, не давших пока никаких результатов в экономике, кроме сугубо негативных. А на другом полюсе этой структуры — люди, чьи доходы ниже прожиточного уровня и даже за чертой нищеты.

Выводы о переходном характере российской экономики часто основываются на отсутствии экономического роста, финансовой нестабильности. На этом основываются, например, оценки ЕБРР. На наш взгляд, это слишком упрощенный, а может быть, и чересчур идеологизированный подход. Что касается нестабильности, то это имманентная черта рыночной экономики. Инфляция — близкая соседка конкуренции. Там, где перераспределения ресурсов простым колебанием цен нельзя достигнуть, в дело вступает инфляция. Ее размеры могут быть очень различными. Независимо от этого инфляция — обычное рыночное явление. За исключением сильных инфляций и гиперинфляций, которые чаще всего, на наш взгляд, являются организованным событием. Спад производства также для рыночной экономики явление вполне рутинное. Он возникает во время обычных циклических кризисов. Однако наша страна переживает не просто циклический кризис, а трансформационный кризис. Уменьшение производства за годы реформ в два раза, конечно, не рутинное событие, а катастрофическое. Тем не менее сам факт снижения объемов производства не является аргументом о нерыночном характере экономики.

Вообще, вряд ли возможно посредством количественных параметров утверждать или опровергать качественную природу предмета. Так, в 1998 г. наблюдался спад в экономике на 4,6%, а в 1999 г. рост на 3,2%. Так что же, согласно этой логике, в 1998 г. экономика была переходной, а в 1999 г. стала рыночной?

В пользу переходного характера нашей экономики иногда приводят отсутствие цикла в период реформ. Однако об этом нельзя говорить слишком уверенно. Спад происходил непрерывно с 1990 по 1998 г., лишь в 1997 г. был небольшой рост в 0,9%. Но темпы спада довольно значительно колебались. Так, в 1990 г. и в 1991 г. они равнялись соответственно —2 % и —9 %, в 1992 г., 1993 г., 1994 г. —14,2 %, —24,3 % и —11,8 %. Затем в 1995 г., 1996 г., 1997 г., 1998 г., 1999 г., 2000 г. —4 %, —3,5 %, +0,9 %, —4,6 %, +3,2%, +7,2%. Колебания темпов спада можно трактовать как циклические. Это вполне логично. Природа рынка такова, что без цикла он не может двигаться ни вверх, ни вниз. Цикл — это дыхание рыночной экономики. Экономический рост происходит колебательно, кризис ритмично сменяется подъемом. Длительные спады, глубокие кризисы также протекают циклически. Это обусловлено структурой стоимости, являющейся фундаментом ры-

ночной экономики. В форме колебаний происходит экономическое развитие, когда макропоказатели за ряд циклов увеличиваются. По-видимому, и трансформационные кризисы, если они так или иначе связаны с рыночной экономикой, разворачиваются колебательно. Период цикла отличается в данном случае от периода восходящего цикла. Обновление капитала происходит иначе, чем техническая деградация. Здесь нет таких четких закономерностей, как при обновлении основных фондов. Разрушение и деградация основного капитала в гораздо большей степени подвержены влиянию случайных факторов, катаклизмов разного рода, поэтому в этом случае нет такого четкого ритма циклических колебаний, как при поступательном развитии. Колебания похожи на спазмы, но все же спад происходит в виде своеобразных колебаний.

Кризис, вызванный экономической реформой, является трансформационным. Великая депрессия 30-х гг. также представляла собой в определенной форме трансформационный кризис. Во время таких кризисов происходит коренное изменение экономической системы. В нашей стране демонтирована социалистическая плановая экономика и возникла капиталистическая рыночная экономика. Великая депрессия, наоборот, обнаружила предел существования рыночной экономики. Развитые страны в первой половине XX в. уже не могли эффективно развиваться в ее рамках. В этих странах в целях спасения системы были встроены элементы плановой экономики. Рыночная экономика трансформировалась в смешанную экономику, с пострыночными элементами, или, другими словами, в социально-ориентированную регулируемую рыночную экономику. Этот тип трансформации значительно отличается от того, что переживает наша страна. Во-первых, вектор трансформации в обоих случаях направлен диаметрально противоположным образом. Во-вторых, глубина трансформации в нашей стране намного превышает западный вариант. Там все же экономическая система была сохранена в прежнем качестве, но со значительными изменениями. У нас экономическая система была заменена полностью, до основания. Отсюда и большая величина спада производства, и большая протяженность кризиса.

Стоит отметить, что элементы плановой экономики, встроенные в рыночную систему западных стран, не просто спасли их от катастрофы, а через какое-то время принесли позитивные ре-

зультаты. Пострыночные экономические формы подтолкнули развитие постиндустриальной техники, информационных технологий. С этим связаны внутренние источники роста уровня жизни и социальное благодеяние этих стран в послевоенный период.

Таким образом, реальная действительность российской экономики полностью соответствует понятию рыночной экономики. Вожделенная цель достигнута. Именно это является основной причиной катастрофического кризиса, поразившего экономику и все стороны жизни общества. Неуверенные заявления официальных кругов о том, что в России построена рыночная экономика, соответствуют, на наш взгляд, действительности. Только точнее было бы говорить, что она не построена, а реставрирована. Если переход от рыночной экономики к плановой соответствует естественному ходу истории, то обратное движение возникает вследствие вынужденных обстоятельств. В нашей стране оно произошло как результат «холодной войны», где мы потерпели поражение.

Рыночная экономика в современном мире доминирует. Все страны мира втягиваются в рыночную реторту. В этой реторте оказалась и наша Россия. В «победоносном» шествии по миру рыночной экономики, как отмечалось, важно различать две тенденции: развитие рыночной экономики вширь (количественная динамика) и генерирование рыночными отношениями пострыночных форм, что тождественно самоотрицанию рыночных форм.

Вывод о рыночном характере экономики России немедленно выдвигает острую и жизненно важную проблему вхождения в мировое экономическое пространство.

Приобретение экономикой нашей страны рыночного характера к концу XX в. происходит в условиях активного процесса глобализации мировой экономики. Рыночная экономика нашей страны является открытой. Это означает, что она вступила в конкурентные отношения с мировой экономикой. Иных отношений рынок не признает и не допускает. Это обернулось бедой для нашей страны, поскольку конкуренции с мощным транснациональным капиталом, господствующим на мировых рынках, она не выдерживает. В силу того, что рыночная экономика не способна обеспечить высокие темпы роста, что признает даже М.Фридмен, перспективы вырваться из подчиненного положения поставщика сырья для стран Запада у нас более чем сомнительны. Однако это не означает, что выхода нет из рыночной ловушки. Выход в кор-

ректировке реформ в направлении действительных тенденций развития современной экономики.

Реформы должны быть нацелены на развитие прежде всего внутреннего рынка. Абсолютную открытость рынка чаще всего требуют страны, лидирующие на мировых рынках. Хотя трудно назвать страну, которая сама абсолютно открыта для иностранных товаров и инвестиций. Внутренний рынок нашей страны, по сути дела, безграничен по имеющимся материальным и интеллектуальным ресурсам. Рыночная экономика, подчиняясь своим внутренним законам, почти всегда приобретает национальные особенности. Это можно наблюдать, например, во всех европейских странах. Ориентация рыночной экономики России на преобладающее развитие внутреннего рынка неизбежно придает ей своеобразные черты, которые вместе со всеобщим рыночным содержанием и формируют национальную модель. Это не отрицает актуальности взаимодействия на международных рынках, интеграции в мировую экономику. Национальная модель развития экономики в рыночных условиях означает максимально возможную адаптацию опыта стран — технических лидеров к условиям нашей страны. Кроме того, и свой собственный положительный опыт в экономике, прежде всего планового периода, вовсе не обязательно импортировать с Запада. Из него особенно важно активное участие государства в экономической жизни. Из всех форм экономической политики наиболее эффективным является государственное инвестирование, стимулирование на государственном уровне инноваций, исходным пунктом которого является патронаж над развитием науки, и прежде всего фундаментальной. После оборонного приоритета, который для России во все времена всегда оказывался первоочередным, развитие науки должно стать главным предметом государственной деятельности.

Великая техническая революция, начавшаяся во второй половине XX в., сама по себе означает огромный рывок человечества вперед, к прогрессу. Однако она грозит принести ему и великие беды. Ситуация несколько похожа на ту, что сложилась в первую промышленную революцию. В те далекие, но врезавшиеся в историческую память времена страны — технические лидеры покорили огромную часть мира. Индустриальные технологии имели своим политическим следствием возникновение колониальной системы.

Современная научно-техническая революция начинает похожую работу. Страны-лидеры монополизируют продвинутые экономические пострыночные отношения, вытесняя и рекламируя традиционные рыночные формы в иные страны. Они монополизируют также специализацию на производстве информационных продуктов. Воспроизводимые материальные продукты, не научные и не развивающие интеллектуальный потенциал страны, сбрасывают в развивающиеся страны. Страны-лидеры быстро прогрессируют, а остальной мир технологически консервируется, хотя на первый взгляд здесь производятся современные товары.

Избежать участия зависимого придатка или неоколониальной судьбы огромное количество стран в одиночку не могут. Но Россия может. Она обязана не попасть в этот глобалистский рыночный капкан. Точнее говоря, Россия должна вырваться из капкана, в который она уже частично попала, превращаясь в страну сырьевой направленности. Это не означает, что изоляционистская политика с целью защиты внутреннего рынка соответствует нашим интересам. Напротив, необходимо стремиться не допустить этого. Изоляционизм в форме «железного занавеса» или «экономических санкций» исходит от стран — технологических лидеров и является средством сохранения их лидерства. По форме угроза изоляционизма имеет идеологическую подоплеку. Так, «железный занавес» был опущен Западом из-за неприятия коммунизма. Однако теперь совершенно ясно, что это способ обеспечения экономических преимуществ, который будет применяться при любых обстоятельствах. Раньше могло казаться, что давление Запада на нашу страну исходило от неприязни буржуа к общественной собственности и имущественному равенству людей. Теперь ясно, что дело заключается в обычной рыночной экспансии конкуренции, доходящей до войн, о чем справедливо говорил Дж.Кейнс. Применительно к нашей стране это означает, что для мощного развития Запада, возможность чего дает постиндустриальная техника, ему необходим контроль над всеми природными ресурсами Земли. Собственно, он его имеет повсюду, кроме нашей страны до недавнего времени. Отсюда следует, что национальный интерес нашей страны заключается в том, чтобы не встроиться в систему глобалистского разделения труда в качестве поставщика природных ресурсов. Это выгодно не нам.

Разделение труда, если оно не угнетает слабых, а равноправно, весьма экономически выгодно. Европа целых два столетия (XVI—XVII вв.) интенсивно развивалась главным образом за счет этого фактора. Если бы складывающаяся глобалистская система строилась бы действительно цивилизованно, она была бы величайшим благом. Однако сейчас встроиться в нее для России означает «проскочить между Сциллой и Харибдой». Отгородиться от глобализации нельзя. В одиночку ни одна страна, даже самая большая, при современных уровнях и темпах научно-технического прогресса не сможет развиваться без ущерба для себя и неизбежного отставания. С другой стороны, уговоренные в этой системе местозависимость и техническая отсталость.

И все же Россия обладает ресурсным потенциалом, позволяющим ей вырваться из капкана. Понимание этой задачи в настоящее время охватило все слои общества, включая, кажется, и власти. Это дает возможность изменить роль государства в экономике, что настоятельно доказывают российские экономисты. Они разработали значительное количество предложений и проектов в этом направлении. Выделим главное из них.

Из всего, что выше было сказано о функционировании в режиме рыночной экономики в условиях глобализации, следует, что единственная возможность встроиться в мировую экономику на равноправных выгодных для нас ролях состоит в приоритетном развитии российской науки. Наука — вот что должно быть важнее всего для государства. Именно это спасло нашу страну дважды в течение XX в. Две мировые войны разрушили ее до основания. После Первой мировой войны на фоне всеобщего голода, нищеты и разрухи первой зарубежной покупкой правительства был учебник по физике немецких авторов. А всего лишь через четыре десятилетия наша страна открыла человечеству путь в космос.

Наш собственный опыт убеждает, что сейчас положение трудное, даже опасное, но не безвыходное. Выход опять же такой, как и прежде. Это — рывок в научно-техническом отношении. Только в настоящее время этим надо заниматься гораздо более энергично, так как конкуренты на мировом рынке могущественны. Другой возможности занять передовые позиции в мировом сообществе, кроме приоритетного развития научных разработок, не существует. Вернее, в краткосрочном плане есть множество

факторов, которые способны немедленно обеспечить рост производства. Например, использование имеющихся незагруженных производственных мощностей; восстановление горизонтальных производственно-технологических цепочек, разорванных при разрушении СССР; увеличение платежеспособного спроса путем нового строительства и увеличение занятости; сокращение паразитирующих посредников; сокращение и контроль за фондовым рынком с целью защиты реального сектора; немедленное восстановление государственной монополии на водку и табак; деприватизация естественных стратегически важных монополий или по крайней мере контроль за их деятельностью в интересах страны; налаживание управления государственной собственностью с целью повышения ее доходности и т.д., и т.д. Однако все эти и множество других подобных мер способны увеличить темпы экономического роста, но не способны обеспечить достойное будущее России.

Содержание перечисленных кратко мер, не требующих больших капиталозатрат, заключается в восстановлении реального сектора экономики. Это диаметрально отличный подход в сравнении с проводимой все годы реформ макроэкономической политикой стабилизации, которая ограничивалась финансовой стабилизацией. Смена правительства, к сожалению, оставляла неизменной эту компоненту их деятельности.

Макроэкономическая стабилизация жесткого, шокового варианта или более умеренных вариантов направлена на контроль за количеством денег в обращении, что приводит к прекращению инфляционного роста цен. В жестком варианте это достигается ценой резкого увеличения безработицы, банкротства предприятий. Стабилизировав цены, согласно этим представлениям, правительство создает условия, при которых начинают действовать саморегулирующие силы рынка. А они-то и выведут экономику из пропасти. Слепая вера в силу рынка, а не точные научные знания о функционировании рынка лежит в основе макроэкономической политики кредитно-денежной направленности. Умеренные варианты более щадящие поступают с безработицей, допуская контролируемый рост цен. Они могут быть эффективны в случае не слишком глубоких кризисов. Это антикризисные меры при более или менее устойчивом состоянии экономики. Для решения проблем нашей страны они малопригодны. Жесткий же

вариант макроэкономической стабилизации способен погубить экономику. В нем с точки зрения теории экономический механизм поставлен с ног на голову, как следует из вышеприведенного анализа. Отсюда плачевые, разрушительные результаты его применения.

В отличие от монетаристских представлений трудовая теория стоимости доказала, что реальный сектор экономики является основой всего функционирующего рыночного механизма, в том числе и денежного. При глубоких кризисах потребуются многие десятилетия, чтобы их преодолеть воздействием денег. На это и рассчитаны предлагаемые меры финансовой стабилизации. При той разрухе, которую вызвали радикальный монетаристский вариант реформ, а затем монетаристские же варианты выхода из кризиса, не помогут и умеренные варианты макроэкономической стабилизации.

В связи с тем, что деньги, фондовый рынок, кредитная сфера, цены и прочие атрибуты номинальной экономики являются параметрами, производными от реального сектора экономики, становится ясно, что быстро устраниТЬ тяжелейший кризис они не в состоянии. Необходимо обратиться к первопричине, т.е. к реальному сектору экономики и его немедленному восстановлению. Признаки «залечивания ран» здесь появились в последний год ушедшего века. Наша страна пытается подняться с коленей. Необходимость восстановления реального сектора стала общенациональной идеей. Выбраться из пропасти, в которую мы попали, можно путем, противоположным тому, по которому толкают советники монетаристского толка.

Реальный сектор экономики сильно сократился за годы реформ и структурно деградировал, поскольку сильнее всего пострадали постиндустриальные виды производства и возросла сырьевая ориентация. Разрушение реального сектора осуществлялось посредством номинального сектора. Под бдительным оком советников-монетаристов номинальный сектор превратился в раковую опухоль в экономике, пожирающую реальный сектор. Вместо средства его развития он стал инструментом разрухи. Банки, финансовые страховые компании, инвестиционные фонды, расставивая общенациональную собственность и передавая ее в руки случайных и некомпетентных людей, подорвали национальную валюту, запустили инфляционный механизм. Активизация вхож-

дения в мировой рынок пока обернулась утечкой природных ресурсов, капиталов, мозгов за рубеж, долговой зависимостью и накрывающими страну волнами мировых финансовых катастроф.

Не допустить более спада производства и перейти к устойчивому росту можно быстро, и для этого не потребуется больших капиталовложений. Для этого достаточно загрузить неиспользуемые мощности предприятий и привлечь безработных. Однако препятствием является низкий платежеспособный спрос населения. Его нельзя увеличить простой инъекцией денег на потребительские расходы, т.е. путем повышения зарплат, пенсий и пособий. Это вызовет инфляционный эффект, который нивелирует увеличение денежной массы. Расширение платежеспособного спроса произойдет, если выплаты будут сопровождаться увеличением занятости, т.е. не в виде простой прибавки к заработной плате, а развертыванием реальной производственной деятельности, спрос на которую предъявляет не население, а государство. Затем это вызовет мультипликационный эффект в виде некоторого роста спроса населения. Но таким путем можно получить незначительные сдвиги из-за низких возможностей нашего госбюджета.

Гораздо эффективнее повысить платежеспособный спрос населения и инвестиционные возможности предприятий можно, резко сократив число посредников, освободив предприятия от этой кабалы. Для этого необходимо просмотреть все производственные цепочки административными методами. Конечно, без сопротивления посредники не переключатся в созидательную деятельность. Но все же работа по устраниению паразитарных элементов в экономике не требует значительных капиталов. А отдачу это даст немедленно, поскольку стоимость реально произведенного продукта можно направить на увеличение зарплаты. Это приведет, во-первых, к неинфляционному росту платежеспособного спроса, во-вторых, огромная армия посредников, среди которых вынуждены были оказаться инженеры, учителя и другие квалифицированные кадры, переключается в реальную работу.

Другой неотложной мерой восстановления реального сектора является изменение статуса естественных монополий. Конечно, это сложная проблема. Она будет анализироваться ниже обстоятельнее. Тем не менее очевидно, что передача их в частную, акционерную или смешанную собственность не принесла положи-

тельных результатов. Инвестиции на этих предприятиях сокращаются, убыточность возрастает, налоговые поступления в бюджет сокращаются в десятки раз в сравнении с дореформенным периодом. Новые хозяева лишь разоряют им же принадлежащие предприятия и перекачивают деньги на свои личные счета в зарубежных банках. Национализация стратегически важных предприятий сразу же, без особых затрат, позволила бы быстро накопить инвестиционный капитал, что немедленно, в течение полугода, обеспечило бы экономический рост на уровне 4–5% только за счет этого фактора. В ряду этих же мер находится и восстановление государственной монополии на табачные и вино-водочные изделия. Страхи войны со стороны олигархов сильно преувеличены. Это не хозяева, а мошенники, и потому — колоссы на глиняных ногах.

Еще одной неотложной мерой, доступной без больших затрат, может стать государственный менеджеризм. Государственная собственность сейчас почти не приносит дохода, ни в виде прибыли, ни в виде дивидендов. Между тем именно мы располагаем здесь огромным и уникальным опытом. Нам просто надо поучиться у самих себя, ведь управлению государственными предприятиями Запад не так давно учился у нас. Главное препятствие в налаживании эффективного управления государственной и смешанной собственностью заключается в коррупции, но ее можно победить, мы это тоже делали не в столь отдаленные времена весьма успешно.

Восстановление реального сектора конечно же будет весьма затруднено, если одновременно не оздоровить номинальный сектор. Его работа не должна ограничиться регулированием денежной массы и ставки процента. Этого слишком мало. Необходимо добиться немедленного прекращения спекулятивных финансовых операций, перекачки капиталов из реального сектора в спекулятивную деятельность. Номинальный сектор должен выполнять свою миссию в экономике: аккумулировать свободные денежные средства и превращать их в инвестиционные ресурсы. Этого можно достигнуть, опять же без особых затрат, методами кредитно-денежной политики Центрального банка, законодательными и административными изменениями финансовой сферы. Кроме того, оздоровление реального сектора невозможно без защитных мер от агрессии фондового рынка. Ограничение объема свобод-

ной купли-продажи акций в качестве одной из них в последние годы практикуется даже в западных странах. У нас это необходимо сделать первоочередным образом. Фондовый рынок не столько инвестирует реальный сектор, сколько выкачивает оттуда реальные деньги, заменяя их суррогатами. К тому же он сильнее всего подвержен контролю со стороны международных спекулятивных фондов и криминальных сил.

Существует немало иных способов перехода к экономическому росту, не требующих больших средств. Выше названы лишь некоторые из них. Однако коренного перелома в экономическом развитии они не способны обеспечить. Их привлекательность в доступности, легкости и быстроте. Они буквально лежат на поверхности. Ничего, кроме политической воли, здесь не требуется. И все же только этими мерами ограничиться нельзя. Они способны дать небольшой, однопорядковый экономический рост. Этого недостаточно для того, чтобы преодолеть последствия десятилетнего кризиса и вновь вернуться с исторической обочины, куда нас столкнули без особого сопротивления с нашей стороны, на арену исторического развития.

Основное, что необходимо достичнуть нашей экономике, — это интенсивный экономический рост, т.е. осуществить прорыв в техническом прогрессе, в постиндустриальных технологиях. Наша экономика все еще располагает здесь значительным потенциалом. Имеются отрасли и продукция, вполне конкурентоспособные на мировом рынке: атомная энергетика, космическая, авиационная техника, продукция ВПК, химическая продукция. Одни виды продукции конкурентоспособны по качеству, другие — по себестоимости. Однако существуют сложности выхода на мировой рынок, который жестко контролируется государствами и транснациональными монополиями. Нас допускают на этот рынок в роли поставщика природных ресурсов, которыми нас наградила природа, как бы компенсируя сурвый климат.

Выход на мировой рынок нам необходим, и наши предприятия могут находить здесь свои ниши. Но не это должно быть для нас предметом главной заботы. Главное же в том, что у нас существует необъятный внутренний рынок. Основные фонды предприятий устарели, амортизация много выше объема инвестиций. Найти траекторию развития экономики, где можно было бы получать хорошее качество и высокие темпы экономического роста, —

вот где должна сконцентрироваться вся энергия страны. Эта задача тождественна поиску прорывных направлений технического прогресса. Ее не решить без огромных капиталовложений. Но этого мало. Надо вновь определить то основное звено, которое позволило бы вытащить всю цепь. Таких звеньев много. Вернее, их много, но среди многих существует важнейшее. Им является наука, прежде всего фундаментальная, а затем отраслевая. Основная часть накапливаемых в госбюджете средств для экономического развития должна быть инвестирована в науку и поддержку наукоемких технологий. Только это способно обеспечить России достойное место в XXI в. Кроме того, весьма слабо используется прибыль частного сектора для вложений в научно-исследовательские проекты. Капитал частного сектора вполне способен существенно влиять на развитие отраслевой науки, что пока не заметно. Механизм привлечения частного сектора к научным исследованиям существует в западных странах. Существует и механизм довольно жесткого контроля со стороны государства за этим процессом. Вот этот опыт можно заимствовать без ущерба для национальной безопасности в отличие от схем приватизации и финансовой стабилизации.

Открытость российской экономики делает ее уязвимой от финансовых потрясений на международных рынках. Финансовый кризис, потрясший фондовые биржи в конце 1997 г., обнаружил огромные масштабы капитала, бесконтрольно обращающегося на мировых финансовых рынках с целью организации чисто спекулятивных операций. Его величина, по разным подсчетам, превышает в 25–80 раз совокупный ВВП стран ОЭСР. По сообщениям печати, некоторые концерны на снижении курса акций в течение нескольких дней получали прибыль, исчисляемую десятками миллиардов долларов. Финансовый кризис показал, что рынки ценных бумаг служат не столько механизмом привлечения инвестиционных ресурсов в реальный сектор, сколько механизмом перекачки сырьевых и производственных ресурсов России на Запад, а финансовых ресурсов — международным спекулянтам. По этой причине простого государственного контроля за рынками ценных бумаг недостаточно. Необходимо, по нашему мнению, принципиально уменьшить роль этого канала перераспределения ресурсов в экономике. Даже в благополучные времена фиктивный капитал ведет к резкому увеличению трансакционных издержек.

Облегчая процесс перелива ресурсов, рынки ценных бумаг служат вместе с тем фактором увеличения издержек и снижения общей эффективности. Именно поэтому тенденция возникновения в развитых странах Запада закрытых акционерных предприятий с собственностью рабочих является не только новейшей реакцией на техническое развитие современной экономики, но и формой сопротивления реального капитала разрушительному влиянию спекулятивного капитала на реальный сектор, формой самосохранения реального капитала. На наш взгляд, опасность такого рода разрушений для России многократно увеличивается двумя обстоятельствами: огромными размерами национального капитала, функционирующего в спекулятивных сферах; слабыми конкурентными позициями национального капитала во взаимоотношениях с транснациональным капиталом.

Экономика нашей страны стала бы здоровее и более эффективной в том случае, если бы акционирование проводилось не в западном «классическом» варианте, а в модифицированном. Помимо увеличения роли трудового коллектива, необходимо резко снизить оборот акций на фондовом рынке. Может быть, даже отказаться от него. Это снимет удушающее действие спекулятивного капитала на реальный сектор. Основанием для такого утверждения служит реальный опыт предприятий с собственностью рабочих в западных странах, который не является случайным, а рожден современным техническим уровнем экономики.

Помимо преобразования внутреннего механизма акционерного предприятия существует другой канал усиления эффективности и устранения недостатков этой формы. Речь идет о государственном воздействии на нее. В результате усиливается «внешняя» экономия, т.е. рационализируется взаимодействие структурных элементов экономики.

Государственное влияние на деятельность акционерных предприятий осуществляется посредством участия в пакетах акций, владения контрольным пакетом акций предприятий, имеющих стратегическое значение. Благодаря этому государственные органы имеют возможность принимать или влиять на управленческие решения предприятия. Это означает, что благодаря такому взаимодействию повышается согласованность частных интересов акционерного предприятия или финансово-промышленной группы в жизненно важных пунктах. Тем самым уменьшается частный

характер собственности акционерного предприятия и усиливается общественный, а следовательно, посредством генерирования «внешней» экономии повышается «внутренняя» экономия предприятия и эффективность экономики в целом. Лишь внешнее воздействие государства способно уменьшить оборот спекулятивных операций, питательной средой которых является «рантьевское» лицо акционерных обществ.

Как можно убедиться по литературе, по результатам научных обсуждений, существует широко распространенное среди экономистов убеждение о том, что объемы, способы влияния государства на экономику, и прежде всего на инвестиционный процесс, должны быть резко повышенны.

Абсолютные размеры государственной собственности малы. Управление ею, чему совсем недавно весь мир учился у нас, неэффективно. Российская экономика должна содержать мощный госсектор, позволяющий осуществлять прямые инвестиции в экономику, реализовывать технические проекты стратегической важности для экономики в целом в интересах экономической безопасности нашей страны.

Россия обладает интеллектуальным потенциалом, достаточным для того, чтобы при необходимом ресурсном обеспечении перенести акцент на информационное и высокотехнологичное развитие экономики. Конечно, за годы реформ он сильно пострадал, но не уничтожен. Мы располагаем технологическими разработками прошлых лет, которым до сих пор нет аналогов в мире (до 600, как сообщалось в печати). Но старым багажом долго не проживешь. Надо восстанавливать, а по возможности и обновлять приоритетное развитие фундаментальной науки. Это, конечно, дорогостоящий путь. Но иного не дано. Только на основе опережающих научных разработок можно прорвать монополизм глобалистского общества и взаимодействовать с ним на взаимовыгодных принципах.

Рыночная экономика не способна давать высокие темпы роста. Даже самые великие ее певцы (монетаристы) оценивают ее возможности в 2–4% ежегодно. Имеются примеры весьма высоких темпов (10–12%), но это связано с особыми благоприятными условиями. Например, ограничение расходов на оборону в странах, которые были агрессорами во Второй мировой войне, позволило им направить весьма значительную часть ресурсов непосред-

ственno на экономические цели. Это дало рост ВВП и уровня жизни населения в короткие сроки. Если в обозримом будущем наша экономика будет воспроизводиться в качестве рыночной, то на этот период единственный способ нивелировать неспособность рыночной экономики к высоким темпам роста будет тот же, что и у западных стран в довоенное время. В теории этот способ был сформулирован В.И. Лениным, а позднее, в более мягком варианте, — Д.М. Кейнсом. Способ нейтрализации слабых мест рыночной экономики — активная государственная экономическая деятельность. Необходимость этого сейчас осознана практически всем обществом — и учеными, и политиками (в том числе государственными институтами), и населением (за исключением крайне правых либералов, число коих в стране невелико).

Проблем, вставших перед Россией в канун третьего тысячелетия, множество. Среди них имеются наисложнейшие: как сохранить страну, обеспечить национальную безопасность, в то же время интегрироваться на равноправных началах в мировое сообщество и т.д. и т.п. Тем не менее все же в бесконечно длинной цепи проблем имеется, как это уже было в нашей истории, единственное, которое явится спасительным средством решения всех остальных проблем. Это — научно-технический прогресс.

Предпосылкой быстрого экономического роста является изменение структуры воспроизводственного процесса. Топливно-сыревая направленность воспроизводства в скором будущем неизбежно, независимо от уровня мировых цен, приведет к снижению национального производства. Сыревые отрасли подчинены действию закона убывающей отдачи. Возрастающая же отдача возникает из деятельности человека. Говоря другими словами, технический прогресс является единственным средством устойчивого развития страны.

Активная экономическая деятельность государства должна быть сфокусирована на обеспечении непрерывного прогресса в научно-техническом отношении. Все традиционные инструменты бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики могут быть настроены на такой результат. Однако их все же для решения упомянутых задач, на наш взгляд, недостаточно. Эти косвенные регуляторы должны быть дополнены прямой инвестиционной деятельностью правительства. Весь спектр научно-технического продукта должен быть сферой государственной деятельности: от

школьного образования, подготовки научных кадров, инвестиций в фундаментальные исследования, прикладные научные разработки до прямых инвестиций в производственные предприятия в форме госзаказов и госзакупок, а также в строительство новых крупных государственных предприятий.

Определение направления научно-технологического прорыва вряд ли может быть по силам экономисту. Это компетенция естественных наук. Тем не менее тенденции, управляющие мирохозяйственными связями, подсказывают, что прорывными технологиями и научными идеями могут быть те, которые лишат или ослабят монополию нескольких стран на информационные технологии. Монополия всегда означает одностороннее присвоение преимуществ. Глобализация все более принимает вид диктата одной страны над всем миром. Решение проблемы, вполне возможно, лежит в научно-технической сфере. Прорывными технологиями окажутся те, что подорвут монопольные позиции стран — технологических лидеров. Доступнее всего для нашей экономики увеличить удельный вес информационного продукта и информационных технологий. Монополизм стран именно здесь наилучше выражен. Продвинуться на мировом рынке в этой области нам вполне по силам. Действительно, в этой области наша страна традиционно занимала лидирующие позиции. Научный сектор был создан в плавный период. В его создание, поддержание и развитие были вложены огромные инвестиции. Сейчас ситуация проще. Его не надо создавать. Инвестиции на обновление материальной базы, на оплату исследовательских проектов не так велики, как на создание научной отрасли. Необходимо создать предпосылки для того, чтобы вложения в науку прежних десятилетий вновь начали приносить отдачу в виде новых фундаментальных знаний и прорывных технологий, способных повлиять на экономическую эффективность и обеспечить стране выход на мировой рынок.

Основным для России, как и для любой крупной страны, является внутренний рынок. Обеспечение конкурентоспособности, повышение жизненного уровня населения в условиях глобализации тождественно сохранению национальной независимости. И вновь надо сказать, что единственным средством здесь является научно-технический прогресс. Но именно это оказалось слабым местом реформ. Внимание к этой сфере на целое десятилетие отсутствовало в коммерческой и государственной деятельности. Без

устранения странового монополизма в научно-технической сфере глобализация и гуманизация будут противоречивыми явлениями.

Таким образом, из двух точек зрения о природе современной экономики — переходная к рыночной и уже ставшая рыночной — анализ больше подтверждает последнюю. Доказательство наемной формы труда и частной собственности на средства производства всегда тождественно рыночной экономике. Если доказано существование капитализма, тем самым доказан рыночный характер экономики. На этом основании необходимо в макроэкономической политике ориентироваться не на монетаристские гипотезы, научная достоверность которых весьма сомнительна, а на основной тезис трудовой теории стоимости о приоритете реального сектора в качестве основы всего функционирующего рыночного механизма.

Вывод о рыночном характере российской экономики не противоречит существованию переходных экономических форм — пострыночных и возродившихся в последние десятилетия дорыночных, натуральных отношений. Последние существуют в небольшом объеме. Бартерные сделки сюда не относятся, это все же рыночные связи между предприятиями или предприятия с наемными рабочими, свидетельствующие о болезнях внутри рыночной системы, — возникающие либо по причине низкой монетаризации экономики, либо как способ утаивания налогов, либо как форма сохранения прежних кооперационных связей предприятий, функционировавших раньше в одной финансовой сфере, теперь в различных, и др. Дорыночные отношения можно обнаружить в видах деятельности крестьян, занимающихся самообеспечением в каком-то объеме без обращения к рыночному обмену или в огороднической деятельности горожан, производящих продукцию для самообеспечения. Полное, абсолютное самообеспечение без посредничества рынка сейчас, конечно, отсутствует. Но частичная деятельность такого рода все еще существует. Гораздо чаще встречаются пострыночные формы. Они иногда характеризуются некоторыми авторами как «обломки плановой экономики». К ним относится все, что называется «некоммерческими» структурами.

Факты существования нерыночных форм не опровергают тезиса о рыночном характере экономики в том случае, если он доминирует, преобладает. В таком случае нерыночные отношения

оказываются встроенным в рыночные. Преобладание рыночных отношений в экономике западных стран, которую обычно называют смешанной, выражается, в частности, в том, что государственные предприятия встроены в рыночный хозяйственный механизм. Хотя прибыль довольно часто не ставится в виде цели деятельности государственных предприятий, они подчиняются правилам конкуренции на рынке. Из всех переходных форм государственные предприятия и экономическая деятельность государства являются наиболее продвинутыми. Однако в экономике России преобладают частные предприятия. Именно преобладание частных предприятий накладывает рыночный характер и на самую продвинутую в пострыночном отношении государственную собственность, превращая ее всего лишь в переходную форму. Россия в данном случае не исключение. Переходные формы распространены повсюду в мире. О характере же экономики судят по господствующему типу связи. В России им теперь является отношение наемного труда и капитала, или частная собственность на средства производства, что обязывает сделать вывод о рыночном характере экономики.

§ 2. Эволюция рыночных отношений в России

Рыночная экономика не является для России незнакомой. Рынок в России бурно развивался во второй половине XIX в. С тем, чтобы уточнить особенность нынешнего момента, обратимся к эволюции рыночной экономики в России. Теоретический материал для этого имеется благодаря исследованию, выполненному В.И. Лениным в труде «Развитие капитализма в России». Мы имеем аргументированное знание о развитии рыночных отношений в России второй половины XIX в.

Из полученных в этом исследовании теоретических результатов фундаментальное значение имеет вывод о том, что после реформы 1861 г. в России бурно развивался капитализм. Несмотря на остатки феодальных отношений, к концу прошлого века экономика России была рыночно-капиталистической. В то время в экономике преобладал аграрный сектор, но это не дает основание относить страну того времени к аграрной цивилизации или к феодальному способу производства, поскольку в аграрном секторе повсюду происходило бурное становление капиталистических отношений. Как показал В.И. Ленин, исходным пунктом разви-

тия капитализма в России был именно аграрный сектор. Экономические преобразования начались в производстве основных продуктов — зерна, молока, льна.

Основным аргументом вывода о капитализации российской экономики послужили два крупных процесса, подтвержденных статистически и богатым фактическим материалом. Во-первых, — это наличие и высокие темпы роста наемной рабочей силы в земледелии, животноводстве, промышленности, торговле и других отраслях экономики. Весьма важно и, на наш взгляд, верно замечание В.И. Ленина о том, что значение самого факта существования наемных рабочих много больше их абсолютных размеров. К концу века, по подсчетам В.И. Ленина, из 15,5 млн. занятого населения около половины всего взрослого мужского населения страны жило исключительно продажей рабочей силы. Кроме того, большая часть занятого населения представляла наемных рабочих с небольшими земельными наделами. На ранней стадии развития капитализма в России наблюдалось большое разнообразие типов наемной рабочей силы. Этому предшествовало еще большее разнообразие типов крестьянства как следствие разнообразных форм личной зависимости средневековых институтов. И то и другое с развитием капитализма унифицируется. «Медвежьи углы и захолустья, будучи исключением уже теперь, с каждым днем становятся все более и более антикварной редкостью, и земледелец быстрее и быстрее превращается в промышленника, подчиненного общим условиям товарного производства»¹.

Во-вторых, — это существование товарного обращения. В этот период быстро развивалась материальная инфраструктура обращения (железнодорожная сеть с 1865—1904 гг. увеличилась почти в 18 раз, судоходство по вместимости грузов — более чем в 12 раз). Активно развивалась внешняя торговля. Внешнеторговый оборот в расчете на душу населения увеличился более чем вдвое. Почти по всем показателям внутренний рынок страны развивался много быстрее, чем внешний. Помимо развития материальной основы товарного обращения к концу века в стране существовал развитый финансовый рынок. О его бурном развитии можно судить по увеличению кредитов Государственного банка (в 6—7 раз), росту ссудо-сберегательных товариществ и касс (с 75 в 1880 г. до 6557 к 1904 г.), числа вкладчиков и сумм вкладов на текущих счетах.

¹ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 3. С. 307.

Кстати сказать, весьма полезно сравнение вкладов населения в России и Франции в начале века (1901—1904 гг.) в связи с запущенностью проблемы «сбережения — инвестиции» в современных западных трактовках. В России было 5,1 млн. вкладчиков, во Франции — 10,5 млн. На долю 58,7% вкладчиков приходилось 6,6% всей суммы вкладов; 61,9% вкладов крупных размеров принадлежало 12,7% населения. Во Франции на долю 70,9% вкладчиков приходилось 14,7% вкладов; 68,7% вкладов крупных размеров принадлежало 18,5% вкладчиков. Небольшая часть населения накапливает капиталы. Мелкие вклады «сберегаются», но к накоплению капитала отношения не имеют. Инвестирование в западной традиции связывается со сбережениями всего населения со времени Сэя и по сей день. Приведенные из работы В.И. Ленина данные показывают, что вклады небольших размеров являются потребительскими, ибо помимо вкладов существуют и потребительские кредиты. Небогатые люди кредитуют друг друга посредством банков, но не накапливают капитал для инвестиций.

Однако вернемся к основной теме — становлению рыночных отношений в России.

Итак, существование и бурное развитие наемной рабочей силы и товарного обращения свидетельствовали о развитии во второй половине XIX в. капитализма в России. Помимо того, решающее значение для определения типа экономики имеет уровень развития технической основы. Развитие капитализма в России происходило в форме бурного возникновения кустарных промыслов в деревнях, т.е. зарождения мелкого промышленного производства в аграрном секторе. Кустарные промыслы расширялись, превращаясь в мануфактуры, которые довольно быстро перерастали в крупную машинную индустрию. В.И. Ленин приводит факты о происхождении мелких русских фабрикантов из кустарей (Морозовы, Бобровы, Завьяловы и т.д.). Крупные предприятия с машинной техникой к концу века имелись в текстильной, химической, металлургической, горнодобывающей, деревообрабатывающей, лесной, строительной промышленности. Процесс концентрации производства, т.е. рост крупных фабрик (на рубеже веков это более 100 рабочих), происходил весьма интенсивно. Так, в 1879 г. крупные фабрики, составляя 4,4% от общего числа фабрик и заводов, сосредоточивали 66,8% всех рабочих и производили 54,8% промышленной продукции. В 1903 г. они составля-

ли 17% всех фабрик и заводов. Здесь было занято 76,6% всех рабочих (данные только по европейской части России). В целом, по подсчетам В.И. Ленина, 3/4 всех фабрично-заводских рабочих были заняты на крупных фабриках на постоянной основе.

Россия позднее многих европейских стран перешла к капитализму, но зато в течение второй половины XIX в. и до Первой мировой войны по всем показателям капитализм в России развивался более бурными темпами, чем в старых европейских странах, наверстывая упущенное.

Таким образом, фундаментальное значение имеет общий вывод, сделанный В.И. Лениным на основе детального изучения всех сторон экономической жизни России, о том, что на рубеже веков в России экономика уже была рыночной, капиталистической¹, причем развитие рыночных отношений происходило весьма интенсивно и вглубь (качественно), и вширь (вовлекая в свою орбиту все большие отрасли, территории).

В.И. Ленин оценивал развитие капитализма в России как явление прогрессивное, хотя и противоречивое. Прогресс заключался в повышении производительности труда, росте жизненного уровня рабочих, освобождении от личной зависимости и увеличении демократических свобод и т.п. В этой оценке он расходился с народниками, которые воспринимали развитие капитализма как утерю самобытности России.

Промышленность размещалась в трех центрах: в городах, фабричных селах и в «кустарных» селах. Согласно данным статистики, не менее половины фабрично-заводских рабочих находились вне городов. «Этот вывод имеет важное значение, ибо он показывает, что *индустриальное* население в России значительно превышает своими размерами *городское* население», — пишет В.И. Ленин².

Между тем несовпадение промышленного и городского населения не учитывалось при оценке исходного пункта социалистической революции в России. В 1913—1917 гг. городское население России составляло 18%, а сельское — 82%. Отсюда делался вывод

¹ Об эволюции оценок В.И. Ленина меры развития капитализма в России см.: Черковец В.Н. Синтез науки, идеологии и политики. Развитие капитализма в России — сто лет спустя / Под ред. Ю. М. Осипова и др. Москва — Волгоград. 1999. С. 22—24.

² Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 3. С. 523.

о технической и социальной отсталости России, а экономику характеризовали как аграрную. Этот вывод разделяли противники социалистической революции, утверждая, что она преждевременна. В советский период суждение о преобладании аграрного типа российской экономики и об ее отсталости было достаточно распространенным.

Ленинский анализ дает основание сомневаться в правильности таких оценок. Соотношение между сельским и городским населением не является точным критерием промышленного развития экономики. Можно добавить к этому, что в 1913 г. Россия по объему производства электроэнергии занимала 8-е место в мире и 6-е в Европе; по добыче нефти — 2-е место в мире и 1-е в Европе; по производству стали — 5-е место в мире и 4-е место в Европе; по продукции машиностроения — 4-е место в мире и 3-е место в Европе. Более правильным будет оценивать экономику России к этому времени как капиталистическую среднего уровня развития в мировом и европейском измерениях.

Экскурс в прошлое экономического развития России необходим не только ради исторических целей, но главным образом с тем, чтобы иметь ориентиры для понимания современных процессов, переживаемых страной.

В последние годы российские экономисты предпочитают не пользоваться термином «капитализм». В ходу термины «рыночная» экономика, «смешанная» экономика, причем зачастую не уточняя, из чего состоит эта «смесь». Западная же традиция опирается на термин «капитализм» и «рынок» практически как синонимы.

В советской научной литературе велись диспуты относительно соотношения капитализма и рынка. Пожалуй, наиболее распространенным было представление о том, что капитализм является рыночной экономикой, но рынок шире, чем капитализм, так как он существовал до него и после него, при социализме. Однако если обратиться к наиболее точному из известных науке определений этих понятий, то всеобщим товарное производство является только при капитализме, до него и после него таковым не является. А это не только пространственная ограниченность, но и неразвитость содергательная.

Кроме того, часто можно встретить точку зрения о соотношении понятий «капитализм» и «рынок» как целого и его части.

Рынок отождествляется с товарным обращением, а капитализм как единство производства и обращения. Однако, обращаясь опять же к строгим определениям, обнаруживаем, что капиталистическое производство — это производство не только полезных товаров и услуг, но и их стоимостей. Именно по этой причине возникает товарное обращение.

Таким образом, имеются основания считать понятия капитализм и рынок как тождественные. Собственно говоря, старые споры о соотношении капитализма и рынка, социализма и рынка, помимо чисто теоретического решения, разрешил и опыт последних реформ в нашей стране. Вначале речь шла о переходе к рыночному механизму как более эффективному в сравнении с плановым, при обязательном сохранении социалистических принципов как более гуманистических. По мере и одновременно с развитием рыночной инфраструктуры и расширением действия рыночных сил (свободных цен, конкуренции, свободы предпринимательства и т.п.) происходила концентрация частной собственности на ресурсы, доходы, имущество, возникала капиталистическая структура общества, был уничтожен социализм и неожиданно для многих возник капитализм. Но этот термин вызывает у многих негативную реакцию, поэтому пользуются термином «рыночная» экономика.

Небольшой экскурс в теорию с целью уточнения понятий «капитализм» и «рынок» потребовался для того, чтобы выяснить направление перехода экономики нашей страны накануне XXI в. Куда же мчится Россия столетие спустя, после того как в ней утвердились рынок и капитализм?

Результатом наиболее глубокого исследования экономики России конца прошлого века, проведенного В.И. Лениным, является вывод о ее капиталистическом характере. Доминирующей линией исследования является развитие именно внутреннего рынка. Автор придавал этому настолько важное значение, что вынес его в подзаголовок своего труда. Интенсивное развитие этого качества, бурные темпы капитализации российской экономики в последующие годы вплоть до Первой мировой войны, разумеется, развили и углубили рыночную природу российской экономики.

Теоретические результаты, полученные В.И. Лениным в процессе исследования экономики России второй половины прошлого

го века, к концу ХХ в. приобрели особую актуальность. Его труд «Развитие капитализма в России» в этой связи продолжает составлять золотой фонд экономической науки. Истины, ставшие однажды известными, вообще говоря, редко стареют. Даже если исчезает сам объект, к которому истина относится. В таком случае она может служить ориентиром для распознавания нового объекта.

Если сопоставить две временные эпохи — конца XIX в. и конца ХХ в., то нельзя не увидеть, что, похоже, реформаторы повернули ход событий вспять. Рыночные реформы означают попытное движение страны, движение в прошлое, к отживающим формам хозяйствования. Реставрация рыночных форм хозяйствования вызвала глубокий, длительный кризис, сопровождающийся целым рядом негативных последствий в социальной сфере, образовании, науки, наконец, в нравственном климате общества. И глубина и протяженность кризиса указывают на регрессивную направленность перехода нашей экономики. Многие отечественные ученые отмечают именно такой характер происходящего трансформационного процесса в экономике. «Переход к капитализму в России не повышает, а понижает уровень обобществления труда и производства, достигнутый к 1990 г., и потому означает не прогресс, а исторический регресс»¹, — пишет В.Н. Черковец. Достаточно распространено и другое понимание происходящей эволюции. Реставрацию капитализма в нашей стране многие авторы расценивают как вхождение в русло общемирового развития, которое было прервано в начале ХХ в. Результаты практические, скажем, в объеме ВВП, производительности труда, образования, науке, социальной сфере, которые достигались за десятилетний период плановой экономики (любые из двух пятилеток) и десятилетие рыночных реформ, заставляют относиться к такой оценке с сомнением.

Вывод о реставрационном характере реформ не опровергается тем, что рыночная экономика в процессе своего функционирования меняется, обогащается. В странах рыночного типа экономика прошлого и нынешнего века конечно же изменилась весьма существенно. Однако какими бы колоссальными эти изменения ни

¹ Черковец В.Н. Синтез науки, идеологии и политики // Развитие капитализма в России — сто лет спустя. Другие авторы там же: с. 209—211; с. 222, с. 334—335; с. 408 и др.

казались, если тип экономики не изменился качественно, т.е. сохранилась одна и та же его фундаментальная основа, то в этих масштабах изменения не являются значительными. Точнее говоря, их недостаточно, чтобы преобразовалась экономическая система в качественно новую, как сейчас говорят, в пострыночную.

В каких бы терминах мы ни формулировали содержание происходящего ныне переходного или трансформационного процесса нашей экономики, ясно, что это движение от пострыночной, плановой экономики к рыночной, каковою она была в течение второй половины XIX в. и первой четверти XX в. Аргументы о том, что это прогрессивное движение, а не движение вспять, отсутствуют. Они сводятся, в основном, к тому, что западные страны достигли заметного и более высокого, чем наша страна, благополучия широких слоев населения. Аргументы такого рода весьма зыбки, поскольку можно привести гораздо большее число стран, где рыночная экономика не дала таких результатов, например страны Латинской Америки. В то же время уровень жизни богатых стран определяется не только эффективностью рыночного механизма, но и многими другими обстоятельствами.

Научные результаты, полученные В.И. Лениным о рыночном капиталистическом характере российской экономики на рубеже веков, являются наиболее прочной основой понимания направления трансформации экономики в ходе современных реформ. Однако конечно же реставрация рыночной системы, происходящая в последнее десятилетие, отнюдь не означает возвращения страны в ту же самую точку.

Сохраняют свою истинность хорошо известные определения основных тенденций развития экономики в первой четверти XX в. как монополистического и государственно-монополистического капитализма. А между тем эти характеристики, кстати говоря, существенная разработка которых принадлежит В.И. Ленину, являются верными и к концу XX в. Это остается наиболее глубоким выражением современной экономики. XX в. к этому добавил нарастающий объем переходных пострыночных форм, видимым образом проявляющихся в усилении регулируемости экономических процессов и социализации общественной жизни. Последнее дало основание для появления тезиса о «смешанном» характере современной экономики. Однако это определение хотя и отражает в какой-то степени действительные признаки современных тенден-

ций, все же слишком аморфно и неопределенno. В современной американской литературе экономику США характеризуют как экономику крупного бизнеса с преобладанием транснациональных корпораций. После Второй мировой войны обнаруживается тенденция роста государственного вмешательства в экономику практически во всех западных странах. Она действует волнообразно. Процессы национализации и приватизации сосуществуют, постоянно сменяя друг друга. Однако общий результат усиления государственных форм экономической деятельности бесспорно статистически подтверждается. Отсюда следует, что современная экономика развитых стран продолжает носить монополистический и государственно-монополистический характер с элементами переходных пострыночных, посткапиталистических форм. И все же доминирует пока еще первое из названных качеств, о чем свидетельствует неравномерность распределения богатства, доходов, имущества в развитых странах.

Реалистическая в России рыночная система в современных условиях не может не быть монополистической. Таковы закономерности развития рынка. Ведь основной рыночной силой является конкуренция. А она неизбежно приводит к концентрации капиталов и к монополиям. Монополия — обратная сторона конкуренции. Необходимость возникновения монополистических рыночных форм усиливается к тому же еще и тем, что исходным пунктом трансформации являются крупномасштабные социалистические хозяйствственные структуры, которые преобладающим образом (хотя и не во всех отраслях) более эффективны, чем мелкие. Крупные социалистические предприятия отнюдь не представляли собой монополий, как часто утверждают. Монополия — чисто рыночная структура, означающая власть над рынком в разных формах, чаще всего в виде контроля над ценами и объемами продаж.

Монополия является неизбежным продуктом конкуренции. Конкуренция приводит к концентрации производства и к монополиям в конечном счете. Это хорошо известно отечественным экономистам, в том числе из трудов В.И. Ленина. Монополистическая стадия капитализма является прогрессом в развитии производства и общества. Она обеспечила большую экономию ресурсов, издержек, а следовательно, и более низкие цены на товары массового потребления и достаточно высокий жизненный уро-

вень широких слоев населения в развитых странах. В известном смысле все монополии являются «естественными».

Однако прогресс монополистической стадии капитализма не абсолютен. Он несет в себе одновременно и многие минусы, которые раскрыты и в трудах В.И. Ленина. Современные модели, доказывающие более низкий уровень монополий в сравнении с конкурентными предприятиями, представляют собой реакцию экономистов и в целом общественной мысли на негативные стороны монополий. Одним из самых неприятных среди них является то, что появление монополий означает политическую власть узкой группы людей над обществом, что для большинства современных демократически мыслящих людей неприемлемо. Тем не менее демократизация общества ценой возврата в конкурентную среду, более характерную для прошлых веков, явилась бы общественным регрессом. Это означало бы снижение экономической эффективности и уровня жизни людей.

Необходимость высококонцентрированного крупномасштабного производства для нашей страны помимо чисто экономических преимуществ усиливается географическими, природно-климатическими особенностями. Эффект от масштаба здесь выше в сравнении с Западной Европой и даже США. Это поистине богатство, которым нельзя пренебречь и которое в прошлой истории приносило нам немалую пользу. Было бы непростительной ошибкой идти по линии разрушения крупных предприятий в базовых отраслях экономики, где продукт носит массовый и унифицированный характер. К тому же нельзя забывать, что по уровню концентрации, по числу крупных предприятий к концу планового периода и началу реставрации рыночной системы наша страна заметно отставала от США.

Сохранение преимуществ крупномасштабного производства и в какой-то мере нейтрализация отрицательных последствий монополий сейчас достигаются посредством государственного регулирования и контроля. Однако, как отмечается в одном из американских учебников, неизвестно, кто кого контролирует, скорее монополия контролирует действия государственного чиновника. Действительно, деньги не терпят никакой власти над собой, осуществляя лишь собственную власть.

Следовать в данном случае практике благополучных западных стран, т.е. ограничиться только государственным контролем, для

России было бы пагубно. Монополии в нашей стране, управляемые случайными людьми, решают лишь задачу их личного обогащения. Поступления в госбюджет от них ничтожны. Капиталы в огромных количествах переводятся за рубеж на личные счета. Кроме того, приватизация крупных предприятий не повысила их рентабельность. Напротив, число убыточных предприятий с приватизацией выросло. Увеличение доходности приватизированных предприятий сырьевых отраслей происходит от роста цен на сырье, но не от снижения издержек производства.

Дilemma монополий, противоречие между их положительными и отрицательными сторонами, в свое время в нашей стране была разрешена В.И. Лениным и возглавляемым им правительством путем национализации стратегических ресурсов, передачи их в общегосударственную собственность и ориентации на развитие высококонцентрированных предприятий в базовых отраслях. Это решение спасло Россию от гибели вследствие разрухи, вызванной Первой мировой войной и гражданскими войнами. Созданная таким путем плановая экономика позволила дважды за этот век воссоздать нашу страну из пепла, в который ее превращали пронесшиеся над ней мировые войны. Высокая эффективность плановой экономики помимо многих составляющих была обусловлена положительным эффектом масштаба крупных технически оснащенных предприятий, что в условиях государственной собственности не было отягощено отвлечением ресурсов на обогащение узкой группы монополистов и обеспечение их политического господства. Преимущества же частной собственности («хозяйский глаз видит все») в условиях крупного производства становятся иллюзорными.

Однако, несмотря на то что экономика России приобрела сейчас рыночный характер, это качество не может быть стабильным из-за состояния глубокого кризиса, возникшего именно вследствие трансформации такого рода.

В силу нестабильности всей обстановки Россия стоит на перекрестке трех путей, словно былинный богатырь. Один вариант — возврат на путь планового социалистического развития. На этом пути Россия стала великой державой, достигшей космических высот, лидировавшей во многих научных и гуманитарных областях. Однако слишком жесткий политический контроль, главным образом извне, делает невозможным в ближайшей перспективе воз-

врат к социализму. Радостные восклицания крайне правых политиков о том, что ценой развала страны достигнута «точка невозврата», имеют под собой основания, трагичные для страны.

Другой путь — функционирование в рыночном режиме типа свободной конкуренции. Для этого необходимо разукрупнить монополии. Основой экономики в таком случае является мелкий и средний бизнес. Этот путь усиленно пропагандируется, страну усиленно подталкивают к этому советники, политики, теоретики, хотя западные страны не следят ему. На пути мелкого и среднего предпринимательства как основы экономики Россию ждет крах. Она никогда не сможет быть великой страной в экономическом и политическом отношении. Разумеется, мелкий и средний бизнес необходимы. В некоторых отраслях, где потребности сильно индивидуализированы, они достаточно эффективны и даже могут доминировать. Но фундаментом экономики в целом они не могут быть. Кроме распыления ресурсов, общей отсталости, ничего другого они России не дадут. Кстати, опыт такого рода мы уже приобрели. Вспомним кооперативы начала 90-х гг., фермерство и т.п.

Третий путь — развитие рыночной экономики государственно-монополистического типа. Если нерыночная альтернатива политически невозможна, то третий путь с экономической точки зрения более перспективен, чем второй. Это соответствует общей тенденции развития. Рыночная экономика пока не исчерпала свои резервы, хотя видимым образом уже уходит с исторической арены. Государственно-монополистическая стадия — высший пункт развития рыночной капиталистической экономики. В развертывании рыночных институтов, коль плановый путь заблокирован, Россия сможет выжить и преодолеть кризис только в том случае, если она будет ориентироваться на высшую стадию развития рыночной экономики. Здесь пока имеется некоторый, хотя и небольшой, потенциал развития. Это предполагает, как показывает опыт западных стран с рыночной экономикой, активное участие государства в функционировании экономики.

§ 3. Влияние форм собственности на экономический рост

В преобразованиях российской экономики наиболее существенным является оптимальный выбор форм собственности, ибо изменение этих форм положено в основу проводимых экономических реформ.

Проблема собственности относится к разряду высокой степени сложности. О ней ломают копья разные экономические школы. Иногда сложность сводят к простоте аналогично тому, как неоклассики поступали со стоимостью — выбрасывая за борт. В истории же из-за собственности происходили революции. Из жизни проблему собственности не выбросишь. Она настолько сложна, что даже в рамках одного и того же направления, одной и той же школы ведутся острые дискуссии. В частности, это относится и к отечественной экономической науке советского периода. Дискуссии способствовали формированию целостного подхода к пониманию отношений собственности и спектра этих отношений, расходящихся во многие отрасли общественной жизни — юридическую, идеологическую, политическую и др.

История проблемы собственности в экономической науке и наиболее глубокое понимание ее содержания раскрываются в исследованиях отечественных экономистов¹. Рыночные реформы в России актуализировали проблему. Появились работы, рассматривающие собственность в связи с трансформационными процессами и вытекающей из них динамикой эффективности экономики.

Содержательная характеристика проблемы собственности довольно глубоко анализируется в работах отечественных экономистов, прежде всего В.И. Черковца, К.А. Хубиева, В.М. Кулькова и др. Отправным пунктом для нас будет обоснованная ими экономическая определенность содержания собственности как основы производственных отношений экономической системы. Наш анализ будет сосредоточиваться лишь на одном аспекте проблемы — сравнении эффективности различных форм собственности.

Самое простое решение проблемы заключается в утверждении «смешанной экономики» в качестве наиболее эффективной, понимая последнюю как сочетание государственного и частного сектора, основанного на рыночном механизме, но дополняемого социальным регулированием со стороны государства. Высокая эффективность такой конструкции аргументируется опытом западных стран, которые смогли обеспечить достаточно высокий жизненный уровень для широких слоев населения. Такой аргумент кажется столь убедительным, что существование экономических

¹ Собственность в экономической системе России / Под ред. В.Н. Черковца, В.М. Кулькова. М.: ТЕИС. 1998. Гл. 1, 6.

реформ свелось к тому, чтобы, не мудрствуя, демонстрировать существование в стране формы хозяйствования и имитировать формы, применяемые в экономике западных стран. Однако имитация оказалась тоже нелегким делом, поскольку пропорция между государственным и частным сектором в разных странах очень различна. Достаточно сравнить в этом отношении США и Швецию, чтобы понять, что копирование механическим путем невозможно. Кроме того, то, что называют частным сектором, состоит из единоличных частных предприятий, кооперативных предприятий и корпоративных акционерных предприятий. Сравнительный анализ этого сектора в разных странах дает пеструю мозаику в качественном отношении и в пропорциях между формами собственности.

Из-за трудности или даже невозможности найти практическое осуществление такого сочетания форм собственности, которые можно было бы принять за оптимальное, нередко встречается тезис о необходимости существования всех форм собственности, не отдавая приоритета ни одной. Надо ли доказывать, что такое хаотическое развитие событий без участия разума, прежде всего научного, а затем и политического, может привести лишь к резкому вздорожанию издержек, и экономических, и социальных. Жизнь решает эту проблему, но методом проб и ошибок, иногда на это решение уходят столетия. Само существование науки связано как раз с тем, чтобы облегчить этот поиск. Поэтому вряд ли наука имеет право устраниться от решения столь фундаментальной для общества проблемы, как, по сути дела, утверждает вышеупомянутый тезис.

Самое простое решение о построении российской экономики как экономики «смешанного типа» может казаться убедительным лишь при самом беглом взгляде. Первые же вопросы качественного и количественного характера о содержании этого «смешения» показывают, насколько неопределенна сама эта форма. Ее неопределенность столь велика, что и социально регулируемые рыночные экономики западных стран, которые все западные экономисты считают капиталистическими, и экономику недавнего прошлого нашей страны, функционирование которой резко отличалось от тех, можно объединить одной этой формулой — «смешанная экономика». Ведь в дореформенной экономике нашей страны использовалось государственное регулирование и рыноч-

ные методы, существовал не только государственный сектор, но и кооперативный сектор, который занимал значительную долю во многих отраслях экономики (в сельском хозяйстве более одной трети, торговле — около одной трети, в сфере услуг, строительстве и т.д.). Отсутствовали в ней лишь единоличная и собственность акционерного общества. Тем не менее во всех отношениях ее тоже можно было бы называть «смешанной» экономикой: в ней «смешивались» государственный и негосударственный сектора, регулируемые и рыночные формы организации экономики.

Вследствие этого имеются основания считать, что определение экономики как «смешанной» настолько универсально, а потому в высшей степени неопределенно, что, по сути дела, означает отсутствие всякого решения относительно содержания самого понятия. Хозяйственные и политические процессы, ориентирующиеся на такого рода характеристики, становятся совершенно случайными. В сфере практической реализации происходящих экономических преобразований, которые как раз и сориентированы на построение «смешанной» экономики, конечная роль принадлежит «перетягиванию каната» между различными социальными силами. А здесь речь уже не может идти о поиске наиболее эффективных форм развития экономики, обеспечивающих высокий экономический рост.

Важно заметить, что само по себе большое разнообразие конкретных разновидностей так называемой «смешанной экономики» достаточно красноречиво свидетельствует о том, что эффективность любой формы организации экономики не абсолютна. Она зависит от многих обстоятельств, выраждающих условия каждой данной страны, — исторических, технического уровня развития, географических, почвенно-климатических, вплоть до преобладающего типа социального менталитета ее населения. То, что дает хорошие экономические результаты в одних условиях, в других может иметь совсем иные, иногда даже противоположные результаты.

Однако это не означает, что сравнительная эффективность различных форм собственности или форм организации производства лишена смысла. Напротив, в каждом данных условиях это имеет преобладающее значение для экономического роста. Вывод об эффективности той или иной формы собственности не абсолютен в том смысле, что он должен быть сопоставлен с конкрет-

ными условиями его применения в экономике той или иной страны.

Выясним причины и условия, определяющие эффективность наиболее распространенных форм собственности. Не затрагивая многомерную сложность самого явления и понятия эффективности, ограничимся ее самым простым смыслом, который близок к производительности труда или отдаче от факторов производства. Однако даже в самом первом приближении эту отдачу факторов производства необходимо увязывать с теми или иными социальными последствиями, вызванными их применением в определенной форме собственности. Это необходимо сделать, чтобы уменьшить грубость и недостаточность употребления термина «эффективность» в его простом, «техническом», смысле.

Наиболее действенной и глубинной причиной, определяющей сравнительную эффективность различных форм собственности, является уровень развития производительных сил. Это — фундаментальный тезис трудовой теории стоимости. Он подтверждается практикой столетий достаточно убедительно.

В экономике западных стран, Японии, России в настоящее время существует симбиоз различных в качественном отношении типов техники и технологий. Везде существует, хотя и в разных соотношениях, три основных вида технологий: ручное производство, индустриальное и постиндустриальное производства товаров и услуг. Можно уточнить этот порядок, заметив, что господствующим, наиболее распространенным производящим наибольший объем валового выпуска, является индустриальная техника. Это система трехзвенных машин, которая многократно увеличила производительные способности человека благодаря аккумуляции двигателем энергии природы. Это умножает естественные способности человека, что и выражается в росте эффективности производства. Но индустриальная техника содержит в себе границу роста эффективности в связи с тем, что человек соединен с ее рабочей частью. Естественные возможности человека этот тип техники существенно раздвигает, но они все же не устраниены из производства и продолжают быть границей его развития.

Постиндустриальная техника снимает эту границу, высвобождая человека из физического производства и предоставляя ему главным образом интеллектуальные функции. В современных странах таким образом сохраняется техника прошлых обществ —

ручной труд, и уже создана и развивается новая техника будущего общества. Но господствует пока еще традиционная техника, которая ослабила зависимость величины чистого продукта от индивидуальных особенностей производителя (рабочего), но все же сохранила довольно большую корреляцию между ними. А в экономическом плане это означает господство такого рода технологий, результативность которых сильнейшим образом зависит от индивидуальных проявлений исполнителей, на что можно воздействовать наиболее ощутимо через систему мотиваций труда.

Частные хозяйства, находящиеся в единоличной собственности, наиболее соответствуют ручным орудиям труда. Их функционирование в прошлые эпохи на протяжении тысячелетий обеспечивало существования лишь своих владельцев и их семьи. Эффективность такого рода предприятий имеет довольно близкую границу и со стороны орудий труда, и со стороны естественных возможностей производителя. Размеры таких предприятий малы. В современном мире это производства, которые требуют одного либо нескольких человек. Часто это семейный бизнес или предприятия с небольшим числом наемных рабочих. Они оказываются конкурентоспособными там, где потребность носит ярко выраженный индивидуализированный характер (чаще всего — в сфере услуг), либо там, где немеханизированное производство связано со скоропортящимся продуктом.

В интересующем нас аспекте важно отметить, что здесь сама собственность является стимулом к труду. Никаких иных стимулов в данном случае больше не требуется. В этом сила и жизненность такой формы предприятий. Однако не стоит это достоинство переоценивать. Техническая ограниченность, малые масштабы производства многократно снижают достоинство этой формы. Можно утверждать, что это одна из самых неэффективных форм собственности. Подтверждением тому могут служить дотации, выделяемые правительствами многих стран для поддержки малого и семейного бизнеса. Дотации имеют цель не повысить эффективность предприятий, а противодействовать росту безработицы, а иногда поддержать традиционный уклад жизни.

Ясно, что какое-либо существенное влияние на общий экономический рост мелкие частные предприятия не способны оказать. Между тем имитация структуры экономики западных стран сказалась и здесь не лучшим образом. Копируя опыт такого рода, российская экономика лишь теряет свою эффективность. Ведь

поддержка малого бизнеса свидетельствует о его неконкурентоспособности. Странным выглядит экономическое развитие, если та или иная форма насаждается... для того, чтобы разоряться. В тех странах, где исторически, эволюционно она сохранилась и является основой занятий многих семей, это имеет смысл. Однако к началу нынешних реформ в российской экономике такой формы не было. Вряд ли поэтому стоит ее внедрять в значительных масштабах. Это, разумеется, не означает, что уже появившиеся частные мелкие предприятия необходимо как-то искусственно вытеснять. Они, как отмечалось, в некоторых видах деятельности могут быть жизнеспособны (мелкая торговля, сфера услуг, некоторые виды деятельности в легкой промышленности). Но и неподобающе искусственно их культивировать в расчете на экономический бум, поскольку этот расчет ошибочен. Эксперимент с внедрением фермерских хозяйств, который поглотил большие финансовые ресурсы без какого-либо заметного результата, лишь подтверждает этот вывод, о чём ниже будет сказано подробнее.

Большие надежды уже более двух столетий экономисты, политики, общественные деятели связывают с кооперативной формой собственности. Действительно, это самая демократическая с точки зрения управления и социального равенства форма. Здесь все работники являются собственниками. Существует большое разнообразие типов кооперативных предприятий, в том числе с использованием наемного труда, от чего мы абстрагируемся, чтобы рассмотреть явление в чистом виде.

Кооперативные предприятия также имеют давнюю историю. Они применялись и в прежние эпохи. В прошлом в России, например, были широко распространены артели. Существуют они и в современных странах. Эта форма не связана с определенным типом техники. Она использовалась на базе и ручных и машинных орудий. Объединение многих лиц в этом случае снимало одну из границ, заключенных в частной единоличной форме, и тем самым увеличивала производительность. На основе машинной техники она существует в двух ипостасях — как всеобщий момент любого крупного предприятия, в то же время как особая, наряду с другими существующая форма собственности и организации производства. Речь будет идти именно о последнем.

Достоинство кооперативной формы аналогично единоличной частной собственности. И здесь и там сама форма собственности служит стимулом к труду. Так как все члены кооператива являются

ся хозяевами предприятия, им не нужен никакой дополнительный контроль. Они участвуют в управлении предприятием, имеют возможности реализовать свои индивидуальные способности, соблюсти принцип социальной справедливости. Словом, это прекрасная школа самоуправления, панацея и от эксплуатации, и от бюрократов. Поэтому в конце прошлого века А.Маршалл с надеждой писал, что «мир только начинает готовиться к высшей деятельности кооперативного движения и что поэтому можно с достаточным основанием ожидать в будущем больших успехов многих различных его сторон...» Увы! — Надежды, кажется, не оправдались, хотя продолжают существовать.

Помимо достоинств кооперативная форма имеет и серьезные слабости, которые снижают ее эффективность весьма значительно. Они вызваны трудностями управления, которые быстро увеличиваются с ростом размеров предприятия. Чем больше людей работает в одном коллективе, чем сложнее структура выборных органов, чем более отдаленной становится связь управляющих с рабочими, тем больше слабеет чувство собственника у рабочего, его поведение как хозяина предприятия, тем больше усиливается роль статиста в принятии управленческих решений. К тому же с ростом масштабов производства само содержание управленческих решений становится все более сложным и все меньший круг рабочих может компетентно определить свое мнение в процессе принятия решений. Самоорганизация людей не всегда является оптимальной. Анархизм и случайность управленческого процесса делают кооперативную форму слабой и уязвимой. Другими словами, стимулирующая роль самой собственности в кооперативной форме ослабляется по мере возрастания масштабов производства. Поэтому в качестве частной собственности кооперативные предприятия могут быть результативны в пределах незначительных масштабов производства.

Имеются исключения из предыдущего вывода. Система кооперативов в баскском городе Мондрагона представляет собой производство довольно внушительных размеров. Она включает около 170 производственных, жилищных, торговых кооперативов, которыми владеют свыше 21 тыс. рабочих, крупный банк, научно-исследовательские учреждения, школы управления. Продукция этого предприятия конкурентоспособна на испанском и мировом рынках. Об этой системе часто говорят как о примере эф-

фективности кооперативной собственности, способной решать крупные экономические проблемы и притом социально справедливой. Возможно, действительно, именно на этом предприятии удалось наладить систему производства и управления довольно рационально, позволяющую ему существовать около 40 лет. Однако это все же частный случай. А частный случай может и доказывать какую-то истину и отвергать ее, т.е. содержит неопределенность. Если бы это была действительно эффективная форма экономики, можно было бы предполагать, что она должна бы получать все большее распространение, вытесняя другие виды организации производства. Однако, к сожалению, этого не случилось пока, что сдерживает надежды в отношении ближайшего будущего кооперативной формы.

Кооперативная собственность по отношению к частной единоличной собственности является формой коллективной, т.е. переходной от частной к общественной. По отношению же к собственности общественной, т.е. к тем ресурсам, благам, которые принадлежат всем людям страны, кооператив — это всего лишь часть общества, поэтому, так же как и акционерные предприятия, кооперативная собственность сама по себе является частной. Таковой она является по крайней мере в условиях рыночной экономики. Однако, говоря о кооперативной форме, здесь допускаются значительные упрощения, имея в виду ее «чистую» форму, т.е. объединение лиц, их ресурсов, материальных, денежных, трудовых, без использования наемного труда, и организация производственного процесса на демократических началах. В действительности виды кооперативных предприятий весьма разнообразны. Так, упомянутый кооператив в Мондрагоне использует наемный труд в весьма значительных размерах, иногда до 25%, в то время как закон в Испании ограничивает удельный вес наемного труда в кооперативах 10%. Может быть, с этим связано некоторое повышение его эффективности.

Вывод о том, что из-за растущих трудностей управления кооперативная собственность действует в качестве трудового стимула в пределах предприятий небольших размеров, не согласуется с опытом использования этой формы в сельском хозяйстве нашей страны в плановый период развития ее экономики. Колхозы обеспечивали половину всей товарной сельскохозяйственной продукции. Это был сектор весьма масштабный, в нем в 80-х гг. было

занято свыше 14 млн. человек и обрабатывалось свыше 28 млн. га пашни. Причем работал он достаточно продуктивно. Дело в том, что внутренняя слабость этой формы была нивелирована тем, что он был интегрирован в общую систему хозяйственных связей, наложенную и отрегулированную, откуда шла «внешняя экономия», используя терминологию А.Маршалла. Проще говоря, эффективность этой формы возрастала за счет развития всего общественного производства: создавались специально под эту форму сельскохозяйственное машиностроение, наука. Эта «внешняя экономия» послужила мощным инициатором повышения внутренней экономии, усиления отдачи факторов производства, используемых в кооперативном секторе.

В разные времена кооперация в нашей стране принимала различные формы: промысловые и сбытовые артели, потребительские и торговые кооперативы, колхозы и др. Традиции прошлого и желание уйти от бюрократических форм управления экономикой породили энтузиазм в отношении этой формы в конце 80-х гг. Возникло при поддержке официальных властей немалое число кооперативов, в том числе и производственных. Это были в основном предприятия небольших размеров, а их тип был близок к тому, что называлось выше «чистой» кооперативной формой. Однако по прошествии нескольких лет можно сделать вывод, что положительного экономического результата они не принесли. Кооперативы сыграли в основном социальную роль в происходящих преобразованиях. Они оказались той нишей в обществе, которую заполнил теневой капитал криминального происхождения. С помощью этой формы он легализовался, а также с ее помощью присваивал материальные и финансовые средства из общественного сектора, перекачивая безналичные средства государственных предприятий в наличные активы кооперативов, передавая в аренду производственные фонды и т.д. Члены кооперативов чаще всего выполняли роль статистов. Ресурсы концентрировались, как правило, в форме индивидуального капитала. Этому последнему форме кооперации стала тесной и он переместился в высокоприбыльную сферу рыночного обращения — банковскую, торгово-посредническую, в которой многократно увеличил свои размеры и мощь, перерастая в акционерный капитал и уже в этом качестве продолжая процессы перераспределения ресурсов. Ведь в сфере обращения, как исчерпывающе доказано экономи-

ческой наукой еще в прошлом столетии, ничего, кроме изменения формы и связанных с этим процессов распределения и перераспределения, не происходит. Самым же мощным и быстродействующим способом перераспределения в рыночном механизме является инфляция. Чем выше ее темпы, тем активнее процессы перераспределения. Совершенно очевидно, что кооперативная форма, выполнив роль пускового механизма, затем стала не соответствовать сути происходящих преобразований ни в качестве отношений, ни по возможностям отдачи от капиталовложений. Она стала ненужной и сейчас существует в хиреющем состоянии, не влияя на экономический рост позитивно, а точнее, выступая в качестве предпосылки отрицательного экономического роста.

Хотя кооперация в ее простой форме артели на протяжении столетий использовалась в российской экономике и была даже характерна для нее, сейчас вполне ясно, что и в нашей стране, как и во всем мире, она не оказалась прочной, устойчивой формой организации производства.

Обе формы частной собственности, о которой речь шла до сих пор, единоличная и кооперативная, рассматривались с позиций их «внутренней» экономии, т.е. возможностей экономического роста, которыми обладает каждое отдельное предприятие. Но выше было упомянуто о связи «внутренней экономии» с «внешней экономией». Без учета влияния этой «внешней экономии» анализ зависимости эффективности от форм собственности был бы неполным.

Подобно тому как во всех других сферах мироздания целое не равно сумме составных его частей (груда кирпичей и цемент это еще не здание), совокупная эффективность экономики не является простой суммой реализации тех возможностей экономического роста, которые заключены в предприятиях всех форм собственности. Эти возможности усиливаются или ослабляются механизмом их взаимодействия друг с другом. В рыночной экономике частным фирмам единичного и кооперативного владения из-за их небольших размеров, из-за полного отсутствия рыночной власти трудно или даже невозможно влиять на поведение других фирм, определять объемы производства, уровень издержек, реагируя на поведение других фирм. А это лежит в основе рыночной стратегии современных крупных фирм. В результате резко увеличиваются трансакционные издержки, связанные с выходом пред-

приятий во внешний мир, а вклад в совокупную эффективность экономики уменьшается. К тому же из-за анархичности, из-за увеличения информационной неопределенности на рынке усиливаются социальные проблемы. Не столь отдаленный опыт Югославии вновь заставляет проявить более сдержанное отношение к кооперативной собственности в российских условиях. Кооперативное движение там было популярным. Казалось, что оно способствует довольно хорошему экономическому росту. Однако сейчас стало ясно, что во многом оно способствовало развертыванию трагедии страны. Значительные различия в издержках, доходах, возможностях выхода на мировой рынок разных кооперативов в условиях рыночной экономики подталкивали инфляцию, т.е. активное перераспределение ресурсов и рыночной власти, что обострило этнические противоречия усиливением неравенства. В свете этой трагедии опасения, которые проявляли к рассматриваемым формам собственности отцы—основатели плановой экономики, не кажутся беспочвенными.

Высказанные суждения не означают абсолютно негативной оценки кооперативной формы собственности. Ее демократизация является весьма привлекательной чертой. В условиях господства крупных частных фирм западных стран эта форма для многих людей является способом выживания и противостояния могущественным рыночным агентам. В иных условиях, как сказано выше, ее слабости могут быть преодолены, а эффективность усиlena через внешнее взаимодействие. Более того, нельзя исключать того, что на основе новой, постиндустриальной техники малые предприятия изменят свой статус и кооперативные предприятия оправдают давние надежды, которые на них возлагались. Однако в сегодняшней российской ситуации она, как и единоличная частная собственность, является дорогостоящим экспериментом и ослабляет экономику. Они не смогут сыграть серьезной роли в экономическом росте, а дадут лишь некоторый положительный результат в указанных сферах — там, где сохраняется ручной труд, и там, где потребность в выпускаемом продукте или услуге сильно индивидуализирована, т.е. там, где реализация сильно зависит от труднопрогнозируемых вкусов потребителей.

Основной вклад в развитие современной экономики западных стран вносят крупные частные акционерные корпорации. Достаточно привести пример США, в экономике которых господ-

ствуют 800 крупнейших корпораций. Их удельный вес в общем числе фирм ничтожно мал — 0,01, но они владеют капиталом, величина которого равна почти половине общего объема материальных ценностей страны. «...Правомерно заключить, что в американском «экономическом ландшафте» доминируют крупнейшие корпорации и есть основания называть экономику Соединенных Штатов экономикой большого бизнеса¹», — пишут американские авторы.

Кстати сказать, этот факт подтвердил выводы, полученные разными направлениями экономической науки (К.Марксом, а затем А.Маршаллом), о преимуществах крупного производства. Эти выводы останутся верными до тех пор, пока будет сохраняться техническая основа рыночной экономики — трехзвенная система машин.

Тезис о четырехзвенной системе машин как о сути новой постиндустриальной техники выглядит довольно логичным, ибо он отражает снятие предела производственных возможностей, заложенных в индустриальной технике. Новая техника к машине-двигателю, передаточному механизму, машине-орудию или рабочей машине добавила контрольно-управляющее устройство. Изменение энергии и связанное с этим изменение машины-двигателя и передаточных механизмов в экономическом смысле не меняет машину качественно. Оно лишь увеличивает ее производительную мощь, т.е. ведет к количественным изменениям, если связь рабочего и машины осталась прежней. Рабочий выполнял функцию приспособления вещества природы к потребностям людей, управляя рабочей частью машины. Естественные человеческие границы рабочего являлись пределом производительности всего производственного процесса. Контрольно-управляющее устройство в новой технике выполняет ту же функцию, что рабочий по отношению к традиционной машине, но оно снимает предел эффективности экономики, положенный трехзвенной системой машины. Хотя предел в виде ограниченности всех ресурсов остается вечным, отодвигаясь по мере развития теперь уже человеческого фактора. Ведь высвобожденный из процесса непосредственного преобразования вещества природы человек сосредоточивается на самом трудном — добывании новых знаний т.е. творчества.

¹ Макконелл К.Р., Брю С.Р. Экономикс. М., 1992. Т. 1. С. 113.

Суждения о сути постиндустриальной техники здесь потребовались для того, чтобы определить, на какой технической основе производится основная масса средств существования в экономике, ибо это главный аргумент в пользу развития той или иной формы собственности. Постиндустриальные технологии применяются почти во всех развитых странах. Но до сих пор продолжает доминировать индустриальная техническая основа. Доля занятых в производстве сокращается, что происходит и на основе прежней техники, но все же она остается велика и в США, и в Японии, и в странах Западной Европы. Техническая основа российской экономики тоже является индустриальной. Вряд ли это может вызывать какие-либо сомнения, хотя велика, как и в США, Японии и др., доля ручного труда и имеется постиндустриальный сектор. Тем более что за время жестокого кризиса, переживаемого российской экономикой, более всего пострадали и продолжают разрушаться именно постиндустриальные виды производства. Основные виды товаров, удовлетворяющие базовые потребности россиян, — металл, сельскохозяйственная продукция, ткани, одежда, обувь, строительство — производятся с помощью трехзвенной системы машин.

Поскольку в экономике нашей страны преобладает индустриальная техническая основа, поскольку для нее оказываются более эффективными именно крупные предприятия. Более того, спрятанность этого вывода усиливается для России двумя обстоятельствами: географическими размерами страны и неудовлетворенностью многих базовых потребностей пространственным расположением природных ресурсов и др. Когда речь идет о нехватке зерна, мяса, молока, стройматериалов, металла, текстиля, то это означает, что потребность носит преобладающе стандартизованный характер и в меньшей мере индивидуализированный, как в случае с одеждой. Следовательно, сохраняются большие возможности увеличения крупномасштабного производства, снижения за счет роста объемов выпуска издержек производства значительного, если не сказать преобладающего, круга инвестиционных и многих потребительских товаров.

Критика так называемой гигантомании, засилья «монополистов-производителей» в российской экономике носит идеологический, а не экономический характер. Она отражает интересы того круга индивидуальных капиталов, который пока еще неконкурен-

тоспособен с крупным производством и оно ему еще пока не под силу. Но эти интересы не совпадают с интересами всего общества. И не совпадают с эффективным развитием всей экономики. Достаточно сказать, что степень концентрации производства и монополизации российской экономики, т.е. число предприятий-гигантов, выпускающих основной объем той или иной продукции, гораздо ниже, чем в экономике США. По крайней мере, на порядок. Со странами, сильно отличающимися по размерам экономики, сравнение становится некорректным. Упомянутая идеология может лишь ослабить экономический потенциал страны.

Крупномасштабное производство требует и определенных форм организации, и определенных форм собственности, которые могли бы реализовать все его потенциальные возможности. В западных странах, Японии таковыми являются частные акционерные предприятия и в меньше мере — государственные предприятия. В российской экономике в ее плановый период крупное производство было организовано в форме государственных предприятий, а в сельском хозяйстве, кроме них, в форме крупных кооперированных предприятий (колхозов). Суть приватизации заключалась в разгосударствлении предприятий, переводе их в формы частной, в том числе акционерной, собственности, а также совместной частно-государственной собственности. Здесь важно понять критические моменты, определяющие зависимость совокупной эффективности экономики от этих форм собственности.

Из существующих в развитых странах двух типов собственности крупных предприятий — частных акционерных корпораций и государственных предприятий — преобладают по совокупному объему производства первые. По поводу конкурентоспособности государственных предприятий оценки расходятся. Чаще встречаются аргументы о неэффективности государственных предприятий. Уровень прибыльности у них обычно ниже, чем у частных корпораций одного и того же масштаба, а это объясняют незаинтересованностью работающих, а также бюрократизацией управления. Так как собственной базы для сравнения эффективности форм собственности у нас нет, то обычно в оценке отечественных экономистов содержится критика прошлого опыта государственной собственности, суть которой сводится тоже к бюрократизации управления, отсутствию у рабочих «чувства хозяина» как к самым ее крупным, внутренним, неопределенным недостаткам.

Несмотря на широкое распространение такой оценки, существуют и отличные от нее — от прямо противоположных до нейтральных. В частности, нейтральную позицию по этому поводу занимает Дж.Гэлбрейт, который неоднократно высказывался о безразличии формы собственности (частной или государственной) для результативной работы современного предприятия.

Широкий спектр мнений, как правило, возникает вокруг сложных проблем. Сравнительная эффективность частных акционерных и государственных предприятий — из числа таковых, по-этому простыми статистическими показателями ее не решить. В связи с тем, что к исходному моменту нынешних реформ в экономике нашей страны превалировал государственный сектор, то оценка его эффективности апеллирует к сравнительной эффективности частного и государственного секторов в западных странах. Однако такая аргументация и полученная на ее основе оценка вряд ли могут быть корректными.

Действительно, исторически в западных странах государственный сектор возникал в заведомо неприбыльных отраслях. Государство было вынуждено национализировать убыточные отрасли либо направлять инвестиции на строительство заведомо убыточных предприятий. Конкурентное решение об инвестициях, т.е. когда частный бизнес вынужден свертывать убыточное производство или не вкладывать в новое строительство в жизненно важных для экономики случаях, явилось бы разрушительным ударом для экономики. Именно поэтому происходили национализация и государственное строительство в добывающей промышленности, энергетике, транспорте, связи и других отраслях. Не говоря уже об образовании, инвестициях в фундаментальную науку, оборону, где прибыль в качестве критерия эффективности вообще не работает. Из таких неприбыльных видов производства частный капитал попросту уходил в более прибыльные. Таким образом, государственные предприятия эволюционным путем возникали в неприбыльных видах производства и деятельности. А следовательно, эффективность частных предприятий в рамках одной и той же страны сравнивать весьма и весьма затруднительно. Конечно, западная экономическая мысль довольно ясно фиксирует это неравное положение двух секторов экономики тезисом о том, что не может служить целью государственного предприятия в отличие от частного бизнеса.

Сравнение эффективности, скажем, государственных предприятий в двух различных странах, в России и США, имеет смысл только в том случае, если удается нивелировать все факторы, кроме формы собственности. Сделать это тоже не просто. Ведь необходимо уравнять техническую оснащенность предприятий, выбрать совершенно одинаковую систему материального стимулирования, нивелировать влияние различий в ценовых отношениях товаров, почвенно-климатические, географические факторы и великое множество других. Это тоже обязывает к непосредственным сравнениям относиться внимательно.

Коль скоро сравнить эффективность частных корпораций и государственных предприятий на основании западного опыта трудно, то экономисты направили свои усилия в постсоциалистические страны. Ведь здесь разделение частного и государственного секторов не было связано с подобной исторической эволюцией. Хотя и здесь частный бизнес сразу завоевывал самые прибыльные и высокодоходные сферы экономики, но стартовое время обоих секторов одинаково мало, и статистическое сравнение все же могло бы по крайней мере упроститься. Известна попытка сравнительного анализа эффективности государственных и частных предприятий в Польше, предпринятая лондонской экономической школой. Она кончилась неудачей, исследователи не смогли прийти к определенному выводу. Определенный же результат дал анализ, выполненный МВФ также на польских предприятиях. Вывод был в пользу более высокой эффективности государственных предприятий по сравнению с частными.

Сложность названной проблемы требует осторожности и тщательного теоретического взвешивания всех достоинств и недостатков организации производства в форме частных корпораций или государственных предприятий с тем, чтобы ее практическое решение методом проб и ошибок или простой имитацией внешнего опыта не причинило непоправимого ущерба.

Обе формы собственности — и частные акционерные корпорации, и государственные предприятия — способны сконцентрировать финансовые, материальные и людские ресурсы в больших размерах и, следовательно, организовать крупномасштабное производство. Может быть, некоторое преимущество с этой точки зрения имеет государственная собственность, так как в современном мире появляются технические, социальные проекты, для реа-

лизации которых недостаточно ресурсов даже частных корпораций-гигантов (аэрокосмическая промышленность, атомная промышленность, энергетика, экологические проекты).

Сравним теперь эти формы собственности по силе мотивации к труду, содержащейся в каждой из них. Обычно пальму первенства в этом отношении отдают частным акционерным корпорациям. Они инициативны, изобретательны, бережливы, потому что у частной компании есть «хозяин», а у государственного предприятия его нет. Однако это простое суждение отчасти справедливо лишь в отношении мелких частных предприятий. Реальные собственники или руководители крупной корпорации в этом отношении ничем не отличаются от руководителей государственного предприятия. Высшее руководство частной акционерной корпорации, даже если это собственники, имеет одинаковые возможности с руководителями государственных предприятий. Дело не в желаниях или отсутствии их в хорошей организации производства, а в компетентности руководства. Этим определяется результативность работы предприятий, т.е. оптимальностью процесса управления. Форма собственности крупного предприятия здесь мало что решает. Руководство предприятием может быть талантливым или бездарным и в той и в другой форме собственности с одинаковым успехом. Более того, бездарного руководителя государственного предприятия сменить легче, чем на частном предприятии. В последнем случае это даже невозможно, и руководство меняется только тогда, когда предприятие доведено до банкротства.

С точки зрения рабочих, форма собственности, частная и государственная, одинаково чужая. Их производительность определяется исключительно единством принятых на предприятии систем стимулирования труда. Если на государственном предприятии мотивации к труду действуют сильнее, чем на частном, то оно окажется более эффективным, чем частное, и наоборот.

Обычно государственную собственность считают чреватой бюрократизацией управления. Это мнение, пожалуй, больше распространено среди отечественных экономистов, слабо знакомых с реалиями частных крупных корпораций, а поэтому идеализирующими их. Приведем высказывание по этому поводу одного из бывших руководителей крупной американской корпорации. «Одну из основных проблем составляла деятельность производственного персонала. Он был задавлен многослойным аппаратом управле-

ния. Управляющий предприятием докладывал управляющему на уровне города, который докладывал региональному управляющему, который докладывал управляющему всеми производственными предприятиями компании, который докладывал генеральному управляющему. В результате управляющий одного из заводов «Шевроле», расположенного в ближайшей ко мне восточной части Детройта, всего в нескольких милях от моего офиса, оказывался от меня на расстоянии нескольких световых лет, если судить по протяженности каналов управленческой отчетности¹, — писал один из вице-президентов компании «Дженерал моторз».

Причина бюрократизма заключена в крупномасштабном производстве как таковом. Это его недостаток, заставляющий находить оптимальные размеры производства, за пределами которых не произошло бы снижение эффективности. Любое крупномасштабное производство имеет сложную структуру, согласно которой выстраивается иерархия звеньев системы управления. Чем крупнее размеры производства, тем сложнее оно структурируется, тем медленнее при прочих равных условиях становятся информационные потоки и тем более многоступенчатым становится процесс принятия управленческих решений. Это одинаково относится как к государственным, так и к частным крупным предприятиям.

Таким образом, если рассматривать отдельно взятое предприятие, находящееся в государственной собственности или в частной собственности корпорации акционеров, то на современном этапе они обладают одинаковыми возможностями экономического роста, в случае если техническая база этих предприятий промышленная. В этом смысле можно согласиться с мнением Дж.Гэлбрейта о безразличии формы собственности для эффективности его деятельности предприятия. Она определяется в основном системой стимулирования труда и рациональностью системы управления в целом.

Теперь вновь необходимо выйти на уровень взаимосвязи между предприятиями. Отмечая необходимость анализа проблемы зависимости эффективности от форм собственности на этом уровне, так как здесь происходят существенные изменения, уменьшающие или увеличивающие эффективность, не будем из-за обширности такого анализа здесь это рассматривать. Тем не менее, по крайней мере на одно обстоятельство обратим внимание.

¹ Макконелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс. Т. 2. С. 60.

Широкое распространение частных корпоративных предприятий всегда связано с неравномерным распределением богатства и доходов. В США государственный сектор невелик, базисом экономики являются крупные акционерные корпорации. В европейских странах соотношения иные. Швеция, например, располагает довольно большим государственным сектором в экономике. США являются страной с наиболее неравномерным распределением доходов. Наиболее богатые 0,05% американских семей владеют 35% всей величины личного имущества, в то время как имущество «нижних» 90% домашних хозяйств составляют лишь 30% его совокупной величины. На нижних ступеньках экономической лестницы находятся более 34 млн. человек, или 14,4% населения США, живущие ниже черты бедности. В Швеции, как и во всей Европе, доходы распределены гораздо равномернее. Хотя, казалось бы, экономика США располагает большими техническими возможностями удовлетворения потребностей всех слоев населения. Неравномерность в распределении доходов является неизбежным следствием преобладания частной собственности.

Такое следствие чревато крупными социальными конфликтами. В развитых странах неравномерность распределения доходов сейчас не грозит нестабильностью крупных масштабов. Для стороннего наблюдателя они выглядят островами политической устойчивости в связи с достаточно хорошим жизненным уровнем преобладающей части населения. Он достигается в настоящее время за счет более совершенной (в пределах одного и того же качества), чем в России, технической основы, а также за счет использования международной специализации и кооперации производства. Нет оснований утверждать, что более высокую техническую основу западные страны создали благодаря именно частной собственности. Нельзя забывать, что в течение столетий они имели внешние источники накоплений. Не случайно А.Маршалл первый том «Принципов экономической науки» завершает сравнением роста населения и роста объема средств существования с издержками содержания военно-морского флота. Кроме того, все страны с высоким жизненным уровнем имеют гораздо более благоприятные климатические условия. Если неравенство в распределении доходов, вызываемое господством в экономике частного сектора, не грозит развитым западным странам крупными катаклизмами, то в России с ее низким жизненным уровнем населе-

ния, тяжелыми климатическими условиями, со сложившимся за предшествующий период менталитетом населения, со сложными национальными проблемами это может оказаться губительным.

Государственная собственность и частная акционерная собственность в современном мире обладают одинаковыми возможностями экономического роста, если рассматривать их абстрактно, самих по себе. В распределении же они дают весьма ощущимые различные результаты, что нельзя не учитывать в экономической политике. Нейтральное содержание вывода относительно эффективности этих форм собственности в производстве с точки зрения отдельного производства исчезает при анализе их рыночного взаимодействия, а также при приложении его к конкретным условиям страны.

В западных странах исторически сложилось преобладание частного сектора перед государственным. Непрерывно сменяющиеся волны национализации и приватизации, социальных и либеральных волн в политике этих стран, говорят о том, что оптимальное для них сочетание данных типов собственности отыскивается методом проб и ошибок, на ощупь. Если предположить, что там резко изменится соотношение в пользу государственного сектора, то это вызовет снижение темпов экономического развития из-за резкого возрастания трансакционных издержек, вызванных перераспределением прав собственности.

В экономике России, где недавно господствовала государственная собственность, наоборот, резкое изменение пропорций в пользу частного акционерного капитала вызывает падение эффективности также в связи с громадными трансакционными издержками, необходимыми для реализации такого социального проекта. Это уже и произошло. Снижение ВВП более чем на 50% за годы реформ произошло главным образом из-за этого. Изменение форм собственности вызывает рост издержек не просто в сфере обращения и перераспределения ресурсов, но, что гораздо важнее, и в сфере производства. Ведь прежде всего оно связано с неизбежной ломкой материальной структуры производства. Речь идет не об избавлении от таких видов производств, которые не пользуются спросом населения. Речь идет о том, что государственный сектор во всех странах нацелен на удовлетворение потребностей всего населения в целом. Частный же капитал ищет сферы быстрого и высокодоходного приложения. Поэтому если

государственное предприятие становится частным, чаще всего ресурсы переключаются в более прибыльную сферу, снимая все административные запреты на своем пути. Например, торговля импортными товарами далеко не первой необходимости из-за разницы в ценах различных стран приносит прибыль, несопоставимую с прибылью от производства молока, и капитал устремляется в первую сферу, но не в производство молока.

Государственная собственность в условиях России является более эффективной формой организации экономики по сравнению с этой же формой в западных странах не только потому, что ее резкое сокращение вызывает увеличение издержек и грозит социальной нестабильностью. Эти преимущества усиливаются географической протяженностью российского экономического пространства и большими природными различиями регионов. Вся добывающая промышленность, транспортная сеть, связь, сельское хозяйство, по сути, все базовые для экономики отрасли, если будут организованы в форме частной собственности с точки зрения совокупной эффективности страны в целом, потеряют многие факторы, определяющие их экономический рост. Это приведет к свертыванию производств в тех районах, где их функционирование дорогостоящее, хотя продукция необходима для нужд страны в целом. Усиление региональных различий к тому же подтолкнет распад единого экономического пространства и страны как такой, которая в настоящий момент балансирует на краю своего существования.

В то же время снижающие темпы экономического роста в 70–80-х гг., помимо прочих, неэкономических причин (таких, как увеличение затрат на оборону и т.п.), свидетельствовали о том, что необходимо усиливать заинтересованность в результативности труда и искать более эффективные организационные формы производства.

Если простое заимствование экономической структуры производства западных стран невозможно и реальное его претворение дает негативные результаты, то это не означает, что ничего из их опыта не является для нас полезным ориентиром. Для того чтобы извлечь полезное из чужого опыта, целесообразнее наблюдать не статус-кво, т.е. сложившуюся там социальную и организационную структуру экономики, а проявляющиеся на современном этапе экономические тенденции. Ибо именно тенденции от-

ражают развитие экономики, а статус-кво кроме настоящего и будущего обременен прошлым, которое было очень различным у России и западных стран.

Несмотря на преобладание в западных странах частной собственности акционерного общества, в западных странах наблюдается тенденция увеличения государственного сектора. Считать его заведомо неэффективным ошибочно.

Другая важная тенденция заключается в том, что и государственный, и частный секторы могут усилить свою эффективность, применяя новые стимулы материальной заинтересованности. Ни государственная, ни частная акционерная собственность не стимулирует производительность рабочих самой собственностью. В обоих случаях для работника — это не его собственность. Государственная собственность — не его, а частная акционерная, просто чужая собственность. Небольшое владение акциями для рабочего ничего не меняет в существе дела. Он остается статистом в управлении предприятием, простым исполнителем своих рабочих функций, а дивиденды от акций, как показывает статистика, составляют мизерную часть доходов рабочих. Следовательно, в качестве основного стимула выступает только заработка плата и система премирования. Новые, дополнительные стимулы заинтересованности рабочих в результативности труда в западных странах были найдены посредством развития долевой собственности рабочих в активах предприятий, как частных, так и государственных. Отличие от обычной акционерной частной собственности, существующей на Западе еще с прошлого века, теперь заключается в том, чтобы разработать систему мер, подключающих рабочих к принятию решений о направлениях развития предприятия, к участию их в распределении прибыли.

В рамках этой идеи в США с 1974 г. действует государственная программа передачи собственности акционерного общества собственности рабочим и служащим (ESOP). Она нацелена на уменьшение противостояния управленческого и исполнительного персонала предприятия посредством повышения социального статуса исполнителей. Достигается это тем, что каждый занятый на предприятии рабочий становится владельцем пакета акций этого предприятия. Распределение акций и дивиденды по ним обеспечиваются из прибыли предприятия. Рабочие и служащие частично приобщаются к принятию решений на низших звеньях управлен-

ческой системы и в некоторых формах частично (в виде рабочего контроля) на высших звеньях.

Об этой системе в нашей литературе писалось раньше нередко. Обычно это была ее критика на том основании, что из-за многочисленных преград она либо не реализуется вовсе, либо незначительно, не меняя и не внося существенных корректиков в социальную структуру экономики, в формы ее собственности. Критика была верной. Но сейчас имеет смысл на эту систему посмотреть с другими целями, а именно дает ли она какой-либо мотив, повышающий экономическую эффективность.

Исследования, выполненные по заказу американских государственных органов, показали, что простое владение пакетом акций не дает никакого прироста производительности труда. Оно начинает действовать только в случае приобщения рабочих к управлению предприятием. Только тогда ослабляется их отношение к предприятию как к чужой собственности и имитируется активное участие в функционировании предприятия. При этом система ESOP предполагает меры, ослабляющие негативные эффекты частной собственности, связанные с неравенством распределения доходов. Денежные средства для выкупа акций аккумулируются в специальном фонде, формируемом из необлагаемой налогом части прибыли. Акции распределяются пропорционально доходу или стажу рабочего. Но при этом, с тем чтобы они не соцредоточивались у высокооплачиваемых рабочих, предусматривается ограничение на число приобретаемых рабочими акций, чтобы не было резкой разницы в размерах акций. Эти акции не могут свободно продаваться и покупаться. При увольнении рабочего акции выкупаются предприятием. В итоге все занятые на предприятии люди связываются более тесным интересом в конечных результатах работы предприятия.

В возникающих сейчас в нашей стране акционерных предприятиях открытого и закрытого типа происходит становление этой формы собственности со всем комплексом негативных моментов, которые хорошо выяснены экономической наукой и подтверждены двумя столетиями накопленного в западных странах опыта. Эта форма организации производства основана на кредитных отношениях, позволяющих аккумулировать значительные финансовые ресурсы и организовывать крупномасштабное производство. В этом ее эффективность. Но она практически всегда

связана с системой мошенничества и спекулятивного надувательства, что мы сейчас и наблюдаем. Это — «пророк и мошенник в одном лице», как удачно выразился классик. Достоинство же ее ни в чем не перевешивает возможности такого же рода государственной собственности. Никакого смысла затрачивать огромные средства для преобразования государственных предприятий в акционерные, так как это не отразилось и не могло отразиться позитивно на экономическом развитии. А огромные трансакционные издержки на это преобразование и генерируемое акционерной собственностью спекулятивное мошенничество сделают нашу экономику еще менее эффективной. Ведь материального стимула рабочим она не добавляет, поскольку собственниками они в ней являются лишь формально.

Акционерные же предприятия закрытого типа, где акционерами являются только работники этого предприятия, формируются сейчас таким образом, что преобладающим образом 90% акций сосредоточиваются в руках руководства предприятия и лишь 10% распределяются среди рабочих.

Рабочие и в том и в другом случае остаются статистами и не участвуют в принятии управленческих решений. Следовательно, в качестве стимула выступает для них только заработка плата и система премирования, как и на прежних государственных предприятиях. Стимулирующая функция, заложенная в собственности, не действует в акционерных предприятиях ни открытого, ни закрытого типа, когда основная доля акций принадлежит управляющим. Дивиденды от акций не отразятся заметно на доходах рабочих в этих случаях, даже если предприятие будет работать успешно. В основе размеров дивиденда лежит величина ссудного процента. Поэтому доходы, которые рабочие получают от акций, не могут заметно отличаться от доходов, которые они получат за свои вклады в банках.

Преодолеть ахиллесову пяту нашей экономики планового периода ее развития — недостаточность материальной заинтересованности — можно только в том случае, если процесс реформирования создаст возможности мотивации к труду у всех рабочих. Именно у всех, а не только у узкого слоя управленцев, частных собственников. Частные акционерные предприятия открытого типа такую возможность не дают. Они концентрируют значительные финансовые ресурсы, и это единственное их достоинство. Но

они не гарантируют эффективное их использование и не обладают никакими дополнительными стимулами для рабочих. Тот, кто способен купить большой пакет акций предприятия, отнюдь не всегда обладает компетентностью и талантом руководителя. Поэтому, учитывая сопутствующие проявления частной акционерной собственности — большие трансакционные издержки, спекулятивно-мошеннические операции и т.п., сферу ее деятельности целесообразно ограничивать. Достоинство же этой формы собственности — на кредитной основе концентрировать крупные финансовые ресурсы, при этом важно удержать их, реализуя в другой, более эффективной форме.

Выход из этой ситуации заключается в том, чтобы не просто внедрять частные акционерные предприятия западного типа, а использовать закономерные тенденции, найденные жизнью. Акционерные предприятия с рабочей собственностью пока в западной экономике не приобрели прочной формы. В США на них занято около 10% рабочей силы. Эти предприятия, как все предприятия частной собственности, могут обанкротиться. Некоторые из них становятся неконкурентоспособными и увольняют рабочих из-за отсутствия денег на выплаты заработной платы. Тем не менее результаты обследований, проведенных Мичиганским университетом 98 корпораций такого рода, показывают, что прибыли у них в 1,5 раза выше, чем у бывших частных акционерных корпораций. Производительность каждого рабочего на предприятии, где рабочие принимают участие в управлении, на 8–11% больше, чем на тех предприятиях, где они являются собственниками лишь формально.

Реформируя нашу экономику, мы имеем возможность использовать или усилить достоинства каждой формы собственности и нейтрализовать или ослабить недостатки каждой из них.

Можно использовать преимущества и государственной, и частной собственности. Для этого крупные государственные предприятия целесообразно преобразовывать в акционерные предприятия закрытого типа, предусматривая сосредоточение основного пакета акций и их равномерное распределение среди рабочих и служащих. Желая уйти от «уравниловки», нельзя допустить крайности — шокирующей неравномерности в доходах, чреватой социальными конфликтами. Можно поступить по опыту американской программы ESOP, введя потолки дифференциации дивидендов у всех занятых на предприятии.

Вновь организующиеся частные крупные акционерные предприятия также целесообразно создавать не в классическом западном варианте, а с тем чтобы нейтрализовать, насколько это возможно, слабые стороны акционерных обществ. Для усиления мотивационной функции самой собственности их целесообразно развивать как акционерную собственность рабочих с вовлечением их в процесс управления и контроля. В таком варианте концентрируются все рожденные практикой факторы воздействия на эффективность отдельно взятого предприятия. Разумеется, традиционная форма стимулирования — зарплата и премии — также должна непрерывно развиваться.

Как отмечалось выше, совокупная эффективность экономики в целом определяется не только результативностью отдельных предприятий, но, кроме того, способами их взаимодействия друг с другом. С тем чтобы сохранить сильные стороны государственной собственности, позволяющие концентрировать ресурсы, в необходимых случаях переключать быстро и эффективно с одной цели на другую, при создании крупных акционерных предприятий с собственностью рабочих целесообразно определенный пакет акций таких предприятий оставлять во владении государственного органа, как это сейчас во многих случаях имеет место. Организованные по такому принципу предприятия с точки зрения собственности можно характеризовать как частно-государственные. Участие государственных органов в управлении этими предприятиями позволит избежать слабостей чисто частных предприятий и чисто государственных предприятий. Прежде всего, это позволит избежать потери «внешней экономики» из-за большого разнообразия и географической протяженности страны, сохранить единое экономическое пространство страны, избежать опасного порога неравенства в распределении и многое другое. Кроме того, участие государственной собственности может предотвратить опасность снижения компетентности и профессионализма в управлении крупными предприятиями, которое может произойти с привлечением рабочих к принятию управленческих решений, что часто наблюдается в кооперативных предприятиях. Контрольная функция самих рабочих и государственных органов в акционерных предприятиях способна ослабить всякого рода мошеннические операции, которые почти всегда сопутствуют акционерным предприятиям. Управление сложным производством

требует специальных знаний, подготовки, опыта и особого таланта. Требуется система мер, которая бы не допустила некомпетентности при принятии решений. Участие государства уменьшило бы риск в этом отношении.

Кроме того, долевое участие государства в рабочих акционерных предприятиях может отодвинуть границу акционерных предприятий закрытого типа, связанную с ограниченными возможностями концентрации ресурсов. С тем чтобы роль государства в управлении предприятиями была реальной и не привела к значительному росту госструктур, акционерные рабочие предприятия целесообразно организовывать в виде крупных финансово-промышленных групп. В отличие от западных пакеты акций в них должны распределяться равномерно среди всех занятых исполнителей и управленческого персонала пропорционально эффективности их труда и не обращаться на рынке ценных бумаг. При увольнении работающего акции целесообразно выкупать предприятию. Основной пакет акций не должен сосредоточиваться ни у какой производственной или социальной группы работающих. Это будет стимулировать высокопроизводительный труд всех, а не только узкого круга руководителей или высокооплачиваемых рабочих. Тем самым мы используем позитивные стороны акционерной формы и нейтрализуем ее слабые стороны.

Специального анализа требует реформирование форм собственности в сельском хозяйстве страны. Здесь условия России проявляются максимальным образом, поскольку они резко отличаются от любой западной страны.

Земля является невосполнимым ресурсом. По этой причине эффективность сельского хозяйства должна оцениваться создаваемым чистым продуктом, включая бережное, дальновидное отношение к земле, исключающее истощение ее плодородия; наконец, учитывая социальные конфликты и битвы из-за земли в течение тысячелетий, сдержать в себе рациональный доступ к земле, исключающий возможность крупных социальных конфликтов.

С точки зрения создаваемого чистого продукта и бережливого отношения к земле форма собственности служит стимулом только в своей единоличной форме без наемного труда. Здесь сам собственник является производителем. Он рачителен, расчетлив и, имея опыт, не допускает снижения плодородия. Но эта форма прошлых веков. Производительность труда продолжительностью

«от зари до зари» создает чистый продукт, достаточный лишь для самого производителя и его семьи. Товарность сельского хозяйства в такой форме собственности слишком мала. В некоторых современных странах эта форма сохранилась в виде семейных ферм. Производительность ее была повышена с помощью специально приспособленной «малой техники». Именно она, а не форма семейного фермерства является причиной ее высокой эффективности в некоторых странах небольшого размера со специфическим устройством ландшафта.

В крупных странах сельскохозяйственное производство приняло высококонцентрированные формы. Так, в США 70% всей товарной продукции дают 13,8% фирм. Здесь занято около 80% всех наемных рабочих. Мелкие фермерские хозяйства, составляющие 62,8% фирм, производят всего лишь 9% товарной продукции. По уровню концентрации сельскохозяйственного производства США занимают одно из ведущих мест в мире. Почти половина товарной продукции производится на 4,9% всех фирм (108 тыс. фирм из общего числа, равного 2214 тыс. фермерских хозяйств). Мелкие молочные фермы штата Висконсин — это, по словам Дж.Гэлбрейта, прошлый век. Не они кормят Америку. Из числа мелких фермерских хозяйств большая часть являются убыточными и существуют благодаря государственным дотациям.

Для того чтобы сельскохозяйственное производство было высокоэффективным и высокотоварным, т.е. труд одного человека в состоянии был бы дать средства существования десяткам людей, а не только своей семье, оно должно быть организовано как крупномасштабное производство. Производительность здесь, как и в промышленности, определяется не формой собственности, а применяемой техникой и агрокультурой. Так как такое производство основано на использовании наемного труда, форма собственности не является стимулом. Для производителя это чужая собственность. Если управление таким хозяйством осуществляется в арендной форме, оно не может исключить хищнического отношения к земле.

Крупномасштабное производство в России оказалось способным увеличить производительность с 5—6 ц/га зерновых в начале века до 17—18 ц/га к 80-м гг. Мелкие фермерские хозяйства не способны обеспечить страну продовольствием, что подтвердились и в результате столыпинских реформ, которые привели к голоду в

1911 г., и во времена НЭПа, приведшие в 1929 г. к хлебному кризису. К тому же производительность мелкого фермера в России на порядок ниже, чем в США, из-за разницы в естественном плодородии. Мы располагаем менее 5% земель, сходных по этому показателю с земельным фондом США. Значительные суммы, выделенные в последние годы в нашей стране на развитие семейного фермерства, не принесли никакого результата и безвозвратно потеряны для экономики.

Повысить производительность мелкого фермерского производства с помощью «малой» техники не по средствам даже такой богатой стране, как США. Для России создание принципиально иной промышленности для сельского хозяйства, изменение типа его технической оснащенности сейчас попросту невозможно. Такой дорогостоящий проект окончательно разорит экономику.

Довольно очевидная логика обнаруживается в необходимости сохранения российского сельскохозяйственного производства как крупного и высококонцентрированного. Его раздробление вызывает резкое увеличение издержек. Техническая, агрономическая, селекционная основа сельского хозяйства приспособлена к эффективному обслуживанию крупных хозяйств. В этом направлении ее и нужно развивать. Только техническая оснащенность и агрокультура способны обеспечить и повысить необходимый объем продовольственных ресурсов.

Введение частной собственности на землю, которое почти уже подготовлено как элемент реформ, будет иметь ряд негативных следствий. Прежде всего она даже при тех же издержках производства приведет к увеличению цен на продукцию сельского хозяйства из-за включения в их состав абсолютной земельной ренты. В такой форме все общество стихийно, через ценовой рыночный механизм оплачивает собственнику земли возможность доступа к земле и организации производства на ней. Помимо вздорожания цен, вывода из сельскохозяйственного оборота земельных площадей, снижения естественного плодородия, это обострит социальные конфликты, никак не повлияв не усиление трудовой мотивации основной части сельскохозяйственных рабочих. Увеличается мотивации только мелких фермеров, но по вышеназванным причинам на этом пути получить необходимые объемы продовольствия невозможно.

Чтобы избежать социальной катастрофы, необходимо развивать сельскохозяйственное производство как крупномасштабное,

стимулируя в том числе и за счет государственных ресурсов развитие промышленности для сельского хозяйства, приспособленной для обслуживания крупных хозяйств. Это самый дешевый и эффективный способ обеспечить страну продовольствием.

Специфические условия земледелия в России связаны с ее нелегкими почвенно-климатическими условиями. Являясь преимущественно северной страной, она располагает 1—3 месяцами в году, чтобы произвести годовой объем продовольствия. 18% территории расположено за Полярным кругом, 28% — зона Арктики и субарктики, где возможно животноводство в небольших размерах на основе природных кормов. Большая часть территории страны в ее нынешних границах (свыше 62%) — это зона вечной мерзлоты разных видов. Климат на такой огромной территории континентальный и резко континентальный, для которого характерны резкие колебания температуры воздуха и влаги в течение года. Земледелие в этих условиях подвержено риску, что не зависит ни от материальных стимулов производителей, ни от форм собственности. По климатическим условиям из развитых стран с Россией сопоставима Канада. Но в ней проживает всего около 24 млн. человек. Для обеспечения продовольственными ресурсами населения достаточно южной части страны с благоприятным климатом. Страны Северной Европы находятся в зоне действия теплого течения Гольфстрим. В Норвегии, например, с населением свыше 4 млн. человек обрабатывается около 3% территории. Но она омывается незамерзающими морями, и там круглогодично можно заниматься рыболовством. Специализация в сельском хозяйстве (рыболовство, животноводство), в промышленности и энергетике за счет включения в общеевропейскую экономику позволяет обеспечить население всем необходимым. То же самое можно сказать и о любой североевропейской стране. Однако Россия не имеет таких благоприятных возможностей, позволяющих за счет включения в международную систему разделения труда нейтрализовать неблагоприятные природные факторы северной страны. Не имеет сейчас, не имела до революции и не будет иметь в обозримом будущем независимо от того, какая политическая система утвердится в нашей стране.

Сельское хозяйство России в силу ее географического положения в мире должно функционировать таким образом, чтобы обеспечить все население страны средствами существования са-

мостоятельно и тем самым гарантировать продовольственную независимость экономики. Без последнего условия экономика окажется включенной в мировую в качестве сырьевого прицатка, что на длительный период приведет к перманентному падению жизненного уровня. Нельзя не заметить, что районы нашей планеты с богатыми сырьевыми ресурсами в подавляющем большинстве до сих пор, к началу XXI в., влачат жалкое существование из-за такого рода специализации. Некоторые исключения из этого правила, наблюдавшиеся в арабских странах, возникли по причинам сугубо политического характера.

Сельскохозяйственное производство в условиях северного континентального климата в состоянии обеспечить население продовольствием на путях семейного фермерства на основе значительной доли ручного труда только в том случае, если в нем будет занято 80—85% населения. Это deinдустириализация страны и ее регресс. Ясно, что это нереальный путь развития. Возможность развиваться фермерским путем на основе «малой», индивидуальной техники по образцу того, как это делается в Голландии, позволяет резко увеличить производительность. Однако создание такой техники требует огромных инвестиций. Это слишком дорогостоящий проект, который даст отдачу лишь лет через 20—25.

Наша экономика располагает отраслью сельскохозяйственного машиностроения, производящей технику, приспособленную для обработки больших земельных ресурсов. Развивать формы организации сельского хозяйства, ориентируясь на эту технику, подсказывает простая экономическая необходимость, не имеющая никакого отношения к идеологии. Такие формы уже были найдены, и их функционирование доказало, что они способны накормить страну. Реформирование крупных сельскохозяйственных предприятий не должно идти по пути их фермеризации. Увеличить их эффективность можно, во-первых, развивая их техническую и агрономическую основу; во-вторых, увеличивая их структурную специализацию, прежде всего развивая самое слабое звено — коромыводство; в-третьих, создавая агропромышленные фирмы, позволяющие производить конечную продукцию и избежать потерь при хранении, транспортировке и реализации продукции; в-четвертых, применяя более действенную систему трудовых мотиваций.

Как и в промышленности, в крупных сельскохозяйственных предприятиях, применяющих большое число занятых, ослабляет-ся стимулирующая роль частной собственности. Ее негативные

последствия перевешивают некоторые «плюсы», возникающие в том случае, если руководителем будет хозяин-частник. Не от одного его желания зависят конечные результаты производства. Долевая акционерная собственность всех занятых в агропромышленном полисе, с обязательным их участием в принятии управленческих решений и контролем, является позитивной альтернативой обычному частному земледелию. В такой форме, по сути дела, не никаких отличий от промышленности.

Однако имеется все же существенная особенность, требующая участия государства даже в гораздо большей степени, чем в промышленности. Она заключается как раз в тех суровых климатических условиях и пространственном разнообразии, о которых шла речь выше. Если вывести некоторый статистический средний показатель урожайности в пределах всей страны, то окажется, что из 5 лет половина оказываются урожайными, а другая — малоурожайными или совсем неурожайными. Цикличность же климата такова, что, помимо этого, примерно через каждые 15 лет огромные территории страны терпят такой неурожай, что раньше при господстве частной собственности на землю население целых губерний вымирало от голода.

В связи с этим появляется необходимость концентрации сельскохозяйственных ресурсов в государственной форме. Нет ни одной страны, где бы эта необходимость проявлялась с такой силой, как в нашей стране. В случае крупных неурожаев в том или ином регионе туда потребуется переключение продовольственных ресурсов. Это геоклиматическая природная константа, технически пока непреодолимая. Госзакупки за счет бюджетных средств в условиях частной собственности на землю лягут тяжелым налоговым бременем на все население, чтобы обеспечить право частных собственников. Поэтому реформирование в сельском хозяйстве требует особой осторожности. Частная собственность на землю в прошлом давала возможность лишь полуголодного существования населению. «Фермеризация» поголовно всего сельского хозяйства после Октябрьской революции, когда земля была распределена по «едокам», дала кратковременный результат, но негативные последствия ее низкой эффективности обнаружились довольно быстро.

В предыдущие десятилетия было найдено единственное в наших условиях решение. Это машинное крупномасштабное производство на основе государственной собственности на землю

при пожизненном владении тех, кто на ней работает. Убыточность многих хозяйств далеко не всегда связана с плохой работой или плохим управлением, хотя это имеет место. Довольно часто убыточность определяется природными факторами. Неконкурентоспособность многих хозяйств часто обусловлена неблагоприятными природными факторами. Не всегда можно отказаться от таких предприятий. Без их продукции общий объем продовольственных ресурсов окажется недостаточным. Преодолеть убыточность иногда можно экономическими мерами, улучшая организационную, техническую основу предприятия, а иногда это невозможно, если оно расположено в суровых климатических условиях. Дотационность таких хозяйств можно преодолеть, только повышая эффективность сельского хозяйства в целом, позволяющую отказаться вовсе от производства в неблагоприятных условиях. Но для этого нужно время и достаточно высокий выпуск продукции предприятиями с более благоприятными природными условиями.

Реформируя сельское хозяйство, необходимо сохранить то позитивное, что было найдено практикой в предыдущие десятилетия: технически оснащенное крупномасштабное производство и государственную собственность на землю. Именно это позволило стране впервые за тысячелетия избавиться от нищеты и голода и обеспечить хотя и не такой, как в западных странах, но достаточный уровень жизни. В таких суровых условиях это высокий показатель эффективности сельскохозяйственного производства, с учетом того, что естественное плодородие здесь много ниже, чем в западных странах. Реформирование надо направлять не на выпуск и уничтожение прежних форм хозяйствования, а на повышение их эффективности. Превращая совхозы и колхозы в агропромышленные комплексы, можно избежать простых потерь продукции, чем страдало сельское хозяйство. Внедряя долевую акционерную (паевую) форму организации производства при более или менее равномерном распределении акций и паев, привлекая всех работающих к контролю и принятию решений, можно усилить стимулирующие мотивы.

Мелкое семейное фермерство тоже может существовать в тех видах производств, где оно конкурентоспособно (преобладание ручного труда; наличие «малой» техники; производство скропортиющейся продукции; производство в ландшафтной обстановке, где

большая техника трудноприменима). Но оно должно развиваться, дополняя крупномасштабное производство, а не взамен его. Однако частную собственность на землю и здесь нет никакой необходимости развивать. Пожизненное, наследуемое владение является стимулом такой же силы, как и частная собственность. Приватизация садово-огороднической земли подтверждает это: отдача от этих участков не увеличилась с изменением формы землепользования. Государственная же собственность на землю и в данном случае имеет по меньшей мере два преимущества. Она позволяет влиять на управление предприятиями или передать землю другим производителям, если до этого производство велось на ней неэффективно, не выплачивая дань собственнику земли в виде абсолютной ренты. В широком плане она позволяет избежать гражданских конфликтов, что гораздо более важно.

Таким образом, преобладание индустриальной основы в российской экономике (трехзвенной системы машин) позволяет обеспечить эффективный экономический рост только в форме крупномасштабного производства. Это относится одинаково как к промышленности, так и к сельскому хозяйству. Мелкое производство в обеих сферах может существовать лишь дополняя его там, где это обусловлено технически. Крупномасштабное производство способны организовать государственная и частная акционерная формы собственности. Особенности России диктуют более активную, чем в любой западной стране, роль государственной собственности в экономике. Для нейтрализации негативных моментов акционерных обществ возможно их развитие в модифицированном виде, организуя их по типу рабочей акционерной собственности закрытого типа с долевой собственностью государства. Последнее, помимо фискально-монетарных мер, позволяет координировать межотраслевые пропорции, определять техническую политику, инвестиционный климат, концентрировать ресурсы и переключать их, чтобы сглаживать природно-климатические неблагоприятные последствия.

Государственное участие может быть весьма различным по объему и типам управления. Весьма важно, на наш взгляд, в отраслях, производящих базовые товары, и в стратегических отраслях, на основных направлениях технического прогресса, сосредоточить пакет акций государства. Это позволяет обеспечить обще-государственный интерес, нейтрализовать недостатки рыночной

экономики, например уменьшить трансакционные издержки (чистые издержки обращения), уменьшить число посредников, уменьшить нерациональные затраты ресурсов, решать экологические проблемы, проблемы национальной безопасности. Административно-правовые нормы, установление «правил игры» крайне недостаточны при современном уровне технического развития и размерах населения.

В условиях свободы предпринимательства крупномасштабное производство на известном пункте может превратиться в монополию. Рассмотрим, как это отражается на эффективности экономики.

§ 4. Проблема монополий и эффективность экономики

Стержнем экономической реформы российской экономики является приватизация, т.е. изменение форм собственности на средства производства. Одной из официально провозглашенных целей приватизации выступает «создание конкурентной среды и демонополизация экономики». Предполагается, что это обеспечит рост эффективности экономики. При этом преимущество небольших конкурентных предприятий перед крупными монополистическими считается само собой разумеющимся фактом, не требующим никаких доказательств, ибо таковые не приводятся ни в программных документах, ни в статьях активных сторонников и авторов реформы.

Действительно, в плановый период российская экономика ориентировалась на преемственное развитие крупномасштабного производства. Число крупных предприятий увеличивалось в общей структуре производства. К началу реформы в экономике России было примерно 5000 крупных предприятий. Они составляли фундамент экономики и позволяли удовлетворить базовые потребности средних и мелких предприятий и в конечном счете населения.

Крупные предприятия в плановой экономике, как отмечалось выше, не были монополиями. Они находились в государственной собственности и функционировали в интересах страны в целом. Их частный интерес не мог сколько-нибудь устойчиво доминировать над общими интересами экономики. В этом отношении они ничем не отличались от средних и мелких предприятий. Все предприятия вместе одинаково использовали ресурсы для удовле-

творения потребностей людей и обеспечения безопасности страны. Конечно, крупное предприятие имело большие возможности оказывать влияние на процесс принятия управленческих решений, чем мелкое, но принципиально суть дела это не меняло в силу общенациональной собственности на ресурсы и результаты производства.

В условиях рыночной системы у крупного социалистического предприятия существуют несколько путей приспособления к рынку. Оно может быть разукрупнено (с изменением формы собственности, разумеется). Это часто пропагандируют как желательную меру, аргументируя тем, что тем самым насаждается конкуренция. Оно может сохранить свои размеры или наращивать их, но изменение формы собственности превращает это предприятие в монополию. Не размеры предприятия, а частная собственность в рыночной системе превращает его в монополию. Наконец, крупное предприятие может остаться в государственной собственности либо преобразоваться в смешанную частно-государственную собственность.

Экономическая реформа резко изменила социальный статус всех экономических структур. Крупные предприятия стали акционерными корпорациями. Акционерное предприятие представляет собой классический случай переходной экономической формы. В отношении собственности предприятия в целом (не между акционерами и предприятием) это означает, что собственность здесь становится коллективной, т.е. промежуточной между частной и общественной. Единоличное предприятие и коллективное предприятие представляют собой лишь часть общества. Поэтому в обоих случаях это частная собственность. Однако коллективная собственность дает больше возможностей для превращения ее в непосредственный элемент общеэкономической структуры. Тем самым общественные черты ее усиливаются. Внутреннее устройство акционерных предприятий весьма разнообразно. Акции могут быть равномерно распределены среди коллектива работающих на данном предприятии, не концентрируясь у каких-либо лиц или социальных групп. Участие или неучастие в них государства может усилить их общественную природу или, несмотря на равномерность распределения акций, не затронуть частный характер предприятия. Однако пока в современном мире и в нашей экономике тоже в основном распространены открытые акционерные

корпорации, в которых рынок неизбежно основную долю акций концентрирует в руках узкого круга лиц. В этом случае собственность становится преобладающе частной собственностью этих лиц, общественное содержание присутствует здесь больше в качестве возможности. Владение незначительными акциями самими работающими на данном предприятии не означает, что они являются собственниками предприятия. Мелкие акционеры юридически собственники лишь титула собственности, т.е. документа на право притязания на часть дохода предприятия. Экономически отношения между мелкими акционерами и реальными собственниками предприятия такие же, как между вкладчиками и банками. Это отношения не собственности, а чисто кредитные отношения, завуалированные иным характером ссудной сделки. Собственниками является в данном случае группа лиц, обладающая контрольным пакетом акций, размеры которого определяются конкретной конъюнктурой и колеблются от нескольких процентов до 51%.

Приватизация проходила в такой форме в нашей стране, что значительная доля крупных предприятий оказалась частной собственностью группы лиц. Рабочим принадлежит ничтожное количество акций, чаще всего не более 10% общего пакета. Это кардинально изменило социальное содержание бывших флагманов экономики. Преобладающе частный характер собственности на такие крупные предприятия превращает их в монополии, какими они не являлись раньше. До приватизации не было монополий в нашей стране, поскольку крупные размеры предприятия — это еще не монополия. Чтобы стать монополией, крупное предприятие должно обладать рыночной властью, что выражается в способности влиять на цену своих товаров и на другие экономические параметры. Такой возможности у гигантов экономики в плановом периоде их развития не было, так как цены определялись государством и фиксировались на достаточно длительное время. Постановка задачи о «демонополизации экономики» в те времена, когда монополий не существовало в принципе в нашей стране, отражала привычный лингвистический оборот западных экономистов и возможное непонимание местными реформаторами сути монополии, простодушно отождествивших ее с размерами предприятия.

Монополии в нашей стране появились в результате приватизации. И сейчас действительно жизненно важно определить от-

ношение к этим экономическим структурам. Это требует решения двух проблем прежде всего. Во-первых, влияние монополий на общеэкономическую эффективность в сравнении с другими рыночными структурами. Во-вторых, отношение к монополистической власти в экономике и в обществе в целом.

Рассмотрим влияние монополий на эффективность экономики. Согласно неоклассической концепции все рыночные структуры различаются на обладающие рыночной властью и не имеющие таковой. К первым относятся монополии и олигополии, чья власть обусловлена высокой концентрацией ресурсов и полным или значительным объемом поставок товаров на рынок, а также барьерами входа в отрасль. Ко вторым принадлежат конкурентные предприятия с невысокой концентрацией ресурсов и малым удельным весом продаж готовой продукции. Рыночной властью обладают фирмы — монополистические конкуренты, производящие дифференцированные продукты, т.е. продукты специфические только для данной фирмы, хотя они могут быть небольшого размера. Будем пока пользоваться этими терминами, хотя здесь имеется теоретическая неточность, о которой скажем ниже.

Общим местом современных экономических представлений, основанных на неоклассической концепции, является суждение о том, что конкурентная фирма самая совершенная и эффективная из всего, что рождено экономикой. Она оптимально распределяет ресурсы и наилучшим образом их использует. Конкурентная фирма максимизирует свою прибыль (минимизирует убытки), устанавливая оптимальные объемы производства на уровне равенства предельных издержек рыночным ценам. Конкуренция производителей и потребителей определяет цены, лишь покрывающие издержки производства в конечном счете, и не выше. Все иные структуры хуже. Монополия, олигополия, монополистически конкурентная фирма имеют возможность влиять на рыночные цены, а потому могут максимизировать свои прибыли, руководствуясь правилом равенства предельных издержек предельному доходу, что и конкурентная фирма, устанавливая объемы производства на уровне меньшем, чем последняя. В итоге цены образуются выше, чем на конкурентном рынке. Причем чем сильнее рыночная власть, тем больше превышение цен над издержками. Логика здесь носит, условно выражаясь, линейный характер. Государственные предприятия, имея еще большую силу власти, решают проблемы эффективности еще хуже, не говоря уже о «тота-

литарном планировании». Почти всегда отмечаются «провалы рынка», т.е. трудноразрешимые отдельные проблемы современной экономики. Однако все же они имеют решение либо децентрализованное, когда сам рынок генерирует структуру для их решения, либо централизованным путем через государственное вмешательство. Итак, основная мысль в том, что чем выше рыночная власть, тем ниже эффективность, тем выше цены, тем меньше объемы производства, тем хуже используются ресурсы.

Изложенное в своей главной сути представление, по всей видимости, широко распространено среди западных экономистов, поскольку отражено во всех переведенных на русский язык учебниках. Оно же повлияло на политическое мышление и определило характер реформирования нашей экономики.

Аргументы в адрес конкуренции как якобы двигателя прогресса отдают чисто мировоззренческим представлением, но никак не выражают экономическую необходимость. Хорошо известно, что это «палка о двух концах». Она обладает как созидающей, так и разрушительной силой, что было показано даже в работах А.Маршалла и в еще большей мере Дж.Кейнса и К.Маркса. На современном этапе технического развития последнее действует сильнее. Помимо этого существует множество других аргументов, чтобы утверждать, что разукрупнение предприятий — верный путь снижения экономической эффективности. А для России это к тому же шаг к гибели, ибо на этом пути выбраться хотя бы в начальную точку экономического спада можно будет во второй половине века в лучшем случае. Легковерное восприятие представлений такого рода весьма опасно. Если в них заключена истина, она должна быть доказана теоретически, прежде чем сделать их практическим инструментом. Но именно в этом плане обнаруживается беспомощность рассматриваемого суждения.

Прежде чем перейти к анализу аргументации суждения о том, что конкурентная фирма самая эффективная структура, отметим, что, несмотря на почти официальный статус такой точки зрения, в экономической науке она отнюдь не единственная.

Диаметрально противоположную позицию в этой проблеме занимали многие выдающиеся экономисты. К.Маркс доказал, что технический прогресс делает законом развитие индустриального общества на основе именно крупного производства. Позднее автор неоклассической концепции А.Маршалл также сделал вывод о преимуществе крупномасштабного производства. Применитель-

но к России этот вывод подтвердили исследования, выполненные В.И. Лениным. Точку зрения о меньшей эффективности монополий сравнительно с конкурентными фирмами опровергали такие видные экономисты, как И.Шумпетер и Дж.К. Гэлбрейт. Они доказывали, что монополии обладают неоспоримыми преимуществами в осуществлении технического прогресса, имеют возможность выделять необходимые ресурсы для проведения НИОКР и во многих других аспектах. Как видим, разные направления экономической науки занимали тождественную позицию о приоритете крупного производства. Характер современного технического прогресса лишь усилил этот закон.

Теперь обратимся к доводам экономистов в пользу большей эффективности конкурентных предприятий. Основным аргументом здесь является сравнение моделей конкурентной фирмы и структур с рыночной властью. Обе модели основаны на сопоставлении предельных издержек и предельного дохода фирмы. Конкурентная фирма в силу малого объема в рыночном спросе не имеет самостоятельной ценовой политики, не влияет на цену, и поэтому предельный доход фирмы совпадает с горизонтальной линией цен. Пересечение с линией цен кривой предельных издержек определяет оптимальный объем выпуска продукции, максимизирующий прибыль фирмы. Кривая спроса монополии совпадает с кривой рыночного спроса, т.е. весь рынок данного товара является рынком монополии. Кривая ее предельного дохода отклоняется от кривой спроса в направлении к началу координат из-за тождественности кривой рыночного спроса и кривой спроса фирмы. Для того чтобы увеличить выпуск, монополия должна снизить цену дополнительной продукции. Только так она может расширить величину спроса на свою продукцию и реализовать ее. Но это означает, что снижается цена всех предыдущих единиц продукции. Это и разделяет кривые спроса и предельного дохода. Так же как и конкурентная фирма, монополия определяет объем своего производства в точке пересечения кривых предельного дохода и предельных издержек. Цена устанавливается согласно закону спроса, в точке на кривой спроса, соответствующей объему производства. Так как кривая спроса всегда располагается выше кривой предельного дохода, то цены монополии всегда оказываются выше издержек.

Сопоставление эффективности монополии и конкурентной фирмы делается следующим образом. На модели монополии оп-

ределяется принятие решений конкурентной фирмы. Так как цена и предельный доход конкурентной фирмы совпадают, то ее оптимальный объем выпуска находится в точке пересечения кривой предельных издержек с кривой спроса. Модель предполагает одинаковые предельные издержки монополии и конкурентной фирмы. При такой предпосылке относительное расположение кривых предельных издержек обеих фирм неизбежно приводит к тому, что объем выпуска монополии всегда оказывается меньше, а цены всегда выше, чем у конкурентной фирмы. Таким образом доказывается более высокая эффективность конкурентной фирмы по сравнению с монополией. Аналогичным образом делается сравнение с другими структурами с рыночной властью и получается тот же самый вывод.

Тезис о большей эффективности конкурентной фирмы в приведенных моделях получен искусственным путем. В них в качестве предпосылки допускается как раз то, что требуется доказать. В модели кривые предельных издержек монополии и конкурентной фирмы принимаются одинаковыми, совпадающими. При такой предпосылке ответ уже запрограммирован. Сравнение эффективности разных экономических образований прежде всего и заключается в сопоставлении их издержек. В этом соль проблемы. Сняв проблему уровня издержек в монополии и конкурентной фирме простым допущением без научных доказательств их равенства, приведенная аргументация теряет какую-либо ценность. Полученный вывод не может считаться истинным. Сама же предложенная модель не отражает реальность, а является просто любопытной картинкой для раскраски.

Стоит лишь снять это очевидно искусственное допущение о равенстве издержек столь различных структур экономики, как можно получить прямо противоположные результаты.

Действительно, если издержки производства конкурентной фирмы выше, чем у монополий, то точка пересечения кривой предельных издержек с кривой спроса окажется выше и левее по отношению к соответствующей точке для монополий. Следовательно, объем производства, максимизирующий прибыль конкурентной фирмы, меньше объема производства монополии, а цены выше монопольных. Это легко проиллюстрировать на графике. На рис. 1 приведена стандартная модель, используемая в научных работах и учебниках (в частности, в учебнике Макконелла и Брю,

т. 2, с. 101—103). На рис. 2 на эту модель наложено иное, более реалистичное, на наш взгляд, соотношение издержек монополии и конкурентной фирмы. Крупное предприятие имеет гораздо большие возможности использовать три кита, на которых держится эффективность индустриального общества, — кооперацию труда, разделение труда, достижения науки и техники. Издержки у него поэтому ниже.

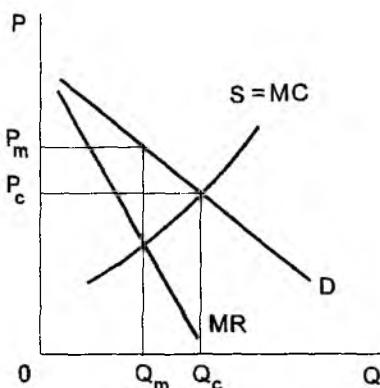

Рис. 1

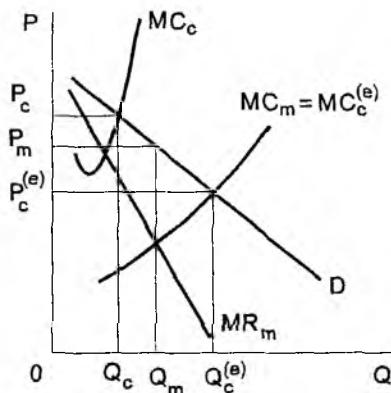

Рис. 2

Примечание: P_c , Q_c , MC_c — равновесные цены, оптимальный объем производства, предельные издержки конкурентной фирмы; P_m , Q_m , MC_m , MR_m — равновесные цены, оптимальный объем производства, предельные издержки, предельный доход монополии; $P_c^{(e)}$, $Q_c^{(e)}$, $MC_c^{(e)}$ — равновесные цены, оптимальный объем производства, предельные издержки конкурентной фирмы с позиций экономикс.

На рис. 1 показано сравнение эффективности монополии и конкурентной фирмы, предложенное экономикс, на основе равных предельных издержек. Рис. 2 отображает более реальное соотношение издержек крупного и мелкого производства. Издержки сравнительно небольшого предприятия больше, чем у крупного, в данном случае у монополии. Поэтому кривая предельных издержек конкурентной фирмы MC_c располагается выше кривой пре-

дельных издержек монополии MC_m . Кроме того, она значительно отличается от нее по форме. Точка перегиба кривой MC_c расположена гораздо левее и выше точки перегиба кривой MC монополии. Восходящая ветвь кривой MC_c начинается раньше и проходит круче кривой MC_m . В противном случае монополия просто не могла бы возникнуть. Такое местоположение и крутизна восходящей ветви кривой предельных издержек конкурентной фирмы говорят о небольшом в сравнении с монополией эффекте масштаба. Точки пересечения кривых MC и MR показывают оптимальные объемы производства обеих фирм и равновесные цены. Цены конкурентной фирмы P_c выше цен монополии P_m , а объем выпуска Q_c соответственно меньше Q_m . Если суммировать множество конкурентных предприятий в отрасль и сопоставить объем выпуска и издержки (средние или предельные) с монополией, то вывод о более низких издержках монополии не изменится. Суммирование высоких издержек фирм не в состоянии их понизить.

Таким образом, утверждение о большей эффективности конкурентной фирмы по сравнению с монополией или олигополией научно не доказано и легко опровергается.

Помимо проанализированной выше модели, которая является центральным аргументом этого утверждения, приводятся некоторые косвенные подтверждения. Так, возражая против тезиса о больших возможностях монополий в обеспечении технического прогресса, оппоненты ссылаются на факты технических открытий, сделанных на небольших предприятиях. Таковых количественно оказывается больше, чем у крупных предприятий. Однако к открытиям относят изобретение шариковой ручки, целлофана и т.п. Не все полезные предметы характеризуют суть современного технического прогресса. Поэтому величина случайным образом набранных фактов не подтверждает истину. Среди предлагаемых фактов, якобы подтверждающих преимущество в технических открытиях небольших предприятий, нет примеров крупных изобретений в космических, атомных, лазерных, высокомолекулярных технологиях и т.п.

Современные технические проекты столь сложны, что под силу только крупным предприятиям, располагающим большими

ресурсами. А довольно часто даже гигантам они недоступны. Лишь участие всей экономики, т.е. государства, способно претворить их в жизнь.

Необходимо проанализировать еще один аргумент о неэффективности монополий. Утверждается, что монополии не заинтересованы в техническом прогрессе из-за отсутствия конкуренции, а следовательно, стимула к нововведениям. Об этом, казалось бы, писал ученый противоположного направления науки — В.И. Ленин, выполнивший серьезное, фундаментальное исследование монополий. Однако хотя В.И. Ленин также обнаружил в монополиях содержание, тормозящее развитие производительных сил («Х-неэффективность», «плохой менеджмент» в современной терминологии), тем не менее он оценивал ее как неизбежный и высший продукт развития капитализма, подводящий вплотную к социализму — более высокой в сравнении с рыночной экономической системе. По существу, он характеризовал ее, так же как и К. Маркс акционерную корпорацию, каковой монополия и является, как форму, переходную к новой системе. Экономикс же считает монополию как бы случайной. И более плохой в сравнении с совершенно конкурентной средой, т.е. более низшей. А раз она неэффективна, то с ней надо бороться, исключая естественные монополии. В действительности же монополия как высший продукт рыночной экономики представляет собой, как удачно выразился К.Маркс, «пророка и мошенника в одном лице». Это противоречивое содержание любой переходной рыночной структуры. Но продолжим анализ «пророческого» лица монополии.

Суждение об отсутствии стимулов у монополии к техническому прогрессу из-за отсутствия конкуренции, несмотря на долю истины, в целом ошибочно. Монополия может быть консервативной или препятствовать распространению технических новшеств. Но этим она не отличается от конкурентной фирмы. Коммерческая тайна — святая святых рыночной экономики. Здесь ее поведение объясняется просто природой рынка как такового, одинаково присущей любой структуре системы. Тем не менее считать, что монополия уничтожает конкуренцию и связанные с ней стимулы развития, нет оснований.

В представлении о несовместимости монополии и конкуренции присутствует слишком упрощенное представление о конкуренции. Экономикс понимает ее как соотношение спроса и пред-

ложения производителей и потребителей, а также тех и других друг с другом. Между тем это лишь один из пластов этого сложного и внутренне организованного явления жизни рынка. Бегло и кратко обращаясь к результатам, рассматриваемым ранее, напомним три уровня внутреннего содержания конкуренции. Это — внутриотраслевая конкуренция, устанавливающая из множества затрат труда однородного продукта единые, т.е. стоимость продукта. Во-вторых, межотраслевая конкуренция, которая через миграцию фирм по отраслям производства аккумулирует всю произведенную в отраслях прибыль и затем распределяет ее поровну на равновеликий капитал. Итогом ее является образование из стоимости цены производства и средней нормы прибыли (нулевой прибыли в долговременном периоде — в терминах экономикс). В-третьих, соотношение спроса и предложения на ресурсы и предметы потребления, которое цены производства превращает в предложные рыночные цены, определяя степень отклонения рыночной цены от ее закона — цены производства.

Монополия не уничтожает конкуренцию. В лучшем случае, она устраивает или сильно ослабляет одну ее ветвь — внутриотраслевую конкуренцию. Межотраслевой конкуренции она подчиняется как любая рыночная структура. Следовательно, у нее всегда сохраняется стимул получить прибыль больше средней в других отраслях или получить избыточную, монопольную прибыль. Межотраслевая конкуренция не дает возможности постоянно получать высокую прибыль за счет консервации имеющейся техники, хотя какое-то время это возможно. Через определенный срок такая корпорация станет получать прибыли меньшие, чем в других отраслях, где происходят технические совершенствования. Поэтому в конечном счете технический прогресс служит средством высокоприбыльного производства для монополии, также как и для конкурентной фирмы. Отличие в том, что возможностей для этого больше именно у монополии.

Монополия является неизбежным продуктом конкуренции. Через бесконечные волны банкротств, слияний и поглощений ресурсы концентрируются непрерывно и ведут к возникновению крупных корпораций, аккумулирующих к тому же финансовый капитал в огромных размерах. Самая же глубинная причина этого процесса заключена в уровне техники. Хотя качественно он тот же самый, что и для совершенной конкуренции, — система трех-

звенных машин, — количественно же непрерывно меняется. Как требование со стороны самой техники, на определенном этапе возникают монополии.

Конкуренция служит причиной и основой возникновения монополий. Она же служит механизмом функционирования монополий. Несмотря на переходные моменты, монополия все же остается рыночной структурой. Не будь конкуренции, что тождественно отсутствию частной собственности, монополия перестала бы существовать и была бы просто крупным предприятием. Поэтому термин «конкурентная фирма» как противоположность монополии, которая якобы неконкурентная, а следовательно, нерыночная структура, неточен.

Современная экономика западных стран высококонцентрированна. Главную роль в ней играют крупные фирмы. Они доминируют в базовых отраслях, и особенно в обрабатывающей промышленности. Так, в США «Большая тройка» или «Большая четверка», поставляющая львиную долю продукции на рынок, достаточно типичное явление. Это не только производство свинца, автомобилей, самолетов, стали, нефти, алюминия, домашней техники, но даже издание открыток (84% принадлежит четырем фирмам), сигарет, электрических лампочек, пива и даже жевательных резинок. Громадное число фирм составляют небольшие фирмы и малый бизнес. В общей массе фирм крупные фирмы занимают ничтожную долю. Но это ни о чем не говорит. Их вес в валовом продукте определяющий, а малый бизнес лишь встроенный и подчиненный элемент крупного бизнеса. Так, в экономике США господствуют 800 крупнейших корпораций. Их удельный вес в общем числе фирм ничтожно мал — 0,01%. Однако они владеют капиталом, величина которого равна почти половине общего объема материальных ценностей страны.

Показателем концентрации часто служит доля четырех фирм в отраслевых продажах. Неясна только величина этой доли, которая соответствует низкой или высокой концентрации. Вряд ли здесь проясняют дело абсолютные значения, например 80%, или 90%, или 100% свидетельствуют об олигополиях или монополии. Рынок может быть олигополистическим и при 20%, 30%, а может быть и меньше, если каждая из огромного множества фирм имеет на этом рынке доли процента отраслевых продаж. При таком соотношении на рынке господствуют четыре фирмы. Здесь ситуа-

ция аналогична величине контрольного пакета акций, который может быть равен отнюдь не 51%, а всего нескольким процентам.

Обычно несколько доминирующих фирм называют олигополиями. «Олигополия является преобладающей формой современной рыночной структуры»¹, — пишут американские экономисты. Монополия и олигополия — однокачественные экономические формы. Они основаны на высокой концентрации капитала и имеют способность влиять на рыночные цены. Различия между ними носят чисто количественный характер. Определение В.И. Ленинским экономики XX в. как монополистического капитализма продолжает оставаться верным. Какими бы идеологическими предубеждениями ни руководствовались политики, не считаться с этим обобщением объективных тенденций в практической деятельности было бы губительно для экономики.

Некоторые авторы считают монополию эффективной в производстве, но неэффективной в распределении. Они считают, что благодаря своей рыночной власти монополии назначают высокие цены, облагая «частным» налогом потребителей, обогащаясь за счет общества. Такое антиобщественное поведение, конечно, не редкость. Монополия просто ведет себя в соответствии с правилами рыночной игры. Любой из игроков — крупный и мелкий, не откажется приумножить доход наилегчайшим образом посредством вздутия цен. Вероятно, из этого всеобщего поведения возникает так называемый «эффект храповика». Альтруист, заботящийся о благе общества, в рыночной игре вскоре окажется с «огрицательной суммой».

Архаичная вера в силу рыночной конкуренции в данном случае основана на допущении, что отсутствие барьеров входа и выхода из отрасли заставляет конкурентную фирму помимо ее воли оптимально использовать ресурсы и устанавливать цены на уровне предельных издержек. В противном случае она терпит банкротство. Действительно, если бы конкуренция разорила неэффективных собственников раз и навсегда, все утверждения о ее добродетелях были бы верны. Однако она не только разоряет таких, но неизбежно их воспроизводит. Это два следствия одной и той же причины. Ежегодно повторяющиеся банкротства десятков тысяч предприятий только в США статистически это подтверждают.

¹ Пиндейк Р., Рубинфельд Д. Микроэкономика. М., 1992. С. 345.

ют. Причина тому заключается в отсутствии координации экономической деятельности множества предприятий, в условиях неопределенности информации, неизбежных в конкурентном рынке.

Подчеркнем, что центральным пунктом в сравнении эффективности конкурентных предприятий и монополий (олигополий) являются величины издержки производства и обращения. Манипуляции ценами можно ограничивать административно, юридически, антиобщественное поведение хотя бы ослабить. Но на издержки невозможно повлиять, не иначе как используя разделение труда, кооперацию и технические нововведения. Конкурентные производители по всем этим пунктам проигрывают крупным корпорациям, а особенно в проведении НИОКР.

В завершение анализа эффективности монополии следует заметить, что, если бы мнение экономикс о неэффективности монополии оказалось верным, тогда конкурентная экономика XIX в. должна была бы быть более эффективной, чем монополистическая экономика развитых стран XX в. А это очевидный абсурд.

Вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод. Если будет реализована поставленная экономической реформой цель «создание конкурентной среды и демонополизация экономики», то это резко снизит эффективность российской экономики. Конечно, это не означает, что для малого предпринимательства в нашей экономике отсутствует ниша. Существует много сфер, где оно эффективно. Например, там, где велик ручной труд или где продукт предназначен для удовлетворения сильно индивидуализированной потребности. Однако основой экономики сейчас, как и в плановый период, должно быть крупномасштабное производство. Критика «гигантомании» в экономике имеет лишь тот положительный смысл, что любое производство, в том числе и крупное, имеет пределы, за которыми начинается резкое увеличение издержек. Это не отмечено в трудовой теории, но тщательно изучено в экономикс. Несмотря на успехи в создании эффективного крупного производства в жизненно важных отраслях экономики в плановый период, мы не достигли такого уровня концентрации производства, который обеспечивает высокую производительность труда, скажем, как в США. Разукрупнение предприятий даст сугубо отрицательный результат.

Говоря об эффективности, до сих пор мы имели в виду самый простой ее смысл — способность той или иной экономиче-

ской структуры использовать ресурсы для производства продукта. Ясно, что этого недостаточно. Не менее важно учитывать социальные аспекты проблемы. С этой целью остановимся на другой стороне функционирования монополии в экономике. Ведь она не только «пророк», но одновременно и «мошенник».

Монополия как любая рыночная структура способна решить не все проблемы современной экономики. Даже ей не под силу инвестирование фундаментальных исследований в науке, многих крупных технических проектов, производство общественных благ, освоение космоса, к чему человечество уже приступило и будет все более продвигаться в этом направлении. Монополии варварски относятся к экологии. Реализуя свой частный интерес, она может оказывать разрушительное влияние на экологию сильнее, чем мелкие фирмы. Принципы хищнического отношения к природе российского Севера со стороны нефтяных компаний, о которых сообщалось в прессе, поистине ужасны. Кроме того, являясь мощной структурой, монополия концентрирует национальное богатство в руках незначительного слоя людей. В основе высоких прибылей, которые она получает, эффективно используя ресурсы, в конечном счете лежит развитие общественной производительной силы труда. Присваивая его результаты, монополия много-кратно увеличивает внутренне присущий рынку недостаток — социальную несправедливость, неравенство между людьми. Она усиливает социальную пропасть независимо от уровня жизни людей. Так, США лидирует по неравномерности распределения доходов среди населения, и лишь общее благополучие исключает крупные социальные конфликты. Концентрация богатства, экономическое могущество сопровождаются политическим господством узкой группы лиц над всем обществом, а в условиях глобализации и над миром. Это не в состоянии устранить ни одна из выборных политических систем.

Чтобы как-то смягчить негативные последствия монополий в социальной сфере, правительства западных стран проводят анти-монопольное регулирование. Иногда монополии становятся государственной собственностью, чаще же их деятельность контролируется государственными органами экономическими и правовыми методами. Считается, что США традиционно проводят сильную политику регулирования монополий. «Правительства некоторых стран все еще занимают мягкую позицию по отношению к своим

внутренним производителям с целью вытеснения с рынка зарубежных конкурентов и дают возможность внутренним фирмам действовать подобно монополиям¹. Речь идет о странах Западной Европы и в еще большей степени о Японии. Кстати, это косвенно свидетельствует о большей эффективности крупного предпринимательства в сравнении с мелким, коль скоро именно с его помощью поддерживается конкурентность национальной экономики, сталкивающейся с сильным противником на рынке. Важно обратить внимание, что даже там, где осуществляется сильная антимонопольная политика, даже юридические законы, ограничивающие деятельность монополий, довольно часто бездействуют. Они выполняются примерно так же, как законы, запрещающие плевать на тротуары, принятые в некоторых штатах США.

Как отмечалось, монополии в российской экономике возникли вследствие приватизации. Крупные предприятия государственной собственности стали частной собственностью группы лиц. В результате наша экономика оказалась в положении «между Сциллой и Харибдой».

С одной стороны, ослабить частный интерес монополистов в экономике и политике разукрупнением предприятий тождественно резкому снижению эффективности всей экономики. Материальная основа нашей экономики преобладающим образом является индустриальной. Следовательно, крупное производство для нее является объективной экономической необходимостью. Специфические условия России усиливают необходимость развития экономики как преимущественно крупномасштабного производства. Прежде всего, это географическая протяженность страны, ее размеры, трудные и суровые природно-климатические условия, невысокий, а теперь уже низкий уровень удовлетворения базовых потребностей людей и многое другое. «Интенсивное использование эффекта масштаба стало естественным способом компенсировать неблагоприятность природного положения огромной северной страны². К тому же надо отнести дореформенное состояние экономики как единого народнохозяйственного комплекса, связи между элементами которого придется так или иначе восстанавливать. Сейчас появились новые факторы, усиливающие

¹ Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М., 1993. С. 263.

² Московский А.И. О границах распространения естественных монополий в экономике России. Современная экономическая теория. М.: ТЕИС, 1977.

необходимость повышения концентрации производства. Они связаны с внешней конкуренцией, с положением нашей экономики на международных рынках. Реформы к настоящему моменту сильно подорвали экономику, ослабили ее потенциал. Взаимодействие с сильным конкурентом для слабого всегда имеет на рынке один исход. Здесь нет благотворительности. Сильный побеждает, слабый проигрывает. Поэтому для увеличения своей внешней конкурентоспособности мы обязаны использовать резервы крупномасштабного производства. Здесь мы располагаем возможностями как никакая другая страна. Можно сказать, что это — наше потенциальное богатство, как и природные ресурсы.

С другой стороны, монопольную власть узкой группы лиц и их частный интерес необходимо нейтрализовать иными способами, не разукрупняя производство. Отрицательные последствия крупного производства, неизбежно возникающие из частной или частно-групповой собственности и из внутренней природы рыночных отношений, можно в значительной мере нейтрализовать или ослабить. Прежде всего с помощью привлечения трудового коллектива не просто к распределению акций, носящему чисто формальный характер, а к реальному участию их в управлении. Это огромный резерв и источник роста эффективности, который в нашей стране не был по-настоящему использован, хотя в плавновый период попытки предпринимались весьма серьезные. Мы можем в силу имеющегося опыта, как никакая другая страна, использовать коллективную силу тех, кто работает на предприятиях. Но не только таким образом. Сейчас во всех социальных слоях нашего общества созрело понимание необходимости определенного пересмотра итогов приватизации. Конечно, существует и резкая оппозиция этому, не допускающая даже возможности обсуждения этой ситуации, обвиняя все и всех в «попытках возврата в прошлое». В официальных кругах время от времени идея о пересмотре итогов приватизации допускается исключительно в тех случаях, когда нарушались юридические нормы. По признанию одного из крупных бизнесменов, прозвучавшего на телевидении на всю страну, нарушались они всегда и всеми. Но дело даже не в этом. Гораздо важнее в данном случае экономическая необходимость, поскольку от этого зависит судьба страны, а не просто чистота юридической сделки. Интересы повышения эффективности экономики требуют деприватизировать стратегически важные

монополии, т.е. передать их в государственную собственность. В крупных предприятиях частная собственность в качестве дополнительного стимула эффективности не имеет никакого значения. Если на предприятии работает, скажем, 800000 человек, как на «Дженерал моторз», то управляющие находятся в одинаковом положении как при частной, так и при государственной собственности. В западных странах частная собственность на крупных предприятиях сохраняется просто в силу исторических традиций. В России же исторически государственная собственность при разных политических режимах была более распространена, чем в западных странах, что опять же обусловлено специфическими особенностями страны.

Резервы акционерных компаний тоже можно использовать для увеличения эффективности экономики. Учитывая недостаток финансовых ресурсов для инвестиций в производства, акционерная форма предприятий может быть весьма полезным инструментом их аккумуляции. Монопольные тенденции, т.е. преобладание частного интереса, можно ослабить посредством развития усиления участия трудового коллектива в управлении с одновременным государственным участием в принятии управленческих решений через контрольный пакет акций государственных органов. Однако и в том случае, когда контрольный пакет акций крупного предприятия принадлежит государству, его участие может быть формальным, как сейчас происходит у нас. И не только у нас, но и в странах с сильной антимонопольной политикой, как в США. Власть находится у того, кто владеет реальным богатством. Поэтому условием реального участия государства в управлении акционерным предприятием является как можно более равномерное распределение акций, их «распыление». На аккумуляцию финансовых ресурсов характер их распределения между людьми не влияет, но сделает возможным процесс макроэкономического управления. Не допустить чрезмерное сосредоточение акций в собственности узкого круга лиц можно юридическими мерами, выбрав необходимую для этого организационную форму акционирования и предусмотрев это законодательно.

Вместе с тем, развивая крупномасштабное производство, важно предусмотреть возможность децентрализованного управления им в качестве дополнительного резерва эффективности. Решить это позволяет организация крупных предприятий в форме

промышленно-финансовых групп. В этом случае государственный пакет акций позволяет определять, регулировать и контролировать только такие параметры их деятельности, которые влияют на макроэкономические результаты. Главным образом межотраслевые согласования конечных результатов, прежде всего инвестиционного процесса, необходимо сосредоточить в государственных экономических ведомствах. Все остальное определяет само предприятие или их объединение рыночными методами. Это позволит использовать мощные резервы крупного производства, частную инициативу и одновременно нейтрализовать доминирование их частного интереса, способного снизить общую эффективность экономики.

И все же мер по демократизации управления крупными предприятиями смешанных форм собственности и усилию реального влияния государства на их деятельность и на межотраслевые пропорции недостаточно.

Необходимость государственной экономической деятельности для нашей страны гораздо больше, чем в западных странах. Это обусловлено ее природно-климатическими, географическими и социальными особенностями.

Исходя из того, что страна отброшена на десятилетия назад, существует особая актуальность национализации естественных монополий. Особенно важно это применительно к стратегически важным отраслям, прежде всего монополиям топливно-энергетического комплекса. Их устойчивое функционирование станет основой устойчивого положения всех остальных отраслей и устойчивого экономического роста в целом. Это приведет к устойчивому поступлению налогов и природной ренты в госбюджет. Укрывательство от налогов, к сожалению, постоянный параметр рыночной системы независимо от их величины. Целая армия налоговых инспекторов, налоговые, финансовые полиции и прочее существуют в развитых демократиях. Это весьма существенно увеличивает трансакционные издержки. Увеличение налоговых поступлений вследствие резкого снижения налоговых ставок всякий раз оказывается не более чем «сезонной» мерой. Кроме того, национализация естественных монополий сократит разрушительные воздействия на природу, особенно уязвимую природу севера России, которая несет невосполнимые потери от неконтролируемой деятельности нефтяных компаний. Хищническое отношение

к национальным ресурсам и природе, частных монополий особенно, стимулируется высокими ценами на природные ресурсы на мировых рынках. Благо вновь оборачивается бедой.

Абсолютно бессмысленным, или даже резко отрицательным, оказался результат раздробления нефтяной отрасли и передача нефтяных компаний в частную собственность. Вместо роста добычи нефти произошел спад. Вместо обновления производственных фондов целое десятилетие они разрушались, что привело к технической деградации отрасли. Вместо поступлений в госбюджет доходы от нефтедобычи стали концентрироваться на личных счетах олигархов и высшего менеджмента и использоваться отнюдь не на инвестирование отрасли. Какой смысл в такой приватизации для страны и ее граждан? Восстановление государственной собственности нефтяных компаний позволит доходы от нефти вновь направить на развитие страны и поддержку социальной сферы. То же самое надо сказать об энергетике. В стране существовала одна из самых эффективных (если не самая эффективная) энергетическая система. Она обеспечивала все отрасли экономики и населения дешевой энергией, оставаясь при этом рентабельной. Приватизация привела к технической деградации отрасли, непрерывному росту цен на ресурсы, энергетическому голоду, вечным отключениям энергии и людским бедам. Передача естественных монополий в государственную собственность позволит нам вновь разрешить дилемму монополий. Хоть и в более слабой форме, чем прежде, но все же благодаря этому удастся сохранить экономические преимущества крупного производства в снижении издержек, в развитии отраслевой науки технического уровня. Это даст возможность использовать национальные ресурсы в интересах страны и всех ее граждан.

ГЛАВА 8. ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ. ПЕРЕХОДНЫЕ ФОРМЫ

Наибольшее напряжение в экономической науке возникает в связи со сложностью объяснения новых феноменов, не вполне поддающихся объяснению ни с позиции трудовой теории стоимости, ни с позиций майнстрима, ни с позиций институционализма или иных концепций. Речь идет о так называемых «вызывах времени». Существуют многообразные попытки их отображения. Эти новые явления выражаются посредством понятий «смешанное общество», «постиндустриальное общество», «информационное общество», «постэкономическое общество», «новая экономика» и др. В одних случаях речь идет о возникновении в недрах традиционной капиталистической рыночной системы элементов, основ новой экономической системы, в других же — об изменениях самой рыночной системы, приобретении ею новых качеств с сохранением ее рыночной капиталистической природы.

Помимо этого проблема переходных форм, переходных процессов и даже попытки создания теории переходной экономики в настоящее время приобрели широкую популярность и политическую актуальность¹. Между тем переходные формы были замечены давно. Уже во второй половине XIX в. К.Маркс зафиксировал их появление в форме кооперативных предприятий рабочих и акционерных обществ. В первой четверти XX в. В.И. Ленин определил наиболее развитую к этому времени экономику как государственно-монополистический капитализм и характеризовал ее как переходную к новому типу и экономики и общества в целом — социализму. Он писал: «Капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу»².

¹ См.: Экономика переходного периода / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. Изд. МГУ, 1995; Курс переходной экономики / Под ред. Л.И. Абалкина. М., 1997; Теория переходной экономики в 2-х томах. М.: ТЕИС, 1997.

² См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 27. С. 385.

В высшем пункте развития рыночной системы, где она абсолютно раскрывает свой потенциал, начинается процесс ее самоотрицания, превращения в более развитую форму. Рыночная система, как, по-видимому, любая экономическая система на этапе своей полной самореализации, в момент полного развития сразу же начинает генерировать свое будущее, т.е. новую экономическую форму. При этом она самоотрицается, самоуничтожается. Этот момент процесса экономического развития похож на процесс биологического развития, хотя во многом они различны.

Сначала генерирование полностью развитой рыночной системы новой экономической формы едва заметно, как это было в XIX в. В наше время новые экономические формы получили столь широкое распространение, что, кажется, нет ни одного исследования, кроме упорно сопротивляющихся общественному прогрессу монетаристов, который бы не отмечал этого. Однако это же вызвало определенную беспомощность общественного разума. Новые экономические формы принимаются за старые, рыночные, за новый этап их развития. При более внимательном изучении аргументации такого рода легко убеждаешься, что она возникает на пустотах в понятии рынка.

Развитие экономики есть процесс постоянный и бесконечный, хотя иногда сопровождаемый катаклизмами, разрушениями, движениями вспять. Процесс становления экономической системы весьма продолжителен. Ее жизнь в развитом виде кратковременна, ибо она тут же начинает генерировать будущую экономическую систему. Теоретическое отображение экономической системы как органической целостности облегчает понимание последующих изменений в экономике. Их суть теперь заключается не в полном раскрытии возможностей предыдущей системы, а в возникновении новой системы. Однако новый принцип развития экономики можно понять, если исчерпывающе ясен старый принцип, предыдущая система. Ведь развитие экономики это не механическое нахождение удачных форм хозяйствования, а рождение новой системы из старой. А потому новые явления в экономике не только не отрицают полноту теории, достигнутую применительно к предшествующему состоянию экономики, но являются завершающим аргументом того, что перед нами именно полная теоретическая система, исчерпывающе отобразившая реальный мир.

Новые экономические формы и явления в развитых странах Запада становятся все более заметными. Их описание уже имеет довольно обширную экономическую, социологическую и философскую литературу. Эволюционным путем здесь происходит становление элементов новой системы, означающее уход рыночной экономики с исторической арены. Действительное развитие экономики выражается именно этой тенденцией, поскольку она означает коренные качественные изменения в экономике, поступательную смену экономических систем. Экспансия же рыночной экономики вовне, всемирная глобализация, не является таковой, поскольку она сохраняет прежнее качество экономики, существующее уже несколько столетий, хотя для стран «третьего мира» это поступательные изменения («догоняющее развитие»).

Разнонаправленность вектора современных экономических тенденций обусловлена разновременностью процесса развития в разных странах. Доиндустриальный уровень техники на большей части планеты составляет обширный резерв рыночной экспансии. Результирующая же векторов указывает на приставку «пост», о чем свидетельствует невозможность «догнать» Запад рыночным путем. Единичные исключения (например, Япония) решили эту задачу благодаря внешним обстоятельствам, а также посредством мощного заимствования элементов плановой экономики.

Эволюционное рождение элементов посткапиталистической, пострыночной экономики и демонтаж плановой социалистической экономики кажутся парадоксальными явлениями. Тем не менее с теоретических позиций они вполне вероятны. Социальное развитие многим представлялось в виде неуклонного спиралевидного движения с ускорением. А это верным оказывается лишь в историческом, т.е. вековом долговременном измерении. Великий диалектик Гегель неоднократно подчеркивал, что развитие обществ происходит отнюдь не спонтанно. И этим оно отличается от развития природы, включая биологическую эволюцию. Он писал: «... развитие является не просто спокойным процессом, совершающимся без борьбы, подобно развитию органической жизни, а тяжелой недобровольной работой, направленной против самого себя... Во всемирной истории есть несколько больших периодов, которые протекали таким образом, что развитие по-видимому не подвигалось вперед, а напротив того, все огромные культурные приобретения уничтожались; после этого, к несча-

стью, приходилось начинать с нуля, чтобы ... ценой новой громадной затраты сил и времени, преступлений и страданий вновь достичь такого уровня культуры, который уже давно был достигнут»¹.

Становление новой экономической системы, как правило, сопровождается неудачами, поражениями, разрушениями. «Откат» истории назад — увы! — нередкое событие. Оно случается и при эволюционном и при революционном способах возникновения новой системы. Демонтаж плановой экономики произвел оглушительный эффект в мире. Но и эволюционное развитие происходит с поражениями и сопровождается «откатами». И все же оно осуществляется почти циклически: волна либерализации сменяется волной социализации, волна приватизации сменяется волной национализации и т.д. Видимость спонтанности происходит из-за того, что новые элементы возникают в недрах рыночной экономики и в условиях ее господства, поэтому интегрируются в жизнь рыночной экономики.

Новая экономическая система теоретически рассматривается весьма различным образом. Наиболее длительно она наблюдалась советскими экономистами. Обобщение, которое было выполнено советской школой, несмотря на дискуссии исследователей и на то, что оно неизбежно несет в себе отпечаток существования нашей страны в экстремальных условиях, позволило понять многое из коренных признаков плановой системы социализма.

Отображение эволюционно возникающих элементов новой системы в майнстриме получает весьма неявный вид. С одной стороны, современная экономика признается «смешанной» (по формам собственности, социальной структуре, планово-рыночному координационному механизму и др.). С другой стороны, преобладает описание новых явлений в рыночных координатах, из чего явно или неявно они отожествляются рынком. Концентрация анализа вокруг состояния общего равновесия и поведения субъектов при изменении параметров не способствует наблюдению за качественными изменениями системы. Хотя научная среда западных экономистов далека от единомыслия, протекают бурные дискуссии по теоретическим и методологическим вопросам, все же считается, что экономическая наука представляет собой лишь «набор

¹ Гегель. Философия истории. Соч. Т. VIII. М.—Л., 1935. С. 53.

инструментов»¹ — как оценивает это М.Блауг. «Инструментально» анализируются новые явления и традиционные как однопорядковые. В результате по-прежнему преобладает ситуация, которую весьма остроумно изобразил Дж.Гэлбрейт: «Будущее индустриальной системы... не подвергается сомнению. Перспективы сельского хозяйства дебатируются... Обсуждаются так же шансы на выживание мелкого предпринимателя или частно-практикующего врача. А вот «Дженерал моторз», «Дженерал электрик» и «Юнайтед стил» рассматриваются в качестве предела достижений. Нет смысла интересоваться тем, куда идет человек, раз он уже пришел»². На основе принятой в майнстриме методологии такой результат практически неизбежен. Отечественные авторы нередко отмечают неприспособленность майнстрима к описанию переходных процессов и развития экономики³.

Значительные результаты в изучении новых элементов у экономистов институционального направления. Дж.Гэлбрейт одним из первых описал качественные изменения в экономике США. Он понял и подчеркивал сходство этих изменений с «системой планирования и организацией советского типа». Собственно эта однотипность дала основание для появления теории конвергенции капитализма и социализма. Дж.Гэлбрейт, основываясь на техническом развитии крупного производства, доказывал, что рынок должен быть заменен планированием⁴. Он описал «планирующую систему» западной экономики и ее взаимодействия с рыночной средой. Другие авторы в качестве новых элементов в экономике и обществе отмечают изменение положения человека, усиление творческих начал в труде, резкое возрастание информации и информационных технологий, сферы услуг, гуманизацию общества, усиление экологической составляющей и др.

В последние десятилетия акцент в описании новых явлений сместился в сторону тезиса о «новой экономике». Смысл его весьма неоднозначный. Под этим термином иногда понимают просто телекоммуникационные компании, предлагающие новые

¹ Блауг М. Несложный урок экономической методологии // THESIS: Научный метод. СПб., 1994. Т. II. Вып. 4. С. 59.

² Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 451.

³ См.: Радаев В.В. Роль наследия К.Маркса в анализе переходной экономики. Постижение Маркса / Под ред. Ю. М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 1998. С. 78–81.

⁴ Там же. С. 453.

формы связи, их программное обеспечение, новые формы обслуживания посредством Интернет. Другие авторы под этим понимают всю новую практику взаимодействия фирм, в том числе традиционных (индустриальных) отраслей, включенную в сеть Интернета. Сюда относятся электронная торговля, средства массовой информации, компании-посредники, торгующие программным обеспечением. Сетевые технологии изменяют управление традиционных компаний, модифицируют их структуру. Они проникают даже в механизмы управления обществом государственной власти. Более того, «новая экономика» становится инструментом управления мировой экономикой, средством глобализации экономических связей на планете, позволяющим осуществить всеобщий контроль.

Сетевая несвобода субъектов рыночной экономики и населения ограничивает конкуренцию в большей степени, нежели монополии. В связи с этим существует всеобъемлющая характеристика «новой экономики» как новой социально-экономической структуры общества. В качестве ее признаков называют безинфляционный рост, ациклическое бескризисное развитие, новую концепцию инвестиций, основанную на характеристике новых товаров (без резервов и эмиссионного контроля), «всеобщее процветание». Такая райская картина является скорее метафорой, чем реальностью. Она выполняет на нынешний момент времени обычные цели политической пропаганды. Рыночное содержание в экономике западных стран все же продолжает оставаться преобладающим, что подтверждают и весьма ощутимые кризисы (например, 1997—1998 гг.), и данные статистики о резервах валют национальных центральных банков, и характерная социальная структура. Тем не менее именно этот последний подход уловил тенденцию становления, зародыш новой экономической системы. Он не противоречит, на наш взгляд, а соответствует описанию новых явлений, данную Гэлбрейтом, характеризуя новые инструменты учета, контроля, планирования и взаимодействия экономических субъектов, которые появились с появлением Интернета. Наконец, существует и такой ответ на «вызов времени», как тезис о «постэкономическом обществе»¹. При всей его гуманистической направленности и неординарности весьма трудно с позиций

¹ Иноzemцев В. За пределами экономического общества. М., 1998.

имеющихся в науке знаний согласиться с неявным представлением, содержащимся в этом ответе, об экономике как исключительно рыночной.

Таким образом, налицо элементы, признаки в современной экономике западного типа, которые ассоциируются с зарождением новой экономической системы, или явлений, противоположных и дополняющих традиционные рыночные формы. Парадигмальное же их отражение носит довольно многообразный характер. Успокоить себя логикой модерна («истин столько, сколько мнений»), нельзя, по нашему мнению. Наука в этом случае становится ненужной, а точнее, превращается попросту в основание пропагандистской машины. Существует возможность более качественного решения этой интригующей проблемы. Дело не в том, чтобы разнообразить множество существующих гипотез. К гипотезам прибегают, по глубокому замечанию Гегеля, в тех случаях, когда «свет рефлексии слишком слаб». Усилить этот свет могут только накопленные наукой знания об экономике и острота наблюдения за протекающей жизнью.

Накопленные человечеством знания о развитии мира — живого и неживого, зафиксировано в диалектике. В наиболее общей форме это выражено в диалектической логике. Однако только ее недостаточно, чтобы понять все о развитии. Приложение к конкретным объектам — неорганическим, биологическим, социальным — специфицирует общедиалектические процессы. Существует лишь одна теоретическая модель экономики, построенная на диалектической основе. Это — трудовая теория стоимости, соединенная с диалектикой К.Марксом и его последователями. Процесс развития экономики является доминирующим содержанием этой теории, что резко отличает эту теорию от всех иных моделей рыночной экономики.

В последние десятилетия появилась модель эволюционных изменений экономики¹, которая также стремится отразить развитие. Однако она, оставаясь родственной мэнстризму, анализирует отличным от последней способом приспособления фирм, других рыночных институтов к инновационным, ценовым изменениям и процедуры «селекционного отбора» фирм рынком. Другими сло-

¹ Нельсон Ричард Р., Уинтер Сидней Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2000.

вами, это другая, может быть, информационно более содержательная модель поведения субъектов рынка. Но так же как и традиционный мейнстрим, она решает лишь частную проблему, исследует лишь отдельный сегмент экономики, но не целостный ее мир. Кроме того, эволюция здесь понимается как спонтанный процесс, аналогичный органической жизни. Теория экономических изменений в результате оказывается подражанием эволюционной теории Ч. Дарвина.

Диалектика понимает принцип развития общества во многом иначе, чем биологическое развитие. В ее контексте развитие осуществляется в усложнении и онтологическом обогащении форм материи. Отличие одной формы материи от другой столь радикально и существенно (при всеобщности мироздания, скажем, на атомистическом уровне), что отождествление одной формы с другой уничтожает сам принцип развития. Отличие социальной, в том числе экономической, жизни от биологической, вероятно, больше отличия живой материи от неживой. Это отличие в экономической науке отражено только в диалектической трудовой теории стоимости, на чем и сконцентрируем наш анализ.

В связи с тем, что всякая новая экономическая форма или вся система возникают из предыдущей, полностью понятая рыночная система может указать на свое будущее. В качестве исходного пункта новой парадигмы трудовая теория стоимости может выступить постольку, поскольку она содержит обширную информацию о процессе развития рыночной капиталистической экономики. Но не только это существенно.

Рыночную экономику в ее органической целостности, как отмечалось, удалось отобразить на основе диалектической методологии только трудовой теории стоимости. Наука больше не располагает иным вариантом проникновения в экономические реалии. Именно по этой причине трудовая теория стоимости обладает некоторыми прогностическими возможностями. Критика теории в прогностической слабости, возникшая после разрушения социализма в ряде стран, во многом ошибочна.

Достигнув высшего пункта своего собственного развития, рыночная экономика функционирует с целью сохранения своей сущности. Воспроизводство сущности, т.е. отделение производителей от средств производства или воспроизводство частной собственности на средства производства, одновременно генерирует

всю систему рыночного механизма — функциональные, поведенческие, институциональные связи, зависимости и законы. В этом пункте развития сохранение сущности выражается в положительной динамике посредством циклического чередования сжатия и подъемов экономического роста. Однако динамический рост означает лишь рост количественных параметров и воспроизведение одной и той же сущности и одних и тех же рыночных форм, системно раскрытия трудовых теорий стоимости и в более автономном режиме исследованных мэйнстримом. Развитие, осуществляющее воспроизведение рыночной системы, происходит без возникновения новых качеств, принадлежащих данной системе.

Функционирование экономической системы на одной и той же качественной — сущностной — основе все более приближается к пределу ее возможностей. Пределы существования системы обнаруживаются все более четко и проявляют себя все более болезненно, жестко и разрушительно. Они дают о себе знать едва ли не в каждой функциональной форме, образуя систему пределов и связанных с ними противоречий. Пределы развития капиталистической рыночной экономики отражены марксистским направлением довольно целостно.

Обратим внимание на двоякую роль предела в жизнедеятельности экономики и соответственно на двоякий смысл предела в экономической науке. Маржинализм последовательно использует значение многих экономических параметров (но не всех, к сожалению) в своем исследовательском инструментарии для обнаружения точек, в которых ход экономического процесса меняет свое течение. Пределы здесь улавливают повторяющиеся изменения в функционировании экономики, осуществляющем воспроизведение сущности рыночной экономики. Аналогичное употребление пределов, конечно, присутствует и в трудовой теории стоимости, но не так четко и последовательно, как в маржинализме. Но в трудовой теории стоимости предел выполняет функцию, которая в маржинализме полностью отсутствует. Пределы здесь очерчивают границу существования данной экономической системы, за которой должны происходить радикальные новообразования, а не просто изменения в пределах данного качества.

Обнаружение пределов развития экономической системы в гносеологическом отношении весьма выразительный момент теории. Это — триумф теории. Пределы указывают направление и

даже в какой-то степени способ своего устраниния. Тем самым они высвечивают новую форму движения экономических явлений. Обнаружение наукой пределов действующей системы тождественно возможности заглянуть в будущее. Именно здесь сконцентрирована основная прогностическая мощь науки. В более ограниченном смысле прогностические возможности теории относятся к повторяющимся ситуациям с динамическими свойствами. В этом случае прогнозы инструментально просты: пролонгирование предыдущей тенденции с корректировкой тем или иным способом. Эта работа необходима, но не достаточна.

Современный термин «экономическая система» тождествен традиционному политико-экономическому понятию «способ производства», а последний означает диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений. Пределы возможностей рыночной экономики вначале возникают в основании системы, в ее производительных силах, а затем трансформируются в сферу обоснованного — отношения собственности, субъектно-институциональную организацию, механизм функционирования системы и т.д.

Предел развития производительных сил, как неоднократно отмечалось, с разными целями заключен в естественных способностях человека. Индустриальная техника (система трехзвенных машин) раздвинула эти способности путем умножения сил человека посредством концентрации энергии природы в двигателе машины и передачи ее человеку. Техника такого рода из-за ее сложности и дороговизны (редкости) сосредоточивается в частной собственности немногих лиц, а координация системы достигается свободным колебанием цен, что означает поиск согласованности резервов и потребностей методом проб и ошибок. Умножение естественных способностей человека не может быть беспредельным (по крайней мере, на данном витке биологической эволюции), так как за каким-то порогом режимов развития, скоростей вращения, передвижения и т.д. человек оказывается не в состоянии выполнять контролирующие и управлочные функции в процессе труда. Четкое понимание предела развития индустриальной техники делает видимым способ его преодоления. Таковым является выключение человека из процесса труда и передача контрольно-управлочных функций над ним машине. Не случайно уже в «Капитале» К.Маркса можно найти образы постин-

дустриальной техники («автоматы» в гл. 13 I тома, «труд в роли первотолчка» в гл. 5 II тома). Действительно, робототехника в наибольшей степени выражает суть постиндустриальной техники. Прогноз оказался точным и простым. Причина простоты в точности раскрытия предела развития предыдущей техники.

Пределы рыночной экономики, заключенные в ее производственных отношениях, многообразны. В лаконичной форме в рамках статьи их выразить трудно. Частично они рассматривались во II части книги. Остановимся на некоторых тенденциях системообразующего свойства. Постиндустриальная техника, с одной стороны, становится еще более сложной и дорогой, так что распыление ее в виде частной собственности становится невозможным, из чего возникает необходимость общенациональной (государственной) собственности; с другой стороны, возникает «малая техника», что увеличивает ее равнодоступность для всех. При разнонаправленности этих тенденций они оказываются при более пристальном рассмотрении однокачественными. И то, и другое уничтожают монополию части общества на средства производства и их монополию в присвоении прибавочной стоимости, доходов, богатства и власти. Исторически этот процесс эволюционно проходит в рамках капиталистической рыночной системы в виде появления коллективной собственности (акционерные общества, акционерные общества с собственностью рабочих, кооперативные предприятия рабочих) и в виде «распыления» и «диффузии» собственности, «пучка прав собственности». Это многотрудный и противоречивый процесс, иногда сводящийся к простому политическому флеру. Тем не менее тенденция здесь довольно зrimа, и ее результаты уже сейчас существуют в виде растущего государственного сектора экономики, «ничейной собственности некоторых институтов частного сектора, ослабления экономики «физических лиц».

В качестве одного из трех главных фактов капиталистического производства К.Маркс называл организацию самого труда, в результате которой «...капиталистический способ производства уничтожает частную собственность и частный труд, хотя уничтожает в противоречивых формах»¹. Уничтожение капитализма, или, что то же самое, рыночной системы, происходило в процессе

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 292.

превращения частной собственности в коллективную. Переходный характер частной собственности состоит в том, что она сочетает признаки общественной и частной собственности.

Несмотря на соединение признаков обеих форм собственности, тем не менее основное содержание переходных форм, возникающих в полностью развитой рыночной системе, заключается в отрицании частной собственности на средства производства и постепенном превращении их непосредственно в общественную собственность. При этом формы такого рода нельзя считать ни частной собственностью, ни общественной. Это — уничтожающее само себя противоречие, которое разрешается постепенным приобретением определенности, т.е. усилением общественной природы средств производства и тем самым сферы присвоения.

В XIX в. существовали две характерные переходные формы — акционерные предприятия и кооперативные фабрики рабочих. В XX в. появилась новая переходная форма — государственное управление и регулирование экономикой. Теоретическое обоснование необходимости государственного вмешательства в экономику связано с именем Дж.М. Кейнса и его школой, точно понявших смысл новых явлений в экономике XX в. Хотя сделать это было не столь трудно, так как новая экономическая система осуществляла свое становление в нашей стране. Указанные формы рассматривались выше с точки зрения их сравнительной эффективности. Теперь же нас интересует их переходные признаки.

Государственное управление экономикой возникло в результате усиления общественного характера производства. Ее появление вызвано также широким распространением акционерной формы, приведшей к появлению монополий и олигополий в экономике. А те в свою очередь естественным образом ведут к необходимости регулирования цен, объемов выпуска, правил поведения на рынке, без чего их влияние на экономику было бы не созидающим, а разрушительным. Новая переходная форма придала современной экономике настолько новый облик и новый импульс развития, что именно с ней связывали все, что называют «новое» в современной экономике.

Обе первоначальные переходные экономические формы — акционерные предприятия и кооперативные фабрики рабочих, возникли на основе кредитной системы. К.Маркс пишет, что в первой форме отношение наемного труда и капитала в пределах

этих предприятий уничтожается отрицательно, во второй — положительно. Однако в связи с тем, что обе переходные формы окружены доминирующим рыночным пространством, они реализуют работу стоимости. Даже кооперативные фабрики рабочих с собственностью на факторы производства самих рабочих «являются своим собственным капиталистом, т.е. потребляют средства производства для использования своего собственного труда». Происходит это потому, что частное не может изменить единолично облик целого вплоть до того момента, когда все остальные частные составляющие не станут похожими на него, т.е. не приобретут такое качество. Первые переходные формы были связаны с изменениями в форме собственности на средства производства. Из частной она превратилась в коллективную. Это первый, робкий, едва заметный шаг от экономики «физических лиц».

Общей чертой всех коллективных форм собственности является их переходный характер. Суть перехода заключается в преодолении узкой границы эффективности единоличной формы собственности и увеличении уровня обобществления экономики. Факторы производства и произведенный продукт до перехода его в сферу потребления принадлежат коллективу, объединению индивидуумов. Ничто из них не принадлежит никому в отдельности, по крайней мере, юридически. Поэтому это — не частная собственность. И тем не менее коллективная собственность не является общественной (общенародной). Любой коллектив, какими бы ни были его масштабы, представляет собой всего лишь часть общества. Его цели, интересы могут не совпадать с целями и интересами общества как единого целого. В силу этого коллективная собственность не является общественной в указанном смысле слова. Это все же частная собственность, собственность определенной части общества. Ее название как частно-групповой собственности довольно точное.

Исходя из содержания составляющих коллективную собственность (частное и общественное или нечастное и необщественное), можно прийти к выводу, что в этих координатах она раскрывается неопределенно. Термин «коллективная» скрывает многовариантность ее содержания. В одних случаях коллективная собственность по отношению к интересам всего общества близка к абсолютно частной собственности (единоличной). В других случаях она может сильнее реализовывать общественные интересы и

содержательно ближе к общественной. Понятно, что в реальной практике существует множество промежуточных вариантов. Это говорит о том, что не только составные части характеризуют содержание коллективной собственности. Иерархия составных элементов является частью содержания коллективной собственности. В силу того, что соподчинение и взаимосвязь элементов любой переходной формы, в том числе и коллективной собственности, отражает процесс перехода от одной формы к другой, это составляет *главное содержание* переходных форм.

Коренным признаком любой переходной формы является направленность и характер развития данной экономической структуры. Недостаточно выяснения составных частей, образующих эту форму, их разнородной природы в каждом конкретном случае. Это не исчерпывает содержания переходной формы, за немногим исключением, когда речь идет о слишком узких областях применения. Переходную форму невозможно полностью понять без определения эволюции, которую осуществляют ее основные элементы. Принципиально важно, от чего к чему происходит переход. Характер и направление такого перехода радикально меняет содержание переходной формы. При одних и тех же составных частях, одной и той же «объемной пропорции» количественного соотношения между ними она оказывается качественно различной. Это проявляется, в частности, и в разной результативности функционирования этих форм.

Направление перехода, эволюцию как коренной момент собственного содержания всякой переходной формы, следует подчеркнуть особо. Это обычно ускользает от внимания исследователей. Западные экономисты, широко использующие понятие «смешанной» экономики, указывают на разнородность составных элементов, определяют их (план — рынок; регулируемость — свободное предпринимательство; частная — общественная собственность), но никогда не отмечают направление развития экономических процессов. А это, собственно, и обуславливает переходное состояние экономики в целом или отдельных ее экономических форм. Поэтому термины типа «смешанная» экономика становятся столь аморфными, что их применяют в диаметрально противоположных ситуациях¹. Содержание экономических процессов при

¹ Феномен «смешанной» экономики и толкование его в литературе обстоятельно анализируются в работах В.В. Кулькова. См.: Собственность в экономической системе России. М.: ТЕИС. 1998. Гл. 3.

этом может как угодно отличаться. Посредством такого рода терминов оно не столько раскрывается, сколько выалируется.

Итак, содержание любой переходной формы ближайшим образом может характеризоваться тремя обстоятельствами: природой элементов, образующих эту форму; соотношением и взаимосвязью этих элементов друг с другом; направленностью процесса перехода от одних элементов к другим, отражающим развитие экономических процессов. Изменение хотя бы одного из них ведет к изменению реального содержания переходной формы. Именно это вызывает многовариантность каждой переходной формы в отличие от развитой формы, в которой экономический процесс достигает своего абсолюта.

Коллективная собственность является промежуточным результатом как процесса перехода частной собственности в общественную, так и обратного перехода. Формально разнонаправленные движения выражаются как бы в тождественном результате (например, в виде акционерной корпорации). Однако реальные различия весьма существенны, о чем будет сказано далее.

Ближайший интерес вызывает проблема эффективности коллективной собственности в сравнении с другими формами собственности, что было рассмотрено выше. Но не только этот срез заключен в проблеме собственности. Может быть, даже гораздо важнее социальная природа собственности, ибо это не что иное как тип социального устройства общества, а следовательно, первостепенное, что определяет жизнь людей, их взаимоотношения, содержание хозяйственного механизма, его структурно-функциональное устройство и в конечном счете эффективность экономики.

В этой связи заслуживает самого пристального внимания эволюция акционерных корпораций в некоторый прообраз народных предприятий, согласно которому предпринимаются попытки передачи собственности корпорации в собственность рабочих. Акции таких предприятий не поступают в свободную продажу. Средства для выкупа акций рабочими аккумулируются в специальном фонде предприятия, который образуется из необлагаемой налогом части прибыли. Акции распространяются среди рабочих таким образом, чтобы не происходило их существенного сосредоточения у высокооплачиваемых работников, а также чтобы не было резкой разницы в количестве акций. Таким образом преодолевается негативная сторона акционерной формы, умень-

шается ее частнособственническая сторона, самый большой минус которой состоит в отчуждении производителей от средств производства, а потому от результатов производства и неизбежное социальное неравенство.

Отмеченная новейшая тенденция в экономике способна раздвинуть пределы ее эффективности. Приобретение акционерной формой некоторых черт кооперативной собственности усиливает ее демократический, трудовой характер. Тем самым раскрывается личностный потенциал всех работающих (а не только высшего эшелона, как обычно) и увеличивается общественное содержание этой формы. Так как это соответствует общемировому процессу эволюции экономических систем, то такого рода преобразования акционерных предприятий являются прогрессивными. У них имеется будущее. Однако даже модернизированные, «улучшенные» акционерные предприятия, как и более развитые кооперативные, народные предприятия в любом, самом «продвинутом» варианте, сами по себе, без учета внешнего воздействия, всегда сохраняют некоторый объем частнособственнического содержания, поскольку вектор их интересов может не совпадать с вектором общественных целей.

Как всякая переходная форма, акционерные предприятия могут существовать в разных экономических системах. Они могут быть достаточно эффективной структурой как в рыночной капиталистической системе, так и в плановой социалистической системе. В обеих системах их эффективность определяется способностью аккумулировать свободные денежные средства, которые непреложно с определенными интервалами образуются в каждом звене экономики. В нашей стране в плановый период ее развития эти средства аккумулировались и пускались в обращение, инвестировались государственной финансовой системой. В Китае же в последние годы активно распространяются акционерные предприятия, но с концентрацией контрольного пакета акций у государства.

Индустримальная техника (система трехзвенных машин) с необходимостью требует материального стимулирования результативности труда в связи с включенностью человека в процесс труда. Кроме того, в различных экономических системах существует процесс высвобождения и связывания ресурсов в разных формах. С этим связана возможность существования акционерной формы при разных системах.

Однако для решения проблемы о социальной идентификации гораздо важнее тенденция, заключающаяся в акционерной форме, или характер ее эволюции. Эта форма увеличивает общественную природу экономики, усиливает общественные черты основанной на разделении труда частной собственности. В этом смысле она противоречит «чистому» капитализму, основой которого является частная собственность. Широкое распространение акционерной собственности является одним из путей «упразднения капиталистического способа производства в рамках самого капитализма», одним из путей его исторической эволюции в новую экономическую систему.

Тем не менее социализму она противоречит в гораздо большей степени, чем капитализму, так как сохраняет в себе признаки частной собственности, т.е. содержит принцип присвоения по капиталу, в то время как основой социализма является принцип присвоения по труду. Однако новая система не может не «удерживать» позитивное начало акционерной формы. В акционерной форме можно видеть демократическую форму хозяйствования, что недоставало социализму в нашей стране. Частный же характер акционерной формы преодолевается через наполнение ее принципами, присущими кооперативной форме. Это не означает простого вытеснения акционерной формы кооперативной. Это означает возможные пути ее эволюции в постстраточной системе и появление новой формы хозяйствования с элементами хозяйственного демократизма.

Отказ от использования акционерной формы в плановый период нашей экономики имел как плюсы, так и минусы. К потерям следует отнести уменьшение предпринимательской инициативы на микроуровне и вообще хозяйственного демократизма в экономике. К положительным моментам относится громадное уменьшение фиктивного капитала в экономике, через который отвлекаются значительные ресурсы из реального сектора в спекулятивный, экономия издержек функционирования рынка ценных бумаг, возможность избежать неконтролируемого перераспределения доходов и всякого рода мошенничества. В нашей стране положительные моменты имели явный перевес, поскольку привели к концентрации ресурсов в реальном секторе и сократили издержки обращения. Однако, возможно, неявным следствием отказа от акционерной формы было то, что формы хозяйствования оказались недостаточно демократичными, а следовательно, гибкими.

В связи с коренными недостатками и достоинствами акционерных обществ важно выяснить имеющиеся возможности усиления их преимуществ и нейтрализации недостатков. Это особенно актуально из-за того, что в ходе реформы гипертрофированно проявилось «рантьевское» лицо этой формы: угрожающие размеры спекулятивного капитала, учредительских махинаций, массовый обман вкладчиков, коррупция, которые «органично» вписывались в общий поток первоначального накопления капитала согласно природе последнего. Анализ сложившейся в российской экономике акционерной формы свидетельствует о доминировании негативных явлений в акционерных предприятиях и нераскрытом их позитивном потенциале.

Один из путей нейтрализации внутренних недостатков акционерной формы рожден современной практикой в западных странах. Речь идет о превращении собственности акционерных предприятий в собственность рабочих, о чем выше упоминалось. Этим достигается: а) усиление стимулирующей роли этой собственности; б) усиление инициативности непосредственных производителей; в) уменьшение фиктивного капитала, а следовательно, спекулятивного оборота на рынке ценных бумаг, поскольку акции таких предприятий не продаются на свободном рынке; г) несколько сглаживается типичная для рыночной экономики дифференциация доходов.

В западном опыте функционирования акционерных предприятий с собственностью рабочих важно увидеть два аспекта. Первый связан с преобразованием внутреннего механизма таких предприятий, позволяющего повысить «внутреннюю» экономию, т.е. тенденцию, заложенную в этой организационной форме. Второй аспект связан с изменением внешнего взаимодействия акционерных компаний с рыночной средой. Тот факт, что акции не поступают в свободную продажу, уменьшает зависимость предприятия от внешней конъюнктуры, отсекает возможность оттока капитала в сферу спекуляции, закрывает возможность грабежа и разорения предприятия спекулятивным капиталом. Хотя одновременно с этим и перекрывает один из каналов поступления финансовых средств, что, впрочем, можно преодолеть посредством банковских средств при заинтересованном отношении к такому пути преобразования со стороны правительства.

Практика постепенно отшлифовывает нелицеприятные черты акционерной формы и пытается ее несколько облагородить, глав-

ным образом заимствуя некоторые признаки кооперативной собственности.

Неопределенность содержания любой переходной формы дает основания при ее рассмотрении ограничиться характеристиками типа «состоит из обломков прошлого, настоящего и будущего» и попытками идентифицировать обломки. В этом опасность и даже ловушка для теории переходных форм, вокруг чего сейчас концентрируются значительные исследовательские силы.

В отличие от чистой развитой формы переходная форма не развита, разномерна и разнокачественна. Наряду с такой неопределенностью содержание переходной формы в то же время абсолютно определено. Действительно, разнокачественность переходной формы появляется как результат высшего развития предшествующей экономической формы. В силу этого переходная форма всегда содержит в себе абсолютно точное указание на характер самого процесса развития экономики, его смысла и направления. В частности, все три переходные формы — акционерные компании, кооперативные предприятия рабочих, государственная деятельность в экономике — в отличие от стоимостной имеют один объединяющий их признак. Они осуществляют процесс превращения частной собственности на средства производства в общественную.

Таким образом, предел развития рыночной системы, содержащийся в частной собственности на ресурсы, преодолевается эволюционными изменениями этого института. Возникающие переходные коллективные формы собственности в свою очередь постепенно эволюционируют по мере увеличения уровня обобществления экономических процессов. Практические модернизации в экономике дают позитивный эффект, если они соответствуют закономерным тенденциям в эволюции собственности. Негативный эффект появляется при произвольном отношении к этому.

Содержание переходных форм недостаточно представить в качестве некоторого застывшего результата, т.е. в терминах типов собственности. Более глубокого понимания можно достигнуть с помощью понятийного аппарата экономической науки. Трудовая теория стоимости, например, позволяет проследить переход в нечто иное самой стоимости и облегчить понимание этого иного.

Остановимся на другом пределе рыночного капитализма, обнаруженному трудовой теорией стоимости с тем, чтобы в какой-то

мере прояснить направления его преодоления экономической системой.

Две первоначальные переходные формы — акционерные и кооперативные предприятия — возникают на основе кредитных отношений. Казалось бы, что это хотя и важный, но все же частный аспект рыночной экономики. В таком случае непонятно почему именно он имеет самое близкое отношение к становлению новых экономических форм. Дело в том, что в самом понятии стоимости закодирована именно такого рода эволюция экономики.

Стоимость — это не неподвижное спокойное состояние затраченной человеческой энергии. Стоимость — это вечно пульсирующая трудовая субстанция. Даже при данной производительности труда, т.е. при отсутствии радикальных изменений в ее жизни, она непрерывно в каждое мгновение меняет свою величину, достигая через такую пульсацию постоянства. В ее завершающем пункте это принимает вид колебательного движения цены вокруг центра тяготения, что было рассмотрено выше. Пульсирующая природа стоимости проявляется также и качественно, выражая свое беспокойство через непрерывную смену форм денежного, производительного и товарного капитала. Непрерывные колебания величины стоимости, постоянное чередование ее функциональных форм и непрерывное изменение пропорций между ними вызывают процессы связывания и высвобождения капитала во всех формах, которые происходят во всех порах рыночного пространства. Закономерным в процессе высвобождения и связывания капитала является увеличение удельного веса и роли денежного капитала по мере прогресса экономики. Отсюда берет начало происхождение будущего господства в экономике финансового капитала, хотя из тезиса о том, что деньги — форма стоимости, посредник в движении стоимости и ее слуга, будущего диктата этой формы и производных от нее форм трудно было бы ожидать.

Высвобождение и связывание капитала препятствует непрерывному самовозрастанию стоимости. Этот продукт ее жизнедеятельности стал преградой на ее пути, поскольку ее пульсирующая натура не терпит никакого покоя или перерыва в движении. Противоречие решается появлением капитала, который специализируется на обслуживании процесса высвобождения и связывания капитала. Возникают ссудный капитал и кредитные отношения. Кредитные предприятия появляются во всех сферах экономики —

в финансовой, производственной, где они принимают форму акционерных предприятий.

Концентрация высвобожденных индивидуальных капиталов и направление их туда, где они инвестируются применительно к стоимости, означает, что конечные результаты ее функционирования становятся непосредственно общественными. Их используют не собственники, а в том звене экономики, где ощущается недосток ресурсов. Это означает, что уменьшается колебательный характер стоимости, она успокаивается. В экономике уменьшается пространство стихийного поиска рациональных связей, метод проб и ошибок сужает свою сферу, дополняясь методом точных расчетов. Стоимость постепенно снижает интенсивность своего действия, рождая новую экономическую форму. Однако процесс становления новых форм столь длителен, что совместное существование прежних и новых форм фиксируется переходной формой.

Механизмом функционирования рыночной экономики является свободное колебание цен, обеспечивающее равновесие спроса и предложения в процессе свободного выбора потребителями товаров и услуг, производителями — ресурсов. В итоге так или иначе осуществляется распределение и удовлетворение потребностей населения. Предел развития экономики заключается в неизбежной потере ресурсов, возникающей из-за несогласованности действий частных производителей. Свободное колебание цен — это поиск взаимосвязи методом проб и ошибок. Ресурсы распределяются при этом «оптимально» только с точки зрения тех, кто в конкурентной игре выиграл «с положительной суммой», а это далеко не все общество.

Способ устранения предела, содержащегося в рыночном механизме, тоже становится очевидным. Таковым является тенденция к межотраслевой и внутриотраслевой прямой координации. Исторически эволюционно это осуществляется в форме монополии (по В.И. Ленину — переходной форме), стремящейся к внутренней организации как замене рынка (по О.И. Уильямсону), в государственном регулировании и планировании, во все большей «социализации инвестиций» (по Дж.М. Кейнсу), наконец, в экспансии электронных сетевых взаимосвязей посредством Интернета. Возникновение плановой экономики в XX в. — это личный способ преодоления указанного предела.

Достаточно очевиден и общеизвестен предел социальных возможностей рыночной экономики, заключенный в наемной

форме труда. Он ярко выражается в неравенстве людей по доходам и имущественному положению. Повышение уровня жизни, к чему ведет техническое развитие, само по себе не устраняет и даже не уменьшает это неравенство. Эту задачу решают пострыночными формами, корректируя неизбежные результаты рынка в направлении социализации общества. Однако названный выше предел имеет еще один аспект довольно неожиданного свойства. Речь идет об изменении положения человека в обществе, о границах его личностной самореализации, которые обеспечивает экономика. Это тождественно движению человека к свободе.

В рыночной экономике целый ряд признаков традиционно описывается посредством термина «свобода, свободное общество, свобода предпринимательства, свободное движение цен, свобода выбора». Сладкое слово «свобода» очаровывает и ослепляет разум. За исключением юридической свободы «свобода» экономическая, как доказано трудовой теорией стоимости, оборачивается «несвободой», ибо рассредоточенность ресурсов и отсутствие прямой координации производственной деятельности оборачиваются системой всесторонней вещной зависимости людей. Свобода выбора в экономике может обеспечить человеку свободу его личности только в пределах той денежной суммы, которой он располагает (да и то с большими оговорками даже для предпринимателей). Отсюда вытекает вывод, что человек увеличивает свою личностную свободу, уменьшая энтропию экономической системы. Он может приобрести индивидуальную свободу ценой отказа от свободы выбора в экономике.

Высказанное суждение почти наверняка может показаться спорным и парадоксальным. Однако все происходящие в последние два века тенденции, по нашему мнению, указывают на такое преодоление предела социального развития, содержащегося в рыночной экономике. Обычно в рыночном механизме позитивно воспринимается свобода выбора потребителя. Широкий ассортимент товаров в магазине, конечно, является благом. Однако этого можно достигнуть либо ограничением потребления населения посредством цен, либо достаточными объемами производства и доступностью товаров для широких слоев населения. Для того чтобы обеспечить последнее, богатым странам потребовалось более трех столетий в условиях рынка. Лишь 1/3 населения Земли живет в условиях доступности товаров. Уменьшение свободы выбора от-

нюю не равносильно невозможности реализовать индивидуальные вкусы в потреблении. Скорее, наоборот. Торговля по заказам, например, и другие формы позволяют это сделать даже в большей степени, чем традиционная торговля.

Опыт планирования, возникающая в последние годы «сетевая несвобода» вовлеченных в единую электронную сеть покупателей и продавцов, компаний, СМИ, правительства, в действительности представляют собой шаги к свободе человека, достижимой лишь в условиях отсутствия свободы экономического выбора. Но только лишь шаги. Так, на данном этапе «сетевая несвобода» в качестве инструмента глобального менеджмента для многих стран и населения Земли является действительной несвободой. Однако эта суровая реальность не попадает в сферу нашего предмета, поскольку здесь рассматриваются прогностические возможности трудовой теории стоимости, позволяющие определить контуры новой экономической системы, отличить ее от предшествующей рыночной системы, в какой-то степени проникнуть в это новое содержание.

Таким образом, если стоимость понята с исчерпывающей полнотой, то ее собственное содержание позволяет заглянуть в ее прошлое и понять генезис рыночной экономики. Она же сама способна поведать о своем будущем, о своем отрицании позитивно.

В течение всего XX в., особенно после Второй мировой войны, переходные формы все более распространялись, качественно совершенствуясь. Становление пострыночных экономических отношений посредством все более широкого распространения переходных форм в первой четверти XX в. было достаточно заметным. В.И. Ленин на этом основании сделал вывод об умирании капитализма. Этот тезис в недавнем прошлом был подвергнут осмеянию. Между тем он абсолютно точен, научно корректен и адекватен современному развитию. Процветание экономики богатых стран обязано именно умиранию старых рыночных форм, которые подготовили более эффективные формы хозяйствования — переходные к пострыночным. Коллективные предприятия явились основой крупного бизнеса, а государственное управление в какой-то мере ослабляет недостатки исчезновения частного контроля над использованием ресурсов и как самостоятельная переходная экономическая форма предоставляет новые импульсы эффективного производства. Во всем объективном мире процесс

умирания одного, старого, означает рождение другого, нового. Это справедливо даже для органического мира, если видеть именно весь процесс, а не отдельно взятое событие.

При поверхностной схожести переходных форм, возникающих вследствие реформ у нас, с теми, что характерны для западной экономики, при одних и тех же структурных элементах этих переходных форм содержательно они прямо противоположны. Иерархия элементов, их соподчинение, характер взаимодействия между ними реализуют ту или иную тенденцию, определяют направление развития экономики, ее эффективность и социальные результаты. А именно это, как рассматривалось выше, составляет основной объем содержания переходной формы, а не ее структурные составляющие.

Если в экономике западных стран рыночная система эволюционирует в пострыночную, подчиняясь естественным законам развития, то наша экономика движется прямо противоположным и потому противоестественным образом. Если там происходит процесс превращения рыночных форм в пострыночные, то у нас наоборот. Реформы свелись к демонтажу плановой экономической системы и реанимации рыночной. Такое движение никак не соответствует естественному ходу событий. Понятно, что это не развитие экономики, а катаклизм в развитии, попятное движение, инспирированный политическими методами. Отсюда одни и те же на первый взгляд переходные формы — акционерные предприятия, кооперативные предприятия, государственное управление экономикой — приносят столь различный результат. Переходность формы выражается в соединении в ней негативных и позитивных моментов, лица «мошенника и пророка». По-видимому, так природа отыскивает лучший результат и реализует прогресс человеческого общества, осуществляя становление самого человека. Противоположность сравниваемых переходных форм при тождественности элементной базы заключается в различии реализуемых ими процессов, а потому в различии достигаемых ими результатов. При движении, соответствующем естественному протеканию событий, в переходной форме преобладают позитивные моменты, хотя негативные всегда сохраняются вследствие отмирания позитивных признаков старой слабеющей формы. Поэтому в итоге она оказывается во всех отношениях прогрессивнее полностью развитой старой формы. Именно пострыночные связи

увеличили эффективность экономики западных стран, что рыночные не способны были сделать. Они же обеспечивают и позитивные достижения в социальной жизни. Те же самые формы у нас резко снизили экономическую эффективность, что выражается в абсолютном снижении размеров ВВП, отрицательных темпах его динамики. Самый опасный их результат — в регрессивных, труднопреодолимых структурных изменениях в экономике, а именно в разрушении постиндустриального сектора экономики и сырьевой направленности ее в качестве доминанты развития. Социальный результат реформ не может не шокировать. Если переходные формы смягчают неизбежную для рынка дифференциацию людей и социальные трения, то у нас наоборот, что тревожит многих исследователей¹. Те же самые формы в нашей стране обеспечили «блестящий» результат к началу XXI в.: в кратчайший срок создали слой нищих и слой сверхбогатых людей. Краткость срока получения столь весомого результата объясняет, что социальные трения пока не приняли разрушительного для общества и даже заметного характера. Однако это запрограммировано в самом этом результате. Преобладание негативных моментов над позитивными в переходной форме, доминирование «мошеннической» стороны ее лица над «пророческой» — это убедительный сигнал самой этой формы об ошибочности выбранного варианта реформ.

Новая экономическая система возникала в течение XX в. по-разному в разных странах. В одних странах это происходило в результате революций. Как правило, страны, где жизнь людей была слишком тяжела, уровень жизни низок, не выдерживали слишком медленной поступи истории и облегчали свою участь через взрывы, служивший катализатором общественного прогресса и возникновения более эффективных форм хозяйствования. Страны более богатые смогли направить становление новых форм в более мягкое, реформаторско-эволюционное русло. Уровень благосостояния этих стран резко отличается от стран с революционной судьбой, что мешает увидеть тождественность происходящего процесса. Количественные различия уводят наблюдателей в сторону от одинакового, на наш взгляд, качества возникающих новых форм.

В преодолении этих двух пределов, положенных рыночными формами, и заключались новые явления, «вызовы времени» в

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Введение в компаративистику. М., 1997.

экономике в течение XX в. Страны, охваченные этим процессом, были столь различны в техническом, социальном отношении, столь различна их история, что обнаружить общность глубинного течения, из которого возникали новые экономические формы, при непосредственном чисто визуальном наблюдении довольно трудно. Однако ход естественного исторического процесса был одинаковым.

Содержание нового экономического механизма становится ясным, как показывает история науки, в высшей точке его развития. К сожалению, похоже, что В.В. Плеханов был прав, утверждая, что «сова Минервы вылетает поздно ночью». Высшая точка развития от нас скрывается в будущем. Тем не менее, как было выяснено, о ней может кое-что рассказать стоимость, затем информацию об этом расширяют переходные формы.

Несмотря на терминологическую пестроту, новые пострыночные экономические формы все же получили некоторое отображение в различных направлениях экономической теории — марксистском, институциональном, кейнсианском. Советские экономисты в течение многих десятилетий наблюдали, систематизировали и теоретически обобщали функционирование планового механизма, сменившего, хотя и не вытеснившего, рыночный механизм. Отечественная экономическая наука верно, на наш взгляд, отразила основополагающие признаки новой экономической системы. Их исследования рано или поздно будут востребованы. Таким образом, перед «вызовами времени» экономическая наука отнюдь не беспомощна.

Трудовая теория стоимости может быть полезной еще в одном отношении, которое до сих пор не рассматривалось. Там, где стоимость исчезает абсолютно, в тех системах, где ее уже нет, трудовая теория стоимости поможет зафиксировать ее «память» в виде общности новых и старых экономических форм или общности старой и новой экономической системы. В заключительной главе рассматривается именно этот уровень экономических систем.

ГЛАВА 9. ВСЕОБЩАЯ СУБСТАНЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ЕЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОЧЕРТАНИЯ

Прогностических возможностей любой теории, при всей их важности, недостаточно, чтобы понять возникающую новую экономическую систему. Перед экономической наукой сейчас стоит неизведанная проблема создания новой парадигмы, отвечающей новым явлениям. Нет оснований впадать в панику, предполагая, что все парадигмы из арсенала науки неверны. С содержанием рыночной экономики наука справилась. Теория трудовой стоимости отразила ее полностью как взаимосвязанную сложную систему, остальные концепции уточнили и дополнили эту систему. Вызов времени же заключается в том, что современный мир, вопреки едва ли не господствующему суждению, уходит от рыночной экономики. Рыночная экономика для науки уже не является притягательным объектом изучения, так как все ее тайны уже раскрыты сю.

Вряд ли стоит доказывать, что экономика не всегда имеет рыночный характер. Отождествление рыночного и экономического не единожды проверялось в науке и всякий раз опровергалось. Действительно, при их отождествлении экономика представляется как неразвивающаяся, застывшая и мертвая, что не соответствует даже самому беглому взгляду на историю человечества, да и в целом на окружающий нас мир.

Для проникновения в содержание новых (не рыночных) экономических форм прежние идеи не годятся. Отчасти верно мнение об устарелости всех парадигм для отражения современных реалий. Но лишь отчасти. Новые реалии возникают из старых и ими производятся. А потому новая парадигма, адекватно отображающая новую реальность, не может не быть развитием прежней парадигмы, которая истинно раскрыла старый мир, прошлую реальность. С этой целью и проводился выше сравнительный анализ экономических теорий на истинность. Его выдерживает без всяких послаблений и оговорок трудовая теория стоимости. Поэтому прежде всего именно в ней необходимо искать опорные моменты для понимания новых экономических форм. Некоторые из них, сконцентрированные в пределах существования рыночной капиталистической системы, были изучены в предыдущей главе.

Но трудовая теория стоимости может служить отправным пунктом в процессе их познания еще в одном аспекте.

§ 1. Экономика как таковая

Современные экономисты и философы отличительные признаки нового, постиндустриального общества представляют довольно разнообразным образом, что, конечно, типично в ситуации становления познаваемого объекта. Часто его называют «информационным», что делает акцент на новом качестве ресурса или характере результата человеческой деятельности. Распространено мнение об этом обществе как о «постэкономическом». И то и другое суждение имеют основание в сфере наблюдаемых фактов. Значительная и все возрастающая часть населения занята в информационных, научноемких технологиях. Более того, становится реальностью специализация технически передовых стран на производстве информационных продуктов и оттеснение воспроизводимых товаров на периферию мировой экономики. Наука действительно становится непосредственно производительной силой. На этом фоне роль труда как будто угасает, что подразумевается в контексте данных представлений.

В постиндустриальном обществе положение человека становится диаметрально иным, чем в индустриальном. В современной рыночной экономике рабочий день составляет приблизительно 8 часов. Если прибавить время транспортировки на работу и с работы, то рабочий день занимает 10–11 часов. Это сопоставимо со второй половиной прошлого века, так как в те времена рабочие жили рядом с фабрикой. В XX в. объем средств существования населения во многих странах вырос многократно. Тяжелый физический труд уменьшился также многократно. И тем не менее в современной рыночной экономике основная часть населения напряженно трудится для того, чтобы обеспечить семью необходимыми жизненными средствами, имея всего несколько часов на отдых. В работе с целью пропитания проходит вся жизнь человека пока он здоров. Постиндустриальная техника создает возможности для творческого развития человека, что больше соответствует сути человека, а потому жизнь индивида становится содержательнее и достойнее. Отсюда возникает тезис о «постэкономическом обществе».

Приведенные тезисы, на наш взгляд, подчеркивают важные и верные, но лишь частные признаки новой экономической системы. Будучи недостаточными, они могут увести процесс познания в сторону от действительности. Легко убедиться в этом на примере тезиса о «постэкономическом обществе». Кстати говоря, хотя его придерживаются некоторые современные авторы, это довольно старая гипотеза. В ее основе лежит суждение о вечности и «естественности» рыночной экономики. Во времена Адама Смита так представлять себе мир конечный разум мог себе позволить. Рыночная экономика представлялась венцом истории, которая наконец-то пришла к совершенству. В год выхода «Богатства народов» будущему автору диалектической системы развития мира было всего 6 лет. Позднее стало ясно, что у развития мира конечная цель, завершенный пункт не обнаруживается. Если бы это произошло, то это означало бы стагнацию, что равносильно гибели. Невозможно представить экономику исключительно как рыночную. В противном случае экономика Вавилона и США была бы однотипной, что абсурдно. Следовательно, характеристика постиндустриального общества как «постэкономического» явно ошибочна. Акцент на информационную составляющую более обоснован. И все же производство новых знаний, т.е. информации, происходит всегда. Может быть, сейчас это количественно усиливается. Но если вспомнить огромные философские, метафизические, культурные достижения небольших по размеру древнегреческих полисов V–IV вв. до н. э., то и в этом трудно быть уверенным.

В большинстве из известных автору попыток содержательного определения новых экономических форм явно или неявно отрицается либо уменьшается формообразующая деятельность труда. Это доминирующий лейтмотив экономических исследований новейшего времени. Это же оказывается, по нашему убеждению, основной причиной их невысокой резльтативности. В частности, последнее выражается в том, что новые явления характеризуются с помощью старых с прибавлением приставок «пост» либо «нео», что делает теоретические выводы неопределенными. Еще более неудовлетворительный результат получается в том довольно распространенном случае, когда качественно новые явления изображаются как простая эволюция старых, т.е. как простое количественное (в пределах старого качества) изменение. Типичным при-

мером является описание постиндустриальных экономических форм рыночными терминами. Это незаметно превращается в приписывание им рыночных свойств, что лишает их самостоятельности и равносильно их отрицанию.

Заблуждения по поводу новых явлений современного мира могут быть уменьшены, если более четко и ясно выработать черты экономики как таковой, безотносительно к той или иной экономической системе. Это удержало бы познающий разум от бесплодных поисков в запредельных областях, как в случае с «постэкономическим» обществом. В обращении к содержанию общих основ экономики, экономики как таковой, имеется опасность. Экономисты нередко апеллируют к такого рода взглядам на экономику. В середине 80-х гг., во времена так называемой перестройки, наблюдалось даже увлечение формулировками экономики как таковой. Это была попытка уйти от противопоставления социализма и капитализма. На деле же она завуалированно была нацелена на замену социализма капитализмом.

Экономическая система всегда определенна, специфична. Переходные экономические формы, хоть их содержание разнокачественно, также определены. В разнообразии экономических систем существует и нечто общее. О соотношении общего и специфического в каждой данной экономической системе, общих и специфических экономических законов существуют разные позиции в научной среде. В этой проблеме опасны две крайности. Подмена специфического общим чревата искажением изучаемого объекта. Исключение же общего содержания из данной экономической системы затрудняет проникновение познающего разума в специфику этой системы. Общее такая же реальность, как и специфическое. Это аналогично тому, что в бесконечном разнообразии человеческих индивидуальностей существует биологическая, физиологическая, даже отчасти психологическая природа, одинаковая для всех людей. Конечно, общее и специфичное не располагаются в экономическом пространстве отдельно друг от друга. Ближе к истине, на наш взгляд, существующее в литературе суждение, что специфическое есть форма общего, а общее представляется в специфическом. Хотя само по себе это суждение не может быть исчерпывающим. Оно имеет немало «белых пятен».

Многое из общеэкономических черт, признаков, закономерностей известно экономической науке. Сюда относится вся про-

блематика предмета и метода науки, проблемы соотношения ограниченности ресурсов и безграничности потребностей, производительности труда и заработной платы, двух подразделений общественного воспроизводства и другое. Тем не менее многое здесь остается невыясненным.

§ 2. Энергетическое поле экономики

Рассмотрим некоторые аспекты природы экономики, присутствующие во всех отличных друг от друга экономических системах. Их актуальность выяснили современные проблемы экономической теории. Обобщая трудовую теорию стоимости и результаты исследования новых явлений в экономике, сопоставляя их с данными, полученными другими концепциями, можно получить несколько выводов о природе экономики, сохраняющейся во всех ее системах, что имеет целью облегчить решение главной задачи отражения новой рождающейся системы. Остановимся на этих выводах.

Трудовая теория стоимости доказала, что труд является единственной субстанцией рыночной экономики. Все конкретные формы, обозреваемые в рыночном пространстве, сводятся к труду. Нет ни одного исключения из этого правила. Природа — мать богатства, но без труда ни один природный материал не попадает в сферу экономики, не может стать экономическим благом, даже если речь идет о простом собирательстве. Остается ли главный тезис трудовой теории стоимости верным только для рыночной капиталистической экономики? Нередко можно прочитать утвердительный ответ, со ссылкой на сокращение материального производства, рост виртуальной экономики и т.п.

По мере все большего проявления элементов новой экономической системы появляется все больше оснований утверждать, что трудовая теория стоимости раскрыла частный случай экономической субстанции. Но он выясняет и общую основу экономики вообще или любой экономической системы. Обобщая все известное науке о доиндустриальных, индустриальных и некоторых проявлениях постиндустриальных систем, можно получить вывод о том, что труд является не только содержанием стоимости. Он формирует содержание вообще любой иной экономической формы. Можно утверждать, что труд является всеобщей экономической субстанцией. Это означает, что любую экономическую ре-

альность можно вывести только из трудовой основы и на этой основе проникнуть в ее сущность, структуру и механизм. Все формы, с которыми имеет дело хозяйственная практика, представляют собой видоизменения трудовой энергии — мышечной, нервной, духовной.

Теория трех факторов утверждает нечто противоположное, а именно, что в создании экономических благ в равной мере участвуют труд, капитал и природа. Однако капитал — это всего лишь прошлый труд. Природный же материал без труда невозможно приспособить к потребностям людей, чем, собственно, и занимается экономика. Идет ли речь о добыче природного сырья, или об использовании природы для отдыха или эстетического любования ею, или даже о сохранении природы как среды обитания человека — все эти процессы реализуются посредством трудовой деятельности. Упомянутая теория основана на очевидном, но поверхностном факте, заключающемся в том, что действительно ни один процесс производства невозможен без труда, капитала (средств производства) и природного материала. Это утверждение не означает, что поиск единой основы трех зависимых друг от друга факторов невозможен. Точно так же это не означает, что простой перечень составных моментов процесса производства достаточен.

Сведение разнообразных факторов к единой основе в качестве таковой обнаруживает исключительно трудовую деятельность человека. Действительно, труд и капитал (точнее говоря, средства производства) образуют тождество, которое легко обнаружить, если соединить их во времени и в пространстве. Средства производства (капитал) сегодня — это труд вчера. Средства производства произвел труд. Но обратное невозможно. Средства производства не обладают возможностью произвести труд. Они способны в ту или иную сторону повлиять на его производительность, на его величину. Роль машин сводится к усилению труда, увеличению его эффективности. Труд становится машиноусиленным. Это означает, что роли машин и труда в экономике не одинаковы, как утверждал Сэй, а противоположны.

Природа связана с трудом несколько иначе. Кажется, что они несводимы друг с другом содержательно, т.е. не имеют единой основы. Действительно, труд не способен произвести природный материал, не он его создал. Однако нельзя упускать из виду, что

эта связь рассматривается в контексте экономики. Она, собственно, и возникает только в этом пространстве. (Эта связь не имеет отношения к длительному процессу эволюции, в результате которой природа создала человека.) Без труда природный материал не может быть экономическим фактором. Залежи природных ископаемых никак не влияют на экономику, если они не разрабатываются. Только для того, чтобы включить их в производство, необходимо развернуть добывающую промышленность. Труд пре-вращает силы природы в экономическое благо. Силы же природы влияют на труд подобно средствам производства. Они увеличивают или уменьшают его производительность, т.е. изменяют его величину, делая его природоусиленным. Таким образом, три факто-ра производства друг без друга не существуют. Но констатация этого очевидного факта не исключает того, что в экономике они имеют общую, единую основу, которой является труд. Это необ-ходимо подчеркнуть в связи с тем, что сейчас произошло в этой проблеме некоторое движение вспять к поверхностному сужде-нию Ж.Б. Сэя как вполне достаточному. Обнаружение общего в многообразии есть одна из основных задач любой науки. Беско-нечное многообразие физического мира было сведено к единой основе (атому) едва ли не в древние времена. Еще Демокрит, стремившийся найти одно причинное объяснение бесконечному многообразию реального мира помимо Высшего Разума, сформу-лировал знаменитый тезис: все тела состоят из атомов. При-скорбно, что экономическая наука не всегда последовательна в поисках первопричины функционирования экономики, коль ско-ро представления Сэя убедительны для современного экономиста.

Новая реальность выключения человека из процесса матери-ального производства и передача ему функций контроля и управ-ления за производством, развитие творческих способностей чело-века как цель общества не только не опровергают тезиса о труде как всеобщей экономической субстанции, но служат новым тому подтверждением. Эта реальность означает только то, что появив-лась такая техника, которая снимает границу роста производства, заключающуюся в естественных возможностях человека. Но тем самым человек передает технике относительно простые функции тиражирования товаров или простых услуг. Выталкивание челове-ка из сферы производства тождественно сосредоточению человека на самом сложном — творчестве, т.е. производстве новых знаний,

новой информации. Труд не исчез из экономики. Он принял гораздо более сложную, трудную и развитую форму. Трудную, хотя и радостную. Ведь на протяжении тысячелетий на таком труде специализировалась лишь элита общества. Он был недоступен всем, так как требовал слишком сложной подготовки, а с другой стороны, как всякое творчество, был привлекателен. Сосредоточение человека на производстве новой информации вследствие высвобождения его из производства воспроизводимых продуктов означает повышение роли труда, а не сокращение. Это отражается и в современных практических реалиях. «Как бы ни относиться к равнозначимости всех факторов производства, современная эпоха воочию выделила труд на первое рейтинговое место»¹, — отмечает А.А. Пороховский.

Хорошо известные всем положения о творчестве, об информации как новой форме богатства необходимо осознать в качестве аргумента развивающего здесь тезиса о труде как всеобщей экономической субстанции. Без этой идеи легко впасть в иллюзию о «постэкономическом» обществе, об исчезновении экономического, т.е. снова вернуться к наивному старому, адамовским временем взгляду, что экономика может быть только рыночной.

Распространение великого открытия Адама Смита о труде как источнике стоимости не только на стоимость, но и на любую нестоимостную экономическую форму может иметь позитивное значение. Эта идея убережет научные поиски от бесперспективных направлений. Главное же в том, что она, с одной стороны, указывает на основу, из которой возникают все регуляторы экономической жизни, а потому в связи с ней они могут быть поняты. С другой стороны, раскрытие содержания и действия таких регуляторов, которые только и интересуют практиков, не может быть полным и завершенным до тех пор, пока они не сведены к генерирующей их основе — труду.

Идея о труде как всеобщей экономической субстанции отражает обязательный содержательный момент каждого явления, каждого параметра всех экономических систем без исключения. Хотя ни одно из них не ограничивается только этим. Помимо труда в качестве обязательного объема содержания каждого явления экономики эта идея выражает источник развития любой эконо-

¹ Пороховский А. Политэкономия // НГ. 2001. № 11. 26 июня.

мики. Оно осуществляется таким образом, что труд генерирует, служит причиной, производящей все явления, стороны, параметры экономической системы. Как раз благодаря этому он содержательно присутствует в любой точке экономического пространства. По отношению ко всей экономике он является причиной причин.

Познавательная перспективность тезиса о труде как источнике развития и общей генерирующей субстанции всей экономической системы блестяще раскрыта и продемонстрирована трудовой теорией стоимости. Однако, подчеркнем еще раз, из этой теории важно не утерять более общую идею — о трудовой субстанции любой экономики вообще. По мере возникновения в настоящее время новой экономической системы, возникновения и все большего утверждения в жизни тех или иных ее элементов трудовая теория стоимости становится теорией, зафиксировавшей частный случай экономики или одну из экономических систем. Ценность этой теории с точки зрения познавательного процесса новых экономических реалий в том, что она, раскрыв частный случай, помогает понять всеобщий принцип развития экономики как таковой.

Трудовая субстанция экономики материально представляет собой поток энергии, которая образуется при расходовании мускульных, нервных, мозговых сил человека. Она подчиняется действию закона сохранения энергии, как и в других сферах объективного мира. В экономике также энергия не возникает из ничего и, будучи произведена, никуда не исчезает, за исключением разрушительных катализмов. Применительно к рыночной экономике это понятие исчерпывающе. Воплощаясь при первом своем появлении в товарах и услугах нефинансового характера, через их цены, она вечно удерживается в деньгах. Деньги служат вечным хранителем этой энергии. Обесценение денег лишь уточняет величину энергии, так как деньги как форма стоимости не идеальное и далеко не совершенное хранилище человеческой энергии. Изменение масштаба денежного измерения трудовой энергии при обесценивании денег необходимо для корректировки стихийных действий рыночных сил, т.е. тех условий, при которых люди производят созидательную энергию.

Вечное существование экономической субстанции независимо от ухода в прошлое каждой экономической системы, в которой она была произведена, выражается в поступательном про-

грессе человеческого общества. В противном случае его невозможно было бы объяснить. Прогресс человеческого общества осуществляется отнюдь не линейно. Он сопровождается катастрофами, движениями вспять. Это можно наблюдать на истории многих стран или даже цивилизаций, но не всего человечества в целом. Пока история человечества в целом развивается, что означает продолжение движения человека к своему понятию.

Если трудовая энергия является всеобщей экономической субстанцией, то отсюда возникает проблема, не заложена ли в субстанции непреодолимая преграда экономическому развитию или в более узком смысле экономическому росту. Опасность такого рода может возникать в связи с тем, что возможности человека ограничены самой природой.

В экономической субстанции заложено вечное противоречие, когда любой вид деятельности человека достигает предела, положенного природными возможностями человека. Тем не менее этот предел обычно преодолевается, хотя не исчезает, а как бы отодвигается. Так, реализация мускульных энергетических способностей достигла предела на базе ручных орудий. Но их многовековое совершенствование дало возможность изобрести машину — трехзвенную систему, в которой двигатель аккумулировал энергию природы (воды, нефти и т.п.) и передавал ее человеку. Человек стал сильнее физически, его силы многократно умножились присвоением мощной энергии природы. Выросла производительность его труда. Он стал производить много больше экономических благ, и его жизненный уровень вырос. Подчеркнем еще раз, что нельзя допустить ошибочное суждение о том, что коль без энергии природы это было бы невозможно, то перед нами две равноправные экономические субстанции. В суждении подобного рода заложен подводный камень будущих познавательных преград. Перед нами не две независимые субстанции, а единственная трудовая субстанция. Творческая энергия человека изобрела способ раздвинуть слабые физические возможности человека посредством присвоения энергии природы, что умножает многократно его физические силы.

В постиндустриальном обществе человек изобрел систему машин, которая без его непосредственного участия может тиражировать необходимые ему средства существования в большем объеме. Здесь рабочая часть машины не сталкивается с ограни-

ченностью природных возможностей человека, как это было в трехзвенной системе машин. Человек теперь получил возможность специализироваться на производстве новых знаний, т.е. на информационном продукте, передавая материализацию этого продукта новой технике. Это равносильно производству трудовой энергии в гораздо больших размерах, что воплощается в большем объеме средств существования людей и изменении качества жизни в целом благодаря расширению сферы интеллектуальной и духовной форм жизни. Такое качественное изменение общества своим источником по-прежнему имеет трудовую субстанцию. Добыча новых знаний, творческий потенциал принадлежат только человеку. В объективном мире никто и ничто, кроме человека, это делать не умеет. Вот почему этот этап развития трудовой субстанции оказывается много эффективнее, чем во всех предшествующих экономических системах. В данном случае нет оснований видеть «постэкономическое», или нечто нетрудовое, как об этом утверждают некоторые авторы. Экономика не может исчезнуть в принципе. Абсурдно утверждать, что исчезнут производительные силы и отношения между людьми по поводу их жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Постиндустриальные явления, наблюдаемые в современном мире, указывают не на «исчезновение экономики», а на переход экономики на более эффективный уровень, недосягаемый прежде.

Имеется ли предел развития трудовой энергии в постиндустриальной экономике, контуры которой стали уже достаточно заметны, хотя мы видим лишь ее начало? Творчество присуще человеку с самого его становления как homo sapiens. Реализация творческого потенциала человека имеет границу в каждом данном случае, на каждом этапе. Однако не видно абсолютной границы, поскольку само творчество ее постоянно отодвигает. Здесь наблюдается нечто похожее на снятие границ физических возможностей человека с помощью машин. Скажем, использование компьютеров расширяет добывание новых знаний, так как и здесь простые мыслительные операции машина делает быстрее и точнее, расширяя тем самым творческие способности, ибо человек экономит издержки на производство новых идей, что не может делать пока никакая электроника. Постиндустриальная техника умножает интеллектуальные способности человека, ускоряя процесс производства знаний, новой информации. Индустриальная

техника умножила физические способности человека. В итоге происходит возрастание производимой трудовой субстанции, выражющееся в увеличении многообразных средств существования и развития людей. И не только в этом. Одновременно происходит изменение социальной структуры общества. На этом этапе экономика в состоянии позволить каждому человеку, а не отдельным слоям общества достигнуть большего, чем прежде, соответствия своему понятию, что тождественно движению к справедливому обществу разных возможностей.

Таким образом, в современных тенденциях экономики имеются достаточные основания для того, чтобы, опираясь на научно доказанный закон трудовой субстанции стоимости, рассмотреть в нем частную форму всеобщего закона, согласно которому трудовая энергия человека является всеобщим источником развития во всех экономических системах, а следовательно, составляет содержательное пространство каждой из них.

Образуя содержание всей экономики, трудовая энергетическая субстанция трансформируется во множество конкретных форм каждой данной системы. Подобно тому как энергия движения воды превращается в механическую энергию вращения турбины, механическая энергия превращается в электрическую энергию генератором, а электрическая энергия затем превращается в тепловую, световую. Энергия атома превращается в другие необходимые человеку виды энергии. Нечто аналогичное происходит и с энергией, которую производит человеческий труд. Будучи произведена, трудовая энергия трансформируется во множество экономических форм, которые в совокупности воспроизводят человеческое общество. Она никуда не исчезает, но бесконечно видоизменяется. Товары, капитал, зарплата, все виды доходов, налоги, трансферты, платежи — все это сгустки трудовой энергии, учитываемые посредством денег, т.е. превращенные в иное состояние, в потенциальную энергию.

Экономические формы, связанные друг с другом субстанционально, функционально и количественно, заполняют пространство экономической системы. Они содержательно разнообразны, и непосредственно простым наблюдением невозможно обнаружить их единую общую основу. Непохожесть их аналогична тому, как различно несходи бабочка, куколка и гусеница или свет электрической лампочки и течение воды, в то время как это разные формы

одного и того же — одной и той же жизни или одной и той же энергии.

В связи с происхождением всех конкретных форм каждой экономической системы из единой энергетической трудовой субстанции содержание экономики оказывается энергетическим. Реальный сектор экономики производит энергию и преобразует ее в виде продуктов, услуг и информации. Номинальный сектор учитывает произведенную энергию присущими каждой системе способами и соответственно распределяет ее между людьми.

Косвенный способ измерения и учета трудовой энергии осуществляется продолжительностью действия трудовой субстанции, т.е. рабочим временем. Это характерно для рыночной экономики, где деньги приблизительно и неточно измеряют величину произведенной человеком энергетической субстанции. Прямой же метод измерения трудовой энергии более точен. Он является компонентом более эффективной экономической системы, контуры которой вырисовывались в течение всего XX в. «Электронные деньги», существующие в виде информации в компьютерных сетях, не поступающие в сферу обращения и не имеющие иной материализации помимо сетевого сигнала, но лишь измеряющие и учитывающие обмен и распределение ресурсов, продуктов и услуг, в определенной степени уже сейчас являются формой прямого количественного выражения трудовой субстанции. По мере нарастания постиндустриальных признаков энергетическая сущность электронных денег будет актуализироваться и становиться все более явной. Конечно, было бы ошибочным представлять себе дело так, что это измерение равносильно измерению энергии физическим прибором в эргах, калориях, джоулях или киловатт-часах, в единицах, которые переводятся друг в друга. Трудовая энергия также может быть измерена по-разному. Через результат она измеряется в натуральных единицах или деньгах. Непосредственно же все направление экономической теории труда измеряют в человеко-часах.

Энергетическое содержание экономики придает материальный характер производственным отношениям каждой данной экономической системы. Они материальны, а потому и объективны не просто в силу того, что люди не вольны в выборе уровня производительных сил, хотя само по себе это верно. Материальность их заключена в реальном энергетическом содержании, которое создает трудовая деятельность людей.

В каждом отдельном производственном акте можно отличить два источника энергии. Физиологическая загата мозга, мышц, нервов человека в процессе целесообразной деятельности создает энергию и преобразует ее в работу. Энергия природы содержится в законсервированном виде в энергоносителях. Применяя машину, человек присваивает энергетический дар природы. В процессе создания продукта, услуги, информации энергия человека срачивается с энергией природы. Возникает единый поток производительной энергии, перетекающий в определенный конечный результат. В.Петти был мудр, утверждая, что труд — отец богатства, земля — его мать. Энергия человека и энергия природы — разные составляющие единой производительной энергии. Различие между ними не только в источнике происхождения энергии, но и в роли, которую выполняет каждая из составляющих. Труд всегда играет активную роль, природа — пассивную.

Присвоение энергии природы людьми нарастает чрезвычайно интенсивно. За последние 200 лет население планеты выросло в 6 раз, а потребление энергии — в 40 раз. Потребление энергии возрастает темпами, равными квадрату числа населения. Это вызывает все более жесткую ограниченность энергоресурсов на планете. Первобытные люди научились высвобождать энергию солнца, запасенную деревьями в процессе их роста. Однако ее не так много. Позднее люди перешли к использованию «законсервированной» энергии угля, нефти. Это также энергия Солнца, но запасенная в отдаленные времена. Энергии Солнца человечеству оказалось недостаточно. В XX в. оно приступило к использованию энергии других звезд. Атомы урана, которые «сжигаются» в современном «костре» — атомном реакторе, это «пепел» давно сгоревших звезд, накопленный в недрах гор нашей планеты. Но и эта энергия исчерпаема. Теперь физики пытаются высвободить энергию, доставшуюся нашей Земле, которая образовалась при Большом взрыве, т.е. «пепел» ранней Вселенной. Цель управляемой термоядерной реакции — овладеть энергией, выделяемой при синтезе атомов водорода и атомов гелия. Водород — самый древний и простейший элемент Вселенной. Овладев энергией термоядерного синтеза, люди докопаются до всех источников «законсервированной» на нашей планете энергии Солнца, звезд и Вселенной. Овладение энергией требует огромных усилий от людей, физических и интеллектуальных. Однако это само по себе не со-

ставляло суть научно-технических революций. Технические революции, приводившие к изменению всех устоев жизни людей, и прежде всего экономики, свершались тогда, когда появлялись новые способы преобразовать энергию в работу, т.е. в те или иные необходимые людям результаты. Как видим, на каждом из этапов изменения в экономике были вызваны преобразовательной деятельностью человека, его труда.

Угроза исчерпаемости энергоресурсов становится все более беспокоящей реальностью. Подсчитано, на сколько лет на планете хватит угля, нефти, газа. Из этого вытекает объективная необходимость формы собственности на природные ресурсы вообще, в том числе и на энергетический дар природы. Современная экономика достигла такого пункта, когда опасно оставлять их в частной собственности. Опасность исходит из близкой исчерпаемости природных ресурсов, а также из ухудшения экологии. То, что не создал человек, не может ему принадлежать. Природные ресурсы по праву своего происхождения должны принадлежать всем, т.е. находиться в государственной собственности. Первоисточником энергетического дара природы являются недра Земли. Труд преобразует энергию природы в экономическое благо, в конечный продукт. Энергия природы способна передвигать земные плиты и даже материки, но не способна без труда человека создавать полезные блага. Тем не менее в конечном продукте расщепляются две части, количественно привязанные к одной из двух энергетических составляющих. Одна часть количественно принадлежит трудовой энергии человека. Она равна количеству (доли) продукта, которое человек создал бы без усиления его труда энергией природы. За вычетом этой доли оставшаяся часть продукта представляет собой энергетический дар природы.

Энергетический дар природы в силу своего природного первоисточника и все более возрастающей ограниченности природных ресурсов наиболее соответствует общенациональной собственности. В отличие от многих природных ресурсов, таких, как земля, леса, в условиях многообразия форм собственности энергоресурсы не всегда могут принять форму государственной собственности. Присвоить же его по праву принадлежности всем может и должно государство. Энергетический дар природы, исчисленный в виде рентного платежа, может стать основой отношений государства и предприятий всех форм собственности, а также

основой распределения доходов совместного с государством предприятия. Все, что своим происхождением связано с энергией человека, усиленной машиной, принадлежит человеку, предприятию и т.п.

Итак, всеобщей основой экономики как таковой является трудовая энергия человека. Она количественно усиливается создаваемыми ею же машинами либо энергией природы. Различие в способах усиления или увеличения трудовой энергии обусловливает внутреннюю дифференциацию создаваемого продукта на части, количественно связанные с двумя составляющими единого потока производительной энергии. Отсюда возникают разные способы распределения и присвоения продукта. Полученные выводы не позволяют понять, каким же образом из единой трудовой энергетической субстанции возникают различные экономические системы. С тем чтобы разрешить эту проблему, рассмотрим процесс непрерывного превращения трудовой субстанции.

Процесс видоизменения трудовой энергии происходит по определенным закономерностям. Здесь тоже можно выделить всеобщую основу, присутствующую в каждой экономической системе. Трудовая субстанция неоднородна внутри себя. Она имеет внутреннюю структуру, благодаря которой может превращаться из одного вида в другой. Трудовая энергия, как, впрочем, и все в этом мире, является единством противоположностей. Одна из ее сторон представляет собой всесобщность труда, а другая — его особенность. В рыночной экономике двойственный характер труда непосредственно связывался с разделением труда и обособлением товаропроизводителей. О будущей судьбе этих двух явлений, направлении их эволюции велись и ведутся дискуссии. Это достаточно сложный вопрос. Не затрагивая конечного пункта эволюции разделения труда в обществе и характера собственности, можно утверждать, что разнообразие результатов экономической деятельности не сможет значительно уменьшиться с прогрессом общества. Может быть, оно будет возрастать. Во всяком случае, определенность каждого продукта, его полезность для каждого отдельного человека всегда будут константой экономики. В свою очередь, это всегда имеет источником особенную сторону труда. Все мыслимые эволюции разделения труда в экономике вряд ли способны изменить эти характеристики. Ведь их существование тождественно отличию одного человека от других и его индивидуальному проявлению себя в целесообразной деятельности.

В то же время особенный, отдельный от других, отличный от всех, труд без всеобщей связи всех видов труда невозможен в принципе. Это все равно что представить существование отдельного человека вне человеческого сообщества. Человек вне общества существовать не может. Всеобщность труда возникает из самого факта существования людей в обществе, из их совместной жизнедеятельности. Одним из частных моментов этого всеобщего для всех людей интереса является известный тезис об ограниченности ресурсов. Увеличение народонаселения на планете усиливает давление ограниченности ресурсов. Ресурсосберегающие технологии ослабляют давление этого обстоятельства, но не устраняют. Всеобщность труда не объясняется только ограниченностью ресурсов, но достаточно здраво иллюстрируется.

Трудовой теории стоимости внутреннюю структуру трудовой субстанции удалось выразить настолько точно и убедительно в учении о двойственности труда, воплощенного в товаре, что возникло мнение о принадлежности такого феномена исключительно рыночной экономике. Однако здесь мы снова, на наш взгляд, имеем дело с частным случаем более общей картины строения экономического мироздания.

Основания для вывода о двойственности трудовой субстанции как ее природного свойства получены из трех сфер. Первой из них является успешное построение всего здания рыночной системы трудовой теорией стоимости именно на том этапе, когда она последовательно стала исходить из двойственности труда, а до той поры не удавалось избежать взаимоисключающих умозаключений и теоретических неудач. Второй сферой являются поиски причин теоретических тупиков в неоклассическом анализе. Их не удалось избежать никому из выдающихся экономистов этого направления. Надежнее всего причины теоретических ошибок можно понять, проанализировав под этим углом зрения работу А.Маршалла «Принципы экономической науки». Здесь была предпринята попытка более или менее системного описания функционирования рыночной экономики в целом. Вопреки своим последователям сам автор неоднократно отмечал, что его работа не претендует на роль «экономической теории», в лучшем случае она является «введением к экономической теории». Уважаемый экономист был истинным и честным ученым. Замечания такого рода он делал в тех пунктах своей концепции, когда она

терпела очевидный крах, что происходило неоднократно. Причиной неудач, на наш взгляд, является подход к экономике как состоящей из однородных элементов, внутри которых нет никаких различий, как однополюсной. Элементы связаны друг с другом прямыми и обратными связями, но они не имеют никакой внутренней структуры, неделимы. Третьей сферой развиваемого нами тезиса о двойственности экономической субстанции является естественно научная картина мира. Какую бы материю мы ни взяли, везде обнаруживается взаимодействие противоположных начал. В развитии биологических организмов; в устройстве мозга человека; в строении атома; в представлениях физиков об элементарных частицах мира, которые одновременно корпускула и волна; в космосе, закономерности которого складываются из симметрии и асимметрии; даже сводки о погоде составляются в терминах «циклон — антициклон» и т.д.

Двойственный характер трудовой субстанции тем не менее надежно доказан лишь в частном случае, применительно к рыночной экономике. Попытки применить его к исследованию другой экономической системы, к плановой экономике, которые имели место в разработках советской экономики, не привели к заметному результату. Получалось простое подражание К.Марксу, а в итоге теория воспроизводила рыночные реальности. Двойственность социалистического труда понималась как единство конкретного и абстрактного труда. Иногда к этому добавлялась приставка «псевдо». Эта двойственность в характеристике продукта превращалась соответственно в потребительную стоимость и стоимость. Продукт неизбежно получал в результате определения товара. Возникала картина не плановой социалистической экономики, а рыночной капиталистической. В этом уязвимое место развивающегося здесь тезиса о двойственном строении трудовой энергии как ее вечном и природном, а не только рыночном свойстве. Однако тот факт, что в другом случае попытки применить принцип двойственности к отображению экономики не дали позитивного решения, отнюдь не означает, что решение отсутствует и поиски в этом направлении должны быть прекращены. Это означает лишь неверность направлений приложения идеи о двойственности к новым реалиям. Саму идею это не опровергает. Как тут не вспомнить, с какой насмешкой относился Гегель к попыткам «выведения мира из понятий» без обращения к самому миру,

к практике. При всей истинности понятий механически наложить их на реальный объект и проникнуть в его суть не удается. Соединение понятий с постоянно меняющимся объектом, т.е. соотношение теории и практики, требует огромного напряжения. Но на этом основании пренебречь неоднократно проверенными понятиями означает еще более огромную потерю для практики.

Научная перспективность двойственности трудовой субстанции, или двухполюсного строения экономики, по нашему убеждению, заключается в том, что вне этого невозможно отобразить развитие экономики как в пределах каждой системы, так и смену систем. Во всяком случае, современные представления об устройстве окружающего нас мира не дают других оснований для этого. Общественная мысль пользуется для этого довольно часто описанием исторической последовательности событий. В экономике этот метод применяет историческая школа, и в других концепциях к нему прибегают нередко. Конечно, исторические описания и сравнения полезны во многих отношениях. Но когда речь идет о функционировании экономической системы, а понять это невозможно без проникновения в ее фундаментальные основы, то исторический подход таит в себе опасность. Причинно-следственные связи в экономике, которые генерируют все без исключения функциональные, структурные, корреляционные, поведенческие зависимости экономического пространства, как правило, не соответствуют исторически последовательному их появлению. Главная опасность исторического подхода для отображения развития экономики заключается в том, что один изучаемый объект незаметно подменяется другим, и признаки последнего ошибочно распространяются на первый в связи с тем, что нет критериев их отличия. В итоге теория становится ложной.

Двойственное строение генерирующей все экономическое пространство трудовой энергии позволяет понять функционирование данной экономической системы на основе ее собственных предпосылок. Противоположность сторон, составляющих трудовую субстанцию, состоит в том, что каждая сторона обладает признаками, которых не имеет другая сторона. Дополняя друг друга, они образуют единое целое. Дополнимость признаков внутри целого позволяет им взаимодействовать. Результатом взаимодействия, принимающего характер взаимопроникновения, органического взаимопревращения является возникновение новой эконо-

мической форы, элемента данной системы. Возникшая форма также всегда двойственна. Взаимодействие ее внутренних сторон превращается в новый элемент системы. В результате образуется и функционирует вся экономика вплоть до полной самореализации потенций, заложенных в исходном энергетическом материале.

Взаимодействие противоположных сторон единого целого приводит к непрерывному их превращению в свое иное. Так, двухполюсное устройство исходного экономического материала обеспечивает его и самовоспроизведение и одновременно всю многополюсность экономики. Важно заметить, что этот процесс отнюдь не однодиапазонный. Постоянно повторяющееся рождение всего спектра экономических форм из единой трудовой субстанции производит невидимые, но реальные изменения в самой субстанции, что сначала становится заметным в возникновении переходных экономических форм, а в конечном пункте — в становлении новой экономической системы.

В пределах функционирования одной и той же системы все ее элементы являются результатом взаимопревращения противоположных сторон трудовой субстанции. Каждый элемент (экономическая форма) происходит из предыдущего, как результат взаимодействия двойственного устройства экономического мира. Поэтому превращение одного элемента структурного звена экономики в другие тождественно процессу развития. Следовательно, каждая экономическая форма неизбежно оказывается превращенной. Это качество она имеет во всех экономических системах. Возможно, в простых первоначальных системах оно было не столь сложным и потому более прозрачным, хотя знания о них слишком скучны, чтобы говорить о далеком прошлом с уверенностью. В рыночной системе все формы являются превращенными. Это раскрыто наукой исчерпывающе. Но и возникающая в нашем веке постиндустриальная система не может что-то изменить в этом плане. Система с «прозрачной ясностью отношений» невозможна.

Превращенный характер каждой экономической формы указывает только на ее происхождение, на родство с предшествующей формой данной системы. Это вовсе не связано якобы со «злом». Зло или добро не связаны с процессом превращения. Они являются следствием отношения человека к средствам производства, социальной определенности трудовой субстанции, о которой

пока речь не шла. Превращенный характер всех экономических форм не связан со спецификой экономической системы. Он определяется диалектическим устройством реального мира. Удивительно, что, несмотря на то что целые поколения отечественных экономистов выросли на теории «Капитала» К.Маркса и «Логике» Гегеля, часто можно встретить восприятие превращенных экономических форм как «извращенных», «обманчивых», «фетишистских». Верно здесь лишь то, что по мере удаления формы от своего основания она становится все недоступнее для непосредственного наблюдения, а потому обыденное сознание ограничивается сферой видимости и искаженно, в неполной мере способно ее понимать. Таким образом, нет никаких оснований ожидать в будущих системах экономики прозрачной простоты форм. Это невозможно, как невозможно при нормальном развитии событий от сложного биологического организма перейти к одноклеточному.

Содержание всеобщей экономической материи, которой является трудовая энергетическая субстанция, ее двухполюсная архитектура, двойственность всей экономики в целом и каждого ее параметра, взаимодействие полюсов друг с другом как механизм развертывания и функционирования всего многообразия экономического пространства получено нами из обобщения прежде всего трудовой теории стоимости. Из всей полноты этой великой теории вычленены те элементы, которые неосмотрительно было бы оставить позади по мере исчезновения реального мира рыночной экономики, точно отраженного ею. Обобщения такого рода могут служить ориентирами, исходными пунктами для проникновения научной мысли в возникающую в современном мире новую систему, в новые экономические реалии. Вне этого попытки определить хоть какой-то параметр экономики терпят неудачу. Выразителен в этом отношении упомянутый выше пример определения неоклассической концепцией чистого продукта. Положительные результаты трудовой теории стоимости и неудачи всех других направлений экономической науки, выразившиеся в том, что никому из последних не удалось создать полную теоретическую систему рыночной экономики и непротиворечиво описать ее функционирование, являются весомым аргументом для полученных выводов.

Всеобщая субстанция экономики как таковой, ее вечный движущий мотив и пространственная организация охарактеризованы выше с качественной стороны. Экономическая наука со-

держит информацию для некоторых обобщений, дополняющих понятие экономики как таковой с количественной стороны, о чем ниже пойдет речь.

§ 3. Трехмерность экономического пространства

Трудовая теория стоимости оперирует средними и общими (массой) величинами параметров рыночной экономики. Главный акцент из них делается на средних значениях, хотя ни в одном из случаев он недостаточен и дополняется измерением массы. Акцент на средних величинах соответствует понятию стоимости. Это не просто удобный способ расчетов для некоторых случаев, несмотря на то что в реальности существует каждое отдельное экономическое явление, в то время как «среднего» явления такого же рода в реальности нет. Стоимость, являясь формой отношений между людьми в рыночной экономике, формой связи между ними, количественно учитывает усредненный труд, нивелируя тем самым личностные признаки труда. Стоимость создает блестящий инструмент такой нивелировки, которым являются деньги — этот «великий циник и уравнитель». Благодаря такому уравниванию реализуется принцип «невидимой руки», т.е. всеобщее согласование всех связей в экономике, и... воспроизводится общество экономически неравных людей. Оба результата достигаются именно посредством усреднения фактических затрат труда.

Маржинализм обогатил количественный инструментарий экономического анализа предельными величинами. В неоклассической концепции и в современном экономикс они широко применяются. В процессе рационального выбора потребителей и предпринимателей из ряда альтернативных вариантов, т.е. в процессе оптимального использования и распределения ресурсов, предельные значения параметров решают центральную задачу. В процессе функционирования рыночной экономики им отводится регулирующая роль, придается стратегическое значение. Средние же значения экономических параметров также широко используются, но все же в процессе принятия решений они выполняют подчиненную роль, главным образом служат для сравнения показателей фирмы с показателями рынка в целом, например для сравнения издержек фирмы с рыночной ценой и т.п.

В трудовой теории стоимости предельные величины, как было показано, также используются. Более того, предельное состоя-

ние экономических форм в определенных пунктах теории является определяющим. Но в целом же, на наш взгляд, акцент на предельных значениях в трудовой теории стоимости проводится все же не так последовательно и осознанно, как в маржинализме. Тем не менее при анализе почти любого процесса трудовая теория стоимости определяет границы или пределы этого процесса. Так, границы рабочего дня, пределы повышения нормы прибавочной стоимости, пределы одновременного повышения цены рабочей силы и прибавочной стоимости на основе роста производительности труда, пределы изменения пропорции между заработной платой и прибавочной стоимостью, пределы накопления капитала, границы пропорций между функциональными формами капитальной стоимости, пределы возрастания прибыли, пределы эффективности частной собственности и т.д. Маржинализм использует в своем инструментарии предельные величины в более четкой и точной, но зато и в более ограниченной форме.

Вот уже более столетия благодаря маржиналистской концепции предельные величины применяются в экономической теории при определении всех оптимальных пропорций и рациональных решений субъектов экономики. Авторами этой экономической концепции чаще были математики, а не экономисты. Математики, работавшие в различных прикладных областях, активно применяли метод дифференциальных исчислений. В течение XVIII–XIX вв. этот инструментарий привносили в самые разнообразные области, включая экономику. Он оказался весьма полезным. Однако их вклад в инструментарий науки ограничился детализацией лишь одной стороны экономических измерителей, выделением в качестве стратегических именно предельных значений тех или иных параметров. По этой же причине оказалась незамеченной более основательная роль предела как предела перетекания процесса в иное состояние. В трудовой теории стоимости именно такая функция предела выступает рельефно. Без этого предельный анализ решал слишком второстепенную задачу. Его применение не позволяло увидеть изменения качества непрерывного экономического процесса, границ существования экономической системы, переход ее в другую. А поэтому преувеличение роли маржинального, как и любого другого математического аппарата в экономике, способно принести, по словам Кейнса, больше вреда, чем пользы. Парадоксально, что предельные величины весьма

слабо используются в хозяйственной практике, но значительно сильнее в сфере идеологии, скажем, для обоснования весьма сомнительного тезиса о том, что рынок оптимально распределяет ресурсы и т.п. Уточнив и обогатив измерительные характеристики целого рода экономических параметров, таких, как издержки, доходы, прибыль, маржинализм тем не менее не завершил эту работу. Существует необходимость более пристального взгляда на природу предельного анализа, с тем чтобы расширить его применение и в конечном счете довести этот инструментарий до прикладного уровня непосредственных хозяйственных расчетов.

Область применения предельного анализа не ограничивается, по нашему убеждению, проблемой рационального выбора из множества альтернатив. Предельные значения каждого параметра дают информацию о состоянии экономики и ее изменении в каждой точке пространственной протяженности. Они необходимы не только для описания некоторых параметров, как это делается в экономике, а для характеристики каждого и любого параметра и, что гораздо важнее, каждого процесса в экономике.

Обобщая опыт применения маржинального анализа неоклассической концепцией и использование предела в трудовой теории стоимости, можно сделать следующий вывод.

Экономическое пространство, состоящее из двух противоположных полюсов, является трехмерным. Как и весь окружающий нас мир. Трехмерность экономического пространства означает, что любой параметр и любое явление количественно могут быть выражены посредством трех значений — общего, среднего и предельного. Ни одно из них не является исчерпывающим и не может дать полную информацию о количественной стороне изучаемого явления. Только в совокупности общей, средней и предельной величин достигается исчерпывающая количественная определенность объекта, формируется его мера. Это полная аналогия тому, что охарактеризовать положение любого тела в физическом пространстве можно посредством длины, высоты и ширины. Общее значение любых параметров (продукта, ресурса, дохода, издержек, прибыли и т.д.) дает информацию об итоговых результатах данного экономического процесса. Средние и предельные значения тех же параметров позволяют масштаб выражения этого процесса сделать более дробным, детальным — в расчете на единицу результата. В неизменяющемся явлении средние и предель-

ные значения совпадают. Любое некоторое изменение явления вызывает их расхождение. Хотя предельная величина равна максимальному или минимальному значению средней, она всегда дает более точную и более раннюю, в сравнении со средней, информацию об изменениях изучаемого явления. Она измеряет динамику процесса в явной и точной форме. В то время как общее и среднее значения параметра, например, возрастают, предельные значения могут резко снижаться, что говорит об изменениях тенденций, которые пока еще не отражаются на абсолютных величинах рассматриваемого параметра. Именно поэтому предельные величины становятся стратегическими, когда речь идет об управлении экономическим процессом, о принятии решений, т.е. о поведенческом аспекте экономики. Так как неоклассическая концепция делает упор именно на этом аспекте, поэтому главный акцент она делает на предельном анализе.

Предельные величины фиксируют изменение экономического процесса в его собственных границах. Они дают информацию о скорости такого изменения. Ведь предельная величина является скоростью изменения общей функции. Предельная величина второго порядка характеризует скорость нарастания скорости изменения общей функции, или ускорение. В отечественной литературе советского периода сами термины предельных параметров в основном не применялись, хотя этим измерением пользовались постоянно, обращаясь к темпам роста или прироста (или к темпам снижения, например, себестоимости и т.п.). Это термины тождественного содержания.

Помимо измерения динамического процесса предельные величины, достигнув нулевого значения, позволяют либо прослеживать повторяемость данного процесса, либо наблюдать изменения его качества после этого пункта. Следовательно, они дают возможность не только динамических наблюдений, но, что гораздо важнее, фиксировать пункты качественных изменений экономики. Экономикс использует предельный анализ главным образом с первой целью, хотя резервы здесь далеко не исчерпаны. Предельные величины применялись для фиксаций пунктов изменения качества протекаемого процесса только трудовой теорией стоимости, но, как отмечалось, в неявной форме, без использования математического инструментария, дифференциальных исчислений. Экономикс же не располагает методом анализа изменений

качественных состояний в экономике, ограничиваясь динамическим подходом, или количественными изменениями.

Помимо трех упомянутых измерений экономического пространства — общей, средней и предельных величин — оно имеет и четвертое измерение. В этом также наблюдается аналогия с физическим миром. Ведь экономика непрерывно изменяется, а это требует количественного выражения, не только качественных определений изменяющегося содержания. Время является таким четвертым измерением. В неоклассической концепции оно отражается в виде различий краткосрочного и долговременного периодов. Конечно, этим можно уловить различный характер регуляторов экономического процесса. Но качественные изменения фиксируются только в двух дискретных формах. Они не могут отразить самого главного в процессе непрерывных изменений в экономике — изменения предпосылок протекания краткосрочного и долговременного периодов. Тем самым теория неизбежно начинает с известного момента искаженно описывать реальный мир.

Выше отмечалось, что непрерывное изменение мира способна отразить диалектика через механизм взаимодействия противоположных сторон этого мира. Предельные величины позволяют конкретизировать диалектический процесс. Они отделяют одно качественное состояние от другого. Тем самым они фиксируют точки взаимопревращения качественных состояний в экономике. Динамические, чисто количественные изменения показателей протекаемого явления, которые выражают изменения качества в его собственных пределах, не меняют природу предпосылок этого явления. Поэтому динамика — это еще не развитие, точнее, далеко не все развитие. Предельные величины не исчерпывают своей роли измерением параметров в статических и динамических моделях. Они являются необходимой составляющей количественной определенности процесса непрерывного развития экономики.

Предельные величины включаются в диалектическую картину мира экономики довольно естественным образом. Они уточняют процесс перехода количественных изменений в новое качество, определяя начало возникновения нового качества. Предел служит границей, разделяющей разные качественные состояния экономических процессов. В этом пункте предельные величины общей функции, выражающей основной конечный результат функционирования предшествующего качественно определенного объекта,

имеют нулевое значение. Это свидетельствует о том, что старое качество полностью себя реализовало. Его результативность достигла максимальных значений. Сохранение прежнего статус-кво далее станет приносить снижающиеся результаты. Кстати заметим, что закономерность такого рода делает реформы в экономике постоянной константой ее функционирования, а не вынужденным авралом, и уж тем более не все разрушающим смерчом. Ведь новое качество готовится и рождается предыдущим качеством. Поэтому разрушением старого уничтожается новое.

Предельные величины фиксируют ритмы развития экономических процессов. Они служат водоразделом качественно различных состояний, отмечая тот момент, когда появляются новые предпосылки либо функционирования, либо развития этих процессов. Эта количественная информация дает сигнал познающему мышлению о наступлении момента превращения предпосылок в результат или о том, что необходимо выразить предпосылки иного, чем прежде, характера, из которых возникнет иной результат. Небрежность, если не произвол, к предпосылкам, на наш взгляд, ахиллесова пята экономикс, применяющего предельный анализ, поскольку именно это допускает искажения реального объекта и снижает познавательную ценность теоретических результатов.

Таким образом, экономические системы могут быть сведены к некоторым общим знаменателям, к некоторым всеобщим признакам, на которые опирается любая система. Выше мы попытались их выделить. Во-первых, экономика всегда, независимо от той или иной ее системы, имеет одну всеобщую субстанцию, единый строительный материал, которым является трудовая энергия человека. Это энергия, образуемая мышцами, нервами, мозгом человека в процессе его созидательной деятельности. Возникнув, она не может никуда исчезнуть, подчиняясь действию закона сохранения энергии. Трудовая энергия может лишь бесконечно трансформироваться в многообразные формы, заполняя ими все экономическое пространство. Во-вторых, всеобщая экономическая субстанция имеет то же самое строение, что и весь окружающий нас объективный мир. Она всегда представляется собой единство противоположностей, некоторую двухполюсную структуру. В-третьих, взаимодополнение признаков каждой из сторон трудовой энергии, взаимодействие и взаимопревращение сторон служат механизмом функционирования и развития эконо-

ники. В-четвертых, экономическое пространство является трехмерным. Это означает, что любой параметр экономики даст полную, точную и своевременную информацию об экономическом процессе в том случае, если он выражен посредством трех измерений — общего, среднего и предельного значений. Каждый параметр является совокупностью трех своих величин, в различных спектрах каждая из них дает стратегическую информацию, а остальные — дополняющую и уточняющую, но никогда ни одна из них не может дать исчерпывающие сведения. Ритмы же развития экономических процессов отображаются посредством предельных величин итоговых параметров. Положение каждого параметра в экономическом пространстве количественно можно выразить посредством общего, среднего и предельного его значений.

Всеобщие признаки экономики, которые исследовались в данной работе, дают не только неполную, но даже бедную информацию о ней. Это не более чем «тощая абстракция». В них нет самого главного — определенности каждой отдельной системы. Именно это является главным в характеристике экономики, так как результаты развития экономики в конечном счете выражаются в смене ее систем. В этом улавливается ход прогресса человеческой истории, в процессе которого человечество, в сущности, отыскивает формы более эффективного использования ограниченных на планете ресурсов, обеспечения себя средствами существования и постепенного движения к гуманному общественному устройству, соответствующему понятию «человек». Экономическая система помимо ресурсной основы содержит связи между людьми, заполняющие все экономическое пространство. Экономикс изучает лишь узкий сегмент отношений такого рода — отношения производителей и потребителей. Трудовая теория стоимости достигла понятия производственных отношений. Это великое достижение экономической науки. Дальше этого она пока не пошла. Напротив, ныне она отворачивается от реальностей, отраженных посредством производственных отношений. Но это означает, что она, к сожалению, отворачивается от истины.

Несмотря на свою недостаточность, всеобщие признаки необходимы для поиска главных специфических характеристик экономики, определяющих тип экономической системы. Особенно сейчас, когда задачей науки становится проникновение в содержание еще не ставшей, но возникающей новой экономической

системы. Возникновение ее, как обычно, сопровождается катаклизмами, разрушениями нового, попятным движением истории. А это, в свою очередь, всегда сопровождается смятением разума, его паническим бегством от истины, в иррациональное, мистику, что мы наблюдаем как в сфере обыденного, так и в сфере научного сознания. Всеобщие ориентиры экономики как таковой могут облегчить понимание новых реалий современного мира, удерживая процесс познания в координатах, уже известных экономической науке.

Предпринятая нами попытка обобщения трудовой теории стоимости посредством выведения из нее как из частного случая некоторых общих основ экономики, а также интерпретация их с позиций современных знаний об универсальности энергетического состояния материи являются лишь началом исследований в этом направлении. Существуют иные пути современных обобщений теории. Выше отмечалась попытка ее интерпретации и развития с позиций теории информации. Различные способы обобщения трудовой теории стоимости показывают огромные возможности, которыми она располагает для познания современной экономики.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ЧАСТЬ I. ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ	
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	9
§ 1. Предмет экономической науки.....	9
§ 2. Метод экономической науки	31
§ 3. Экономическая теория и экономическая практика.....	52
ГЛАВА 2. ВАЖНЕЙШИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКОНОМИКИ И ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ).....	63
§ 1. Проблема оптимальности	64
§ 2. Теория денег и цены.....	92
§ 3. Закон спроса и предложения	110
§ 4. Реальная и номинальная экономика	128
4.1. Реальный и номинальный секторы	128
4.2. Структура и границы реального сектора	138
4.3. Воспроизводство индивида	147
§ 5. Анализ критики трудовой теории стоимости	153
ЧАСТЬ II. ПОЛЕЗНОСТЬ (ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ) В ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ	
ГЛАВА 3. ПОЛЕЗНОСТЬ И ПРЕДМЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ	178
§ 1. К истории вопроса	179
§ 2. Полезность как общеэкономическое отношение.....	187
ГЛАВА 4. ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА	198
§ 1. Потребительная стоимость товара и денег	198
§ 2. Двойственность процесса производства товаров и капитала	210
§ 3. Развитие определений потребительной стоимости капитала в процессе его накопления	226
ГЛАВА 5. ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ (ПОЛЕЗНОСТЬ) КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ЕГО ОБРАЩЕНИЯ	238
§ 1. Промышленный капитал как диалектическое единство стоимости и потребительной стоимости (полезности)..	238

§ 2. Развитие полезности (потребительной стоимости) капитала в процессе оборота.....	248
§ 3. Взаимопревращения стоимости и полезности (потребительной стоимости) в воспроизводстве общественного капитала.....	254
ГЛАВА 6. ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ (ПОЛЕЗНОСТЬ) В ПРОЦЕССЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В ЦЕЛОМ	261
§ 1. Взаимодействие стоимости и потребительной стоимости (полезности) как основа процесса конкуренции	261
§ 2. Потребительная стоимость (полезность) обособившихся форм капитала	276
§ 3. Полезность и стоимость в трудовой теории стоимости и в маржинализме	283
ЧАСТЬ III. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ С ПОЗИЦИЙ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ	
ГЛАВА 7. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ	298
§ 1. Природа экономической системы России.....	298
§ 2. Эволюция рыночных отношений в России	326
§ 3. Влияние форм собственности на экономический рост	337
§ 4. Проблема монополий и эффективность экономики	372
ГЛАВА 8. ПРОГНОТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ. ПЕРЕХОДНЫЕ ФОРМЫ	392
ГЛАВА 9. ВСЕОБЩАЯ СУБСТАНЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ЕЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОЧЕРТАНИЯ.....	418
§ 1. Экономика как таковая	419
§ 2. Энергетическое поле экономики	422
§ 3. Трехмерность экономического пространства	439